

Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Союз ветеранов следствия

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Москва 2017

С47
УДК 82-94
ББК 84-4

Следствие сквозь годы...
(воспоминания ветеранов следствия) / сост. В. А. Рева и др.;
под ред. А. И. Бастрыкина. – М.: PRINTLETO, 2017. – 432 с.

Ответственный редактор – А. И. Бастрыкин, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации.

Составители:

В. А. Рева, ветеран следствия, старший советник юстиции,
А. М. Багмет, и. о. ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции,

А. В. Хмелева, директор НИИ криминалистики, кандидат юридических наук, полковник юстиции,

В. И. Саньков, заместитель директора НИИ криминалистики, кандидат юридических наук, полковник юстиции,

А. А. Погребной, ведущий научный сотрудник отдела судебных экспертиз НИИ криминалистики, кандидат юридических наук.

«Следствие сквозь годы...» – это сборник рассказов-воспоминаний ветеранов следствия, состоящих в Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации. В своих очерках профессионалы, за плечами которых десятки лет работы на следствии и сотни расследованных дел, в простой и интересной форме, правдиво и искренне рассказывают о своей работе на примере конкретных расследованных ими уголовных дел. Они повествуют о сложной, ответственной, но вместе с тем интересной и очень нужной профессии следователя, о профессии, призванной служить благородному делу защиты граждан, общества и государства от любых преступных посягательств, делу обеспечения неотвратимости наказания за совершенные преступления.

Книга будет интересна для тех, кто хочет посвятить или уже посвятил себя непростой профессии следователя, студентам и преподавателям юридических вузов, практикующим специалистам и широкому кругу читателей.

Представляю вам, уважаемые читатели, впервые издаваемый сборник рассказов ветеранов следствия, состоящих в общественной организации «Союз ветеранов следствия», под общим названием «Следствие сквозь годы...».

Нашим ветеранам, спустя годы, есть что вспомнить и рассказать – за плечами авторов десятки лет следственной работы, сотни сложных и интересных расследованных уголовных дел о тяжких и иных преступлениях – ведь именно следственной работе они отдали лучшие годы своей жизни.

Их рассказы-очерки автобиографичны, искренни и правдивы. Они повествуют нам о подлинной, а не придуманной креативными создателями телесериалов на криминальные темы работе следователя.

Авторы не скрывают трудностей этой профессии и вместе с тем показывают, как своим упорным трудом и настойчивостью добивались установления истины и изобличения виновных. Рассказы убеждают в том, что работа следователя не проста, но в то же время очень увлекательна, интересна и даже романтична. Их рассказы дают полное представление о том, как, не имея нынешних экспертных и технических возможностей для доказывания, они успешно расследовали и раскрывали сложнейшие преступления в прошлом веке. В этом

им помогали приобретенный опыт и знания, чувство долга и ответственности за порученное дело перед обществом и государством, любовь к своей профессии и огромное желание восстановить справедливость.

Эта книга о профессиональном становлении, событиях и судьбах, вовлеченных в водоворот расследований, о мыслях и поступках авторов, порой в непростых, требующих ответственного выбора и решения ситуациях.

Предлагаемые материалы, написанные разными авторами, разнообразны по тематике, многоплановы, и, безусловно, поучительны. Они представляют интерес с точки зрения методики расследования и практического применения следственных приемов в работе. Это относится и к несложным на первый взгляд делам.

В воспоминаниях авторов мы находим подтверждение тому, что не бывает простых дел: за каждым стоит судьба конкретного человека, гражданина, и это налагает на следователя огромную ответственность. Ветераны рассказывают о своем практическом опыте расследования преступлений самых различных категорий и тем самым передают бесценный опыт следственной работы, накопленный десятилетиями своего служения Отечеству, тем, кто приходит им на смену.

Материалы сборника – это целый пласт истории и практики отечественного следствия, пример для подражания и своеобразный наказ профессионалов, которые посвятили любимому делу свою жизнь, своим молодым преемникам. Эта книга – достойное послание, обращенное к настоящим и будущим поколениям следственных работников, которое, хотелось бы думать, останется на скрижалях СЛЕДСТВИЯ РОССИИ.

А. И. Бастрыкин, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, генерал юстиции Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

С. М. Громов

Дело Королькова и Глебова

Лейтенант Петров уже усвоил, что в здешних лесных чащобах, мирно соседствующих с непролазными зарослями никогда не кошеной травы и бесчисленными заболоченными местами, ощетиившимися частоколом камыша, наступающий рассвет постоянно запаздывал. Неясные ночные шорохи вначале чуть заметно сменялись робким шелестом листвы, взбудораженной порывами ветра, потом воздух ощутимо све-

жел, наливаясь полевыми запахами, и лишь после этого окружающая темень заметно редела, а на смену ей прорывались первые лучи солнца. Но в просветленном небе еще долго продолжали мерцать далекие звездочки.

Всю прошедшую ночь Петров провел со своим взводом в боевом охранении, специально выдвинутом за передний край окопов в расположении их стрелкового батальона. Но он хорошо знал, что как только вступит в свои права рассвет, нужно сразу отходить назад, надежно укрываться в окопах – ведь все уже свободно просматривалось и простреливалось со стороны немцев. Вот почему лейтенант Петров, убедившись в том, что рассвет вот-вот наступит, для верности взглянул на свои часы со светящимся циферблатом и условным коротким свистом подал общую команду к отходу.

О своевременности его решения можно было судить по тому, что немцы уже прекратили бросать в небо осветительные ракеты, чем ежедневно с наступлением сумерек занимались с завидным упорством. Свинцово-серые вспышки от их ракет с

равными интервалами пронизывали пространство вокруг. И в эти мгновения Петров всякий раз с превеликим удовольствием замечал, что невдалеке справа все еще догорал подбитый немецкий танк. Над ним стойко клубилось бурое облачко дыма, а с башни, развороченной прямым попаданием снаряда, даже сыпались огненные искры.

Взвод отошел на исходные позиции не мешкая, организованно. И только в этот момент обнаружилось отсутствие двух бойцов. Об этом сообщил лейтенанту его помкомвзвода сержант Кабдыров, казах по национальности. Слегка путая русскую речь, он с нескрываемой тревогой доложил:

– Товарищ лейтенант, в моем отделении нет два стрелка.

– Не понял. Ты это о чем? – спросил Петров, абсолютно уверенный, что в боевом охранении ночь прошла спокойно и без всяких происшествий.

Очевидно, так же вначале подумал и Кабдыров. Однако поставленный перед свершившимся фактом и весьма этим озадаченный, он только и нашелся, что, избегая взгляда командира, произнести:

– Плохой дела выходит!

Петров посуровел, но, все еще сомневаясь, переспросил неуверенно:

– Чего городишь? Кого недосчитался?

– Считался, недосчитался! Младший сержант Корольков нет! Рядовой Глебов тоже нет!

– В боевом охранении они были вместе?

– Так точно!

Дальнейших разъяснений Петрову не потребовалось. Смысл сказанного Кабдыровым стал предельно ясен. Младшего сержанта Королькова, призванного из запаса, и солдата-первогодка Глебова Петров знал. Оба отличались примерной дисциплинированностью и в боевой обстановке проявили себя неплохо. Обоих Петров отрядил в самый дальний секрет, что находился в камышах на левом фланге, у края обширного болота. Оно, правда, считалось непроходимым.

Однако в боевых условиях любая предосторожность не лишняя. Потому Петров, заступая на дежурство, всякий раз обязательно кого-нибудь направлял в этот секрет.

«Что же с ними могло приключиться?» – не на шутку встревожился Петров. Наихудший вариант – Корольков и Глебов попались к немцам.

Однако у Петрова не было оснований так думать. Корольков и Глебов охотно выполняли все его поручения и неоднократно поощрялись им перед взводом.

«Может, их к утру сморил сон, и они не услышали команды на отход? – пришла в голову утешительная мысль. – Или отравились, наевшись ягод, которых здесь предостаточно?»

Сразу уцепившись за это предположение, как за спасательный круг, Петров приказал Кабдырову:

– Возьмите кого-нибудь пошустрее и, пока еще не рассвело, быстро проверьте секрет: не заснули ли они, а может, и занежились?

Казалось, Кабдыров только того и ждал. Он подхватился и уже в следующее мгновение в сопровождении какого-то рослого солдата исчез за бруствером. Потянулись минуты мучительного ожидания. И стоило из-за вершин дальних сосен появиться краешку багрово-красного солнечного диска, как они уже свалились в траншею.

– Корольков и Глебов там нет нигде! – тяжело дыша, доложил Кабдыров, стирая полой маскировочного халата с лица крупные капли пота и налипшую грязь.

– Искали хорошо? – не терял надежды Петров.

– Товарищ лейтенант, зачем обижаешь? Говорю честно. Все глаза проглядел. Там их нет, а на месте секрета один поломанный камыш.

– Так ведь оттуда и податься некуда! – все еще упорствовал Петров, пытаясь отыскать хоть какое-то объяснение случившемуся.

Всегда достаточно сдержанный и молчаливый сержант Кабдыров вдруг разразился какой-то, по-видимому, хлесткой бра-

ню на казахском языке и потом уже по-русски произнес, чеканя слова:

– Такой люди убивать мало!

И сразу стало ясно, о чем он подумал.

– Считаешь, что они сбежали к немцам?

– Только так! – кивнул сержант.

– Пойми, там непроходимое болото, трясына, глубина, – попытался возразить ему Петров, но тут же осекся. Сержант Кабдыров, очевидно, прав. Королькову и Глебову каким-то образом удалось это болото преодолеть, и они с оружием в руках переметнулись к немцам.

Уже укрепившись в этой мысли, лейтенант с этой минуты стал действовать строго по уставу. Не медля, он обо всем случившемся доложил своему командиру роты лейтенанту Лучко. Тот замкнулся, побледнел. Взвод и рота, по существу, были едины. За все им предстояло держать ответ вместе. Потом они по траншейному лабиринту дошли до блиндажа комбата и виновато предстали перед ним.

Кроме командира батальона капитана Кононова, в этот ранний час у него в блиндаже обретались два офицера: замполит батальона старший лейтенант Свиридов и адъютант, старший лейтенант Папиташвили, ведавший всем нехитрым батальонным штабным производством.

Кононов выслушал молча, не прерывая, а затем как бы подытожил:

– Да-а, дружок. Скажем без утайки, твоя новость наиподлейшая!

Судя по всему, остальные с этим были согласны: оба, мол, своих людей совершенно не знали, мало с ними общались, никакой работы с ними не вели... и остальное в том же духе.

Но капитан был не из тех, кто для собственного благополучия готов все свалить на другого. Кононов сочувственно взглянул на Петрова, удрученного происшествием, и, обратившись к Папиташвили только по имени, как это было принято между ними, распорядился:

– Автандил! Составь донесение за моей подписью и направь с нарочным в штаб полка. Не забудь привести все необходимые сведения: откуда эти солдаты, где и когда призывались в армию, сколько времени пробыли у нас в батальоне, как себя проявили... – и, повернувшись к Петрову, приказал: – Возвращайтесь к себе и успокойте народ. Никаких панических разговоров и обсуждений случившегося!

Когда они покидали блиндаж, замполит старший лейтенант Свиридов сказал:

– Младшего сержанта Королькова – члена партии – и рядового Глебова – комсомольца – я хорошо знаю. Они отличные бойцы. Глебову, к примеру, я бы не задумываясь дал рекомендацию.

На это Кононов сочувственно возразил:

– Чужая душа – потемки. Ты, Ваня, теперь на этот счет особенно и не распространяйся, а то возьмут да и сделают козлом отпущения тебя.

А на другой день рано утром в распоряжение первого эшелона их полка уже прикатил я – военный следователь дивизии – с заданием расследовать уголовное дело об измене Родине военными Корольковым и Глебовым.

До села с поэтическим названием Берендейка я удачно добрался на попутном грузовике, под завязку загруженном ящиками со снарядами и минами. Мое присутствие в кабине явно устраивало водителя: вдвоем по пустынным прифронтовым дорогам ехать было веселее, можно перекинуться парой слов. Перед самым селом наша груженная автомашинка стремительно выскочила из густого ельника на косогор, еще окутанный белесым туманом, не снижая скорости скатилась к Северскому Донцу, перемахнула по понтону на противоположный берег и, покачивая облезлыми боками, подпрыгивая на ухабах, покатила по центральной улочке. Куда ехать, водитель знал – этот путь он проделывал уже не первый раз. Остановился там, где мне было нужно.

Надо сказать, что с того дня, как отсюда с упорными боями

были изгнаны немцы, село Берендейка стало для нашей дивизии стратегическим пунктом для возобновления наступательных действий.

О недавних боях свидетельствовали зияющие проломы в заборах и напрочь развороченные стены строений. Очевидно, тут прорывались танки. От бесчисленных пепелищ тянуло гарью, в снарядных воронках тускло проглядывала густо припорошенная пылью ржавая водица.

На моей карте этот населенный пункт был обозначен еле приметной точкой. Все его население угнали немцы. Но искалеченное и осиротевшее село продолжало жить. Об этом можно было судить по струйкам дыма над крышами немногих чудом уцелевших изб. В одной из них без всяких удобств и в крайней тесноте как раз и размещались штаб полка и его тыловые подразделения, за которыми я и был закреплен.

Как только мы остановились, к нам подошел часовой, бдительно заглянул под козырек водительской кабины и, обнаружив мое присутствие, на шаг отступил, пропуская, – видел меня он неоднократно и раньше.

В штабе царил обычная деловая обстановка. В передней – большой и светлой комнате, собственно и представлявшей основное помещение штаба, – у стены два каких-то совсем еще юных лейтенантика, налегая грудью на свежеструганные доски самодельного стола, старательно что-то вычерчивали, придерживая локтями большой лист ватмана. Увлеченные этим делом, на меня они даже не взглянули.

В дальнем углу, сидя верхом на табурете перед полевым телефоном, дежурный связист простуженным голосом терпеливо, с повторами кому-то что-то диктовал. А в непосредственной близости от него, на узкой лавочке, кто-то спал, уткнувшись носом в стену. Несколько поодаль старательно драил дощатый пол пожилой солдат из тех, кто так привержены чистоте и порядку.

Сразу меня заметил лишь один человек – оперативный дежурный. В тот день им был мой давний знакомый, капитан

Алексеев, помощник начальника штаба полка. Он дружески пожал мне руку.

– Ты прибыл по нашему ЧП?

– Угадал.

– Теперь вижу, что в вашей конторе такие дела долго не залеживаются. Еще на донесении, как говорится, не высохли чернила, а ты уже тут как тут. Оперативность завидная.

– Это плохо?

– Не радуется, что не обошлось без ЧП. Сейчас, когда идет подготовка к наступлению, эти перебежчики как кость в горле.

Проговорив это, Алексеев заговорщицки отвел меня к окну, как бы подальше от посторонних ушей. Понизив голос, он продолжил:

– Скажу по секрету, из-за такого сюрприза вчера вечером наш «батя» так разбушевался, что невозможно и вообразить. Еле утихомирили. Понять можно. Немцев отсюда шуганули, их контратаки отбили и закрепились здесь прочно. Кажется, впору заняться составлением наградных реляций. Вдруг – на-кося выкуси – двое наших с оружием в руках сбежали к врагу! Позор!

– Где сейчас можно найти вашего «батю»? – спросил я, зная их манеру в обиходе так называть командира полка полковника Шахназарова.

– Он сейчас здесь, в штабе. Вместе с начальником штаба полковником Зыковым завтракают. – Алексеев для пущей ясности мотнул головой в сторону смежной комнаты. От общего штабного помещения эта комната была отделена тяжелым брезентовым пологом.

– И они там давно? – продолжал допытываться я.

– С добрых полчаса.

– Ты обо мне не доложишь?

– Это можно, – охотно согласился он и на правах оперативного дежурного тут же отвернул брезент и решительно шагнул за него.

Ждать его возвращения долго не пришлось. Через минуту

Алексеев уже снова объявился и с подчеркнутой вежливостью, придержав брезент, произнес:

– Товарищ следователь, прошу. Вас ждут.

Вот так я и предстал перед двумя всеильными здесь полковниками.

Полковники заслуживают того, чтобы рассказать о них подробнее. Шахназаров – уже в летах, осанистый, полный, с большими залысинами и высоким прямым лбом человека мыслящего, с пристальным, строгим взглядом слегка прищуренных темных глаз.

Его армянское происхождение сразу выдавали густые брови, сросшиеся на переносице, и несколько крючковатый, длинный нос. Зыков внешне – как бы полная противоположность Шахназарову: высокий, спортивного вида, блондин, с еще сохранившейся шевелюрой и хрипловатым, властным голосом.

Шахназаров и Зыков были чуть ли не одноклассниками. Я, в свои неполных двадцать пять лет, чувствовал себя перед ними едва ли не начинающим курсантом, хотя никогда не забывал о своем должностном положении и старался держаться независимо, несмотря на свое не слишком впечатляющее звание «капитан юстиции».

Судя по всему, Шахназаров и Зыков уже отчаевничали. Удобно расположившись в невесть откуда взявшихся мягких кожаных креслах, они что-то обсуждали, и мое появление прервало их беседу.

Обращаясь по старшинству к Шахназарову, я, как и положено, доложил:

– Товарищ полковник, прибыл для производства следствия по делу о...

Однако Шахназаров меня не дослушал:

– По какой причине и для чего ты прибыл, нам известно. Лучше подсаживайся к нашему столу и перекуси. На пустой желудок ко всякой работе отношение совсем другое. Ты ведь еще не завтракал. Я прав?

Не ожидавший такого приема, я смущенно замялся. Ведь, несмотря ни на что, так вот запросто подсесть за общий стол к людям значительно старше меня по возрасту, званию и должностному положению было не так-то просто. Но Шахназаров, без особого труда все поняв, повторил:

– Не дури! Здесь хватит и на тебя.

Как мне потом стало известно, оказывается, Шахназарову уже звонил наш военный прокурор дивизии подполковник юстиции Прут и просил по возможности мне помочь. Кроме того, Прут подбодрил Шахназарова:

– Особо не огорчайтесь. Все считают, что эта некрасивая история в вашем полку – досадное исключение.

Надо думать, что такие слова, сказанные от души и не кем-нибудь, а прокурором Прутом, не остались незамеченными.

Я присел к столу, пододвинув табурет, которому тоже нашлось место в этой облюбованной Зыковым комнатухе, и сразу убедился, что известная многим в полку привычка Зыкова видеть за столом сервировку, радующую глаз даже во фронтовых условиях, – чистая правда.

В самом центре стола, покрытого скатертью, красовался пузатый самовар, опоясанный выбитыми на нем медалями. Ему под стать был и чайный сервиз с расписным чайником, чашечками, сахарницей и молочником – кобальтовыми, очевидно немецкими, трофейными. Рядом с ними, немного в стороне, теснились сложенные горкой чистые тарелки с золотыми ободками, бутылка недопитой водки и длинноногие рюмки. Все это «хозяйство» Зыков неизменно возил за собой. Очевидно, сказалась привычка к чаепитиям еще с довоенного времени по службе в Среднеазиатском военном округе.

Рассказывали, что ординарец Зыкова – пожилой солдат, которому осточертело постоянно трястись над его тульским самоваром, трофейным чайником и прочими предметами быта, – в минуту откровения признался:

– Если что-то с этим барахлом произойдет, мне хана. Мой полковник этого не простит.

Кроме этого, в комнатухе Зыкова я обнаружил еще одну достопримечательность – столик с зеленым сукном, предназначенный для игры в карты. Этот столик и два кожаных кресла были в свое время собственностью какого-то разбомбленного музея, оставшегося на оккупированной территории – об этом мне потом рассказал капитан Алексеев. Знал я и о трофейной немецкой раскладушке с непривычным для нашего уха наименованием «гинтер», на которой Зыков спал.

Пока я ел, Шахназаров и Зыков, словно позабыв о моем существовании, возобновили свой разговор. Я лишь уловил, что речь шла о каком-то уязвимом, по их мнению, месте в обороне полка.

Когда я поднялся со своего табурета, давая понять, что насытился, Зыков сразу поинтересовался:

– У вас сейчас какие-то к нам просьбы есть?

– Лишь одна – оказать содействие, чтобы я поскорее выбрался в батальон капитана Кононова, на передовую.

– Нет вопросов, – заверил Зыков. – Я дам команду, чтобы вас встретили и нашли место для вашей работы.

Он поднялся со своего кресла и через приоткрытый брезентовый полог, закрывавший дверной проем, крикнул:

– Капитан Алексеев! Найдите для товарища следователя сопровождающего к Кононову в батальон и проследите за тем, чтобы все сделали так, как он скажет!

Провожая меня, Шахназаров проговорил:

– Этим двоим, если они действительно перешли с оружием в руках на сторону немцев, никакого оправдания нет. Только ведь на войне бывает всякое. За подлеца может безвинно пострадать и герой. Постарайся во всем разобраться объективно.

Хоть я и рвался следовать дальше, да только возникло препятствие: все посыльные штаба полка оказались в разгоне, и такого человека, который смог бы провести меня, не нашлось. Алексеев нервничал, куда-то прозванивался и что-то выяснял. Наконец он с облегчением произнес:

– Нашел! Обожди самую малость, и проводник у тебя будет.

Как раз в этот момент в штаб подошел оперуполномочен-

ный Смерша старший лейтенант Безруков. Он, оказывается, меня разыскивал и обрадовался, застав в штабе.

– Очень хорошо, что ты еще здесь. Мне приказано подготовить и вручить тебе нашу справку на Королькова и Глебова.

С этими словами Безруков протянул мне лист бумаги, аккуратно сложенный вдвое. Я развернул его. Оказалось, что семья младшего сержанта Королькова проживала на оккупированной территории под Киевом. На этом обстоятельстве был сделан упор в качестве наиболее вероятной причины побега к немцам. А вот Глебову – потомственному сибиряку – вроде как переходить на сторону врага было ни к чему. Оставалось предположить, что он захотел сдаться в плен с единственной целью – сохранить себе жизнь. Какого-либо компромата за ними не числилось.

Справку Безрукова, не дающую ничего нового, я оставил у себя и поинтересовался:

– Ты их знал?

– Младшего сержанта хорошо помню. Видный такой, уверенный в себе, с усами, во рту трубка. А Глебова как-то не припомню.

Тут в наш разговор неожиданно вмешался Алексеев:

– А вот и он, рядовой Фролов.

Слова эти относились к только что появившемуся в штабе солдату с перекинутым через левое плечо автоматом и забинтованной кистью руки.

Алексеев, взглянув на повязку, только покачал головой.

– Вот, полюбуйтесь на него. Его ничем не прошибешь. Уперся, о госпитале и слышать не желает. Засел в своем окопе с автоматом и говорит, что у него скоро все пройдет. Но самое удивительное, что число таких пациентов у нашего врача множится. Причина общая: боятся, что по выздоровлении их направят не в свою, а в другую часть. Разве я не прав?

Солдат виновато отвел глаза, а Алексеев с удовлетворением продолжил:

– Вот и выходит, что я попал в самую цель. Который раз ты приходил к врачу на перевязку?

– Третий, – неохотно ответил солдат.

– Ну ладно! – Алексеев махнул рукой. – Вот этому капитану покажешь, как пройти в наш батальон. Ясно?

– Так точно! – обрадовался солдат, понявший, что воспитательный момент закончился.

Тут я скомандовал: «Пошли!» – и, распрощавшись с Алексеевым и Безруковым, мы двинулись в путь.

Солнце уже успело подняться высоко. Наступал жаркий день. В небе пели птицы. Вдруг за ближайшими кронами деревьев ухнуло несколько орудийных залпов, и Фролов понимающе кивнул:

– Наши полковые батареи. С утра щекочит немца. Теперь жди ответа.

И будто в подтверждение этих слов в стороне, за дальним изгибом реки, со свистом пролетело несколько снарядов, разорвавшихся где-то позади нас.

– Бьет, стерва, наугад! Наши позиции не там, а чуток левее.

И снова блаженная тишина. Да только теперь я уже отнесся к ней без прежнего доверия, поняв, что кажущаяся мирная обстановка здесь в любой момент может быть нарушена залповой орудийной стрельбой.

Когда миновали последнюю изгородь, окружавшую бывший скотный двор, и перевалили за бугор, не столь тяжело стало тянуть гарью, от которой першило в горле и текли слезы.

– Как вас ранило? – спросил я. Не идти же молча.

– Да просто все, – охотно ответил Фролов. – С неделю назад возле нашего окопа взорвался шальный снаряд, и меня осколком чесануло по руке.

– Давно воюете?

– Уже больше года. А вы?

– С самого начала войны.

– Мне, товарищ капитан, первоначально дали отсрочку, – словно оправдываясь, продолжил Фролов. – Я работал на оборонном заводе, имею высокий разряд слесаря.

– Семья есть?

– Живет в Туле.

Дальнейшая наша беседа уже протекала больше в русле до-военных воспоминаний. А дороге все не было конца.

– Еще далеко до батальона? – поинтересовался я.

Фролов внимательно огляделся и уверенно произнес:

– Если нам идти этой дорогой, никуда не сходя, то, пожалуй, чуть меньше, чем прошли. Еще предстоит обойти во-о-он тот холмик. Видите?

– А я считал, что от вашего батальона мы уже недалеко.

– Это тоже верно! – подтвердил Фролов. – По прямой одним дыхом можно добежать и до наших окопов, да только нам еще предстоит дать большого кругаля. Так надежнее. Ведь вся эта дорога немцами не просматривается, а здесь, – он провел рукой в направлении их батальона, – понатыкано столько мин, что и не перечесать. – Затем Фролов сделал паузу и произнес: – Можно, конечно, рвануть и напрямки, если свернуть вправо от той дальней сосны, прямо полем. Да только тем путем ходят у нас не все.

– Значит, еще есть и другой путь? – подхватил я, не подумав о возможных последствиях. – Можно пройти напрямик?

Сказал и осекся. Но было уже поздно идти на попятную.

Фролов как-то странно на меня взглянул и, уже не таясь, проговорил:

– Товарищ капитан, я сказал вам правду. Этот путь покороче, но он опасный. Здесь я сворачиваю всегда, и можете не сомневаться, через минные заграждения проведу мигом. Да только у наших окопов может с той стороны достать снайперская пуля. Как скажете, так и решим.

Что делать? Откажусь – он сочтет меня трусом, а если решусь... Была не была – сворачиваем!

Мы дошли до высокой дальней сосны, и Фролов сразу же предупредил:

– Когда скажу, идите за мной след в след.

Оставалось только принять это к сведению. Но я посчитал возможным уточнить:

– Мины какие? На людей или на технику?

– Больше танковые, – поспешил успокоить меня Фролов. – Все с неделю как поставили, на случай внезапного прорыва нашей обороны.

От сосны почти под прямым углом свободным шагом мы вначале спокойно дошли до полосы, заросшей густым кустарником. По словам Фролова, здесь заминированных участков еще не было. А дальше перед нашим взором уже открылось обширное пространство, над которым возвышались маяками упругие, толстые стебли всесильной колючки.

У самого края такого поля, возле камня-валуна, невесть как сюда попавшего, Фролов присел, предложив сделать «передых».

– Что, устали? – удивился я.

– Нет. Только захотелось немного курнуть. Разрешите?

Я, выражая свое согласие, сел рядом. Фролов извлек кiset, свернул привычно самокрутку и поджег ее кресалом.

– Если не секрет, вы к нам в батальон по какому делу? – решил спросить Фролов.

– Я военный следователь.

– Ах вон оно что! – понимающе кивнул он. – А я все думаю, к какому вы роду войск относитесь. Таких эмблем на погонах я раньше ни у кого не видел... – и, помолчав, добавил: – Станете разбирать, как махнули к немцам двое наших?

– Вы знали их?

– Нет. Мы были в разных ротах.

– А что думаете по этому поводу?

– Мне в это не слишком верится. Захотели бы – переметнулись раньше, когда ходили чуть ли не врукопашную.

Тогда это было сделать легче.

– А что говорят другие?

– Прошел слух, что у одного из них, младшего сержанта, в оккупации на Украине осталась семья. Наш ротный сказал, что однажды у этого младшего сержанта отобрал немецкую листовку. Сказать по правде, мы их подбираем для курева, на самокрутки. Так что в этом ничего особенного нет...

Произнеся эти слова. Фролов загасил окуроч.

– Потопали дальше! Теперь не отставайте ни на шаг и следуйте за мной след в след.

Я подчинился и покорно шел за Фроловым, буквально дыша ему в затылок.

Фролов держался уверенно, спокойно обходил мины, обнаруживая их присутствие по каким-то известным только ему признакам. Иногда приостанавливался и во что-то вглядывался.

Когда до края окопов их батальона оставалось несколько метров, Фролов подал знак, пригнулся и последним решительным броском преодолел это расстояние. Вслед за ним последовал трусдой и я. Мне лишь показалось, что сверху свистнула запоздалая пуля немецкого снайпера. Возможно, мне лишь почудилось.

Фролов довел меня до блиндажа командира батальона. В знак благодарности я крепко пожал ему руку, после чего он отправился к себе в роту, а я по крутым ступенькам спустился в блиндаж.

Блиндаж комбата был сработан на славу, в несколько накатов толстенных бревен. Первым, кого я увидел, был сам командир батальона капитан Валерий Кононов. Плечистый, рослый, с энергичным простым лицом, немного увалень, он, безусловно, всем нравился. Он крепко сжал мою руку и поинтересовался:

– Где остальные?

Из дальнейшего разговора я понял, что встречать меня пошел их замполит старший лейтенант Свиридов, с которым мы разминулись.

Я поспешил объясниться, отозвавшись с похвалой о Фролове, который быстро и ловко проводил меня в распоряжение их батальона, так сказать, с черного хода.

Однако мои слова вызвали только целую бурю негодования.

– Надо же! – воскликнул комбат с возмущением. – Мне только не хватает еще одного ЧП, на этот раз со следователем. Да за такое с этого Фролова мало содрать кожу! До чего, под-

лец, додумался, сманил вас на минное поле! – И обернувшись к Папаташвили, бросил: – Приготовьте приказ! За злостное непослушание этого прохвоста Фролова из батальона немедленно откомандировать в госпиталь.

«Вот ведь как бывает на фронте, – подумал я. – Возьмут, да и строго накажут, направив в тыл. Если и рассказать об этом, то ни за что не поверят».

Однако оставаться в стороне я не захотел, решил за Фролова заступиться.

– Братцы, поумерьте свой пыл! Считаю, что вы хотите поступить с ним несправедливо. Да ведь это ваш золотой фонд! – ко всему этому я еще добавил: – Вы же и меня ставите в положение человека, бог знает что на Фролова наговорившего. Все поймут, что наклепал на него я, а для меня сейчас это нежелательно.

Папаташвили выжидательно глянул на Кононова, который, как известно, никогда своих приказов не отменял. Только на этот раз Кононов поступил иначе. Махнул рукой и дал понять, что вопрос исчерпан.

С минуту помолчав, Кононов произнес:

– Будь по-вашему! Наказывать его не стану, хотя и чешутся руки. Вы, очевидно, к нам пожаловали по нашему распроклятому делу?

– Да, – подтвердил я.

– Мы для вашей работы подготовили подходящее место. Папаташвили вас туда отведет.

Оказалось, что нам предстояло пройти совсем немного, до следующего блиндажа. Здесь всем распоряжалась санинструктор полка младший лейтенант медицинской службы Гладышева – совсем молодая, в плотно стянутой на талии гимнастерке и вычищенных до блеска хромовых сапожках девушка.

Штат у нее был небольшой: два дюжих санитаря и дежурный телефонист.

Выложив на стол свои бумаги, я тянуть не стал и попросил:

– Пожалуйста, организуйте вызов лейтенанта Петрова из роты старшего лейтенанта Лучко.

Связист, ефрейтор, энергично крутанул ручку полевого телефона и стал вызывать:

– Ландыш! Ландыш! Я Герань. Петров у вас на месте? Пусть срочно зайдет к санинструктору. Его ждут!

Петров явился довольно скоро. Присел на пустой ящик в двух шагах от меня, опустив глаза. Чувствовалось, что переживает.

Я стал заполнять в протоколе некоторые обязательные графы, а он, не дожидаясь моих вопросов, заговорил сам:

– Хочу сразу внести полную ясность. Во всем, что произошло, виноват один я. Как командиру взвода, своих людей мне положено было знать, а я Королькова и этого Глебова не разглядел. Готов отвечать по всей строгости закона! – Он так и сказал: «по всей строгости закона», действительно с готовностью все взять на себя.

– Вы напрасно так спешите со своим покаянием. Кто виноват – говорить еще рано. Прежде всего хотел бы услышать, почему вы считаете, что Корольков и Глебов перешли на сторону врага?

– В этом я уверен, – проговорил он.

– Вы можете привести какие-либо доказательства? Остались какие-то следы?

– На месте того секрета остался лишь поломанный камыш.

– Может, на них внезапно напали?

– Это исключено! Они бы сопротивлялись и кричали.

Больше от него я добиться ничего не смог. Следующим был помкомвзвода сержант Кабдыров.

– Что могло произойти с ними? – начал я.

Кабдыров, не задумываясь, ответил:

– Сбежали к немцам!

– Через непроходимое болото?

– Они его где-то обошли.

– Но как и где?

Кабдыров лишь пожал плечами.

– А не могли ли немцы их убить?

Кабдыров возмутился:

– Зачем тогда каждый не кричал, не позвал на помощь? Это не могло быть!

Поколебать его в этом мнении, как и Петрова, было невозможно.

Я допросил еще нескольких бойцов, но и они все версию о нападении на исчезнувших решительно отвергали. Пожалуй, единственным аргументом в пользу того, что Корольков и Глебов перешли к немцам, оставалось только одно: у Королькова на оккупированной территории проживала семья. Почему ушел Глебов – оставалось загадкой.

Мои размышления неожиданно прервал солдат, которого я не вызывал. Он назвался комсоргом из роты Лучко и сразу меня атаковал:

– Все ждал, что вы меня вызовете, но так и не дождался. Решил действовать сам, хочу высказаться.

– Валяйте, высказывайтесь! – поощрил его я и пододвинул к нему табурет. Он с готовностью сел, положил сбоку на пол блиндажа свой автомат и горячо заговорил:

– Хочу вступить за нашего Глебова. Вам уже чёрт-те что наплели. Я готов поклясться, что здесь правда и не ночевала. Он был парень открытый, смелый и немцев ненавидел. Вместе мы были с ним в бою не раз, так что говорю то, что знаю.

– Сказано, конечно, от души, – согласился я, но как это увязать с фактом их исчезновения? Ведь отмахнуться от этого нельзя...

– У меня на это имеются собственные соображения.

– Какие же?

– Глебова убил Корольков, а его труп сбросил в болото.

– Чем это подтверждено?

– А разве Глебова в болоте кто-то искал? – вопросом на вопрос ответил комсорг.

«Да, – подумал я, – ведь могло быть и так. Как же я сам до этого не додумался?»

Фамилия моего свидетеля оказалась легко запоминающейся

– Лихой. А его манера держаться с достоинством, независимо, вызывала доверие.

– Вам известно, какие свои вещи оставили в вашей роте Корольков и Глебов? – поинтересовался я. Лихой об этом ничего не знал.

Но он, как бы спохватившись, достал из кармана гимнастерки письмо, сложенное в солдатский треугольник, и передал мне со словами:

– Совсем забыл. Оно – Глебову, и принесли его только сегодня. Прочтите.

– Вы сами это письмо уже прочли? – спросил я.

– Не прочел бы, не принес бы. Ведь Глебова уже нет. Какие теперь у него могут быть секреты?

Письмо пришло из Новосибирска, и написала его какая-то девушка, очевидно, невеста Глебова. В начале она со всякими подробностями описывала ему их городские новости и встречи с их общими знакомыми, передавала приветы и добрые пожелания, а под конец, как нечто само собой разумеющееся, заключила:

«Петенька, радость моя! Береги себя. Когда вернешься, увидишь, какая я уже стала хозяйственная. Стараюсь маме помогать во всем. Считаю дни до нашей встречи! Твоя, твоя...»

Все время следивший за мной, пока я не дочитал письмо до конца, Лихой спросил:

– Ну как, товарищ следователь, похоже, что он мог сбежать к немцам?

Тут было над чем поразмыслить.

– Вы с Глебовым дружили?

– Я этого не скрываю!

Все показания солдата Лихого я занес в протокол, оставил письмо Глебова у себя и отпустил свидетеля в роту. Допрашивать кого-то еще я был уже не в силах.

К моменту моего появления в блиндаже Кононова там собрались все его постоянные обитатели.

– Мне докладывали, что вы допросили чуть ли не всю роту

старшего лейтенанта Лучко. К каким пришли выводам? – обратился ко мне капитан Кононов.

– Ничем порадовать не могу, – произнес я. – Ведь вы как донесли? Что в вашем батальоне совершена групповая измена Родине, перешли на сторону врага двое военнослужащих с оружием в руках. Ведь так?

– Так! – разом произнесли Кононов и Папиташвили.

– А если это не соответствует действительности? Я допускаю, что рядовой Глебов мог быть убит ефрейтором Корольковым и сброшен в болото. Над этим вы не думали?

Воцарилось гробовое молчание. Я продолжал:

– У Королькова осталась на оккупированной территории семья, Глебов ему в напарники не подходил, его в болоте никто не искал. Мы Глебова уже ославили как предателя, а если он жертва?

Первым нарушил молчание Свиридов:

– Все, что вы сказали, пока из области догадок. Никакими доказательствами такой версии никто не располагает, и я даже не представляю, что можно предпринять, чтобы подтвердить или опровергнуть ее.

– Мне представляется, что я должен произвести осмотр места происшествия и попытаться достать из болота труп Глебова.

Опять наступила пауза.

– Говорите, что надо сделать?! – прервал ее Кононов.

– С завтрашним рассветом обеспечить мне с двумя понятыми, желательно, бывальыми солдатами, и сержантом Кабдыровым скрытный выход на место, где был секрет.

Кононов, не мешкая, распорядился:

– Автандил! Всю организацию возьми на себя. Продумай, как все это сделать лучше. Ну и дела!.. Вы такое накрутили, что и про войну забудешь.

Рассвет уже вот-вот должен был наступить. Пора было двигаться.

Все мы ползком, по-пластунски, проследовали за Кабдыровым. А когда достигли того места, где был секрет, расползлись в разные стороны и стали обшаривать все вокруг.

Зыбкая почва под нами то и дело сочилась влагой и прогибалась. Первым отличился солдат Середин: подобрал в камышах обыкновенную армейскую пилотку. Не было никаких сомнений в том, что она принадлежала Петру Глебову, о чем свидетельствовали написанные на подкладке пилотки заглавные крупные буквы «Г» и «П». Вскоре удачливый Середин обнаружил в камышах и металлическую пуговицу от гимнастерки. Судя по сохранившемуся кусочку материи в нитяном узле, она была вырвана с мясом. Потом повезло и мне. Я нашел самодельную обкуренную трубку, принадлежавшую Королькову, поскольку Глебов, как я уже знал, не курил. Кроме того, я увидел на нескольких стеблях камыша бурые пятна, весьма похожие на запекшуюся кровь. Срезал для последующей проверки и аккуратно спрятал, завернув в специально прихваченную марлю.

В это время Кабдыров с Овчинниковым уже шаг за шагом с багром продвигались по болоту. Они цепляли и поднимали вначале гнилые корни и ветки деревьев и вдруг натолкнулись на что-то тяжелое. Вместе зацепили этот предмет багром и вытянули труп. Судя по набухшей одежде, это был мертвый солдат. Каково же было наше изумление, когда Кабдыров с Овчинниковым, а за ними и Середин без труда опознали в нем... Королькова.

Моя догадка рухнула. Не Корольков убил Глебова, а Глебов убил Королькова. А вдруг убиты оба? Однако как упорно мы ни искали, тела Глебова обнаружить не смогли.

За дальними вершинами деревьев уже проглянуло солнце. Мы спешно собрались и, подтягивая за собой труп Королькова, прижимаясь к земле, поползли к своим позициям. К счастью, нас не обнаружили, и мы добрались без помех до окопов.

Буквально через минуту после того, как мы вернулись, на правом фланге нашей обороны началась усиленная пальба. Разрывы снарядов и мин, автоматные очереди, стрельба полковой батареи – все слилось в сплошной гул. Как выяснилось позже, немцы сделали попытку вклиниться в нашу оборону,

но потерпели неудачу. Все закончилось так же внезапно, как и началось.

Пока события развивались с еще непредсказуемым результатом, я успел, примостившись в окопе на каком-то пустом ящике, составить протокол осмотра места происшествия. Кроме того, я договорился, чтобы труп Королькова был направлен в медсанбат дивизии для определения характера ранений. Впрочем, и без того было видно: он убит ударом ножа в спину. К обеду мы все сошлись в блиндаже комбата.

Кононов начал с того, что разом осушил кружку со своей порцией водки, тряхнул головой и не без лукавства произнес:

– Уважаемый слидчий! Так как же прикажете теперь нам поступить?

– Вы не возражаете, если сейчас мы немного порассуждаем? Выслушайте мой первый вопрос: кто убил Королькова?

– Глебов! – не задумываясь, произнес Кононов.

– Глебов тут ни при чем. В этом я убежден. Между ним и Корольковым взаимоотношения были отличные, и поднять руку на старшего ни с того ни с сего он не мог.

– Значит, Королькову всадил в спину нож кто-то другой?

– Похоже и на это... – Свиридов развел руками.

– Немцы могли это сделать?

– Могли. Только как они смогли туда попасть и куда делись потом?

– А что стало с Глебовым?

– Могли убить, а затем сбросить в болото.

– Там его не оказалось!

Свиридов опять только развел руками.

– А что скажете вы? – обратился я к Папаташвили.

– Я считаю, что на них внезапно напали, одного убили, другого пленили...

– Немцы? – спросил Свиридов.

– Кто ж еще?

– А болото?

– Это болото надо еще раз как следует проверить. Я теперь

уверен, через него пройти можно, – настаивал Папиташвили.

В это время меня вызвали к телефону. Звонил «шестнадцатый» – мой прокурор дивизии Прут.

– Это правда, что один убит и ты его нашел?

– Все верно.

– Молодчина! Когда собираешься возвращаться?

– С этим, полагаю, мне придется повременить.

– Значит, у тебя есть какие-то веские соображения?

– Есть! – ответил я и мысленно содрогнулся от того, что мне только что пришло в голову. Но с Прутом делиться этой догадкой было нельзя – все сразу зарубит.

Все терпеливо ждали моего возвращения.

– Вот что я хотел вам всем сказать, – проговорил я как можно тверже и увереннее. – Я целиком на стороне того, что сказал Папиташвили – с этим болотом еще нужно разобраться.

– Вы надумали еще побродить по болоту? – усмехнулся Кононов. – Что это даст?

– Это действительно входит в мои намерения. Да только я задумал нечто посложнее. Взять да и выбраться на ту сторону, а потом попытаться выяснить, что случилось с Глебовым. Нельзя ли его отбить?

Кононов пристально взглянул на меня и не без иронии произнес:

– С вами, как я вижу, не соскучишься.

Зато Папиташвили с присущим каждому кавказцу темпераментом закричал:

– Капитан дело говорит!

Свиридов был сдержаннее и, как всегда, высказался не сразу:

– Я, пожалуй, отношусь к тем, кто не прочь в этом болоте еще пошуровать.

– Прежде всего мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что в результате всего мы оказались на распутье. Не сняли с Глебова подозрение, что это он убил Королькова и потом с оружием в руках перешел на сторону врага. Но мы оказались

не в силах доказать и другое: что Королькова убили немцы, а Глебова силой увели. Предлагая выбраться на ту сторону, честно говоря, я еще рассчитываю и на фактор неожиданности. Уже пошли третьи сутки, и в этом секторе нашей обороны мы ничем себя не проявили. Разве я не прав?

Возможно, что мой последний довод как-то на Кононова повлиял. Он прервал молчание:

– Похоже, что вы загнали меня в угол. Да только если что случится не так, то мне сразу оторвут голову! Автандил, звывать ко мне Петрова!

Последующие часы мы провели по-разному.

Я отправился выяснять, как и с кем труп Королькова отправлен в медсанбат. Потом засел за составление протоколов осмотра вещественных доказательств: пилотки Глебова и садовой трубки Королькова.

Кононов, Папаташвили, Свиридов и Петров сразу углубились в обсуждение всех деталей предстоящей вылазки. По карте изучили расположение близлежащих с той стороны населенных пунктов и дорог.

Ограничили число участников операции – Петров и еще двое бойцов по его выбору. Определили и час их выхода. Не забыли об оружии: ручной пулемет, ручная граната и пистолет ТТ на каждого.

Достаточную осведомленность в обстановке проявил и Петров. Предстоящей задаче, поставленной перед ним, он даже не удивился.

Ночью все мы к назначенному времени уже вышли в сторону окопа, где нас ждала группа Петрова. С первого взгляда было видно, что он действительно подобрал настоящих гвардейцев, плечистых, рослых. Настроение у всех было приподнятое, боевое.

– Как, молодцы, ко всему готовы? – шепотом спросил Кононов и предупредил: – Продвигайтесь с оглядкой, ко всему прислушивайтесь!

Вдруг я совершенно для себя неожиданно тихо проговорил:

– Я решил тоже пойти с ними.

– Вы шутите? – удивился Кононов. – Какая в этом необходимость?

– Мы забыли предусмотреть одно важное обстоятельство. Из них никто не знает немецкого. А я по-немецки понимаю и разговариваю довольно прилично. Даже когда-то в Ленинграде на Литейном учился в мужской гимназии.

Кононов только и нашелся, что сказать:

– Я, товарищ следователь, вам не указ. Решайте сами. На то вы и законник.

Я быстро скинул свое офицерское обмундирование, переоделся в простое солдатское и, уже ничем не отличаясь от остальных участников группы лейтенанта Петрова, последовал за ними.

К ночи погода стала портиться. Небо покрылось густыми облаками, сквозь которые кое-где еще проглядывали одинокие звездочки. Стал накрапывать дождичек, поднялся ветер. Этому я даже обрадовался, посчитав, что такая погода может облегчить нашу задачу.

До болота, продвигаясь по-пластунски, по уже известному мне пути мы добрались за считанные минуты. Еще несколько минут понадобилось, чтобы, лежа в камышовых зарослях, раздеться, завернуть в маскхалат свою одежду, дабы не промокла, и, одной рукой поддерживая ее над головой вместе с оружием, вступить в воду. Застоялая вода, заросшая густой сетью липких водорослей, еще сохраняла в поверхностном слое тепло прошедшего дня. С рыхлого дна всплывала мутная жижа между прогнившими корнями и густым сплетением ветвей деревьев. Ноги то и дело расползались в стороны, с каждым новым шагом нас засасывало все глубже и глубже. В одном месте вода покрыла плечи и подступила к самому горлу, так что пришлось стоять чуть ли не на цыпочках, глотая вонючую болотную грязь. Но, несмотря на это, мы упорно продвигались вперед. Наконец почувствовали, что глубина стала спадать, и уже без особых усилий достигли противоположного края болота. Так мы выяснили, что оно, оказывается, проходимо.

Вокруг было спокойно. Развязать узлы, одеться и укрыться под маскхалатами оказалось делом недолгим. Погода не изменилась: все так же накрапывал дождь и ветер гулял по густому кустарнику, который с этой стороны болота сменил камышовые заросли.

Надо сказать, что Петров быстро сориентировался и сразу вывел нас к одинокой сосне. От нее он уверенно свернул влево и по неглубокой балочке довел нас почти до ближайшего хутора Диброво.

На хуторе из местных жителей никто не проживал. Но лязг колодезной цепи свидетельствовал, что хутор обитаем. Немцы?

От хутора мы выбрались на проселок, который должен был подвести к большому селу Краснопавловка.

К тому времени дождь уже перестал, вроде поутих и ветер, а небо чуть просветлело, стали смутно различимы и контуры крайних изб в селе. Где-то залаяла собака.

Прежде чем идти дальше, мы отошли к ближайшей березовой роще и посовещались. Сошлись на одном: идти напрямик, через село, было опасно: можно нарваться на немцев. Решили обойти село и попытаться проникнуть в него с другой стороны. Так и поступили. Малость покружили, выбрали место поглуше и разделились на две группы. Одну составил сам Петров с солдатом, а вторую – я и солдат с ручным пулеметом. У него еще имелись две гранаты и пистолет ТТ, а я имел при себе только трофейный вальтер с двумя обоймами. Нашей задачей было в случае чего прикрыть отход товарищей огнем. А задачей первой группы было попытаться что-либо выведать о Глеbove.

Залегли за каким-то невыкорчеванным пнем.

– Как вас-то величать? – спросил я оставшегося со мной солдата.

– Иван Бородин.

– А как зовут того солдата, что ушел с лейтенантом Петровым?

– Гурий Власов, одного со мной взвода.

Больше мы не разговаривали.

Так прошел час, а возможно, и того более. Наконец Бородин обратил мое внимание на какие-то промелькнувшие тени, а через мгновение перед нами предстали Петров, солдат Власов и немец, что называется, в одном исподнем. Руки его были связаны за спиной. Рот завязан какой-то тряпкой.

– Подловили, когда вышел во двор до ветру, – пояснил Власов.

Немец, сутулый, со впалой грудью и отвислым брюшком, впечатления грозного вояки не производил. Он был страшно напуган. Уже немолодой, лысый, он судорожно трясся и, похоже, слегка всхлипывал. Я понял, что его надо успокоить, иначе он не сможет идти с нами.

– Развяжите ему рот! Я с ним поговорю, – велел я.

– А он не заорет? – усомнился Власов.

– Не думаю, – заверил я. – Он смертельно перепуган и теперь только и ждет, что его убьют. Надо с ним поговорить по-хорошему.

Петров согласно кивнул, и повязку со рта немца сняли.

Тогда в спокойном тоне я по-немецки сказал:

– Вашей жизни ничто не угрожает. Ведите себя благоразумно.

Немец обрадованно закивал.

– Как ваша фамилия?

– Вальтер Зигерт.

– Кем вы служите?

– Я радист! – с готовностью произнес немец.

– Скажите, нашего русского солдата три дня назад к вам не приводили?

Немец обрадованно закивал: о, да, конечно. И как бы почувствовав, что представилась счастливая возможность завоевать наше доверие, торопливо заявил:

– Я знаю, где этот ваш солдат.

Такого, признаться, я от него не ожидал. Поэтому поспешил выяснить:

– Что вы знаете?

– Он еще здесь, – торопливо заверил немец. – Его содержат в погребе, возле кирхи.

Он указал на церковь, колокольня которой едва была видна в центре села.

– Что же мы теперь предпримем? – обратился я с вопросом уже к Петрову.

– Ничего другого не остается, как рискнуть. Выходите с немцем к той березовой рощице, где мы останавливались, и там нас ждите. Мы с Власовым побродим по селу еще разок. Если почувствуете, что что-то не так, нас не ждите. Доведите этого радиста куда надо.

Я воспринял это как приказ. И мы снова разделились.

Казалось, ночи этой не будет конца. Вначале мы со всеми предосторожностями по задам этого большого села дошли до места, указанного Петровым. Все это время Вальтер Зигерт вел себя вполне терпимо. Он беспрекословно подчинялся нашим требованиям и, даже случайно зацепившись за что-то, в крайнем испуге останавливался. Видно, он понял, что любое осложнение нежелательно отразится на его судьбе. Нам повезло. У самого въезда в Краснопавловку со стороны хутора Диброво мы вдруг набрали на ранее незамеченный песчаный карьер, где и затаились.

Время тянулось мучительно долго. Мне даже стало казаться, что светящиеся стрелки моих часов перестали двигаться. Успокаивало лишь одно – вокруг стояла глубокая тишина, а это означало, что пока особых причин для волнений не было.

Прошло еще с полчаса тревожного ожидания. По-прежнему все вокруг оставалось спокойным.

Вдруг до нас явственно донесся шорох чьих-то шагов, мелькнули чьи-то силуэты, и в следующее мгновение прямо на нас вышли как раз те, кого мы так ждали. Но их уже было трое. Петров и Власов почти волокли еще кого-то, с трудом передвигавшего ноги. Этот третий был в нашей форме, без головного убора, и никаких сомнений не оставалось, что это был не кто иной, как Глебов.

Позже выяснилось, что до церкви Петров и Власов добра-

лись без помех. Все, что рассказал наш пленный немец, подтвердилось. Нашли и тот подвал, запертый на засов, в котором Глебов содержался. Да только перед подвалом расхаживал вооруженный немецкий часовой. Незаметно приблизиться к этому погребу не представлялось никакой возможности. Значит, оставалось одно: наблюдать за поведением часового и дожидаться какого-нибудь удобного случая, чтобы его убрать.

Пост оказался сменным. Сдача поста прошла в полном соответствии с уставными требованиями.

Решение пришло неожиданно. Власов, вспомнив о своих детских забавах, с большим искусством вдруг, подражая кошке, протяжно мяукнул: «Мя-у-у!»

Немец продолжал печатать свои четыре шага туда и обратно, не отходя от подвала.

Тогда Власов мяукнул снова. Часовой остановился и прислушался. Воодушевленный этим Власов снова замыкал, уже несколько жалобнее и надрывнее. А это часовому не понравилось. Он свернул к бревнам, сваленным у церкви, за которыми притаились Петров и Власов, и стал, наклонившись, шарить, разыскивая кошку. В следующий миг Власов ударом ножа его свалил. Все остальное оказалось делом техники. Они мигом сняли замок и, спустившись по крутым ступеням, увидели Глебова, избитого и распластавшегося на полу. Он пребывал в полубессознательном состоянии, его растолкали с великим трудом, вывели наверх и, прихватив автомат убитого часового, бросились наутек, волоча за собой податливое тело Глебова.

К счастью, время смены караула еще не наступило, и мы с предельной резвостью устремились по знакомой проселочной дороге к хутору Диброво.

В этот момент позади нас со стороны села Краснопавловка взметнулось в небо несколько осветительных ракет, а от хутора Диброво началась беспорядочная стрельба, очевидно, наугад. Воздух прочертил и минометный залп. Мины ложились значительно левее от нас. Кто-то выпустил несколько пуле-

метных очередей. Бородин заметил, откуда стреляли, и, не удержавшись, с молчаливого согласия Петрова послал туда очередь из ручного пулемета. После этого немцы, видимо, сменили свою позицию и на какое-то время стрельбу прекратили.

Мы успели преодолеть опасную зону и с ходу, как были, в одежде, погрузились в болото. Главной задачей теперь было ненароком не выпустить из рук свое оружие и довести на свой край болота Глебова и немца Вальтера Зигерта. С последним все прошло наилучшим образом, из-за своего роста он в особой поддержке не нуждался. А вот Глебова несколько раз пришлось приподнимать, чтобы не захлебнулся.

На всю жизнь я запомнил, как капитан Кононов, стоя в окопе, громко считал, пока мы переваливались за бруствер:

– Один, два, три, четыре... – А когда ему еще пришлось громко произнести «пять» и «шесть», неожиданно буквально зашелся смехом человека, которому выпала необыкновенная удача.

И его можно было понять. В противном случае за провал ни с кем не согласованного выхода на сторону врага его ожидала бы незавидная участь. Переживали за него Свиридов и Папашвили, готовые разделить с ним ответственность. Ведь они были единой боевой семьей.

Пока я в блиндаже комбата сбрасывал с себя мокрую солдатскую одежду, пропитавшуюся болотным запахом, там собрались все его постоянные обитатели: Кононов, Свиридов и Папашвили, радостно возбужденные от успеха. Кроме них, там появился и Безруков – уполномоченный Смерша, держащийся особняком. Он подошел ко мне вплотную и произнес, как бы подчеркивая скрытое значение своих слов:

– Ну, ты и даешь!

– Ты это о чем? – не понял я.

– Приехал в полк и сюда с делом и по делу, а вот теперь, надо понимать, от того дела не оставил и следа. Я прав?

– Как прикажешь тебя понять? Кого это не устраивает?

– Лично я имею в виду одно. Не слишком ли быстро сделан такой вывод? Что, если этот Глебов все же перекинулся к нем-

цам, да просчитался и они ему не поверили? Сам же и попал в ловушку.

– Значит, ты допускаешь и другое, что Королькова убил Глебов? – удивился я.

– Считаю, что и это не исключено, – убежденно заявил Безруков.

– Какие же убедительные доводы ты способен привести?

– В отличие от тебя, исхожу из сохранившейся общей ситуации, – туманно пробурчал Безруков.

– Чуть собачья! Если бы Глебов добровольно перешел к немцам, да еще с оружием в руках, они отнесли бы к нему не враждебно. Всякому это совершенно ясно.

– Если вы, товарищ уполномоченный, хотите знать, то и все мы полностью это мнение разделяем, – вставил Свиридов и добавил: – Незачем людям приписывать грехи, которых в природе не было. Мы ведь и так в этом уже достаточно преуспели.

– Вы о чем заспорили? – вступил в разговор Папаташвили.

Ответа не последовало. Тогда Папаташвили, обращаясь ко мне, поинтересовался:

– Товарищ военный следователь, какие ваши дальнейшие планы? Я больше вам не понадоблюсь?

– Разве только для того, чтобы побыстрее меня отсюда выводить!

– Сделаем! – с готовностью произнес Папаташвили. – Вы только забыли об одном. Уже настало утро и всем нам не мешает сначала позавтракать.

Пришлось подчиниться. Тем более что насчет общего завтрака уже соответствующие распоряжения были даны.

Солдаты не мешкая расставили на столе тарелки, ножи и вилки. Потом притащили в блиндаж пузатый бачок с дымящимся отварным картофелем и мясом, а затем с не меньшим проворством разлили по кружкам сладкий чай из трофейного термоса. И все дружно подсели к столу.

Когда все насытились, Кононов, обращаясь ко мне и к Безрукову, проговорил:

– Скажу честно. Я раньше никогда не жаждал встречи с вашим братом. Да и что тут скрывать, это всегда связано с неприятностью: предугадать, с какого бока тебя ударят, невозможно. Только теперь вижу, что ошибался. Потому во всеуслышание хочу выразить нашу общую благодарность присутствующему здесь капитану юстиции, военному следователю за проявленные им объективность и настойчивость.

Сказав это, Кононов через стол крепко пожал мою руку. За ним с видимым удовольствием то же самое сделали Свиридов и Папиташвили. Свиридов добавил, обращаясь ко мне:

– Удивительное дело! Вы смогли зародить в нас такие сомнения, какие нам самостоятельно в голову и не приходили.

Все разошлись так же быстро, как и собрались. Кононов и Свиридов отправились по ротам. Куда-то исчез и Безруков, а Папиташвили вывел меня по внутренним ходам к дороге, что вела в Серебрянку, с которой по подсказке Фролова, не дойдя до ее конца, мы тогда свернули на заминированное поле.

В том месте, куда Папиташвили меня привел, уже поджидал мотоциклист с коляской, специально посланный за мной из штаба полка. Он мигом меня усадил в коляску, и мы укатили, обменявшись с Папиташвили прощальным взглядом.

Нечего и говорить, что знакомая мне дорога от батальона к штабу полка на этот раз промелькнула быстро. А в самом штабе первым, кого я увидел, был полковник Шахназаров. Безо всяких предисловий он с улыбкой спросил:

- Надеюсь, что ты результатами своей поездки не огорчен?
- С чего мне было бы огорчаться?
- Да хотя бы с того, что все вышло далеко не так, как это нам представилось!
- Я только этому рад.
- Правду говоришь?
- Ну за кого вы меня считаете? – слегка обиженным тоном произнес я. – Ведь за каждого разоблаченного дезертира или изменника никто гонорара мне платить не станет. Потрудился

без всякой выгоды и по-настоящему доволен, что все получилось иначе, чем это казалось.

– Не сердчай! – дружески потрепал меня по плечу Шахназаров. – К сожалению, мне уже приходилось сталкиваться с другим подходом к такого рода ЧП. Есть и такие, кому проще всего кого-то обвинить во всех смертных грехах и кого-то поостроже наказать.

Этот разговор у нас состоялся в большой штабной комнате, где, кроме нас, присутствовал полковник Зыков. Обращаясь ко мне, он одобрительно произнес:

– Здорово у вас все получилось. Да и языка притащили ценного: хорошо обо всем осведомлен, разговорчив, не врет. Мы его уже направили в дивизию. Там ждут с нетерпением.

– То заслуга не моя, а комвзвода лейтенанта Петрова и его людей! – посчитал необходимым подчеркнуть я. – К слову, за немца и вызволенного из беды нашего солдата Глебова, по моему мнению, всех их надо представить к награде.

– На этот счет не беспокойтесь! Все, что надо, сделаем. Ну а с Глебовым поговорить успели?

– К сожалению, не успел. Он был плох и бредил.

– Когда его сюда доставили, я тоже попытался что-либо выяснить. Да только и у меня ничего не получилось.

Тогда же решили, что и дальше, в дивизию, меня доставит тот же мотоциклист. Я только позвонил в прокуратуру и предупредил о своем приезде.

В это время в штабе полка объявился капитан Алексеев. Завидев меня, он несколько торжественно произнес:

– Привет герою нашего времени! Поздравляю с умопомрачительным успехом.

– Не дури, – отмахнулся я от него.

Но Алексеев в том же нарочито торжественном тоне продолжил:

– Просто уму непостижимо, сколько всего ты успел за эти несколько дней натворить! Мы теперь все у тебя в долгу, как в шелку! Так и знай.

– Что ты, право, мелешь? – оборвал его я.

– Моими устами глаголет истина, – не унимался Алексеев. Но потом, уже посерьезнев и понизив голос, спросил: – Признайся, тебе отправиться на ту сторону было страшно?

– Я на это напросился сам.

– А что до меня, признаюсь тебе откровенно, я, положив руку на сердце, ни за что бы так не усердствовал и собственной жизнью не рисковал. Пропади эти двое, что исчезли, пропадом!

– Мое усердие здесь не при чем, – возразил я. – Мне ничего другого не оставалось. Посуди сам: ведь от прежнего обвинения, выдвинутого против наших солдат, ничего не осталось. Зато совершенно неожиданно возникла версия, что Королькова убил Глебов и с оружием его и своим перекинулся к немцам. Убийство однополчанина, да еще при наличии отягчающих обстоятельств – это не шутка. Надо было это чем-то подтвердить либо опровергнуть. Из всего этого и нашелся только единственный выход...

Алексеев не мог успокоиться:

– Так ведь все могло закончиться весьма и весьма плачевно.

– Ты прав, – подтвердил я. – Да только всегда надо помнить одно: на войне может быть всякое.

Высказавшись так, я поймал себя на том, что повторил сказанное полковником Шахназаровым слово в слово.

Еще я добавил:

– Хочешь верь, хочешь не верь. Я по-настоящему счастлив и, скорее всего, дело прекращу, но уже с полным основанием и чистой совестью.

Разговор с капитаном Алексеевым на меня подействовал. И, разумеется, я уже не мог не подумать о том, что за свое самовольство от нашего прокурора получу взбучку. Так и вышло. Лишь стоило мне переступить порог кабинета Прута, как он тотчас обрушил на мою голову не совсем приветственные слова:

– Мальчишка! Выдумщик! Авантюрист!

Прут прокричал и еще что-то. Раздраженно заявил, что никогда с такими фортелями дела не имел. Не удержался и от

угрозы за самовольный выход на сопредельную территорию немцев отстранить меня от занимаемой должности.

Да только я на все это внешне никак не прореагировал, молча стоял перед ним. По возрасту наш прокурор был чуть ли не вдвое меня старше. У него за плечами были и опыт, и долголетняя военная служба. На его погонах старшего офицера было по две звездочки подполковника юстиции, тогда как у меня не было еще ни одной. И конечно, в минуты гнева, как я считал, он имел право отчитывать меня.

В конце концов он, очевидно, почувствовал, что встретил меня как-то не так, и, погасив грозную направленность своих слов, уже в более спокойном тоне спросил:

– Чего молчишь, не нравится?

Тогда я присел на свободный стул у его стола (чего до этого он не предложил мне сделать) и, будто отмахнув все выслушанное, проговорил:

– Вам известно, что по моему настоянию и с моим участием был обнаружен труп младшего сержанта Королькова, без меня не обошлось и вызволение из плена солдата Глебова. Теперь в их деле все стало на свои места. Разве этого недостаточно?

Теперь промолчал Прут. По-видимому, он понял, что перегнул палку, и примирительным тоном сказал:

– Извини, дорогой, я не в меру погорячился. – Этим и было все исчерпано. Потом он наклонился ко мне и произнес: – Рассказывай!

А когда я со всеми подробностями доложил обо всех своих действиях, удовлетворенно сказал:

– Выходит, что ты молодец, хотя и недостаточно осмотрителен в тех случаях, когда принятое решение вполне может обратиться против тебя самого.

Самое удивительное, что в нашей прокуратуре мои действия одобрили не все.

И одним из таковых оказался секретарь прокуратуры, старший лейтенант юстиции Гельтур, всегда не в меру спокойный и рассудительный. Он авторитетно заявил мне:

– Тебе незачем было геройствовать! Тебе ведь можно было поступить более обдуманно – ограничиться вынесением постановления о розыске этого Глебова и дальнейшее производство по делу прекратить, а там... и концы в воду.

В этом поддержал Гельтура и военный следователь нашей прокуратуры, капитан юстиции Клименко, по возрасту меня старше, не любивший в делах никаких осложнений. Он присутствовал при нашем с Гельтуром разговоре и сквозь зубы процедил:

– Прислушайся к нему. Он прав.

Уже на следующий день я с утра пораньше отправился в медсанбат допросить Глебова. К этому времени он успел прийти в себя и к моему появлению отнесся спокойно. От сознания столь счастливо закончившейся истории его захлестнуло блаженство. И каждого нового посетителя он встречал широкой улыбкой.

Именно здесь я и услышал обо всех перипетиях случившегося с ними.

Как оказалось, немцы выбрались из болота еще до того, как было выставлено наше боевое охранение. Они затаились в камышах, а затем внезапно на них напали. О том, что Корольков был сразу убит, Глебов ничего не знал, вернее сказать, этого не понял. На него самого навалились, заткнули ему рот, накинули на голову мешок и сволокли в болото. При этом избили так, что он потерял сознание. Пришел в себя уже на той стороне. Потом припомнил, что его долго куда-то вели, допрашивали.

– Я прикинулся, что первогодок, только прибыл в часть с полнением и толком ничего не знаю.

– Что же потом? – спросил я.

– Стали нещадно бить, до потери сознания. Потом приводили в чувство, снова спрашивали о расположении нашей части, я твердил все одно и то же, и меня снова били.

И так еще два раза. Но он – то ли от побоев, то ли от лежания на голом полу в погребе – заболел: его бросало в жар, и он уже почти не стоял на ногах...

Глебов обо всем рассказывал настолько искренне, что ему нельзя было не поверить. У него даже слезы выступали на глазах. Правдивый характер его рассказа подтверждали и следы побоев.

В конце нашей беседы я не без внутреннего удовольствия извлек из своей полевой сумки то письмо, адресованное Глебову, что мне передал их комсорг Лихой, и торжественно положил его перед адресатом на белоснежную простыню. В первое мгновение Глебов ничего не понял. Но стоило ему скользнуть взглядом по знакомому почерку, как письмо он схватил. Лицо его покраснелось, пальцы дрожали. И нетрудно было догадаться, какие у него были чувства к той девушке, которая ему написала.

Свое дальнейшее пребывание у него в палате с составлением протокола его допроса я посчитал излишним и тихо удалился.

А на реплику своего коллеги Клименко – прислушаться к словам нашего секретаря Гельтура – между прочим, я так и не ответил и спорить с ним не захотел. Просто я в своей работе привык ни на кого не оглядываться и придерживаться главного правила – в любом случае поступать только по совести.

Счастливое самоубийство

За время моей работы в Абхазии было ещё одно прелюбопытнейшее дело, возникшее в сухумском военном гарнизоне. Поводом к его возникновению послужило хамское отношение к подчиненным старшего офицера, наделенного властью и усвоившего привычку распекать их по любому поводу.

Осенью 1944 года в часть поступило новое офицерское обмундирование из стран-союзниц – Америки и Англии. Оно отличалось улучшенным качеством и по строгому приказу командования распределялось только среди офицеров действующей армии.

Получила его и Отдельная стрелковая бригада, которая располагалась по побережью Черного моря до Новороссийска, где еще не утихали бои. Как прокурор сухумского гарнизона эту стрелковую бригаду обслуживал я. Этим и объясняется то, что я лично знал многих военнослужащих, а среди них и старшину Зураба Твилдиани, свана по национальности, служившего в автоторе на офицерской должности.

Когда стали распределять обмундирование, возник вопрос о Твилдиани: ведь он был старшиной, хотя и на офицерской должности. И командир автоторы разрешил один комплект выдать Твилдиани. Тем более что все знали о представлении его к званию «младший лейтенант».

Твилдиани принятому решению был рад.

Как раз в это время прибыл вновь назначенный начальник штаба бригады полковник Смирнов. Человек уже в возрасте, призванный из запаса, невысокого роста, сутулый, с заметным брюшком, он с первого своего появления в Сухуми сразу проявил себя как человек с неуживчивым характером.

Скорее всего, засидевшись в тылу, он был одержим жадной деятельностью и старался всем доказать свое стремление навести всюду должный порядок.

Начал полковник с того, что накричал на одного из своих помощников, усмотрев в его действиях недостаточную расторопность. Потом строго отчитал оперативного дежурного по штабу, долго разговаривавшего с кем-то по телефону, даже не потрудившись выяснить, кто звонил и по какому поводу. Досталось и коменданту штаба, которого не оказалось на месте, когда Смирнов позвонил ему.

Вот на такого начальника штаба и суждено было нарваться старшине Твилдиани.

Твилдиани приехал в штаб с каким-то поручением, но не успел сделать и нескольких шагов, как встретил полковника Смирнова. Тот сразу обратил внимание на офицерское обмундирование старшины и, ни в чем не разобравшись, заорал:

– Это еще что за явление?! Как ты позволил себе расхажи-

вать в непопложенном тебе обмундировании? Наглец! Я за это тебя живо прочу!

Твилдиани попытался ему что-то объяснить, но Смирнов продолжал кричать:

– Где комендант? Немедленно переодеть его и поместить на гауптвахту, чтобы и другим неповадно было!

Затем, уже обращаясь к Твилдиани, заявил:

– Я долго церемониться с тобой не стану!

Те, кто это слышал, ничуть не сомневались, что хамское обращение может взбесить гордого свана. А Смирнов не унимался и даже дал волю рукам: вцепился старшине в плечо и подтолкнул к подбегавшему коменданту штаба.

И тут произошло неожиданное. Твилдиани потянулся к кобуре и выхватил наган.

Перепуганный насмерть, Смирнов укрылся за спину коменданта, а затем трусливо побежал в штаб.

А старшина Твилдиани поднес наган к своему виску и выстрелил. Остальное произошло, как на экране в кино. Во двор штаба стремительно влетел «газик», с которым старшина, как видно, прибыл в штаб, бездыханное его тело солдатики подняли и быстро увезли в ближайший госпиталь в поселке Гульрипш.

Естественно, что о чрезвычайном происшествии сразу сообщили в военную прокуратуру гарнизона.

Пока мы осматривали место происшествия и составляли протокол, полковник Смирнов во двор штаба не выходил. Я застал его в служебном кабинете, где он, сидя за письменным столом, быстро что-то строчил на бумаге. Скорее всего, это было его обширное донесение об общей обстановке в штабе бригады и об обстоятельствах происшедшего.

Когда я представился, Смирнов, бегло взглянув в мою сторону, даже не приподнялся с места. Мне показалось, что он мое представление пропустил мимо ушей – вполне возможно, что до него не дошло, ни кто я, ни зачем к нему явился.

Поэтому я спокойно произнес:

– Должен вас допросить, освободите мне место, а сами пере-

сядьте вот сюда. – И я указал ему на стул рядом с приставным столиком.

Смирнов несколько удивленно на меня взглянул, что-то понял, заторопился и пересел на указанное мною место. Я уловил его испуганный взгляд, брошенный на мои погоны капитана юстиции.

Я, конечно, начал с выяснения первопричины возникшего конфликта.

Смирнов объяснил его только тем обстоятельством, что старшина позволил себе явиться в штаб в непопозволенном ему обмундировании.

– Вы увидели его впервые? – поинтересовался я.

– Да.

– Откуда он прибыл в штаб и с какой целью? – продолжил выяснять я.

– Меня это не интересовало, – проговорил Смирнов.

– Кто выдал старшине это офицерское обмундирование и разрешил его носить?

– Этот вопрос я бы выяснил позже.

– Вам старшина что-то сказал?

– Нет.

– А вы этим не поинтересовались?

– Нет.

– Какая же была необходимость этого старшину незамедлительно отправить на гауптвахту, да еще и при вмешательстве штабного коменданта?

– Мое решение не обсуждается! – важно изрек Смирнов.

– Свидетели утверждают, что старшина вел себя пристойно и пытался что-то вам объяснить. Разве это было не так?

– Вы, капитан, свое мнение можете оставить при себе! – огрызнулся Смирнов. – Как мне следовало себя вести и что нужно было сделать, я хорошо знаю и без вас.

– А вы подумали над тем, что направление старшины на гауптвахту без всякой его вины могло ему показаться оскорбительным, тем более что он кавказец?

– Позволю себе заявить, что своими вопросами вы вторгаетесь во взаимоотношения начальников с подчиненными.

– Вы его даже оскорбили действием, схватили за гимнастерку и оттолкнули от себя. Как вы расцениваете эти свои начальственные действия?

– А это уже чей-то вымысел! – возмущенно заявил Смирнов.

– Можете объяснить, из-за чего старшина решил покончить самоубийством? – спросил я.

– Попросту дурью мучился, вот и все!

Со Смирновым мы расстались довольно холодно. И поскольку мой следователь продолжал допрашивать свидетелей, я решил отправиться в Гульрипш.

Старшину Твилдиани мне было крайне жаль. Я знал, что он был родом из горного аула сванов. Его жена с малолетними детишками проживала где-то в Сухуми.

До Гульрипша мы доехали довольно быстро. Стало смеркаться, и я обратил внимание, что по ходу нашего движения слева, на разной высоте замелькали какие-то огоньки, двигавшиеся в разных направлениях: создавалось впечатление, что в кустарнике и между деревьев бродили какие-то люди и что-то искали. Никакого объяснения этому я найти не мог и лишь в госпитале увиденное разъяснилось.

Все произошло после того, как туда был доставлен Твилдиани. У него прощупывался слабый пульс, поэтому его сразу занесли в операционную. Незамедлительно к нему был направлен дежурный хирург. Однако стоило дежурному хирургу приблизиться к столу, на котором лежал старшина, как случилось нечто совершенно непредвиденное. Тот приподнялся, резко соскочил с операционного стола, через открытое окно выпрыгнул со второго этажа и убежал.

Вначале все остолбенели. Потом бросились за раненым, да его уже и след простыл. И это с огнестрельным ранением в висок!

По тревоге был поднят весь госпитальный персонал. На его розыски с факелами направились все врачи и санитары. Ведь

Твилдиани мог где-то упасть без сознания и истечь кровью. Но старшина так и не был обнаружен.

Тогда решил помочь общему делу и я. Дозвонился в расположенный поблизости отдельный батальон связи, объяснил обстановку и попросил поднять по тревоге людей, что и было сделано: вскоре прибыла целая рота. Развернувшись цепью, солдаты вновь обшарили все вокруг, но безрезультатно. Старшина как в воду канул. И тогда было решено дальнейшие розыски пропавшего отложить до рассвета.

К себе в Сухуми я возвращался уже в первом часу ночи. Теперь мне стало вдвойне жаль Твилдиани. Надежда на его спасение иссякла. Теперь оставалось только найти его труп. Однако прежде чем ехать домой, я отправился в прокуратуру узнать, не произошло ли в мое отсутствие еще что-нибудь.

Дверь открыл наш секретарь старший сержант Доня, которого мы все звали только по имени – Костя.

К своему удивлению, на его лице я заметил подобие улыбки. Он склонился к моему уху и прошептал:

– Товарищ прокурор! Вас дожидается один человек.

В нашей приемной, ближе к зашторенному окну, в глубоком кресле, положив ноги на приставленный табурет, мирно спал не кто иной, как всеми разыскиваемый старшина Твилдиани. Рядом на полу стояли его сапоги. Голова его была накрест повязана обычным платком, слегка обагранным кровью. Он дышал спокойно и ровно.

Очевидно, сон старшины не был глубоким. Он проснулся и, увидев меня, с возмущением произнес:

– Я ничего плохого не совершал, а он меня захотел упрятать на гауптвахту!

Прежде всего надо было его успокоить. Поэтому, дружески положив ему руку на плечо, я сказал:

– Все знаю и во всем разберусь! Честное слово. Во всяком случае, в обиду вас не дам.

Потом, естественно, поинтересовался:

– Как вы себя чувствуете?

– Вроде как чувствую себя нормально.

«И это он говорит с пулей, застрявшей в голове!» – подумал я. Тут же позвонил дежурному госпиталя, сказав, что старшина разыскан, и предложил подготовиться срочно его оперировать.

Мы с Костей помогли Твилдиани надеть сапоги и посадили в нашу автомашину.

Нечего и говорить о том, что в госпитале нас встретили все, кто успел узнать о нашем приезде. Ведь всем не терпелось увидеть человека, который расхаживал с пулей в голове. Его не раздевая положили на операционный стол, после чего мне и всем остальным ничего не оставалось, как ждать результатов операции.

Сказать честно, большинство из нас на успешный результат этой операции не надеялись. Каково же было общее удивление, когда к нам вышел хирург, сказал, что жизнь старшины вне опасности, и протянул пульку, извлеченную из головы Твилдиани.

Оказывается, произошло чудо. Эта пулька не пробила костей его черепа, а по касательной устремилась под кожей головы, справа налево, где и застряла возле левого уха: видимо, он поднес дуло нагана к виску не перпендикулярно, а по касательной.

След от ранения у Твилдиани зажил довольно быстро. Вот так для него закончилась эта эпопея с несостоявшимся самоубийством.

В ту памятную ночь в окно квартиры полковника Смирнова влетел бульжник. Это сразу было расценено как предупреждение о том, что братья старшины Твилдиани просто так действия полковника Смирнова не простят.

Командир бригады посоветовал Смирнову поскорей уехать. И тот с первым поездом уехал с семьей в Тбилиси.

Больше в Сухуми он уже не возвращался. Возбужденное против него уголовное дело я прекратил за отсутствием тяжелых последствий им содеянного. А через три дня из штаба Закавказского фронта поступил приказ о присвоении старшине Твилдиани офицерского звания «младший лейтенант».

Самозванцы

Следственная практика знает и такие уголовные дела, которые возникают из ничего, как говорится, совершенно на ровном месте. Именно о таком деле, не имеющем аналога в нашей следственной работе, я и хочу рассказать.

Все началось летом 1952 года с простенькой жалобы от колхозника из Молдавии с легко запоминающейся фамилией Ефременко. Он в качестве вольнонаемного воинской части УВС-1 свыше года проработал на дорожном строительстве. Однако при увольнении ему почему-то недодали сравнительно небольшую сумму облигаций в размере двухсот рублей.

Обиженный Ефременко несколько раз обращался с письменными заявлениями на имя начальника УВС-1 инженер-полковника Павленко Николая Максимовича, но безрезультатно.

Свои жалобы Ефременко направил в несколько известных ему организаций как местного, республиканского, так и союзного значения, впрочем, так ничего и не добившись. Последняя жалоба была адресована в Верховный Совет СССР, откуда и поступила для проверки в Главную военную прокуратуру. Ведь шла речь о незавершенных взаимоотношениях воинской части и бывшего ее вольнонаемного.

В те годы в отделе писем работал полковник юстиции Клосс, которому, нужно признать, в жизни крупно повезло. Он попал как раз в ту сферу служебной деятельности, которая привлекала его больше всего. Создавалось даже впечатление, что обширная почта, ложившаяся ему на стол, доставляла ему истинное удовлетворение. К ней он относился с предельным вниманием, вникая в любую мелочь, и отличался примерной исполнительностью и умением избегать всякой волокиты.

Внешне неказистый, хлипкого телосложения и малого роста, с курчавой бороденкой, он целыми днями сидел за столом в дальнем углу своего кабинета, полностью отдаваясь работе с письмами и жалобами. Его трудолюбию мог позавидовать любой из нас.

Для выяснения местонахождения воинской части УВС-1 (расшифрованной им как Управление военного строительства № 1) Клосс сделал запрос в Министерство обороны СССР, которое, кстати, находилось недалеко от нас. Однако ответ на запрос Клосс получил неутешительный: в штате Министерства обороны никакого УВС-1 не значилось.

Тогда Клосс направил свой очередной запрос уже в Главное управление кадров министерства об инженер-полковнике Павленко. В полученном им ответе говорилось, что в списке офицерского состава министерства инженер-полковник Павленко Николай Максимович не значится.

Вот так, совершенно неожиданно для Клосса, все сложилось.

Тогда Клосс обратился с аналогичными запросами в Министерство внутренних дел СССР, в органы государственной безопасности. Можно было предположить, что УВС-1 находится в их ведомстве. И вновь неудача: ни инженер-полковник Н. М. Павленко, ни УВС-1 там тоже не были обнаружены.

Клосс доложил руководству, что считает необходимым направить к Ефременко кого-то из оперативно-следственных работников из Главной военной прокуратуры, чтобы все досконально выяснить на месте. Это предложение было принято.

И вскоре в Молдавию с секретным заданием отправился помощник прокурора следственного отдела подполковник юстиции Добровольский – человек молодой и энергичный, рано облысевший, с пытливым взглядом глубоко посаженных глаз.

Добровольский, как и следовало ожидать, без особого труда разыскал Ефременко. Оказалось, что воинская часть УВС-1 располагалась в Кишиневе. Сам жалобщик в штабе этой части никогда не бывал, так как выполнял дорожные работы на периферии, числясь вольнонаемным при подчиненном инженер-полковнику Павленко низовом подразделении.

Добровольский разыскал штаб УВС-1 на окраине Кишинева в большом пятиэтажном особняке.

Над входом красовалась выбитая на мраморной доске надпись: «Управление военно-строительных работ № 1».

Добровольский зашел в вестибюль штаба, где все выглядело совершенно обычно, как в любой воинской части: на возвышении через три ступеньки часовой с автоматом, проверявший пропуск у всех, кто входил или выходил из штаба, оперативный дежурный, державшийся несколько поодаль, а в глубине – знамя части и возле него двое сменных вооруженных часовых.

Добровольский обратил внимание на приклеенный к стене приказ о времени приема посетителей, подписанный командиром части инженер-полковником Павленко и начальником штаба капитаном Завадой. Заметил Добровольский и то, что на вывеске и на этом приказе отсутствовало указание на принадлежность УВС-1 к Министерству обороны СССР или же к какой-либо другой вышестоящей организации.

Часовой на топтавшегося в вестибюле подполковника Добровольского, похоже, никакого внимания не обратил. Не задал он ему и никаких вопросов.

Внезапно появился сам инженер-полковник Павленко, лихо подъехав на легковом автомобиле. Командир части имел интеллигентный вид, держался уверенно, был гладко выбрит, в роговых очках. Китель с полковничьими погонами и несколькими орденами сидел на нем ладно. В штаб он прошел твердой походкой, не оглядываясь, как хозяин. Что это был Павленко, Добровольский не сомневался. Он даже приветствовал его, приложив руку к козырьку, как младший по званию.

Помощник прокурора обошел особняк штаба УВС-1 и убедился, что всюду вооруженные охранники, бдительно не допускавшие на территорию штаба никого из посторонних. Чем дальше Добровольский находился возле штаба, тем более крепла в нем уверенность, что он столкнулся с немыслимым фактом существования лжевоенной части, возглавляемой самозванным полковником. Не оставляла его и мысль о том, что все лица, причастные к УВС-1, об этом знали и никакого отношения к Советской армии не имели. А если это была попросту вооруженная банда, скрывавшаяся под вполне пристойной вывеской?

Надо было что-то предпринять, и Добровольский обратился в Кишиневское городское отделение милиции, выяснил, кто обслуживает район, где располагалось УВС-1, и постарался кое-что выведать. Оказалось, что у Павленко правой рукой был некий майор Константинер, именовавший себя начальником отдела контрразведки УВС-1. Все встречи с работниками органов милиции он замыкал на себя. От него и стало им известно, что эта воинская часть на договорных началах занималась строительством подъездных путей к аэродромам и угольным шахтам, и не только в Молдавии, но и на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Кроме того, Константинер намекал, что они выполняли дорожно-строительные работы и для неких особо засекреченных объектов, и что все это делалось по указанию и с ведома Министерства обороны СССР.

Кто направлял и проверял эту их работу – никому в милиции известно не было. С руководством воинских частей, дислоцированных в Кишиневе, Павленко не общался.

Доклад Добровольского руководству Главной военной прокуратуры о результатах своего пребывания в Кишиневе произвел впечатление настоящей сенсации.

Вот так, совершенно неожиданно, возникло это необычное уголовное дело. Была создана оперативно-следственная бригада, возглавляемая начальником следственного отдела Главной военной прокуратуры полковником юстиции В. П. Маркарьянцем. В нее включили несколько военных следователей по особо важным делам, в том числе и меня, а также опытных оперативно-следственных работников из органов госбезопасности и милиции.

Однако начать следствие по делу оказалось непросто. По общему мнению, следовало произвести единовременный арест всех руководителей УВС-1 – ведь имелись и в других республиках низовые подразделения, подчиненные УВС-1. Посему и было решено направить в Кишинев только часть следственной бригады, которая, прослушивая телефонные разговоры и негласно знакомясь с обычной перепиской, могла бы выявить все связи УВС-1.

Удалось установить, что каждую пятницу на Главпочтамт с утра поочередно приходили то Павленко, то Константи́нер, и каждый день дожидались вызова из других республик. Это позволило узнать местонахождение всех соучастников Павленко.

Из Москвы и Кишинева по новым адресам сразу направились оперативно-следственные работники, все досконально выяснили и подготовили одновременное проведение общей операции.

После тщательной подготовки операция прошла на рассвете 14 ноября 1952 года. Кроме оперативно-следственных работников следственной бригады в ней участвовали отдельные подразделения Советской армии. Конспирация и внезапность позволили застигнуть врасплох всех участников УВС-1, а их было свыше трехсот, в том числе пятьдесят так называемых офицеров, лиц сержантского состава и рядовых. В числе задержанных оказались и главари УВС-1 Павленко и Константи́нер. Они, оказывается, были свояками.

Во время этой беспрецедентной акции было изъято 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 25 винтовок и карабинов, 18 пистолетов и свыше 3000 боевых патронов.

Общую картину дополнили 113 различных круглых гербовых печатей и штампов, несколько тысяч бланков, отпечатанных типографским способом, а также фальшивые удостоверения и технические паспорта.

Особый интерес представляли так называемые трудовые соглашения и договора между УВС-1 и государственными организациями и предприятиями на выполнение дорожно-строительных работ, за которые на счета УВС-1, открытые в разных банках по фиктивным письмам и доверенностям, перечислялись значительные суммы денег. Свободный доступ к ним имели лишь Павленко и Константи́нер.

В ходе расследования было установлено, что в договорах, как правило, фактическая стоимость работ завышалась.

Мало того, липовым старшинам, сержантам и рядовым ежемесячно выплачивались суммы, в два-три раза превы-

шавшие зарплату работников государственных учреждений. Преступной сплоченности таких «военнослужащих» способствовало и то обстоятельство, что все они были набраны из числа родственников или хороших знакомых, так называемых «офицеров».

Я допрашивал Павленко и Константинера. Первоначально оба ввали, ссылаясь на других или свою плохую память.

Самого же Павленко интересовал лишь один вопрос: кто их продал?

Правда, с течением времени Павленко и Константинер не только стали давать правдивые показания, но и охотно припоминали разные, весьма забавные случаи. Так, Константинер рассказал, как однажды, возвращаясь из Львова, где в банке получил большую сумму денег, напился и, садясь в самолет, уронил с трапа чемодан. Чемодан от сильного удара о землю раскрылся, и деньги, а их было около двух миллионов рублей, разлетелись. Их долго повсюду подбирали, из-за чего вылет самолета был задержан почти на полчаса. Константинера спасло то, что он предъявил свое фальшивое удостоверение начальника отдела контрразведки УВС-1.

Стало ясно, что создал УВС-1 Павленко, который до войны работал в системе Главвоенстроя, где наряду с прочим занимался и дорожным строительством.

Выяснилось, что Николай Павленко родом с Киевщины, из

1952 г., Львов, в период работы по уголовному делу преступной группы Павленко

семьи раскулаченного сельского мельника. Воспитывался у дальних родственников. Окончил школу-десятилетку и поступил в Московский инженерно-строительный институт, где проучился лишь до 3-го курса. Потом он по собственному желанию перешел на практическую работу в качестве старшего прораба, затем начальника строительного участка в системе Главвоенстроя Министерства обороны СССР. Был аттестован как младший офицер-воентехник, позже призван на военную службу и войну встретил воентехником 1-го ранга.

Стрелковый корпус, в котором служил Павленко, с тяжелыми боями отступал на восток.

И вот тогда Павленко дезертировал с фронта, сфабриковал фиктивное командировочное удостоверение, и под предлогом получения новой техники, благополучно преодолев систему заградительных отрядов, укрылся у знакомых в Калининграде.

В конце марта 1942 года у него созрела дерзкая идея создать собственную военно-строительную часть, что облегчалось наличием бесхозной строительной техники, простаивавшей на территории бывшей артели «Пландорстроя».

Костяк так называемого Управления военно-строительных работ (УВСР) составили ближайшие родственники и знакомые Павленко, уклонявшиеся под разными предлогами от призыва. Офицерское обмундирование приобрели прямо на базаре, где в то время шла бойкая торговля такого рода товарами. Тогда же Павленко присвоил себе звание военного инженера 1-го ранга.

Нашелся и умелец, который из обыкновенной резиновой подошвы сварганил для Павленко гербовую печать и соответствующие штампы. Кроме того, Павленко получил за продуктовую взятку в местной типографии необходимые ему бланки для УВСР. Завершением всего этого явилось письмо на фирменном бланке за подписью Павленко, адресованное в горвоенкомат с просьбой направить к нему для прохождения дальнейшей военной службы тех, кто по каким-то при-

чинам отстал от своей части, и тех, кто был выписан из госпиталей.

Павленко по фиктивным документам открыл и банковский счет, на который поступали деньги от заказчиков. Их он делил со своими соратниками. Энергичный и предприимчивый, Павленко нравился людям. Он втерся в доверие к начальнику Калининского эвакуопункта, и тот распорядился принять военно-строительную часть УВСР на полное довольствие.

Однако угроза немецкого вторжения в Калинин отпала. И тогда Павленко, боясь, что в более спокойной обстановке их разоблачат, перешел в подчинение другого воинского подразделения и, двигаясь за отступавшими немцами, строил подъездные пути к временным аэродромам.

Приближалась польская граница. У Павленко уже красовались на плечах погоны инженер-подполковника. Это звание вполне соответствовало начальнику второстепенного подразделения и не бросалось в глаза. Константинер довольствовался звездочками капитана.

Павленко, Константинер и другие не гнушались разграблением трофейного имущества. Так, пребывая в тылу, они проследовали через всю Польшу, а затем оказались в Германии, подойдя почти к самому Берлину. Тогда необходимость в строительстве подъездных путей к аэродромам отпала и военно-строительная часть Павленко стала напоминать вооруженную банду, занимавшуюся грабежами местного населения.

Павленко к этому моменту стал инженер-полковником, а Константинер – майором.

Воспользовавшись праздничной победной обстановкой, Павленко по наградным листам получил свыше двухсот правительственных наград, которые раздал своим соратникам. Ордена Отечественной войны I и II степеней и орден Красного Знамени Павленко вытребовал и для себя.

Со своим эшелоном Павленко возвратился в Калинин, выгодно распродал награбленный скот и продукты, а всех лиц сержантского и рядового состава в установленном порядке де-

мобилизовал, выплатив каждому по двенадцать тысяч рублей, что по тем временам составило немалые деньги. Себе и Константинеру он взял по девяносто тысяч.

Однако через два года деньги иссякли. Тогда созрела мысль о создании еще одной лжевоенной строительной части. Павленко списался с Константинером, и они собрали своих бывших офицеров, под свой штаб арендовали в Кишиневе пустующий особняк.

На этот раз Павленко свою воссозданную воинскую часть стал именовать Управлением военного строительства № 1 (УВС-1). Все пошло по уже известному кругу.

На разбирательство дела Павленко потребовалось свыше полугода. 4 апреля 1955 года был оглашен приговор Военного трибунала Московского округа. Суд признал всех подсудимых виновными в совершенных преступлениях и для Павленко определил высшую меру наказания – расстрел. Константинер и еще шестнадцать «офицеров» были осуждены к лишению свободы сроком от 5 до 25 лет.

Дела второстепенных участников были направлены в другие суды.

Простое убийство

Это произошло весной 1961 года в городе Кизыл-Арват, что находится северо-западнее Ашхабада, столицы тогда еще Туркменской ССР.

Кизыл-Арват – город-оазис, со всех сторон окруженный голыми степями, постепенно поглощаемыми с востока зыбучими песками пустыни Каракумы.

В те годы проживали там в большинстве русские поселенцы и военнослужащие с семьями, а также немалочисленные туркмены, возглавляемые степенными старцами в высоких папахах.

В центре города сгрудились лавчонки, по правую сторону дороги к ним вплотную примыкало двухэтажное здание един-

ственной в городе гостиницы, напоминавшее обыкновенную казарму, а на углу красовалось городское отделение милиции, откуда все вокруг свободно просматривалось.

В городе, конечно, был и по-восточному шумный и крикливый базар с овощами, фруктами, зеленью, с пышными лепешками и с молочными продуктами – свежим и кислым молоком, кефиром и сырами.

Среди местных достопримечательностей особое место занимали симпатичные ослики, то и дело сотрясающие воздух своими криками, а также степенно вышагивающие верблюды.

В тот памятный понедельник рано утром случайный прохожий в безлюдном месте, под забором топливного склада, обнаружил лежавшую на земле женщину почти без признаков жизни со следами ударов, видимо, от булыжника – он валялся рядом, весь в пятнах крови. Платье и белье на женщине были разорваны. По дороге в больницу она скончалась, не приходя в сознание.

Довольно быстро удалось установить личность потерпевшей. Ею оказалась Евдокия Духонина – продавщица одного из продуктовых магазинов. А проживала она недалеко от места, где была обнаружена, в одноэтажном доме барачного типа.

Ничего предосудительного за Духониной не числилось. Была она женщиной средних лет, еще довольно миловидной. Уже больше двух лет, как развелась с мужем и жила одна.

По врачебному заключению смерть Духониной наступила в результате множественных кровоизлияний в мозг от ударов камнем типа булыжник. Именно такой камень овальной формы и был подобран на месте происшествия.

Кроме того, на платье потерпевшей были обнаружены свежие пятна спермы, что и укрепило версию об изнасиловании.

Впрочем, преступника искали недолго. По общему мнению, им мог оказаться только старшина одной воинской части Иван Мягков. Он был арестован и привлечен к уголовной ответственности за изнасилование и преднамеренное убийство Евдокии Духониной.

Давая санкцию на арест Мягкова, военный прокурор Ашха-

бадского гарнизона и следователь, которому было поручено расследовать дело, ничуть не сомневались в его виновности. Для этого, по их твердому убеждению, они располагали достаточными основаниями.

Во-первых, по показаниям свидетелей, накануне происшествия Мягков в компании долго распивал спиртное в открытом буфете так называемого городского железнодорожного парка. Духонина сидела недалеко от него за общим столом. Затем Мягков отправился провожать Духонину домой.

По показаниям свидетелей из числа соседей Духониной, пьяный Мягков вместе с Духониной, также не совсем трезвой, до глубокой ночи шумели у них во дворе. Его пьяные выкрики, пение и брань прекратились только после решительного вмешательства жильцов дома. Но и потом Мягков еще несколько раз ломился к ним в двери.

При обыске в его квартире были найдены брюки с затертыми пятнами спермы, по группе совпадающей со следами спермы на одежде Духониной. Следователь еще обратил внимание на свежие царапины на лице обвиняемого, что говорило о том, что Духонина сопротивлялась. Судебно-медицинская экспертиза определила: царапины причинены ногтями человека.

Между тем Мягков свою вину упорно отрицал и договорился до того, что в буфете парка Духонину не видел и провожать ее не ходил.

Далее предварительное следствие зашло в тупик. Свидетелей, которые бы видели его там, где было обнаружено тело, не нашлось.

В Главной военной прокуратуре родилась идея передать это дело для более углубленного расследования в мое производство, как военного следователя по особо важным делам. Так я очутился в Ашхабаде и сразу приступил к допросам Мягкова. Однако его показания неизменно заканчивались одним и тем же: «Я ни в чем не виноват!»

Тогда я отправился в Кизыл-Арват, где допросил жену Мягкова. Она мне рассказала, что в воскресенье к вечеру сама ви-

дела, как он, собираясь в парк железнодорожников, надел те самые брюки.

Соседи по дому отзывались о нем неплохо. На работе он пользовался уважением и с начальством ладил.

В отличие от своего предшественника, военного следователя, я решил отойти от версии о вине одного Мягкова. Я не исключил, что на Духонину мог напасть кто-то другой.

Поэтому я решил проверить в городской милиции, кто в ту ночь был доставлен в отделение из числа пьяниц, воров, хулиганов и вообще подозрительных лиц. Мне принесли целый список. Однако ничего стоящего в нем на первый взгляд я не обнаружил и допросил бывшего мужа Духониной. Судя по всему, он перенес ее смерть тяжело.

Дело приобретало затяжной характер. Надо сказать, что именно в эти дни весь мир рукоплескал Юрию Гагарину, который первым шагнул в космос. Все газеты, радио- и телепередачи были заполнены сообщениями об этом историческом событии. Признаюсь, на фоне этого вся моя работа показалась мне обыденной и малопривлекательной. Мой интерес к делу даже поубавился.

Вот почему я возвратился в Ашхабад, где предстояло объявить Мягкову и его адвокату об окончании следствия, ознакомить их с материалами дела, рассмотреть их ходатайства, если только они не пожелают приберечь их до суда, и, составив обвинительное заключение, направить дело в суд.

Однако Мягков, знакомясь с материалами дела и дойдя до списка тех, кого доставили в городское отделение милиции в ночь преступления, вдруг обратил внимание на некоего Манзырева и тут же вспомнил, что сидел с ним в одной камере и тот, с виду парень здоровенный, все хлюпал носом, переживал. Он был солдат автобазы, что рядом с вокзалом. От него Мягков услышал, что тот вместе с другим солдатом ходил в самоволку, они пьянствовали, переоделись в гражданское и вышли в город погулять, но потеряли друг друга. Милицейский патруль задержал вначале Манзырева, а потом и его дружка.

– Зачем вы мне это рассказываете? – удивился я.

И тогда Мягков меня огорошил:

– Я слышал, что на рубашке этого напарника была кровь. Вроде как он подрался и кого-то камнем ударил.

От таких его слов я застыл в изумлении, а адвокат оживился, сразу уловив значение слов Мягкова.

Заявление подозреваемого, при всей его неопределенности, можно было расценить лишь с позиции вновь открывшихся обстоятельств, требующих проверки. Я вынес постановление о возобновлении следствия.

Так я вновь появился в Кизыл-Арвате.

В книге регистрации задержанных нашел солдата, который ходил с Манзыревым в самовольную отлучку. Им оказался рядовой Евтух.

Среди документов штаба я разыскал материалы. Самовольщиков допрашивал офицер-дознаватель капитан Петров. Оно было проведено весьма формально, но только я нашел то, что мне было нужно. Дознаватель спросил, каково происхождение пятен крови на рубашке Евтуха. В ответ услышал:

– По пьянке кого-то ударил камнем.

Дознаватель оставил этот ответ без внимания. В конечном счете у Манзырева и Евтуха все обошлось без особых последствий.

К этому моменту допросить Манзырева и Евтуха я не мог: капитан Петров убыл для прохождения дальнейшей службы в Ташкент, а Манзырев и Евтух были демобилизованы. Манзырев уехал по месту своего призыва в армию, в совхоз «Каракум-канал» Марыйского района Туркменской ССР, а Евтух – в Алма-Ату к родственникам. И мне ничего не оставалось, как последовать за ними.

В тот же день я вылетел в Ташкент, где без особого труда разыскал капитана Петрова. Капитан оказался человеком разговорчивым и контактным. Он все хорошо помнил. Однако, к моему огорчению, ничего нового сказать не мог. Об убийстве Духониной он ничего не слышал.

Несолоно хлебавши я отправился в Ашхабад, а оттуда – в город Мары.

В совхоз «Каракум-канал» я добирался на вездеходном «газике», который мне любезно предоставили в местной прокуратуре. Вопреки моему ожиданию, до совхоза добрались мы довольно скоро. Он предстал на нашем пути внезапно, как видение, со своими стандартными одноэтажными домиками, возле которых стояли какие-то дорожно-строительные механизмы, трактора, экскаваторы, бульдозеры, грузовые автомашины.

На этот раз мне повезло. Бригадир тракторной бригады Алексей Манзырев, широкоплечий крепыш, со своими людьми был задействован на каких-то ремонтных работах и оказался на месте.

К моему появлению он отнесся спокойно и откровенно рассказал обо всем: о самовольной отлучке из части, о выпивке в доме известного им местного жителя, об их переодевании у него же в гражданскую одежду, об уходе в город, где он и Евтух, оба пьяные, потеряли друг друга.

Я его слушал, не перебивая. Манзырев рассказал, что еще на гауптвахте переговорил с Евтухом и тот ему признался в том, что натворил в ту ночь. Где-то на окраине города он случайно встретил какую-то женщину, как видно, тоже пьяную, попытался ее свалить, но она стала сопротивляться. Евтух, обозленный этим, поднял с земли камень и ударил ее по голове. Затем, испугавшись, он убежал. Что стало с той женщиной, Евтух не знал. Но все обошлось без неприятностей, и на допросе у дознавателя Евтух как-то вывернулся.

Понятно, что после таких показаний Манзырева мне необходимо было найти Евтуха. И я отправился в Алма-Ату.

Домашний адрес Евтуха у меня был. Однако меня поджидало полное разочарование. Евтух перебрался на постоянное место жительства в город Джалал-Абад Киргизской ССР, к самой границе с Китаем.

Самолетом я долетел до Фрунзе, а оттуда на наземном транспорте прибыл и в город Джалал-Абад.

Только и здесь меня постигла неудача. Евтух подался в город Ош, до которого, правда, было сравнительно недалеко.

Город Ош встретил меня совершенно безоблачным небом, узкими улочками, наглухо прикрытыми широколиственными высокими деревьями, не пропускавшими горячих лучей солнца. Я уже знал, что Евтух устроился водителем рефрижератора в местной торговой организации по перевозке разных грузов на дальние расстояния. Но мне опять не повезло: Евтух пару дней назад отбыл с грузом в город Хорог, на Памир.

Кто в своей жизни не отваживается предпринять поездку в горы, тот начисто лишен всякой возможности увидеть с облачных высот дикую красоту бездонных пропастей, почти наглухо замкнутых ущелий, а также горных отрогов с реденьким лесочком, своими корнями вцепившимся в замшелые валуны.

Наш автобус перед завершающим подъемом натужно хрипел и чихал, порой останавливался и двигался вперед рывками, с трудом преодолевая все новые и новые повороты дорожного серпантина.

В Хороге я разыскал Евтуха довольно быстро. Пораженный моим появлением, он долго не запирался и свою вину признал.

Оказалось, что в ту памятную ночь, будучи пьян и потеряв Манзырева, он забрел черт знает куда. Внезапно увидел какую-то женщину, тоже, как видно, пьяную. Он на нее напал. Она стала яростно сопротивляться. Вот тогда, обозленный этим и совершенно неожиданно для себя, он и нанес ей несколько ударов по голове камнем, подвернувшимся под руку.

Об аресте какого-то Мягкова, заподозренного в убийстве пьяной женщины, Евтух ничего не слышал, как не знал и его самого.

На следующий день я и Евтух в наручниках и в сопровождении вооруженного конвоира-милиционера вылетели рейсовым самолетом в Душанбе, а оттуда – в Ашхабад.

Там я освободил Мягкова по своему постановлению о прекращении в отношении него дела за отсутствием в его дей-

ствиях состава преступления. В следственный кабинет он явился сумрачный, сопровождаемый своим адвокатом, и молчаливо уставился на меня. Я выложил на стол свое постановление и предложил с ним ознакомиться.

Что произошло после того, трудно передать словами. Мягков, испуганно озираясь и тяжело дыша, буквально рухнул на стул. А его адвокат, будто благополучно решила его собственная судьба, все восклицал:

– В моей практике это единственный случай, когда следователь приложил столько усилий лишь для того, чтобы вызвать обвиняемого из беды!

Потом состоялся еще один допрос Мягкова в качестве свободного человека.

И лента прежних его показаний как бы стала уже раскручиваться в обратном направлении. Я его спросил:

– Скажите, это правда, что весь вечер в то воскресенье вы провели в кафе парка железнодорожников, где Духонина за общим столом сидела недалеко от вас?

– Все так и было.

– Вы из парка железнодорожников Духонину пошли провожать?

– Пошел.

– Во дворе у нее вы как себя вели?

– Это тошно и вспоминать. Все было так, как показали ее соседи по дому.

– Вы к Духониной приставали?

– Приставал.

– Лицо она исцарапала вам?

– Она сопротивлялась. Дело мужское, полез к ней силой.

– Обнаруженные во дворе у них на лавочке шляпа и расческа когда там были забыты?

– Я забыл их, собираясь уйти домой. Это было уже поздно ночью, в понедельник.

– Каким образом ваша сперма могла попасть к вам на брюки костюма и на ее платье?

– Эти брюки были на мне. И когда я к ней приставал, то не сдержался и...

– Как Духонина снова оказалась на улице?

– Увязалась проводить меня домой. Ведь я еле держался на ногах.

– И проводила?

– Только до поворота у дровяного склада.

– Почему избрали дорогу в направлении топливного склада?

– Для меня это самый короткий путь. О том, где я жил, Духонина хорошо знала.

– Зачем вы так долго все это скрывали? Ведь за заведомо ложные показания в последующем вас мог бы осудить и суд, признав виновным в изнасиловании и убийстве Духониной.

– Дураков нет! – выпалил Мягков.

Я понял: над ним все время довлела железная логика обывателя: скажешь правду – и тебе сразу пришьют вину, от которой не отвяжешься.

Из тюрьмы мы вышли втроем: я, Мягков и его адвокат. А дальше наши пути разошлись.

Должен признать, что с этим уголовным делом мне еще пришлось повозиться: получить санкцию на арест Евтуха, предъявить ему обвинение, избрать в отношении него мерой пресечения содержание под стражей в тюрьме, обеспечить защитой в лице адвоката.

Кроме того, я доставил Евтуха в Кизыл-Арват, где в присутствии понятых он воспроизвел события. Самое удивительное, что это все он хорошо помнил.

Уже после передачи дела Евтуха в суд один наш сотрудник восхитился:

– Ты словно космонавт: умудрился налетать и наездить по делу черт знает сколько. Вначале полетел из Москвы в Ашхабад, потом добрался до Кизыл-Арвата, оттуда возвратился в Ашхабад, проехался в город Мары и в совхоз «Каракум-канал», вернулся через Мары в Ашхабад, побывал в Ташкенте, снова в Ашхабаде, а затем в Алма-Ате, Джалал-Абаде и городе Ош. Из

него оказался в высокогорном городе Хорог, а оттуда пролетел самолетами в Душанбе и снова в Ашхабад. К этому еще можно добавить очередную поездку в Кизыл-Арват и обратно и заключительный полет из Ашхабада в Москву. От всего этого голова идет кругом. – И закончил: – Стоило ли это все делать? Чего ты в конечном к счете добился? Вместо одного пьяницы теперь осудят другого. Итог довольно грустный, ты не находишь?

– Нет. Ведь осудят человека действительно виновного в убийстве женщины, а не отца семейства с двумя малолетними детишками. Разве я не был обязан установить истину?

Соглашаясь со мной, мой собеседник произнес:

– Возможно, что ты поступил по совести, верно. Однако другого такого дела я больше не знаю.

Евтух за совершенное преступление был наказан сравнительно мягко – осужден к пяти годам тюремного заключения. При определении ему меры наказания суд, безусловно, принял во внимание его чистосердечное признание. С моей точки зрения, это было правильно.

Три убийства

В Ленинграде многие годы жило семейство латышей по фамилии Сабонис: отец – директор одной из средних школ, мать – учительница начальных классов и двое детей: сын Артур – военнослужащий одной из воинских частей местного гарнизона, старший лейтенант, и дочь Ольга школьного возраста.

В самом центре города у них была благоустроенная трехкомнатная квартира. Кроме нее, они имели собственную дачу в поселке Вырица Гатчинского района, почти в городской черте.

Сын Артур, своевольный, эгоистичный и нелюдимый, служил без замечаний командования, но дружбы ни с кем не водил. О таких обычно говорят: он себе на уме, занят вопросами личного благополучия, бездушен.

Этому в известной степени способствовало и воспитание родителей, рано пробудивших в нем чувство собственной исключительности. Зато Ольга была полной противоположностью брату: добрая, послушная, ласковая.

Ужасное событие случилось в разгар лета 1969 года: Олечка пропала.

По словам родителей и брата, в тот день до позднего вечера она находилась на даче. Отец собирал на приусадебном участке клубнику, а мать с утра уехала в город по своим делам. Артур о себе сказал, что с увлечением читал на веранде какую-то книгу.

Предпринятые попытки разыскать Ольгу у ее подруг и соседних дачников результатов не дали. Оказались тщетными и ее поиски в Ленинграде у родственников и знакомых.

Не помогли обращения к читателям газет с ее описанием и фотографией. Ни к чему не привели и объявления по радио и телевидению.

Нечего и говорить, что родители Ольги все это тяжело переживали. Неожиданно Артур проявил себя с наилучшей стороны. Он часами ходил по окрестностям в надежде отыскать хоть какие-то следы исчезнувшей сестры, добровольно взвалил на себя все хозяйственные работы по даче, чем раньше никогда не занимался.

В те дни у них на даче на правах его невесты поселилась Лариса Кузнецова, молодая особа двадцати лет. Она сразу приняла живое участие во всех их делах: готовила еду, следила за порядком на даче, ездила за продуктами. Естественно, что к ней постепенно привыкли.

Примерно через месяц после исчезновения Олечки, 30 августа, ее отцу исполнилось 60 лет. Эту дату они отметили весьма скромно, в кругу внезапно приехавших из другого города друзей, не знавших об их несчастье.

А на другой день, когда друзья уехали, Сабонисов пригласили в гости дачники Кобринские, их соседи. У них они скоротали вечер за чаем и с наступлением сумерек ушли к себе.

Как всегда в последнее время, Артур дал матери что-то успокаивающее – она жаловалась на бессонницу.

Спать улеглись рано. Среди ночи Лариса проснулась от прозвучавших где-то рядом один за другим двух выстрелов.

И сразу на пороге ее комнаты появился Артур, босиком, в трусах. Он срывающимся голосом сообщил кошмарную новость: отец только что застрелил его мать, а затем покончил с собой.

Лариса в первый момент буквально оцепенела. Но Артур схватил ее за руку и затащил, едва ли не волоком, в комнату родителей, где перед ними предстала жуткая картина. Его отец и мать с окровавленными головами лежали в кроватях. А когда Артур сдернул с отца одеяло, то с его тела свалилось охотничье двуствольное ружье с привязанным к курку длинным шпагатом.

Артур со знанием дела стал объяснять Ларисе, как все произошло: первым выстрелом отец убил мать, потом конец уже подвязанного шпагата зажал между пальцами ноги, потянул за него и спустил курок.

Известие о новом несчастье в семье Сабонисов взбудоражило весь поселок.

1 сентября 1969 года в местной прокуратуре было возбуждено уголовное дело.

Единственным потерпевшим по этому делу стал Артур. И он сразу выдвинул ту версию, которую излагал Ларисе.

По твердому убеждению Артура, его отец поступил так потому, что не смог перенести потерю дочери, к тому же он, оказывается, был психически ненормален: еще в 1943 году во время войны подвергался обследованию в Свердловской психиатрической больнице (по месту их эвакуации), был признан шизофреником и освобожден от военной службы. Достоверность этого никто уже через столько лет проверить не стал.

Наличие свежих следов в стволе ружья от двух выстрелов было установлено простым техническим осмотром.

Лариса Кузнецова подтвердила по просьбе Артура, чтобы

избежать лишних вопросов, что в ту ночь они спали на даче вместе и были одновременно разбужены двумя выстрелами, последовавшими с небольшим интервалом.

30 октября, по истечении двухмесячного срока, как положено, следствие по делу было прекращено.

Похоронив родителей, Артур вскоре женился на Ларисе Кузнецовой.

Молодые стали жить в городской квартире Сабонисов и первое время были всем довольны. Но вскоре отношения между ними стали портиться. Артур стал скандалить по любому поводу и без повода, помногу выпивал и допоздна отсутствовал в доме.

Лариса пыталась его как-то образумить, но Артур только отмахивался и скандалил.

В то же время она заметила, что свои «глубокие» переживания он широко демонстрировал лишь на людях, но стоило им остаться наедине, как Артур мог без конца смеяться и шутить. Ни одного доброго слова об отце и матери от него она не слышала.

У него появились значительные суммы денег, снятые со сберкнижек отца и матери. Эти деньги он держал при себе и все время говорил, что у отца с матерью должны быть припрятаны еще наличные суммы. Он буквально перевернул все вверх дном, но денег не нашел.

Наиболее ценные вещи родителей Артур быстро распродал. Лариса была потрясена: в день похорон Артур с лежавшего в гробу отца новый костюм заменил на старый. Позже он этот новый костюм отнес в комиссионный магазин.

Детские игрушки пропавшей сестры и ее вещи Артур также распродал.

Вместе с тем, как бы демонстрируя окружающим горечь утрат, Артур на бронзовых настольных часах в кабинете отца поручил граверу запечатлеть две даты: 21 августа – день исчезновения сестры и 30 августа 1969 года – день смерти отца и матери.

К военной службе Артур Сабонис охладел, продолжал напиваться и однажды, в очередной раз находясь в состоянии опья-

нения, договорился до того, что будто его отец-шизофреник в состоянии умопомрачения задушил Ольгу, зарыл ее на даче в погребе под спальней. Протрезвев, Артур сказал, будто ему это приснилось. Правда, через некоторое время, опять в нетрезвом состоянии, Артур уговаривал Ларису откопать труп сестры и подальше перепрятать.

Лариса стала его бояться. В общем, их семейная жизнь разладилась, что и заставило Ларису обратиться за помощью к мужу подруги.

Предварительно Лариса все написала и свои записи вручила ему с условием: если с ней что-то произойдет, все отнести в милицию.

Однако мужу подруги поведение Артура показалось подозрительным, и он обратился в уголовный розыск.

Как и следовало ожидать, там отнеслись к его заявлению с предельной серьезностью и 28 декабря неофициальным путем пригласили Ларису на беседу.

Она все написанное ею подтвердила и призналась, что по делу о смерти родителей своего мужа по его просьбе дала неправдивые показания: в ту ночь они спали в разных комнатах.

Сотрудники уголовного розыска проверили слова Артура о том, будто его отец задушил и зарыл в погребе на даче свою дочь. Применили даже специальный прибор «трупонавигатор», но безрезультатно, очевидно, они выбрали место в погребе под спальней не совсем верно.

Вскоре в семье Сабонисов произошло еще одно событие.

Пьяный Артур подпоил Ларису и стал предлагать ей отравиться, он даже уговорил ее написать предсмертное письмо с казенным текстом: «В моей смерти прошу никого не винить. Я так решила сама».

Потом Артур положил в бокал с шампанским большую дозу люминала и предложил выпить. Он абсолютно спокойно проследил, как она поднесла бокал к губам и, увидев, как она сделала первый глоток, направился к телефону для того, чтобы вызвать врача скорой помощи.

Но Ларисе удалось его обмануть – второй глоток она задержала во рту, а когда Артур пошел к телефону, выплюнула все в открытую форточку.

Приехавший врач никаких признаков отравления у Ларисы не обнаружил.

Обо всей этой истории Лариса рассказала работникам уголовного розыска. И стало ясно, что Артур Сабонис опасен.

– Вы действительно захотели уйти на тот свет? – спросили Ларису.

Она, не задумываясь, ответила чисто по-женски:

– Я хотела узнать, как крепко он меня любит и насколько мною дорожит.

Тогда же было принято решение вновь попытаться найти труп Ольги Сабонис, но теперь уже с помощью розыскной собаки. Однако собака никак не реагировала. Стали копать глубже. И вскоре действительно обнаружили труп Ольги. Стало понятно, почему не сработала собака – все было залито керосином. В яме обнаружили мужские шорты, опознанные Ларисой.

20 февраля 1970 года Артур Сабонис был арестован. Дело было препровождено в Москву, в Главную военную прокуратуру и передано в мое производство.

На следующий день я выехал в Ленинград.

В тюремном следственном кабинете Сабонис появился без всяких признаков волнения. Гладко выбритый, в хорошо отутюженном гражданском костюме, со стоячим воротничком от форменной белой рубашки, только без галстука. Повел себя своенравно: не поздоровался при входе, без разрешения уселся на табурет, искоса взглянул на мои полковничьи погоны и поинтересовался:

– Значит, я числюсь за органами военной прокуратуры?

Я подтвердил и представился, назвав себя и указав свое должностное положение.

И пока я заполнял соответствующие графы протокола допроса, Сабонис опять спросил:

– Чего же вы от меня ждете?

– Очень хочу услышать правду, – спокойно ответил я. – Может, у вас появилось желание дополнить свои прежние показания?

Сабонис отрицательно покачал головой.

– В таком случае скажите, как вам стало известно, что труп вашей сестры Ольги Сабонис находится там, где он и был обнаружен?

Сабонис, не моргнув глазом, сразу ответил:

– Можете мне верить, а можете и не верить. Это я видел во сне.

– С какой целью вы склонили свою будущую жену Ларису Кузнецову соврать, будто в ту ночь спали в одной кровати и были разбужены выстрелами?

– Хотел избежать лишних вопросов со стороны работников следствия.

– Показания вашей жены о том, что вы с ней спали в разных комнатах, теперь подтверждаете?

– Да.

– Какие взаимоотношения у вас были с родителями и сестрой?

– Все было в норме, как у всех.

– Вы на Ларисе Кузнецовой женились по любви?

– Я знал ее и раньше. В последнее время она у нас на даче прижилась. Вот я и привык к ее постоянному присутствию.

На этом наша с ним первая встреча и закончилась.

Второй его допрос, уже в присутствии адвоката, состоялся на другой день. Как и в прошлый раз, обвиняемый выглядел безукоризненно.

– Чем объяснить, что в день так называемой вашей свадьбы вы не пригласили в ресторан ни родителей Ларисы Кузнецовой, ни ее родственников?

Сабонис ответил:

– Ее родители проживают далеко, в деревне, и оттуда ни-

куда не выезжают, а родственников в Ленинграде или поблизости у нас нет.

– Из-за чего у вас стали возникать бесконечные ссоры?

– Она стала ревновать к моим старым приятельницам, которые иногда названивали по нашему домашнему телефону.

– Вы признаете, что пытались склонить свою жену к самоубийству?

– Это ложь!

– А было такое, что она по вашему настоянию приняла какую-то отраву? После этого вы даже вызывали на дом врача скорой помощи?

Сабонис ответил уклончиво:

– Я этого не припомню.

– Вы угрожали своей жене убийством?

– Об этом даже смешно говорить.

– Вы с женой ходили в театр или кино?

– Ее это не интересовало.

– В гости?

– Нет.

– После вступления в брак вы своей жене что-либо ценное дарили?

На этот раз Сабонис от прямого ответа уклонился, только произнес с пафосом:

– Вопрос не ко мне, а к ней. Пусть скажет вам сама!

В этот момент вмешался адвокат:

– Я не пойму, почему следствие так интересуется взаимоотношениями обвиняемого с его женой и какое это имеет отношение к предъявленному ему обвинению? Как мне кажется, следует интересоваться тем, что к этому обвинению относится.

– Отчасти вы правы. Сабонис, скажите, как ваши шорты могли оказаться в той глубокой яме в погребе вашей дачи, откуда был извлечен труп вашей сестры? Я достал из своего портфеля мужские шорты и разложил их на столе.

– Эти шорты вижу впервые. Где они были обнаружены и почему оказались в моем деле, не знаю. – Он искоса на них взглянул.

– Ваша жена заявляет, что они принадлежат вам. Их на вас видели и ваши дачные соседи. От этого никуда не уйдешь.

– Допустим, что это так. Только когда я их в последний раз надевал, ума не приложу, – нехотя произнес Сабонис.

– Кто облил керосином яму?

– Не знаю.

– Вы какими-либо выходящими за рамки дозволенного поступками своего отца располагаете?

– Нет.

– С каким интервалом прозвучали два выстрела, которыми были застрелены ваши родители?

– Возможно, с небольшим интервалом, в две-три минуты, не больше, – ответил обвиняемый после недолгого раздумья.

– Но ведь раньше вы показывали, что выстрелы последовали один за другим?

– Возможно, что я ошибся.

На этом нашу вторую встречу мы прекратили.

Несколько последующих дней я посвятил тщательному обыску в городской квартире Сабонисов, допросам его жены, их дачных соседей и сослуживцев Сабониса.

Выяснилось, что в части он держался особняком, в своих суждениях был скрытен, в общественной жизни участия не принимал. По общему мнению, был завистлив и честолюбив.

Среди книг, находившихся в его личной библиотеке, был обнаружен и изъят в качестве вещественного доказательства учебник по криминалистике, в котором довольно подробно описывался случай самоубийства из охотничьего ружья с подвязанным к его курку длинным шпагатом.

Я обратил внимание и на то, что первоначально Сабонис и Лариса Кузнецова заявили, что в ту ночь были одновременно разбужены двумя выстрелами с интервалом всего в несколько секунд.

Это соответствовало и показаниям их ближайших дачных соседей: они до утра бодрствовали у постели тяжело заболев-

шого родственника и хорошо запомнили, что оба выстрела прозвучали около четырех часов ночи почти одновременно.

Но через пару дней Сабонис стал настаивать на том, будто выстрелы прозвучали через две-три минуты. Этому тогда особого внимания не придали. Теперь я понял, что для изменения своих прежних показаний у него были довольно веские основания.

Если бы его отец решился убить его мать, а затем покончить с собой, то интервал между выстрелами оказался бы более длительным.

Следственным экспериментом было доказано, что отцу Артура Сабониса для убийства жены и самоубийства описанным путем потребовалось бы около трех минут, а не какие-то секунды.

Надо сказать, что в личной жизни Артур Сабонис проявлял исключительный цинизм, беспорядочно вступая в половые связи с женщинами. Об этом свидетельствовали его записи в тетради, обнаруженной у него в комнате. В ней фигурировали двадцать четыре его любовницы с указанием их адресов, мест работы, а также с описанием внешности и сексуальных наклонностей.

Тогда же была обнаружена и другая тетрадь, в которую Сабонис заносил наиболее полюбившиеся ему высказывания типа:

«Мораль – это выдумка человека, а не вывод из его опыта».

«Убийство – это объективный акт, а смерть не различает, кто прав или кто виноват».

«Честность – прекрасная вещь, если все вокруг честные, а ты жулик».

«Цель оправдывает средства».

Очевидно, в качестве своего жизненного кредо Артур Сабонис записал:

«Время святош и старинных добродетельных рыцарей миновало давно. Все, что становится поперек дороги, буква ли закона, чужая ли воля, надо уничтожать или умело обходить».

Обвиняемому Сабонису была дана и очная ставка с его

женой. Она все свои показания полностью подтвердила, а все его попытки сбить ее с толку ни к чему не привели.

На очной ставке с врачом скорой помощи последний подтвердил, что он у Кузнецовой отравления не обнаружил.

На очной ставке с ближайшими соседями по даче Сабонис заявил, будто в ту ночь после первого выстрела он выбежал во двор, не понимая, кто и откуда стрелял, и лишь после второго выстрела возвратился в дом и обнаружил в спальне убитых отца и мать. Соседи его показания опровергли, утверждая, что оба выстрела прозвучали почти одновременно.

С какой же целью Артур Сабонис убил свою сестру и родителей?

Единственным объяснением было его чудовищное корыстолюбие.

Именно по этой причине он устранил сестру как потенциальную наследницу имущества и расправился с отцом и матерью в расчете немедленно вступить во владение их городской квартирой, дачей, деньгами, ценностями и вещами.

В этом выводе я укрепился после того, как допросил его ближайших родственников. От них мне стало известно, что именно родители всячески его баловали, прививая пагубный интерес к деньгам. Еще в школьные годы они каждую хорошую его отметку обязательно сопровождали небольшим денежным вознаграждением. А ко дню его рождения родители преподнесли ему пузатую копилку с надписью «Дорогому сыночку на счастье». Отец Артура для начала опустил в нее десять рублей.

Все знали, что Артур за выполнение любых хозяйственных поручений и работ получал от родителей определенные денежные суммы. При покупке им продуктов на рынке и в магазинах ему доставалась вся сдача. По твердому убеждению свидетелей, все это Артура и развратило окончательно.

Обвиняемый Артур Сабонис, несмотря на собранные против него улики, свою вину отрицал. Одно время он на допросах даже отказывался давать показания. Я уже махнул на него рукой и

стал форсировать окончание предварительного следствия по его делу, как вдруг произошло нечто, чего я и не ожидал.

По собственной инициативе Сабонис обратился к администрации тюрьмы и напросился ко мне на допрос. Неожиданно вручил мне написанное им в камере «чистосердечное признание» и в нем полностью подтвердил, что задушил сестру и застрелил отца и мать.

Казалось, я должен был радоваться, а я ждал от него подвоха и не ошибся.

Подтверждая все написанное, Артур Сабонис подчеркнул, что на преступление его подтолкнуло открытое им психическое заболевание, мудрено названное им «квинтэссенцией души» и «автоматизмом мышления». Сабонис не поленился подробно изложить и симптомы своего заболевания, что, по его мнению, должно было привести к назначению по его делу судебно-психиатрической экспертизы.

С таким ходатайством немедленно выступил и адвокат обвиняемого. Мне пришлось это ходатайство удовлетворить.

В Институте им. Сербского Сабонис пробыл почти два месяца и, к великому своему огорчению, был признан психически здоровым и ответственным за свои действия. Сабонис после ознакомления с актом экспертизы от дачи дальнейших показаний отказался. Он не стал знакомиться и с материалами предварительного следствия, чем серьезно огорчил своего адвоката. Тот, судя по всему, хотел подсказать своему подзащитному линию поведения, но Сабонис от встречи с ним отказался.

В судебных заседаниях военного трибунала Ленинградского военного округа подсудимый Артур Сабонис юродствовал, неоднократно менял показания, отказывался отвечать на задававшиеся ему вопросы.

Все это закончилось тем, что суд признал его виновным в совершенных преступлениях и приговорил к высшей мере наказания – расстрелу.

Этот приговор был приведен в исполнение.

Обманутый муж

Привычка задерживаться допоздна на службе по пятницам – день подведения итогов работы – у генерал-майора Озерова Владимира Петровича укоренилась довольно прочно.

Но иногда выпадали и такие дни, когда работа заканчивалась гораздо раньше, он отпускал свою служебную машину и направлялся домой пешком, подчас выбирая не самый близкий путь.

Видимо, так все и было в тот тихий вечер лета 1978 года.

Еще молодой, с завидной выправкой кадрового военного, облеченный в генеральскую форму, он уверенно шагал по московским улицам, ловя на себе одобрительные взгляды прохожих.

В переулке, куда он свернул, в весьма тусклом освещении редких фонарей большой дом, в котором он жил, нависал черной громадой, загораживая свет луны. После людных улиц здесь все казалось тихим и спокойным.

Озеров с парадного подъезда поднялся на бельэтаж, где находилась его квартира, повернул в замке ключ и оказался дома. Не зажигая света в прихожей, шагнул к вешалке, повесил китель и фуражку.

Хотел бесшумно пройти к себе в комнату, уверенный, что жена спит, но тут заметил, что в ее комнате горит свет – он пробивался из-под двери. Видимо, жена забыла выключить ночничок.

Озеров осторожно приоткрыл дверь и застыл в изумлении: полураздетая жена лежала в постели, а рядом с ней сидел совершенно неизвестный ему мужчина. Генерал в ярости распахнул дверь и ринулся вперед. Однако незнакомец, словно был готов к встрече, прямым ударом в челюсть сбил его с ног. Потом подбежал к окну и попытался вскочить на подоконник, но Озеров бросился за ним и стащил его на пол. Сцепившись, они ожесточенно колотили друг друга.

Жена генерала, предположив, что мужчины могут друг

друга и убить, с дикими криками выбежала на лестничную площадку.

На ее крики сбежались все соседи, двое из которых помогли генералу справиться с неизвестным, полагая, что это вор. Вызвали милицию. Задержанный никаких объяснений о своем появлении в генеральской квартире давать не захотел.

Жена генерала была столь напугана, что разговор с ней отложили до утра.

Дома, придя в себя, генеральша, которую все звали Дарьюшкой, рассказала мужу следующее: в пятницу она, отпустив домработницу, поужинала в одиночестве и легла спать. День был жарким, и она открыла окно настежь.

Сколько времени прошло, она не знала, но вдруг проснулась с ощущением какого-то беспокойства.

Открыв глаза, она в ужасе замерла: какой-то человек стоял около нее.

Все произошло в считанные минуты. Неизвестный быстро скинул с себя одежду и бросился к ней в постель. В первое мгновение она попыталась сопротивляться. Но бандит схватил ее за горло и угрожающе произнес:

– Задушу!

Что было дальше, она помнила смутно, так как почти потеряла сознание. Насильник уже хотел сбежать, но тут появился Озеров. Все дальнейшее он уже знал. То же самое женщина повторила и в милиции, и в районной прокуратуре, куда попало их дело.

Задержанный, оказавшийся инженером одного из московских промышленных предприятий Гришиным Владимиром Сергеевичем, от дачи показаний отказывался. Но после проведения очной ставки с потерпевшей ее слова подтвердил и свою вину признал.

Он заявил, что его, очевидно, черт попутал. В тот памятный вечер он проходил мимо их дома, и что-то попало ему в ботинок. Он, опершись спиной на стену дома, чтобы вытряхнуть камешек, увидел, как в открытом оконном стекле отразилась

комната, где у стены на кровати лежала голая молодая симпатичная женщина. Другие окна в их квартире были темны, он понял, что дома больше никого не было.

Не отдавая себе отчета, он разыскал небольшую лестницу и через раскрытое окно проник незванным в комнату.

В суде подсудимый свою вину полностью признал и слово в слово повторил все то, что говорил на следствии. Озеров с женой дожидаться приговора не стали, ушли из здания суда.

Прошло больше трех лет. Однажды меня вызвал Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и протянул письмо:

– Занятное письмо от заключенного. Он утверждает, что готов раскрыть новые обстоятельства по своему делу.

Письмо оказалось от Гришина.

Через день я уже входил в лагерь. Пока я ждал осужденного, лагерный начальник успел рассказать мне, что Гришин дисциплинарных взысканий не имеет. Работает в цеху бригадиром, осужден на долгий срок за изнасилование.

Высокий худощавый Гришин, с еле приметными ямочками в уголках рта и открытым взглядом карих глаз, безусловно располагал к себе. Представившись, я извлек его письмо и спросил:

– Ваше?

Он утвердительно кивнул. Я продолжил:

– Мне поручено с ним разобраться. Готов внимательно вас выслушать. Вы написали, что имеете желание рассказать что-то новое. Так? На предварительном следствии и в суде вы во всем признались. Какие же тут еще могут на этот счет возникнуть новые обстоятельства?

– В протоколах дела все отражено правильно. Да только я никакого преступления не совершал.

Меня эти его слова не удивили: многие осужденные собственную вину категорически отрицают. И мне показалось, что наш разговор будет бесплодным. Но я ошибся.

– Дашенька, – продолжал Гришин, – человек рискованный. Надо

было ее выручать. Вот я и решился собой пожертвовать. Другого выхода не было.

– Вы имеете в виду жену генерала Озерова?

– Да, ее. Ведь она была моей любовницей!

– Побойтесь бога! – прервал его я. – Зачем вы ее черните? Вам это не поможет.

– Я сказал правду. Ваше право мне верить или нет, – произнес Гришин и продолжил: – Я был в нее влюблен еще со школьной скамьи. Строил и планы: учиться в одном институте, пожениться. Да только судьба распорядилась иначе. На экзаменах она не набрала нужных баллов. А вскоре вдруг выскочила замуж за этого генерала, и не по любви, а скорее в отместку за свою институтскую неудачу. Да только это не помешало нам встречаться. Я проживал в однокомнатной квартире со своими родителями и младшей сестрой. Нам только и осталось, что встречаться у них в квартире, когда Озеров либо уезжал в командировки, либо по пятницам, когда он приходил с работы очень поздно. Честно сказать, я всякий раз боялся, что нарвусь на большие неприятности. Самое удивительное, что Дашу это вроде как и не пугало.

– Ну а как прикажете тогда понимать все то, что вы с вашей возлюбленной придумали?

– Я уже сказал, – грустно проговорил Гришин, – надо было выручать ее. Она все это сама придумала.

– Чем объяснить, что, находясь в заключении уже свыше трех лет, вы только теперь решились все это сообщить?

– Здесь никакого секрета нет. Я бы отсидел весь срок и нашей тайны бы не выдал. К сожалению, суд определил наказание весьма строгое – 10 лет лишения свободы. Боюсь, что его не выдержу, да и родителей жалко.

Скажу откровенно: я проникся к нему полным доверием, и мне стало его искренне жаль. Вот почему я решил, что обязательно получу разрешение возобновить следствие по его делу и доведу его до логического конца, с отменой в отношении него приговора суда.

Подписывая свое официальное заявление в прокуратуру, Гришин попросил дать ему чистый лист бумаги и, старательно начертив что-то, протянул мне:

– Это план их трехкомнатной квартиры. На нем я указал расположение комнат и кухни, а также где и какая стояла мебель... Кроме того, я указал, где Озеров спал и работал за письменным столом, где были книжные полки и где находился бар со спиртным. Разве не ясно, что все это мне могло быть известно лишь при условии, что я там неоднократно бывал?

На этом мы и расстались. Я все доложил Руденко и получил его согласие на возобновление следствия.

Все, что касалось школы и института, я без особого труда выяснил, и это полностью подтвердило слова Гришина. Дошла очередь и до Дарьи Озеровой.

Она пришла в прокуратуру вовремя. Это была красивая молодая особа, элегантно одетая. Чуть слышный аромат легких духов окружал ее этаким облаком. Она держалась уверенно и независимо.

– Вы от следствия ничего не скрыли? – начал я.

– Я человек достаточно грамотный и знаю, что в присутственном месте необходимо говорить правду и только одну правду.

– Тогда объясните, с какой целью вы наговорили бог знает что на Гришина?

– Это он сказал вам сам?

– Да.

– Вы его видели?

– Видел.

Ее лицо сразу осунулось, побледнело, и из широко открытых глаз брызнули слезы.

Несколько минут рыдания сотрясали все ее тело. Потом, все еще глотая слезы, она твердым голосом заявила:

– Во всем, что с нами случилось, виновата я. Ведь мне ничего другого не оставалось, как врать и врать. Ведь в противном

случае муж бы меня убил. О следствии и суде я не подумала. Мне казалось, что все обойдется и его отпустят. А вышло иначе...

В общем, она рассказала все как было. Закончив исповедь, она обратилась ко мне:

– Где Володя, что с ним? Что нам делать? Помогите.

Я понял, что она любит Гришина, поспешил ее успокоить:

– Не волнуйтесь, у него все образуется.

Ее новые показания я записал в протокол, который она обреченно подписала.

– Меня посадят?

– Вам ничего не будет, а Гришина освободят.

Ее глаза радостно вспыхнули. Больше я ее задерживать не стал, и она ушла счастливой походкой человека, сбросившего с себя тяжелый груз, унося запах своих легких духов. Больше мы с ней не встречались.

Я оперативно подготовил протест прокурора Союза в Верховный суд на отмену уже состоявшегося приговора народного суда по делу Гришина за отсутствием в его действиях состава преступления. Этот протест Руденко охотно подписал, и очень скоро состоялось решение. Гришин обрел свободу.

А спустя еще неделю в приемную прокуратуры Союза зашел и он сам в новом костюме, с модным галстуком, гладко выбритый и посвежевший. И пришел он с единственной целью – меня отблагодарить. Не скрою, я был этим тронут.

– Ну а как обстоят ваши взаимоотношения с Дарьей?

– Она с мужем расходится. Мы решили жить вместе.

Такая вот вышла история. Во всяком случае, я искренне хотел, чтобы у них все было хорошо.

Соучастники

3 декабря 1951 года органами МГБ СССР за корыстные злоупотребления служебным положением и фабрикацию клевет-

нических анонимных писем был арестован и привлечен к уголовной ответственности начальник Управления МГБ по Алтайскому краю генерал-майор Карпенко Николай Матвеевич. 20 февраля 1952 года дело было принято мною к производству.

Из материалов было видно, что за год до этого генерал Карпенко измененным почерком и за подписями вымышленных лиц сфабриковал три анонимных письма клеветнического содержания об одном из бывших своих подчиненных (уже уволенном на пенсию), обвиняя его в принадлежности к японской разведке. Эти письма были отправлены им по своему служебному адресу, поступили к нему и были пересланы в Москву для проверки.

В те годы шпиономания получила небывалое распространение, и генерал Карпенко был убежден, что последствия будут крайне негативными для его бывшего сослуживца.

Однако все произошло совсем не так, как он ожидал. Ничем не подтвержденное обвинение в шпионской деятельности было признано голословным. Кроме того, стало известно, что в свое время у генерала Карпенко с этим человеком были весьма натянутые взаимоотношения, доходившие до открытой ссоры. Не осталось незамеченным и то, что все три анонимки были отосланы из Москвы в то время, когда там находился Карпенко по служебным делам.

Всплыли и еще два факта. В феврале-марте 1947 года от Карпенко руководству МГБ СССР поступили доносы на его заместителя полковника Филькенберга, якобы уличенного в неких неблагоприятных поступках. Правда, тогда, в первые послевоенные годы, с такими письмами никто разбираться не стал.

Появление новых анонимок привело к назначению по всем пяти письмам графической экспертизы. Она и установила, что все они были написаны рукой генерала Карпенко, но только несколько измененным почерком.

Карпенко, что называется, приперли к стенке, и ему ничего другого не оставалось, как признать свое авторство. К тому

времени у него в управлении были вскрыты также некоторые серьезные упущения и злоупотребления. Это и послужило основанием для его ареста и привлечения к уголовной ответственности с содержанием в Лефортовской тюрьме.

Первоначально генерал произвел на меня неплохое впечатление. Но вскоре я понял, что Карпенко человек лживый и хитрый. Пытаясь уйти от ответственности, он заявил, что был вынужден себя оговаривать, дабы избежать открытой неприязни проверяющих. Когда же он убедился, что я этому не верю, вообще стал отказываться от дачи каких-либо показаний.

Надо сказать, что при обыске на квартире Карпенко были изъяты ценности на значительную сумму: 4 золотых портсигара, 30 дамских и мужских золотых часов, несколько десятков золотых колец, в том числе с массивными бриллиантами, а также золотые серьги и броши. На мои вопросы об их происхождении Карпенко отвечал уклончиво, заявляя, что не помнит, откуда они взялись, вроде бы были вывезены в качестве трофеев из Германии.

Это и заставило меня разобраться в сравнительно недавней его послевоенной деятельности.

Я допросил многих бывших сослуживцев генерала Карпенко. В самом конце Великой Отечественной войны он, оказывается, был начальником отдела контрразведки Смерш 15-й ударной армии, штурмовавшей Рейхстаг.

Особой симпатии к Карпенко никто не испытывал. С подчиненными он держался высокомерно, был сух и даже грубоват. Исключение составлял начальник его секретариата майор Зобов.

Дело в том, что после войны, в мае 1945 года, Карпенко добился передачи в отдел для временного хранения многих ценностей, которые немцы изъяли у евреев, уничтоженных в концентрационных лагерях. В числе этих ценностей было: 52,5 килограмма платины, 793 килограмма золота, свыше 18 тонн серебра, а также 26 килограммов драгоценных камней и раз-

личная иностранная валюта, а кроме того, многочисленные ювелирные изделия.

Все это было принято без официального акта сдачи и приемки. И Карпенко, воспользовавшись победной праздничной обстановкой, умышленно затянул передачу ценностей почти на два с лишним месяца.

За это время свободный доступ к ценностям имели Карпенко, Зобов и два сержанта, охранявших склад и выполнявших только приказы Карпенко и Зобова. Сержанты ни в какие дела своих начальников посвящены не были и лишь выполняли то, что им было поручено.

Надо сказать, что немцы во всем любили порядок: все ювелирные изделия были скрупулезно разложены по пакетикам из плотной бумаги с обязательным вкладышем, на котором указывались наименование ювелирных изделий, время их изъятия и лица, которым они ранее принадлежали. От такой системы учета Карпенко с Зобовым поспешили избавиться и приказали сержантам все содержимое пакетиков вывалить в общую кучу, а сами пакеты под предлогом пересортировки и новой упаковки уничтожить, что и было сделано.

Именно так Карпенко и Зобов обеспечили себе возможность забирать все, что заблагорассудится. Все проходило, как говорится, без сучка и задоринки. Оба располагали неограниченной возможностью выезжать из Германии в Союз и ничем не рискуя вывозить все похищенное, ведь по своему должностному положению они никаким таможенным досмотрам не подвергались.

К началу июля 1945 года Карпенко с Зобовым успели присвоить свыше ста тысяч долларов и значительные суммы франков, расходуя их по собственному усмотрению.

Конечно, через пять лет, уже в ходе следствия, установить все, что было ими похищено, не представлялось возможным. Оставалось предположить, что львиную долю ценностей они успели сбыть либо перепрятать.

4 февраля 1952 года Зобова, который в органах госбезопасности уже не служил, арестовали по другому делу.

Я был уверен в том, что Зобов все станет отрицать. Однако весьма скоро у меня на допросах Зобов во всем сознался.

Решающее значение в его разоблачении сыграл факт повторного обыска, при котором у него было обнаружено до ста золотых мужских и дамских уникальных фирменных наручных часов, а также значительное количество платиновых, золотых и серебряных брошей, серег и колец, с бриллиантами и без них, и других ювелирных изделий общей стоимостью до четырехсот тысяч рублей – по тому времени суммы баснословной.

Первый обыск ничего не дал, так как проводился в крайней спешке, и никто не обратил внимания на обыкновенную авоську, подвешенную на гвоздь в чулане.

В связи с ценностями из авоськи мне запомнился такой забавный факт. Во время составления перечня всех этих ценностей машинистка Гершгорн вдруг попросила меня:

– Сергей Михайлович! Разрешите мне, пока я здесь работаю с вами, хотя бы с полчаса посидеть за своей машинкой с вот этими бриллиантовыми сережками! – Она указала на необыкновенной красоты серьги, оцененные в двадцать четыре тысячи рублей, и добавила: – Ничего подобного мне больше испытать никогда не придется, а это я запомню на всю жизнь.

Я разрешил.

Рискованное решение

В предпоследний год войны я перешел на работу в сухумский гарнизон Абхазии, что повлекло выполнение новых функций: надзор за следствием в органах контрразведки и милиции, выдача санкций на аресты по их делам и даже выступление в качестве государственного обвинителя во время слушаний дел в военном трибунале. Это не снимало с меня

обязанности вести уголовные дела дезертиров, военнослужащих, уличенных в хищениях, злоупотреблении своим служебным положением и в совершении иных воинских преступлений. И хотя в военной прокуратуре Закавказского фронта я был самым молодым военным прокурором, со всеми обязанностями управлялся неплохо. И совершенно не предполагал, что могу потерять все.

Но по порядку. Однажды ранней весной 1944 года к нам в военную прокуратуру зашел офицер из местной воинской части и сообщил, что на базаре видел, как муж заведующей нашим военным подсобным хозяйством с автомашины бойко распродал по спекулятивным ценам свежие помидоры, те самые, что подлежали безвозмездной передаче в столовую Сухумского военторга, где питались эвакуированные семьи находившихся на фронте. Я тут же распорядился, чтобы на базар для проверки выехал следователь.

Торговец помидорами был пойман, как говорится, на месте преступления, а в доме заведующей подсобным хозяйством по фамилии Кварацхелия был произведен обыск и обнаружено свыше двадцати тысяч рублей, что по тем временам составляло порядочную сумму.

Водитель автомашины показал, что видел, как муж Кварацхелия, вернувшись с базара, передавал ей всю выручку.

Я возбудил уголовное дело и взял Кварацхелия под стражу. Дело казалось простым, и я рассчитывал закончить его быстро.

Но уже в начале следующего рабочего дня мне позвонил прокурор Абхазской республики Алшунба. Надо сказать, что отношения с ним у меня сложились вполне доверительные, по всем вопросам он неизменно меня поддерживал.

Алшунба встретил меня приветливо, но на его лице я уловил какую-то озабоченность.

Когда мы с ним уединились в его кабинете, Алшунба после ничего не значащих слов вдруг спросил:

– Это правда, что вы посадили Кварацхелия?

– Совершенно верно, – удивленно подтвердил я.

– Об этом надо было вначале переговорить со мной!
– Соответствующее решение я вполне мог принять и сам, – возразил я.

– Я пригласил вас с единственной целью: уговорить прекратить дело и Кварацхелия немедленно освободить!

Такое предложение меня поразило.

– Чем обязан таким к ней участием? – удивился я.

Алшунба с чувством произнес:

– Эта женщина у нас в Сухуми слишком известна и пользуется всеобщим уважением.

Я рассказал Алшунбе, по какой причине я возбудил уголовное дело.

Алшунба меня выслушал, а затем произнес:

– А вы знаете, что ее муж человек психически больной и вполне мог ее подвести? Она теперь готова все взять на себя, но надолго ли?

Я пообещал проверить эту информацию, и мы расстались.

Оказалось, что Алшунба прав: муж Кварацхелия был ненормальным, но в психиатрической больнице не лечился, на учете в поликлинике не состоял.

В тот же день мне позвонил еще один высокопоставленный работник Наркомата внутренних дел Абхазии, генерал-майор Чичуа. То был человек с повышенным самомнением и уверенностью в том, что для окружающих он непререкаемый авторитет. Я с ним общался лишь в интересах службы. При этом всякий раз он пытался разговаривать со мной в покровительственном тоне, как бы подчеркивая свое генеральское превосходство над моим весьма скромным знанием капитана юстиции.

На этот раз в голосе Чичуа я уловил совершенно несвойственные ему заискивающие нотки:

– Уважаемый Сергей Михайлович, ты не мог бы сейчас ко мне приехать в управление? Очень прошу тебя это сделать!

Чичуа встретил меня в коридоре и в знак уважения довел до своего просторного кабинета, предупредительно вместе со

мною подсел к журнальному столику. Я буквально терялся в догадках и вдруг услышал от него слова, сказанные с солдатской прямоотой:

– Знаю, что ты арестовал нашу Кварацхелия. Освободи ее!

– А вам не кажется, что вы вышли за общепринятые рамки и вторгаетесь в мою деятельность?

Сдерживая раздражение, Чичуа ответил:

– Мне виднее, что нужно сделать, а ты здесь человек временный. Твоих действий здесь никто не поймет. Я лично ее знаю уже много лет и готов за нее поручиться.

Было над чем призадуматься.

– Я подумаю. Постараюсь что-то предпринять. – Я не хотел с ним ссориться.

– Вот и хорошо! – подытожил Чичуа, и мы разошлись.

А к вечеру меня неожиданно вызвал для разговора по ВЧ военный прокурор Закавказского фронта полковник юстиции Панфиленко.

– Что это вы своевольничаете? Немедленно освободите Кварацхелия! – начал он.

– Ваши слова я воспринимаю только как пожелание. Готов все сделать, но только по вашему письменному приказу. – Я решил не сдаваться и упрямо добавил: – Считаю, что Кварацхелия я арестовал правильно.

Ночью над Сухуми появился немецкий самолет, сбросивший несколько небольших бомб, к счастью, не причинивших никакого вреда. Утренний поезд из Тбилиси прибыл вовремя, и с ним ко мне – нарочный от Павленко. Он вручил мне его приказ немедленно освободить Кварацхелия, что я и был вынужден исполнить. Она не проявила удивления и поспешила домой.

Все разъяснилось просто. Оказывается, Этери Кварацхелия была сводной сестрой самого Лаврентия Павловича Берия, члена Политбюро КПСС.

Кварацхелия был первым мужем его матери. Он умер и оставил ей от первого брака старшего сына и дочь.

Все это поведал мне заместитель прокурора Абхазии Меладзе. Он же предупредил меня, что если Берия узнает о том, что его сестра была арестована, мне не на что будет надеяться. Но мне сказочно повезло. Судя по всему, до него это не дошло.

Обратный рейс

Трагедия произошла 1 января 1977 года, рано утром. Два pistolетных выстрела, последовавших один за другим с небольшим интервалом, отчетливо были слышны в смежной квартире, где жил со своим семейством преподаватель Московской военно-инженерной академии им. Куйбышева инженер-полковник Иванов.

Иванов сразу позвонил по телефону своему соседу – адъютанту академии майору Вересову, но трубку никто не снял. Встревоженный Иванов вместе с женой вышли на лестничную площадку и стали стучать в дверь соседа, – безуспешно. Иванов позвонил дежурному по академии, сообщил о выстрелах в квартире Вересова и попросил заявить об этом в военную прокуратуру.

Я как старший военный следователь по особо важным делам Главной военной прокуратуры, находившийся на дежурстве в первый новогодний день, вместе с представителем военной комендатуры города и судебным медиком прибыл на место происшествия.

Иванов рассказал, что майор Вересов был холост и в их ведомственном доме занимал отдельную однокомнатную квартиру. В ту новогоднюю ночь в квартире были слышны музыка и пение, видимо, от включенного телевизора. Были ли у Вересова гости, Ивановы не знали.

Пригласив понятых, я попросил слесаря ЖЭКа открыть дверь. Ступив через порог единственной большой комнаты, я сразу увидел лежавшие на кровати два трупа – мужчины и женщины в одном нижнем белье. Смерть женщины наступила

от выстрела в сердце, о чем свидетельствовало обширное кровавое пятно на рубашке. Смерть мужчины – от выстрела в висок, характерный для самоубийства. К окну был придвинут обеденный стол с бутылками шампанского и водки и остатками какой-то еды. У стола стояло три стула. Очевидно, кроме убитых, в квартире был кто-то третий. Однако он вряд ли был убийцей: квартира на пятом этаже была заперта на ключ изнутри.

В кровати лежал и пистолет ТТ с двумя стреляными гильзами. Пороховые следы на рубашке убитой свидетельствовали о том, что стреляли в нее с очень близкого расстояния. Предсмертные записки отсутствовали.

В дамской сумочке, кроме значительной суммы денег, лежали два железнодорожных билета. Один из них, от 30 декабря 1976 года – из Москвы до Ленинграда на поезд «Красная стрела». Второй, от 31 декабря – от станции Бологое до Москвы и тоже на поезд «Красная стрела». Создавалось впечатление, что она до Ленинграда не доехала, вышла на станции Бологое и возвратилась в Москву: об этом свидетельствовал первый железнодорожный билет, который она взяла у проводника вагона.

Судя по паспорту, она постоянно проживала в Москве и была замужем. Навести о ней оперативные справки ничего не стоило, и вскоре мне сообщили, что она жена известного профессора-физика. Имела двух детей – сына шестнадцати лет и дочь-первоклассницу.

Я понял, что дама возвратилась в Москву с единственной целью – провести новогоднюю ночь у своего любовника, майора Вересова.

Мне удалось перехватить и поездную бригаду «Красной стрелы», с которой она направлялась якобы в Ленинград. Проводник без особых усилий припомнил, что она действительно вышла в Бологом, забрав у него свой билет. Более того, проводник и его напарница вспомнили, что на перроне московского вокзала с большим букетом цветов ее провожал

пожилой мужчина, видимо, муж. Эти цветы в высокой стеклянной банке так и простояли до самого Ленинграда в ее одностороннем купе.

Допросил я и нескольких приятелей и сослуживцев майора Вересова. По их мнению, он был человеком неуравновешенным, вспыльчивым и подозрительным.

Мне удалось установить и личность третьего. Им оказался инженер-конструктор, работавший на часовом заводе в Москве. Он не отрицал, что в ту новогоднюю ночь, напившись, стал усиленно ухаживать за единственной в их компании весьма привлекательной женщиной: говорил ей комплименты, целовал ручки, во время танцев пылко прижимал ее к себе. Все это, очевидно, Вересову не понравилось. Во всяком случае, с ним они расстались довольно холодно.

Настало время допросить мужа убитой. Об амурных делах своей супруги он еще ничего не знал. Как он отнесется к известию о ее измене? Как это отразится на его взаимоотношениях с тестем и тещей, людьми преклонного возраста? Что он скажет детям? Вот почему, перед тем как что-то предпринять, я решил посоветоваться с начальником нашей следственной части полковником юстиции Маркарянцем. Он меня внимательно выслушал и спросил:

- Какие у тебя планы в отношении этого дела?
- Конечно, прекращу за смертью виновного!

Тогда Маркарянц убежденно посоветовал:

– Постарайся убедить родственников в том, что жена профессора явилась жертвой бандита, который пытался в тамбуре ее ограбить. Это, с моей точки зрения, будет соответствовать общим интересам.

Как это ни странно, к нашей выдумке о вооруженном грабителе, которому удалось скрыться, сам профессор и родители его жены отнеслись с пониманием. При этом на вопрос о цели ее поездки в Ленинград профессор спокойно пояснил:

– Она так поступила и в прошлом году. Ведь я не подарок: не пью, не танцую, предпочитаю уединяться и ложиться вовремя

спать. А у нее в Петергофе есть давняя подруга. Точного адреса этой подруги я не знаю. Вот у нее дома под Новый год и соби-
ралась их веселая компания.

Похороны убитой прошли тихо. На девятый день родные
пришли на кладбище и скорбно постояли у ее могилы.

О каком-либо продолжении следствия по данному делу уже
не могло быть и речи, и я вскоре его прекратил.

Б. П. Наместников

Мелочей в следствии не бывает

Работа органов следствия и каждого следователя в отдельности, как бы избито это не звучало, призвана защищать конституционные права и интересы граждан, интересы государства.

За каждым делом – судьбы многих людей. Для установления истины нередко требуется большая, кропотливая работа, и мелочей в следствии не бывает. Это я усвоил с первых дней прихода на работу в органы прокуратуры.

Увлечение юриспруденцией родилось не сразу. В 1951 году я окончил фельдшерское отделение Медицинского училища, работал заведующим фельдшерско-акушерским медицинским пунктом и в районной санэпидстанции.

Во время работы в санэпидстанции я был избран народным заседателем районного народного суда и в течение более полутора лет, до призыва в армию, участвовал в рассмотрении многих уголовных и гражданских дел.

Именно тогда у меня возник интерес к юриспруденции, который еще больше укрепился во время службы в армии. После демобилизации в 1957 году я поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1962 году был принят на работу в прокуратуру Карамышевского района Псковской области на должность стажера (в те годы это было обязательным на срок до года). Моей стажировкой руководил лично прокурор района Евгений Иванович Сорокин, опытный высококвалифицированный юрист, сам ранее работавший следователем.

Мне было поручено расследование двух уголовных дел: о крупной недостаче в сельском магазине Райпотребсоюза и возвращенное судом на доследование дело о причинении потерпевшему тяжких телесных повреждений (по ст. 108 УК РФ).

Дело было возвращено на доследование по причине недостаточности доказательств вины подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления.

Фабула дела была простой. В районе в отдельных населенных пунктах, как водилось на Руси, в престольные церковные праздники устраивали народные гуляния с отправлением некоторых религиозных обрядов и употреблением горячительного, с последующими частушками, танцами, а нередко и с драками. Так произошло и в данном случае: ни много ни мало, один ударил другого колом по голове и причинил последнему тяжкие телесные повреждения.

Вину обвиняемого, кроме потерпевшего, подтверждал свидетель, который видел момент совершения преступления (он знал обвиняемого) и утверждал, что тот был одет в черный пиджак.

Обвиняемый признавал факт ссоры с потерпевшим, но виновным в нанесении ему удара колом, причинении тяжких телесных повреждений себя не признавал и утверждал, что одет в тот день был не в черный, а в темно-серый пиджак. Несколько свидетелей подтверждали факт удара потерпевшего колом по голове незнакомым им мужчиной, одетым в темно-серый пиджак. При задержании пиджак у обвиняемого не изъяли, в камере он обменял его на свитер с другим арестованным.

Более часа я пытался выяснить у свидетеля, какого же цвета был пиджак у обвиняемого в момент совершения преступления, он твердо стоял на своем: «Черный!»

Евгений Иванович все слышал, но никаких замечаний мне не делал. Когда вместе шли на обед, встретили его знакомого, некоторое время с ним разговаривали. Мужчина ушел, а Евгений Иванович спросил меня, какой на нем надет пиджак. Я ответил, что черный, повернулся, чтобы убедиться... Пиджак на мужчине был темно-серый. Евгений Иванович заметил:

– Что же ты полдня пытался убедить человека, что черное – это серое. Проведи следственный эксперимент, покажи свидетелю пиджаки разных цветов и оттенков.

Я провел следственный эксперимент, показал свидетелю темно-серый пиджак, он уверенно назвал его черным. К этому времени удалось найти у сокамерников и пиджак обвиняемого. Он действительно оказался темно-серым, а свидетель-очевидец при очередном эксперименте также называл его черным. Дело пошло в суд, обвиняемый по совокупности других доказательств был признан виновным и осужден.

Для опытного следователя подобные просчеты при сборе доказательств невозможны. Вроде бы мелочь, а для начинающего – урок.

Прокурор Печорского района Б. П. Наместников

По другому делу – о недостатке в магазине – я «прокололся» еще больше.

Получив дело, я через несколько дней оседлал нашего Орлика (транспортное средство прокуратуры состояло из лошади по кличке Орлик, небольшой телеги и саней) и поскакал в село, в котором располагался магазин.

В помещении правления колхоза я допросил более десяти свидетелей, которые подтверждали, что заведующая магазином (фамилию ее помню до сих пор – Андреева) часто устраивала молодежные вечеринки, отдавала туда ящики водки, продукты, которые подносили молодые парни. Сама она все это признавала.

Считая вину Андреевой в хищении путем растраты доказанной, я подготовил постановление о привлечении ее к уголовной ответственности и доложил прокурору о моих успехах в расследовании дела. Евгений Иванович выслушал меня, прочитал протоколы допросов и вылил мне на голову ушат холодной воды: ни в одном из протоколов допроса свидетелей и

подозреваемой не указывались «мелочи» – какое количество и каких продуктов, спиртного и других товаров расходовалось, кто платил за выпитое и съеденное, в какие даты, или применительно к каким датам организовывались вечеринки.

Пришлось вновь ехать на место, заново допрашивать всех свидетелей, подозреваемую и уточнять «мелочи». Свидетели и подозреваемая подтвердили, что никто за продукты и водку не платил, называли примерное количество израсходованных продуктов и спиртного, конкретные даты вечеринок – религиозные и государственные праздники. При этом многие понимали мою «промашку» и снисходительно улыбались, намекая на мою неопытность.

По этому делу у меня произошел еще один казус. Собрав по делу доказательства вины заведующей магазином в хищении в особо крупном размере, я предъявил ей обвинение, а прокурор санкционировал ее арест. Обвиняемая признавала себя виновной в полном объеме предъявленного обвинения по сумме недостачи товаров на основании акта ревизии и давала подробные показания.

Получив санкцию на ее арест, я, вместо того чтобы вызвать конвой, сам повел ее в отдел милиции для водворения в КПЗ (камеру предварительно заключения). По пути, на перекрестке, воспользовавшись осложнениями в движении транспорта, она от меня сбежала.

Сейчас трудно описать мое состояние после этого, но я решил, что работать в органах прокуратуры не смогу, о чем и сказал прокурору района, доложив о случившемся. Прокурор района сразу же пригласил всех оперативных работников прокуратуры, предложил мне доложить о случившемся, наметил меры по организации розыска и задержания обвиняемой. Состоялась и индивидуальная беседа со мной, в конце которой прокурор заявил, что мое заявление об увольнении не принимается.

Розыск и задержание обвиняемой затруднялся, так как по материалам дела она значилась одиночкой, проживала на част-

ной квартире, а такую «мелочь», как наличие у нее родственников, близких, знакомых и их место жительства я не установил.

Через неделю она сама явилась в прокуратуру района. Оказалось, что у нее в Ленинградской области в детском доме находилась малолетняя дочь, свидетельство о рождении которой и справку из детского дома она привезла.

Тяжесть совершенного преступления и отсутствие постоянного места жительства не позволили изменить Андреевой меру пресечения, но суд учел чистосердечное признание ею своей вины, наличие малолетней дочери и назначил наказание ниже нижнего предела.

Пример отношения Е. И. Сорокина как прокурора района к проступкам и недостаткам в работе подчиненных, оказание им помощи в устранении недочетов я пронес через все годы работы в системе прокуратуры. Ситуаций, когда в ходе следствия, особенно в его начальной стадии, допускались просчеты, встречалось немало.

Наступил 1963 год – время реорганизации управления сельским хозяйством и промышленностью (создание на одной и той же территории сельскохозяйственных и промышленных административных единиц), сокращение числа районов, органов власти и управления.

Прокуратура Карамышевского района, как и сам район, была ликвидирована. Пять районов объединили в один – Псковский. Прокурором Псковского района был назначен старший следователь прокуратуры области В. Д. Богданов. Меня досрочно аттестовали и назначили помощником прокурора Псковского района с «дислокацией» в городе Печоры, здесь же остались следователь прокуратуры и секретарь. Практически при ликвидации Печорского района и районной прокуратуры была сокращена только должность прокурора района, районный отдел милиции переименовали в городской

с распространением его юрисдикции на весь бывший район.

На меня как на помощника прокурора был возложен надзор за законностью в деятельности городского отдела милиции, судебный надзор (действовал городской суд в составе двух судей), разрешение жалоб и заявлений граждан на территории бывшего Печорского района. Объем работы для молодого специалиста был немалым.

Также следовало учитывать, что население района было многонациональным: кроме русских, в западной части района, значительной части города Печоры и пригородах проживали эстонцы (народность сету), на границе с Латвией – много латышей. И еще одна особенность – в сельской местности очень много хуторов.

Прокурор района В. Д. Богданов, внешне суховатый человек, проявлял большую терпимость к моим недостаткам в работе, часто приезжал в Печоры, наставляя и помогая.

Из этого периода мне запомнился один интересный эпизод по применению одорологии в раскрытии преступлений. На пограничной с Эстонией территории было совершено ограбление женщины, возвращавшейся вместе с мужем с рынка после продажи поросят. Работниками милиции был задержан гражданин, подозреваемый в совершении этого преступления. Преступление было совершено в темное время суток. Муж потерпевшей в нетрезвом состоянии спал в телеге, проснулся от крика жены, очевидцем нападения не был.

Потерпевшая пояснила, что в темноте из придорожных кустов выскочил мужчина, выхватил из телеги сумку с деньгами, другими предметами (женщина подробно описала сумку и ее содержимое) и скрылся в кустах. В темноте она точно не опознала нападавшего, но высказала подозрение, что это мог быть знакомый – одиноко проживающий мужчина из соседней деревни, который подходил к ним на базаре, и она давала ему с мужем деньги на водку.

Мужчину утром следующего дня задержали, провели обыск в доме. Похищенную сумку и другие предметы не обнаружили.

Мужчина свою вину отрицал, потерпевшая же на очной ставке уверенно опознать подозреваемого не смогла.

Следователь отдела милиции изъяс у потерпевшей верхнюю одежду, обувь и принял решение провести следственный эксперимент по опознанию подозреваемого специально обученной собакой – такая в ГОВД имела. Начальник ГОВД В. Буслаев пригласил меня на проведение следственного действия.

Во дворе ГОВД была разложена одежда потерпевшей, «построены» несколько человек, содержащихся в КПЗ, в том числе и подозреваемый, приглашены понятые. Участникам следственного действия разъяснили, что сейчас с применением специально обученной собаки будет произведено опознание преступника из числа задержанных. Собака по запаху одежды потерпевшей установит, есть ли среди задержанных лицо, совершившее преступление.

Сержант вывел из вольера «волкодава», подвел его к одежде потерпевшей, дал собаке обнюхать ее, а потом несколько раз медленно провел собаку вдоль строя задержанных. На третий раз, когда собака подошла к подозреваемому и начала его обнюхивать, он упал на колени, закричал, что все расскажет.

На допросе подозреваемый подробно рассказал о совершенном преступлении и пояснил, что совершить ограбление он решил, когда женщина давала ему деньги на водку. С мужчиной выехали по месту его жительства, и он выдал похищенную сумку с деньгами и вещами, которая лежала у него под кроватью, но в ходе обыска обнаружена не была.

В ходе описанного следственного действия (опознания подозреваемого с помощью одорологии – по запаху) у меня не сложилось впечатление, что собака его опознала. Подействовал психологический фактор: подозреваемый не выдержал, «сдали нервы». Если бы не это, преступление из-за плохо проведенного обыска могло остаться не раскрытым.

В начале 1964 года Печорский район был восстановлен, а в апреле этого же года я был назначен прокурором района.

В работе все было: и успехи и неудачи. Хочу отметить, что успехам способствовали добрые рабочие отношения со всеми работниками правоохранительных органов района. По раскрытию тяжких преступлений прокуратура и милиция работали в одной упряжке. Вот только один пример. В конце шестидесятых годов на одном из хуторов недалеко от Старого Изборска было совершено зверское убийство пожилых супругов. В округе бытовало мнение, что в этой семье со времен буржуазной Эстонии сохранились значительные ценности, поэтому основной стала версия убийства с целью ограбления. Об этом свидетельствовало положение связанных трупов, следы пыток на теле, обстановка в доме.

К раскрытию преступления, кроме работников прокуратуры района и службы райотдела милиции, были привлечены работники уголовного розыска УВД и прокуратуры области. Молодые оперуполномоченные уголовного розыска райотдела Стороженко и Каташов (в последующем оба возглавляли райотделы милиции, а Каташов и одно из управлений УВД области) пешком, так как не хватало транспорта, обошли почти все населенные пункты, хутора Староизборского сельского Совета и установили, что незадолго до убийства там появлялась группа цыган. Разработкой «цыганской» версии занялись работники уголовного розыска УВД области Губернаторов и Ваганов. Осмотром места происшествия, исследованием вещественных доказательств руководил прокурор-криминалист областной прокуратуры Б. Л. Кадер.

В течение почти месяца результаты работы следственно-оперативной группы ежедневно обсуждались на совещании под руководством начальника следственного отдела прокуратуры области В. И. Рохлина и начальника отдела уголовного розыска УВД Б. Калинина. Организацию и состояние расследования контролировал назначенный к тому времени замести-

телем прокурора области В. Д. Богданов, который сам принимал участие в проведении отдельных следственных действий.

Уже к исходу месяца напряженной работы было установлено, что преступление могли совершить цыгане по кличке Синий и Цыбуля. В поезде Москва – Ленинград задержали сожительницу одного из них. В результате кропотливой работы она подтвердила участие Синего и Цыбули в совершении преступления, через некоторое время их задержали.

Собранные доказательства позволили предъявить им и другим лицам обвинение и направить дело в суд. Все они были осуждены.

Организация расследования дела, взаимодействие с работниками милиции в раскрытии преступления стали хорошей школой для оперативных работников прокуратуры района.

Но были и досадные просчеты. В Печорах сгорел частный жилой дом. Хозяйка дома и ее дочь, спасаясь от огня, выпрыгнули в окно. По приезде на место работников пожарной службы и милиции женщина им заявила, что дом умышленно поджег во время ссоры пьяный муж.

За пьяные дебоши в доме мужчина неоднократно задерживался милицией. На следующий день после пожара он был задержан в городе. Кисти рук у него, как установил медицинский эксперт, были со следами ожогов. Признавая факт ссоры с женой, вину в умышленном поджоге дома мужчина отрицал. Он утверждал, что придя домой, как обычно, подкачал воздух в заправленный бензином примус, зажег его и поставил чайник. Через некоторое время, находясь на кухне, услышал хлопок и увидел, что горелка взорвалась, примус упал на пол и горит. Он попытался погасить пламя, чем – не помнит, обжег руки и выбежал из дома.

Жена в ходе следствия утверждала, что муж в нетрезвом состоянии в ходе ссоры неоднократно угрожал поджечь дом, что подтверждала несовершеннолетняя дочь и соседи. По ее сло-

вам, в тот день он пришел домой пьяный, учинил ссору, вылил на кухне из бутылки бензин, которым заправляли примус, поджег его и выбежал на улицу.

При осмотре места пожара на месте расположения кухни были обнаружены оплавленные осколки стеклянной бутылки. Примус обнаружен не был.

Подозреваемому было предъявлено обвинение в умышленном уничтожении имущества путем поджога. Я санкционировал его арест, утвердил обвинительное заключение и направил дело в суд.

В суде жена обвиняемого изменила свои показания, данные в ходе следствия по делу. Она пояснила, что муж в ходе ссоры угрожал поджечь дом, но самого факта поджога не видела. Муж был на кухне, она услышала громкий хлопок и увидела из комнаты, что горит кухня, побежала за дочерью. Огонь в это время отсек выход в дверь, и они выпрыгнули в окно. Она также сказала, что вспыхивания горелки примуса бывали и раньше. Допрошенный в суде по ходатайству защиты инженер из пожарного депо пояснил, что случаи вспыхивания и даже взрывы примуса, заправленного бензином, нередки.

Суд счел, что в данном случае вина подсудимого в умышленном поджоге дома или причинения вреда имуществу в результате неосторожного обращения с огнем не доказана и вынес оправдательный приговор.

Так подробно на этом заурядном деле я остановился только для того, чтобы показать, как неисследованное в ходе следствия всего одно обстоятельство – возможность самопроизвольного взрыва примуса, привела к незаконному аресту и привлечению к уголовной ответственности подозреваемого.

В начале девяностых годов говорили, да и до сих пор говорят, что суды ранее мало выносили оправдательные приговоры, соглашаясь с органами следствия. Хочу возразить. Это было следствием того, что прокурор и следователь несли ответственность, но не за оправдательный приговор, а за незаконное привлечение к уголовной ответственности и арест

оправданного судом. По каждому такому случаю проводилась проверка, и виновные несли ответственность.

По приведенному выше примеру следственным отделом прокуратуры области также проводилась специальная проверка, результаты проверки обсуждались на оперативном совещании при первом заместителе прокурора области. Мне было указано на недостатки в прокурорском надзоре за следствием, незаконный арест и направление дела в суд, было внесено представление в следственный отдел УВД области.

В конце марта 1974 года я был назначен начальником следственного отдела прокуратуры Псковской области. Работа в следственном отделе окончательно определила направленность моей прокурорской деятельности – следствие и надзор за соблюдением законности органами власти и управления, обеспечивающие соблюдение законности, охрану прав и свобод граждан.

Впереди были долгие годы работы в органах прокуратуры на различных должностях. Я перенимал опыт одних, делился опытом с другими. Бывали и курьезные случаи, которые заставляли оценивать свои действия и поступки.

В Псковской области практически впервые методами прокурорского надзора были вскрыты множественные факты и способы сокрытия преступлений от учета, грубого нарушения прав граждан и их защиты. Факты эти не были новыми, они, бесспорно, имели место и ранее, но не в столь массовом порядке и не столь изощренными. По результатам были приняты меры: виновные привлечены к различным видам ответственности, вплоть до освобождения от занимаемых должностей и привлечения к уголовной ответственности.

В это время прокуратурой РСФСР готовилось совещание руководителей следственных подразделений автономных республик, краев и областей. Мне позвонили из прокуратуры РСФСР и попросили прислать справку по итогам проверок. Я

доложил об этом прокурору области Николаю Павловичу Кондратьеву. В ответ он мне сказал: «Посылать, пожалуй, не следует, себе дороже. Прими решение сам».

Я решил воспользоваться предоставленным мне правом принять решение самому и направил справку в прокуратуру РСФСР. Николай Павлович как в воду смотрел, оказалось действительно «себе дороже». На совещании руководителей следственных подразделений прокуратур РСФСР в Ленинграде докладчик примерно минут пять критиковал следственный отдел и прокуратуру Псковской области с неоднократным упоминанием моей фамилии за неудовлетворительную организацию прокурорского надзора по соблюдению законности в деятельности органов внутренних дел. При этом ни слова не было сказано, что все эти нарушения установлены прокуратурой области и приняты меры к их устранению.

Возвратившись с совещания, я доложил об этом Николаю Павловичу, он улыбнулся и долго внимательно смотрел на меня. Я сказал, что все понял: любые свои действия надо продумывать и предвидеть их последствия. Это послужило мне серьезным уроком.

В практике за время работы было немало дел, которые могут служить хорошим примером организации следственных бригад, методики и тактики их расследования:

- в Тульской области – дело директора совхоза «Алексинский» о хищениях и взятках;
- в Пермской области – дело братьев Ведерниковых, о котором написал следователь В. А. Рева;
- в Пензенской области – дело по заводу «Пенза Дизель» (приписки) и дело по комбинату бытового обслуживания населения, получившего у следователей название «Пушинка» из-за обнаружения у директора комбината большого количества похищенных меховых (из пушнины) женских и мужских головных уборов;
- в Краснодарском крае – дело о хищении в Геленджикском

курортторге, у директора которого в куче каменного угля во дворе дома был обнаружен «дипломат» с похищенными деньгами;

Прокурор Пермской области Б. П. Наместников вручает награду ветерану войны Н. М. Бычкову

- в Иркутской области – дело о хищении в УВД области крупной суммы денег, предназначавшихся для оперативных целей, по которому подозреваемый в хищении оперативный работник УВД, скрывшись от следствия, «из подполья» давал консультации руководителю следственной бригады. Кстати, советы нередко были весьма объективными и помогали установлению истины по делу;

- в Казани – дело о массовых хулиганских действиях несовершеннолетних;

- в Ростовской области – дело Чикатило о многочисленных убийствах и дело Каленика об изнасилованиях;

- в Москве – дела о хищениях и взятках в Главмосторге и подведомственных ему организациях, по которым было изъято у обвиняемых денег и ценностей на сумму более полу-миллиона рублей. По делу была создана специальная следственная бригада численностью около пятидесяти человек под руководством следователя по особо важным делам проку-

ратуры РСФСР В. И. Олейника. Дело находилось под личным контролем Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова.

Сложность в расследовании этих и подобных им дел заключалась, как правило, в многоэпизодности, длительном периоде совершения преступлений, значительном числе подозреваемых и обвиняемых, потерпевших и их представителей, большом количестве свидетелей, проведении выемки множества документов, их изучении, проведении различных экспертиз и исследований, установлении причин и условий совершения преступлений и принятии мер по их устранению. «Мелочи» по таким делам просто недопустимы.

В. Ф. Ладейщиков

Дело о Верочке

В Прокуратуре РСФСР, где я состоял в должности старшего следователя по особо важным делам при Прокуроре республики, легких дел не было. Тем не менее наиболее серьезными и тяжелыми по затратам нервной энергии я считаю, пожалуй, три. Одно из них относится к Северной Осетии. Я бы назвал его «Дело о Верочке».

Это был всего лишь отдельный эпизод, возникший в ходе расследования большого дела, которое касалось различных злоупотреблений в системе торговли и расследовалось бригадой следователей. С июля 1967 года по февраль 1969 года в городе Орджоникидзе следственной частью прокуратуры РСФСР расследовалось уголовное дело о хищениях в Орджоникидзевском Горпромторге. Размер хищения по тем временам был просто фантастическим. Поэтому и следственная группа была большой, человек двенадцать. Параллельно выявились случаи должностных нарушений и проступков, граничащих с преступлениями. Помимо участия в расследовании дела о хищении, мне было поручено заниматься и этими материалами.

Обычно когда в регионе работает группа следователей из Москвы, поступает масса жалоб, как правило, напрямую не относящихся к расследуемым событиям, но затрагивающих некоторые «болевые точки» региона.

Мне пришлось заниматься проверкой «сигналов» о должностных преступлениях, которые оказывались или незначительными проступками, или просто наветами. И неожиданно я столкнулся с нагромождением безобразий и беззаконий.

На майора, сотрудника ОБХСС МВД республики, жаловались, что он пьяница.

– Это из уголовного розыска на меня написали, а сами что творят? Хватают подростков группами, держат их сутками в

КПЗ, допрашивают, ищут среди них парня, который в Центральном универмаге рывком четыреста рублей украл. Моего шестнадцатилетнего сына тоже задерживали, – рассказывал в свою очередь майор.

Все, что касалось несовершеннолетних, в прокуратуре всегда было святее святых. Я же начинал свою работу следователем именно с этой категории дел, поэтому меня сообщение майора задело за живое, хотя эти юноши уже не были малолетками. Пригласил сына майора. Он рассказал, что действительно, работник уголовного розыска его задержал дома в шесть часов утра и продержал в камере предварительного заключения до вечера, водил на допросы, обвинял в краже денег из кассы универмага. Задержали не только его, а многих ребят, группами по пять-шесть человек.

Проверил КПЗ – так все и было. Истребовал дело о краже в Центральном универмаге и пришел в ужас. За кражу 425 рублей 97 копеек в универмаге и кражу кофты к шести годам лишения свободы была приговорена девушка Вера, а не парень, которого уголовный розыск так и не нашел.

Читаю дело и не верю своим глазам. Несколько протоколов из уже подшитого дела были просто вырваны, и обрывки листов остались в корешке подшивки. Сохранился протокол опознания свидетельницей юноши в черных брюках и белой рубашке. Среди предъявленных ей лиц она не опознала парня, который на ее глазах украл деньги.

Вырванные из дела протоколы я обнаружил в надзорном производстве по делу, куда следователь добросовестно их поместил. Это были протоколы допросов очевидцев-покупателей – семейной пары и женщины, которая опознавала юношу. По их показаниям произошло вот что. Продавщица киоска тканей куда-то отошла, и в это время молодой парень в белой рубашке и черных брюках прилег на прилавок, наклонился вниз, схватил из картонной коробки деньги бумажными купюрами и убежал.

Это преступление правильно было бы квалифицировать как

грабеж, а не как кражу. В деле имелся протокол осмотра коробки. Там остались две бумажные купюры и монеты на несколько десятков рублей. По результатам снятия остатков и ревизии определили сумму похищенного – 425 рублей 97 копеек.

Содержались в деле также явка с повинной, составленная девушкой в следственном изоляторе, протоколы допросов, в которых она сознавалась в краже кофты и денег в универсаме, приговор районного суда, постановление Верховного суда СО АССР, оставившее приговор районного суда в силе.

А начиналось все примерно так. В жизни нашей милиции каждый месяц, а особенно в конце квартала, бывают «критические дни», когда все оперативные сотрудники от мала до велика бросаются на раскрытие преступлений, чтобы увеличить процент раскрываемости. Проверяют «заначки», то есть незарегистрированные преступления, особенно всякую мелочь, которую можно легко раскрыть.

Участковый оперуполномоченный – этакий осетинский Анискин, дядя Коля, как его в народе звали, – тоже включился в общее дело. Обходил свою территорию и заглянул на кирпичный завод.

– Здравствуйте, дядя Коля!

– Здравствуй, Нюра! Как живешь?

– Хорошо. Только Верка кофту не вернула. В пятницу попросила на танцы сходить, а в воскресенье обещала вернуть, я тоже на танцы хотела сходить. Сегодня уже понедельник, а ее нет.

– Как же это случилось?

– У меня руки были грязные, в глине, я и сказала, чтобы она кофту взяла в моем шкафу для одежды.

– Шкаф-то как закрывается?

– На маленький замочек. Его просто потянуть – он и откроется, или гвоздиком.

– Не горюй, найдем твою кофту. Пойдем в контору, напишешь заявление.

Под диктовку дяди Коли Ньюра написала заявление о краже кофты из шкафа, замок которого Вера открыла с применением технического средства – гвоздя. А это квалифицирующий признак статьи Уголовного кодекса – кражи.

Утром на мотоцикле с коляской дядя Коля встретил Веру с кофтой у проходной кирпичного завода. Села Верочка в коляску и поехали. Сначала в Горпромторг узнать стоимость кофты, затем в райотдел милиции зарегистрировать кражу, затем к следователю на допрос, который окончился предъявлением ей обвинения в краже. С этого момента преступление считалось раскрытым, и об этом следователь заполнил специальную карточку. Карточку дядя Коля отвез в МВД для регистрации раскрытого преступления, а Верочку к прокурору района, который своей властью, скрепленной печатью с гербом Советского Союза, отправил ее в следственный изолятор.

Так дядя Коля и Верочка за один «критический день» на какой-то процент повысили раскрываемость преступлений в республике. В запасе было еще два «критических дня», и Верочка время даром не теряла.

В следственном изоляторе с помощью оперуполномоченного по режиму она написала явку с повинной, в которой указала, что украла деньги в Центральном универмаге, да еще со своими друзьями участвовала в трех групповых изнасилованиях. Ребята по очереди насиловали девушек, а она держала их за ноги.

Привезли Верочку опять к следователю, который предъявил ей обвинение в краже денег в универмаге и заполнил карточку о раскрытии преступления. За три «критических дня» – два раскрытых преступления. Наверное, были и другие.

Передо мной лежало изуродованное следователем уголовное дело, и представлялась исковерканная жизнь ни в чем не повинной Верочки. Факт предательства правосудия был налицо. Что делать?

Сначала я возбудил уголовное дело против следователя о привлечении заведомо невиновного с искусственным созда-

нием доказательств обвинения. Наказание за такое преступление не маленькое – от трех до десяти лет лишения свободы. Зарегистрировал уголовное дело в следственной части и копию постановления о возбуждении дела направил Прокурору РСФСР.

Только после рассмотрения этого дела в суде, признания следователя виновным и вступления приговора в законную силу прокурор мог возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам для отмены приговора суда в отношении Верочки.

Посадить ее невиновную на шесть лет было просто как дважды два, а доказать теперь ее невиновность – как в народной сказке, которая не скоро сказывается.

Следователю я предъявил обвинение в указанном преступлении, оставил его под подпиской о невыезде с места жительства, отстранил от должности следователя.

Пригласил на допрос адвокатессу, которая защищала Верочку в суде. Она даже говорила о том, что я не имею права допрашивать ее, так как она была ее защитником. Да я и не возражал. Просто посмотрели протокол судебного заседания, в котором в защиту Верочки не было сказано ни слова. Я спросил ее, почему она не возразила против установленной ревизией суммы – 425 рублей 97 копеек. Оказывается, потому, что обвиняемая призналась. Но как практически она, схватив бумажные деньги и побежала, могла прихватить еще 97 копеек?

Разложили на столе разные монеты. Если брать даже самого крупного достоинства, то чтобы получить 97 копеек, нужны были четыре монеты по двадцать копеек, гривенник, пятак и две двушки. Всего восемь монет. Как минимум, восемь монет она должна была прихватить вместе с бумажными деньгами, а при рывке этого сделать практически было невозможно. Нельзя было ее судить за эти 97 копеек. Это был лишь малюсенький нюанс, но была еще одна несостыковка, уже просто огромная – кражу в универмаге совершил парень, а осудили девушку!

Допросил в качестве свидетеля и судью. Посмотрели злополучное дело и надзорное производство, почитали протоколы и согласились, что судья постановила неправосудный приговор, осудив невиновного человека. В том же порядке поговорили и про 97 копеек.

Резонанс был большой. Дежурные в КГБ усмехались, среди прокуроров, судей, адвокатов только и говорили, что про эти 97 копеек. Даже дежурные в гостинице «Кавказ» спрашивали меня, как я с адвокатессой из монет пасьянс раскладывал.

Наконец случилось то, что должно было случиться. Позволил первый секретарь Северо-Осетинского обкома Кабалоев. Сказал, что ему доложили, что я освободил от занимаемой должности следователя, а он с высшим образованием, и что же ему теперь делать? Что такого в республике никогда не было, что это урон престижу МВД. Нельзя ли обойтись без отстранения от должности?

Я успокоил Кабалоева. Сказал, что следователь и его адвокат могут обжаловать мои решения, а они этого не делают. Следователь этот пусть доволен будет, что остался на свободе, а не арестован с учетом тяжести преступления. А чем ему заниматься в милиции – пусть министр внутренних дел А. Н. Бесолов решает.

Через день опять звонок от Кабалоева, теперь по поводу допроса судьи. Спросил, намерен ли я отстранить ее от должности. Снова я его успокоил, сказал, что оценку работы судьи пусть дают Верховный суд и Министерство юстиции республики.

На третий раз Кабалоев то ли сказал, то ли спросил: в этой истории замешаны и милиция, и прокуратура и суды, так не может быть, чтобы все были виноваты. Я ответил, что, вероятно, эта история не ограничится одним делом, возбужденным в отношении следователя, что противоправным действиям всех должностных лиц будет дана правовая оценка. А вообще, воспитание и расстановка кадров – это дело партии.

– Да, да, – согласился Кабалоев.

Отмечу, что судьба этой несчастной девушки товарища Кабалоева не интересовала.

Еще многое мною было сделано, но буду краток. Дело я фельдсвязью отправил в Москву в Бюро судебных экспертиз Минюста РСФСР для определения: составляли ли обрывки протоколов в подшивке уголовного дела ранее одно целое с протоколами в надзорном производстве. Начальник бюро Х. М. Тахо-Годи пообещал экспертизу провести в течение десяти дней. Я решил за это время повидаться с Верочкой в колонии в Волгоградской области и на обратном пути заехать в Москву. Все указывало на то, что у Верочки могли быть проблемы с психикой. Надо было только в этом убедиться.

В гостинице свои вещи сдал в камеру хранения, ключ от сейфа отдал дежурному по КГБ, а сам с портфельчиком... нет, не поехал. Подошел к порогу и через двадцать минут лежал в «обкомовской» больнице, как бревно.

На третий день пришли ко мне гости – срочно прилетел из Москвы начальник следственной части Прокуратуры РСФСР Н. Н. Сироткин и прокурор Осетии А. А. Щелочинин. О моем здоровье поговорили, затем ключ от сейфа спросили, мол, надо с делом разобраться, нехорошая обстановка в республике сложилась. С Щелочининым мы были на «ты», не раз на рыбалке бывали вместе. Он дружелюбно сказал:

– Не знаю, что теперь и будет. И на что далась тебе эта девчонка?!

Я и взорвался.

– А что будет? Тебе два строгача – по службе и партийный с занесением в учетную карточку. Министр внутренних дел и председатель Верховного суда тоже строгачами отделаются. Дядю Колю, опера из следственного изолятора и судью будут судить, как и следователя. А твоего прокурора района надо из прокуратуры выгнать. Ключ от сейфа вам не понадобится, дело в Москве, на экспертизе.

Поговорили еще немного для приличия и расстались.

Был у меня приятель в Совмине, Марков. Дочь его, лет де-

сяти, тоже в этой больнице лечилась. Принесли они мне бумагу, конверты, ручку. Написал подробное письмо заместителю прокурора РСФСР Н. А. Горшеневой, которая ведала надзором за исполнением законов в судах, и попросил ее возбудить производство для отмены приговора суда в отношении Верочки.

Болезнь моя затянулась более чем на полгода. За это время следователя осудили, он был признан виновным в предъявленном мною обвинении и приговорен к одному году лишения свободы условно. То есть ему была назначена мера наказания ниже низшего предела, предусмотренного законом.

Никто больше наказан не был, ни по службе, ни по партийной линии.

О судьбе Верочки, к сожалению, ничего не знаю.

Я. Я. Пистер

Дело врача Абрамовича

Я. Я. Пистер на рабочем месте

Пришла как-то ко мне на прием женщина. Рассказала, что примерно месяц назад ее мужа, ехавшего на велосипеде, сбила грузовая машина. В бессознательном состоянии его доставили в Алексинскую горбольницу, где врач Абрамович, поверхностно осмотрев больного, отказался ока-

зывать медицинскую помощь, заявив, что пьяных он не лечит и что их место – в вытрезвителе. Больного увезли домой. Ночью, не приходя в сознание, он скончался. Причиной смерти стали множественные повреждения головы, сотрясение головного мозга.

По заявлению вдовы я возбудил уголовное дело и приступил к расследованию.

Выяснилось, что незадолго до автопроисшествия мужчина действительно выпил пива, запах которого и ощущался в приемном покое. На это обстоятельство ссылался Абрамович в ходе допросов. Однако я полагал, что, несмотря на это, он обязан был внимательно осмотреть пациента, уделив особое внимание версии о сотрясении головного мозга.

Заволновалось медицинское начальство города, посыпались жалобы на меня, различного рода ходатайства. Побывавшая в моем кабинете главврач больницы доверительно произнесла, что среди «своих» так поступать не принято (многие в Алексине считали меня евреем).

Потом она побывала у прокурора города и тоже высказала свое возмущение:

– Из-за таких ретивых следователей скоро все врачи разбегутся!

Для решения спорных вопросов я назначил судебно-медицинскую экспертизу, которую поручил Главному бюро судебно-медицинской экспертизы при Министерстве здравоохранения СССР. Следствие, в частности, интересовало: допустил ли Абрамович нарушение установленных медицинских правил при осмотре больного, была ли возможность спасти жизнь пациента при своевременном вмешательстве и прочее.

Прошло более месяца, в течение которого я несколько раз звонил в бюро. Но мне отвечали, что дело еще даже не назначено. Мне было известно, что врачи, в том числе эксперты, неохотно «сдают» своих. Чтобы как-то «дисциплинировать» экспертов, я подготовил и направил в Министерство здравоохранения СССР строгое, политически выдержанное письмо: волокита с принятием решения порождает недовольство жителей, создает нездоровую обстановку в городе, подрывает веру людей в справедливость и т. д.

Видимо, это обращение подхлестнуло столичных медиков, и вскоре заключение было получено. Эксперты были вынуждены признать, что Абрамович нарушил врачебный кодекс и что при своевременном вмешательстве больной мог быть спасен.

Приговором суда Абрамович был осужден к трем годам лишения свободы условно, а также лишен права заниматься врачебной деятельностью на тот же срок.

«Дорогой учитель Мао...»

Прокуратурой города Щекино было возбуждено уголовное дело в отношении юрисконсульта местного химкомбината Т. М. Малкиной за клевету. На протяжении многих лет она неоднократно меняла место работы, оставаясь постоянной

только в одном: «доставала» своих сослуживцев, начальников и других «счастливицев», сигнализируя во все мыслимые и немыслимые инстанции о грехах и преступлениях этих людей. Она считала себя правдолюбом, борцом за справедливость, гордилась своей смелостью и принципиальностью.

– Я никого не боюсь, любого выведу на чистую воду, – любила говаривать Тамара Михайловна.

Беда только в том, что источником информации являлись сплетни и пересуды досужих кумушек. Нимало не беспокоясь за достоверность того или иного слуха, она тут же принималась сочинять очередное разоблачение. Сигналы проверялись, герои доносов нервничали, в конце концов все подозрения отменялись. Но Тамара Михайловна с фанатичным упрямством писала все новые и новые жалобы, все выше и выше становились их адреса.

Потом ей стало тесно в родной стране, где никто не хотел ее понимать, и появился обширный трактат на имя Председателя Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна.

В последнее время, работая на Щекинском химкомбинате, Малкина методично разоблачала своих новых коллег – «жуликов» и «проходимцев».

Так, председателя профкома она обвиняла в том, что он раздает квартиры только за взятки. Главный механик предприятия якобы украл новенький двигатель и поставил его на свою собственную «Волгу».

Было названо и множество других злоупотреблений, перечислять которые не считаю необходимым.

Как только появилось уголовное дело, Малкина повела решительную атаку на прокурора города Щекино, его заместителя и следователя, обвиняя их в предвзятости. По просьбе обкома партии П. А. Копейко принял решение изъять это дело из прокуратуры Щекино и передать его для дальнейшего расследования в областную прокуратуру. Так эта скандальная история оказалась у меня.

Надо ли говорить, что при встречах с Малкиной я был сама любезность, но без подхалимажа и заигрывания. Оказалось,

что она окончила тот же юридический факультет МГУ, что и я, но на двенадцать лет раньше. Нашлись интересные темы для беседы, вспоминали общих знакомых – профессоров Галанзу, Остроумова, Дурманова и других.

Конечно же, нужно было вести разговор по поводу ее сигналов: кому именно дали квартиру за взятку, за какую сумму, от кого ей это известно и прочее. Она назвала около двадцати квартир, полученных, по ее мнению, незаконно. Ничего конкретного при этом сказать не могла, повторяя неоднократно:

– Все и так об этом знают.

Мне предстояло выполнить довольно большой объем работы: подробно допросить каждого счастливого обладателя новой квартиры, членов его семьи, сослуживцев, изучить условия его проживания до этого, осмотреть необходимые документы в профкоме и горисполкоме, выслушать объяснения должностных лиц по этим вопросам. И все это было проделано. Напомню: таких адресов Малкина дала около двух десятков. Расследование показало, что какие-либо объективные доказательства злоупотреблений или взяточничества отсутствуют.

Пришлось также допросить работников гаража и главного механика по поводу хищения двигателя для «Волги», осмотреть с участием сотрудников ГАИ упомянутый автомобиль. Осмотр показал, что номер двигателя соответствует номеру в паспорте на техническое средство.

Когда проверка фактических данных подходила к концу, нужно было совершить еще один очень важный шаг: провести судебно-психиатрическую экспертизу. Я вынес соответствующее постановление и отвез в Москву, в институт им. Сербского, все необходимые материалы. Договорились, что экспертиза будет амбулаторной, без помещения в больничную палату, и мне назвали конкретную дату обследования Малкиной.

Но как я должен действовать, как мне доставить подследственную в институт? Ведь она не под стражей, милиции не поручишь. Значит, я должен доставить ее сам... А если она заупрямится, откажется ехать?

Я пригласил ее к себе и сказал примерно следующее:

– Мы с вами оба знаем, что вы совершенно нормальный в психическом плане человек. Но есть люди, которые в этом сомневаются. Поэтому наша с вами задача – поехать в институт им. Сербского, предстать перед специалистами, ответить на все поставленные вопросы и таким образом расставить все точки над «и».

Она неожиданно быстро согласилась, и через пару дней мы уже мирно беседовали в электричке на Москву.

И вот нас с Малкиной приглашают пройти в специальную комнату, где нас ждут три профессора, три эксперта-психиатра. Среди множества их вопросов мне запомнились два. Первый: «Правда ли, что вы в свое время писали жалобы Мао Цзэдуну?» – Малкина ответила утвердительно. На второй вопрос: «Что вы будете делать, если мы признаем вас невменяемой?» – Малкина со смехом ответила: «Буду сидеть и кофты вязать».

Вообще надо отметить, что отнеслась она ко всему этому мероприятию (психиатрической экспертизе) как-то легкомысленно, по-детски, на многие вопросы отвечала с улыбкой или даже со смехом.

Примерно через час собеседования нас отпустили, и мы благополучно уехали в Тулу. Через несколько дней я вновь приехал в Москву и забрал дело. Авторитетная комиссия психиатров пришла к единодушному заключению: Малкина страдает психическим расстройством, является невменяемой и нуждается в принудительном лечении. Обосновывая свои выводы, эксперты ссылались как раз на те два вопроса и ответы Малкиной, которые я приводил чуть выше.

Малкину осудили к принудительному лечению, вроде бы все, с точки зрения следователя, закончилось благополучно. Но в мою душу вновь закрались сомнения: как мало надо, чтобы признать человека ненормальным! И где же граница между здравым рассудком и безумием?

Мнимые хищения

Хочу рассказать о некоторых перекосах судебной практики того времени, насаждаемых сверху.

В ряде случаев Верховный Суд СССР, явно превышая свои полномочия, присваивал себе функции законодателя. Так случилось, в частности, по делам о приписках, сопряженных с получением премий. Совокупную их сумму, полученную не только руководителями, но также всеми рабочими и служащими, надлежало теперь рассматривать как... хищение государственного имущества. Чем выше сумма премий, тем жестче квалификация, вплоть до расстрельной статьи 93-прим УК РСФСР.

Одно такое дело довелось расследовать автору этих строк – в отношении начальника энергоучастка Тульского отделения Московской железной дороги Четверикова, регулярно вносившего неверные данные в государственную отчетность о ходе строительства новой линии электропередач.

«Кухня» приписок была довольно проста: объемы выполненных работ включались в отчетность авансом, и эти работы действительно выполнялись, но уже в следующем отчетном периоде. Так продолжалось более года, планы успешно выполнялись, рабочие и ИТР регулярно получали премии, общая сумма которых превысила десять тысяч рублей.

Документы (так называемые «процентовки»), показания рабочих-строителей, другие материалы дела бесспорно свидетельствовали о том, что государственная отчетность постоянно искажалась.

Не отрицал этого и сам Четвериков. На неоднократных допросах он подробно и откровенно рассказывал как о самих приписках, так и о причинах и условиях, способствовавших их совершению. В частности, он посетовал на свою мягкотелость: сверху давит начальство – «давай план», снизу ждут премий рабочие и служащие.

В общем, совокупной суммы тех премий вполне хватило,

чтобы предъявить Четверикову обвинение не только в приписках, но и в хищении государственного имущества в особо крупном размере (свыше десяти тысяч рублей). Хоть статья и тяжкая, у меня не хватило духу применить в отношении обвиняемого арест, он так и остался под подпиской о невыезде.

Мне не была понятна логика Верховного Суда. Ведь решающим признаком при квалификации тех или иных преступлений всегда является направленность умысла виновного. Никаких данных о том, что Четвериков стремился завладеть государственными деньгами (премиями), в деле не было. Кстати, лично он получил из тех премий около трехсот рублей. А если исходить из того, что все его подчиненные также имели умысел на хищение народного добра, то получается уже организованная преступная группа, целая банда! В общем, бред какой-то, в который не хотелось верить.

Но поверить пришлось. Приговором Тульского областного суда Четвериков был осужден к 10 годам лишения свободы и взят под стражу прямо в зале суда. Для меня это стало полной неожиданностью, вызвало чувство горечи и сожаления.

А на следующий день после приговора мой непосредственный начальник сделал мне «внушение» за непринципиальный подход к решению вопроса о мере пресечения в отношении Четверикова. Ему (начальнику) свое неудовольствие высказал член областного суда, рассматривавший дело по существу и принимавший решение.

Другой пример из того времени – бессмысленная, несправедливая и даже вредная судебная практика по так называемым «луковым» (иногда «арбузным») делам. И насаждалась эта практика, конечно же, Верховным Судом СССР.

В чем суть проблемы? В самом общем виде фабула выглядела обычно так.

Приезжает в колхоз или совхоз представитель корейской бригады (имеются в виду советские корейцы) и спрашивает у председателя (директора): «Какой у вас средний урожай

лука?» Тот отвечает: такой-то. И тогда гость предлагает: «Мы вам дадим урожай в два раза выше, а все, что останется сверху – наше. Идет?»

Условия действительно самые выгодные. Хозяйство с тех же площадей и при тех же затратах получает урожай в два раза выше обычного. И неудивительно, что многие руководители, посоветовавшись «с народом», шли на такие условия. Некоторые из них попросту не знали, чем им это грозит, другие знали, но надеялись на «авось».

Потом приезжала бригада корейцев-кудесников, они с раннего утра до позднего вечера, без выходных, буквально вылизывали все посадки, подкармливали их, поливали и делали все необходимое для высокого урожая. Как правило, земля щедро вознаграждала тружеников за умение и прилежание, урожай был не в два, а в три, четыре раза выше обычного. Получив честно заработанные деньги, корейцы уезжали, увозя с собой «остатки» лука, которые порой исчислялись тоннами. Затем этот лук или арбузы продавались на рынках.

Вот эти прощальные аккорды – торговля на рынке – и не давали покоя некоторым «сознательным гражданам». Они начинали считать чужие деньги и возмущались:

– Безобразия! Эти корейцы на государственной земле набивают собственные карманы! Надо принимать меры!

И принимали. Шли «сигналы» в партийные, советские, правоохранительные органы, в том числе в прокуратуру.

Далее все следовало по заведенному порядку. Заводилось уголовное дело, руководителю колхоза или совхоза предъявлялось обвинение в хищении государственного имущества, ведь он вступил в «сговор» с корейцами. Размер «хищения» исчислялся из стоимости «остатков» лука, увезенного корейцами. И чаще всего это снова была та же самая статья 93-прим УК РСФСР.

Лично мне, слава богу, такие дела расследовать не доводилось, но я знал о крайне негативном отношении моих кол-

лег к такого рода «хищениям». Самое интересное – прокуроры, следователи, судьи не одобряли эту практику, но повлиять, изменить ее никак не могли. Помню, примерно в 1984 году, когда я уже жил в Москве и работал в Прокуратуре РСФСР, ко мне приехал друг и однокурсник Борис Бугаев, являвшийся членом Ставропольского краевого суда. Ему как раз поручили рассмотреть такое «луковое» дело, и он, внутренне не соглашаясь с абсурдной квалификацией, специально приехал в Москву, консультировался и спорил со специалистами в Верховном Суде СССР и в Верховном Суде РСФСР. Ответ был один – действия подсудимых квалифицированы правильно. Сидя на кухне, мы с Борисом «за рюмкой чая» возмущались нелепой практикой, но ведь подсудимым от этого легче не стало...

Бег на месте

Особняком стоит дело по обвинению кассира завода им. Кирова в Туле Болтушкиной Анны Андреевны. У нее было двое детей школьного возраста и муж-инвалид, горький пьяница. Чтобы как-то удержать семью на плаву, Болтушкина в течение длительного времени присваивала казенные деньги, а чтобы скрыть недостачу, показывала липовые выплаты в платежных ведомостях, подделывая подписи рабочих и проставляя вымышленные номера их паспортов.

Так продолжалось около трех лет. За это время она похитила более 15 тысяч рублей (при зарплате 150 руб. в месяц), подделала тысячи подписей.

Дело поступило ко мне от заболевшего коллеги, старшего следователя областной прокуратуры Когана Якова Романовича.

К этому времени было допрошено около двух тысяч свидетелей, проведена бухгалтерская ревизия, назначены почерковедческие экспертизы. Требовал тщательной проверки

вопрос: могла ли Болтушкина в одиночку присвоить деньги, или состояла в сговоре с другими работниками бухгалтерии?

Сама обвиняемая давала по этому поводу противоречивые показания: вначале утверждала, что да, а потом, после очных ставок, отказалась от предыдущих показаний.

Разумеется, я не мог сразу приступить к проведению следственных действий. Имеющиеся к тому времени материалы – более двадцати томов – требовали изучения, анализа, каких-то выписок и пр.

Вместе с томами дела я получил «в наследство» пенсионера Ивана Ивановича, который ранее преподавал в местном техникуме бухгалтерский учет. В качестве общественного помощника Иван Иванович консультировал Когана и по ряду предыдущих уголовных дел, а по делу Болтушкиной – с самого начала.

Иван Иванович томился от безделья, чуть ли не каждый день приходил ко мне в прокуратуру, с удовольствием присутствовал на допросах обвиняемой (она первоначально находилась под подпиской о невыезде), задавая ей те или иные «хитрые» вопросы.

Примерно через три месяца я вынес постановление о назначении судебно-бухгалтерской экспертизы, поручив ее производство Тульскому областному бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Там пришли к выводу, что имеющихся материалов недостаточно и что для устранения ряда пробелов требуется дополнительная ведомственная ревизия. Пришлось выезжать в Москву, в оборонный Главк, приложить максимум настойчивости на приеме у начальника Главка и все-таки «пробить» такую ревизию.

Через месяц акт дополнительной ревизии лежал у меня на столе. Снова иду в областное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, оставляю им вместе с постановлением все добытые материалы. Еще через месяц получаю «отлуп» – якобы заключение составить невозможно по ряду причин (явно надуманных). Стало понятно: местные счетоводы просто

уклоняются от огромного объема работы, не хотят вникать в нюансы этого бумажного монстра.

Что делать? Снова еду в Москву, на этот раз к начальнику Главного бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Но кто будет вникать в эти дебри, да еще отменять вердикт областного учреждения? Получив благовидную отписку, ни с чем вернулся в Тулу.

Оставался один выход: поручить производство бухгалтерской экспертизы уже знакомому нам Ивану Ивановичу. С его положительным заключением направил дело в областной суд.

Но... в деле имелась и бумага тульского бюро о невозможности дать заключение. Я же не мог изъять его из дела, поскольку это было бы нарушением законности, почти фальсификацией! Просто я полагал (ошибочно), что суд скрупулезно разберется во всех нюансах и примет объективное решение. Увы, новая неприятность: дело возвращено для дополнительного расследования.

Кто работал следователем, знает, какой это удар по престижу следователя, его профессиональной состоятельности, по самолюбию, наконец... Признаюсь: я уже начал подумывать о том, чтобы бросить эту бессмысленную суету, найти себе более спокойную работу, поставив крест на прокуратуре. Поделился этими мыслями с коллегами, мнение которых уважал, и решил: нет, сдаваться негоже. Надо запастись терпением и снова впрягаться в работу по этому осточертевшему делу.

Используя личные знакомства, узнал от однокурсников: есть такое Горьковское бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, где работают настоящие профессионалы и, самое главное, это бюро не отказывает в проведении экспертиз следователям из других регионов.

Предварительно созвонившись и получив добро, еду в Горький и оставляю там все необходимые материалы. Уже через месяц (ну не чудо ли?) экспертное заключение готово.

Быстренько завершаю расследование и повторно направляю дело в областной суд для разрешения по существу. Болтушкина при предъявлении окончательного обвинения была взята под стражу.

И вот однажды мне позвонили на работу:

– Вы не могли бы явиться в зал областного суда для допроса в качестве свидетеля?

Спускаюсь на первый этаж того же здания и буквально через пять минут даю свидетельские показания.

Оказывается, Болтушкина заявила в суде, что следователи Коган, а затем и Пистер запугивали ее и даже избивали.

Находясь на трибуне, я обратился к подсудимой:

– Анна Андреевна, а вы помните, что сказал на одном из допросов покойный Иван Иванович? Говорил ли он такие слова: «Вот, смотрите Анна Андреевна, перед нами представитель нового поколения следователей: всегда вежливый, выдержанный, обращается только на "вы"». Был такой разговор?

Болтушкина покраснела, потупилась и признала, что такой разговор действительно был. Что касается другого следователя, Когана, то он, по словам подсудимой, иногда кричал на нее и даже бил... карандашом.

На этот раз Болтушкину осудили, и довольно строго: к 10 годам лишения свободы. Чисто по-человечески мне было ее жаль: пытаясь вытащить из нищеты детей, она не устояла перед соблазном, запустила руку в государственный карман и в конце концов поплатилась за это свободой. Можно только повторить известное изречение о том, что закон суров, но это – закон.

В общей сложности это дело находилось в моем производстве почти полтора года. Отмечу попутно, что за этот же период времени я расследовал и другие уголовные дела, что-то около десяти.

С делом Болтушкиной связан один памятный мне эпизод. Будучи в Прокуратуре РСФСР с целью продления срока следствия, я узнал, что наш зональный – не кто-нибудь, а быв-

ший Прокурор СССР Сафонов. Он был главой прокурорского ведомства при Сталине, за что при смене команды и был отстранен. Сафонов произвел на меня самое благоприятное впечатление: простой, доброжелательный, без тени высокомерия или чванства. Он довольно быстро «протолкнул» все формальности, успев между делом рассказать о давнем аналогичном уголовном деле, которое ему довелось расследовать.

Обвинительный уклон нам не нужен

Вернувшись в Тулу, я получил новое задание. Суть его такова.

Областным судом был оправдан несовершеннолетний П., обвинявшийся в изнасиловании. Прокурор области назначил в этой связи служебную проверку, поручив ее мне. Внимательно изучив материалы дела, я на автобусе выехал в город Ясногорск.

Опыта подобных проверок у меня не было, предварительно позвонить в прокуратуру района я не догадался. Приехав в Ясногорск, зашел в прокуратуру, представился секретарше, нанести визит прокурору района С. С. Зубкову постеснялся. Он, конечно же, вскоре узнал о моем приезде, пригласил к себе, помог с гостиницей и с технической организацией проверки, главным образом – с приглашением людей.

Предварительный план проверки я составил заранее, вопросы к потерпевшей, бывшему обвиняемому и другим лицам были намечены, само дело я привез с собой.

Выяснилась такая картина. Молодой паренек ухаживал за девушкой, однажды вечером пригласил ее на чердак жилого дома. Она согласилась. Дальше, как говорится, все по сценарию. Девушка вернулась домой поздно, взволнованная и растрепанная.

Родители заподозрили неладное, устроили перекрестный допрос. Дочка расплакалась и сказала, что П. ее изнасиловал.

Тут же последовало заявление в милицию, парня арестовали.

Несовершеннолетнюю потерпевшую допросили в прокуратуре в присутствии матери. Девочка показала, что П. избил ее, она плакала и кричала. Подозреваемый все это отрицал. Его версия подтверждалась другими доказательствами: телесных повреждений у потерпевшей не обнаружено, жители дома, на чердаке которого уединилась парочка, криков не слышали.

Но у следователя прокуратуры было другое мнение: «Нечего с ним церемониться, все равно сидеть будет», – думал он.

На следующем допросе, уже без матери, девушка отвечала на вопросы уклончиво, пыталась изменить показания. Тогда следователь решил убить сразу двух зайцев: и обвинительную версию закрепить, и криминалистическую технику применить (это было модно), а именно: устроить «очную ставку» с записью показаний обоих на магнитофон. Но понятие об очной ставке у него было своеобразное. Сначала он пригласил только потерпевшую, переговорил с ней и дал прочесть вслух ее первоначальные показания. Сличив потом магнитофонную запись и текст протокола первых показаний, я обнаружил их полное, слово в слово, совпадение. Потерпевшая даже механически зачитала вслух: «записано с моих слов правильно...», но на этом месте звукозапись была прервана.

В ходе проведенной мною беседы «потерпевшая» подтвердила, что никаких побоев П. ей не наносил и что она не кричала. Вынуждена была давать ложные показания из-за страха перед родителями. По поводу очной ставки заявила, что фактически таковой не было и что она попросту прочитала перед микрофоном текст своих первоначальных показаний. Аналогичные объяснения в этой части дал и бывший обвиняемый.

О результатах проведенной служебной проверки я сообщил прокурору области докладной запиской и подробной справкой. П. А. Копейко вынес этот вопрос на оперативное совещание (тогда еще не было коллегий).

Петр Александрович, всегда остро и принципиально реагирующий на нарушения законности, на этом совещании был вне себя:

– Это же настоящая фальсификация, за это из прокуратуры гнать надо, – возмутился он.

Досталось «на орехи» и прокурору района.

Формально из этого испытания я вроде бы вышел победителем: все мои тезисы подтвердились, виновных ожидало серьезное наказание, однако к такому жесткому финалу я готов не был: моему коллеге, пожилому человеку по моей вине грозило увольнение из прокуратуры! А с другой стороны, думал я, что же мне оставалось делать? Закрывать глаза на вопиющие нарушения, допустить еще одну фальсификацию?

Слава богу, все обошлось более или менее благополучно, следователю объявили строгий выговор и перевели в помощники, дали ему возможность доработать до пенсии. Прокурору района Зубкову объявили «только» выговор.

Следователь – вечный студент

Преступления – как люди: могут быть похожими, но не сыскать двух одинаковых. В каждом уголовном деле есть неповторимые детали, каждое дело требует знания общих принципов расследования и учета индивидуальных особенностей.

И следователь уподобляется вечному студенту, со временем превращаясь в энциклопедиста.

В городе Новомосковске заключенные в зимнее время строили двухэтажный кирпичный дом. Не успели завершить кладку, как одна из стен дома дала широкую сквозную трещину, здание пришлось полностью разобрать.

К ответственности привлекается прораб в звании майора милиции. Он выдвигает множество всяких версий, кроме той, что строительство велось с грубейшими нарушениями СНиПа

(строительных норм и правил). Между тем рабочие-зеки подтвердили, что при закладке фундамента не утеплялись пазухи (прораб утверждал обратное).

Мною была назначена строительная экспертиза, которую проводил профессор Тульского горного института, опытный специалист. Так вот, он был крайне изумлен, когда в конце концов узнал, что я – не строитель, а всего лишь следователь. Экспертиза подтвердила нарушения СНиПа, напрямую приведшие к разрушению здания. Параллельно следственным путем проверялись и другие версии, в частности, об указании в проекте неправильной глубины залегания грунтовых вод, но они не нашли своего подтверждения. Дело было направлено в суд, прораб-майор был осужден к лишению свободы условно, с возмещением немалого материального ущерба.

Другой пример. По заявлениям граждан мною было возбуждено уголовное дело о грубых нарушениях санитарных правил на Веневском молокозаводе. В результате употребления недоброкачественного молока десятки местных жителей оказались в больнице с отравлениями (к счастью, все остались живы). Следствие установило, что уровень допустимого правилами коли-титра молока был превышен в десятки раз.

Довелось расследовать несколько дел о хищениях в торговле (Тула, Новомосковск, Белев), о злоупотреблениях, связанных с хищениями мяса на Тульском холодильнике. Все они направлены в суд, виновные осуждены. Но каких усилий потребовали эти дела, сколько бессонных ночей было проведено за самостоятельным штудированием бухгалтерского учета, за изучением материалов по методике расследования таких дел! В университете нас этому не учили.

Неприятный осадок остался от «философии» торгашей. Они ничем не гнушались, чтобы набить кошелек, нагло пользовались дефицитом продуктов, «уступая» их за двойную цену, подсовывали покупателям недоброкачественные товары.

Не укладывалось в голове, как могла продавец одного из магазинов Новомосковска, сама мать, подсунуть в новогодние подарки детям давно уже списанные, заплесневевшие шоколадные конфеты.

Кстати, при расследовании этой категории дел я впервые узнал, что такое сервелат, шейка и другие дефицитные мясопродукты.

В. А. Рева

Человек на своем месте

В рабочий кабинет № 213 прокуратуры Пермской области, в котором мы, старшие следователи прокуратуры, располагались втроем, 22 июня 1977 года вошел незнакомый мне мужчина средних лет, среднего роста, статный и энергичный, с красивой темной шевелюрой, чуть тронутой серебром седины, в модном, стального цвета кримпленовом костюме.

Это был бывший председатель Горнозаводского и затем Дзержинского районных судов Г. А. Меньшов, а явился он по повестке к моему коллеге, сидящему напротив меня за другим столом, Александру Бобровскому, который вел в отношении него уголовное дело. Хотя кабинет был рассчитан на троих следователей, вместе мы собирались нечасто, поскольку в основном находились в разъездах по делам, в командировках по области, территория которой была больше некоторых европейских государств.

Бобровский вручил Меньшову постановление о привлечении его к уголовной ответственности по статье 92 части 2 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за неоднократное хищение государственной собственности и наказание до шести лет лишения свободы.

Меньшов не согласился с предъявленным обвинением, и между ним и следователем возник спор, постепенно переходящий в перепалку, на которую я сначала не обращал никакого внимания, занятый составлением документов по своим делам. Обвиняемый считал квалификацию его действий следствием неправильной, не отрицая и не подтверждая имевших место шести эпизодов присвоения им денежных штрафов. Кстати, в дальнейшем выяснилось, что Меньшов был прав, и квалификация этих эпизодов была изменена на менее тяжкие составы

преступления. Однако сам факт совершения преступления был неоспорим.

Отвлекаясь я от своих бумаг, когда перепалка достигла апогея и Меньшов, встав со стула, резко и презрительно бросил Бобровскому в лицо: «Да вы мелко плаваете против меня». Это было крайне опрометчиво: нужно было знать характер Бобровского, его самолюбие. Подобных возражений с переходом на личности он вынести не смог.

Реакция последовала незамедлительно. Попросив обвиняемого выйти и подождать в коридоре, Бобровский подготовил постановление об избрании меры пресечения – содержание под стражей обвиняемого – и поднялся на третий этаж к прокурору области, который санкционировал арест. Вскоре прибыл конвой, который препроводил ничего не подозревавшего бывшего судью в следственный изолятор № 1 города Перми – старую тюрьму с крепкими и высокими стенами.

Являясь свидетелем произошедшего, я тогда и помыслить не мог, что мне в дальнейшем придется, по сути, заново расследовать это дело, начатое моим коллегой.

Прошло совсем немного времени, и наш товарищ Александр Бобровский по семейным обстоятельствам перевелся и уехал работать в соседнюю область. Как водится, мы помогли ему загрузить контейнер с имуществом и всем небольшим, но спаянным коллективом следователей проводили его, как положено в таких случаях, добрым застольем.

Еще через пару дней меня пригласил к себе заместитель прокурора области и одновременно руководитель следственного управления Владимир Михайлович Бахарев, который сам много лет отработал на следствии, расследуя сложнейшие уголовные дела, и вручил мне уголовное дело, не завершённое уехавшим Бобровским, с короткой резолюцией «Принять к производству».

Как известно, следователь дел не выбирает, они сами его находят. Получив материалы дела, я приступил к их изучению.

Собственно, уголовное дело возникло почти случайно, хотя,

с другой стороны, оно и не могло когда-нибудь не возникнуть, поскольку преступные действия носили серийный и продолжительный характер, и окончания преступного промысла, похоже, ожидать не приходилось. Однако, как известно, сколько веревочке ни виться, а конец наступит.

Все началось с того, что дежурный помощник начальника Дзержинского отдела внутренних дел города Перми с удивлением увидел, что уже в третий раз в течение года задержан за мелкое хулиганство один и тот же нарушитель – Тихомиров, уже дважды доставлявшийся в отделение за подобные действия во время его дежурства. Материалы об административных правонарушениях в отношении его направлялись в суд. Согласно действующему законодательству – части 1 статьи 206 Уголовного кодекса – повторное совершение мелкого хулиганства в течение года автоматически влекло за собой привлечение к уголовной ответственности по указанной статье, предусматривающей наказание в виде одного года лишения свободы или ста рублей штрафа. По сложившейся судебной практике именно годом лишения свободы, как правило, завершалось рассмотрение подобных дел для хулиганов.

По вполне разумному и логическому рассуждению майора милиции, Тихомиров должен был уже отбывать наказание в местах лишения свободы, а он почему-то еще на свободе и вновь нахулиганил. Офицер доложил об этом своему руководству, а те, в свою очередь, обратились к многоопытному прокурору Дзержинского района города Александру Васильевичу Магнутову, человеку бескомпромиссному, искренне радеющему за чистоту рядов правоохранителей и социалистическую законность.

Особо не афишируя, Александр Васильевич организовал проверку этого случая. Опросили Тихомирова, и последний, ничего не скрывая, рассказал, что в обоих случаях он оплатил наложенный на него судом штраф прямо судье Меньшову, считая, что так и положено. В суде никаких материалов в отношении Тихомирова не оказалось, хотя они значились по

журналам регистрации исходящих документов в отделе внутренних дел переданными в суд.

Прокурор обратил внимание и на то обстоятельство, что до назначения Меньшова председателем Дзержинского районного суда материалы об административных правонарушениях рассматривались различными дежурными судьями, кому попадет. Пришедший Меньшов изменил порядок и рассматривать административные дела этой категории стал только лично сам.

Удалось установить еще несколько случаев уплаты штрафов мелкими хулиганами непосредственно судье Меньшову. В этом не было бы ничего плохого, если бы в дальнейшем деньги судьей передавались судебным исполнителям, состоявшим в штате суда, а те перечисляли бы их в бюджет. Хотя не царское это дело – собирать самолично штрафы, да и в обязанности судьи это никак не входило. Однако никаких денежных средств от него не поступало. Материалы проверки направили в прокуратуру области, и мой коллега и сосед по кабинету возбудил уголовное дело о злоупотреблении должностным положением.

С учетом материалов дела и того, что Меньшов до перевода в областной центр работал председателем Горнозаводского районного суда, складывалось впечатление, что подобная практика присвоения штрафов им освоена и могла начаться именно там. Это предстояло проверить.

Но прежде чем этим заняться, необходимо было встретиться с обвиняемым, томящимся в следственном изоляторе.

Меньшов по-прежнему был энергичен и деятелен, явно настроен на борьбу. Поэтому разговор между нами принял конкретный и деловой характер. На прямой вопрос о том, признает ли он обвинение и не желает ли сообщить что-нибудь следствию, без обиняков заявил, что он признает все, что сочтет доказанным следствием. Однако для этого следствием ему должны быть сначала представлены доказательства, он должен будет их оценить, и если он сочтет их достаточно убе-

дительно с точки зрения судебной перспективы, то признает их, или наоборот. Ключевая его позиция была проста: что докажете, то и буду признавать. Забегая вперед, отмечу: признавать ему пришлось все 72 эпизода, установленных следствием и квалифицированных по шести статьям Уголовного кодекса.

Путь лежал в Горнозаводск – город, находящийся на самом Уральском хребте, на стыке Пермской и Свердловской областей, границе Европы и Азии, город, продуваемый вечными ветрами и опыляемый цементным комбинатом. Именно там начинал свою деятельность на судебном поприще судья Меньшов после увольнения из органов внутренних дел, где работал в уголовном розыске.

Устроившись в обшарпанном, без каких-либо изысков стандартном одноместном номере единственной в городе гостиницы, я отправился в районную прокуратуру. Прокурор Станислав Мохов, извещенный о моем приезде, ожидал меня в своем кабинете. Я коротко объяснил ему цели и задачи приезда, попросил оказать содействие в выполнении следственных действий, прежде всего с изъятием документов в суде и местном отделе внутренних дел. Вместе мы произвели изъятие необходимых журналов регистрации в обоих учреждениях и провели их изучение.

Как и ожидалось, в журналах регистрации поступивших в суд материалов об административных правонарушениях записи отсутствовали – не были зарегистрированы как поступившие некоторые материалы, которые значились отправленными по журналам регистрации исходящих документов из отдела внутренних дел. Таковых насчитали четырнадцать за период с 1974 по 1976 год.

Четырнадцать допрошенных мужчин, в разное время привлекавшихся к административной ответственности за мелкое хулиганство, подтвердили то, что лично судье Меньшову оплатили наложенные на них штрафы в размере, установленном законодательством – 30 рублей с каждого. Однако дела об их

административных правонарушений в суде не были обнаружены, уплаченные денежные средства от штрафов на счет бюджета не поступали.

В один из дней командировки ко мне обратился командир отделения капитан милиции Поляков, которого я хорошо знал ранее по совместной работе в другом районе. Он поделился своими подозрениями о получении взяток и злоупотреблений бывшим председателем Горнозаводского районного суда Меньшовым. Так, он резонно посчитал неправомерным приговор по уголовному делу двум несовершеннолетним воришкам Урюпину и Миронову, которые, по его мнению, должны были получить реальную меру наказания, а вместо этого Меньшов, председательствующий на данном процессе, освободил их из-под стражи, осудив условно. Мать подростка Урюпина проживала в том же подъезде дома, где и судья, и оба родителя несовершеннолетних якобы неофициально общались с судьей Меньшовым до начала суда над их детьми.

Вызвал у него удивление и приговор хулиганам – братьям Бондаренко. Приговор по этому уголовному делу оглашал судья Меньшов и почему-то зачитал о взыскании с подсудимых судебных издержек в размере 140 рублей за производство судебно-медицинской экспертизы, хотя за ее проведение никогда не взыскивали денежные средства.

Поблагодарив капитана за информацию, я пообещал обязательно ее проверить.

В архиве суда района действительно хранились два названных им уголовных дела. Вызванные для допроса братья Бондаренко подтвердили, что при оглашении приговора, согласно которому они были осуждены к условной мере наказания, председательствующий Меньшов взыскал с них 140 рублей судебных издержек за производство экспертизы. После оглашения приговора пригласил их обоих в свой кабинет и велел в ближайшую субботу уплатить штраф ему лично, что они и сделали, воспринимая это как должное, и даже расписались в какой-то бумаге на столе судьи об уплате судебных издержек.

Прочитав дело по их обвинению, я обнаружил, что в тексте приговора отсутствует указание о взыскании с них 140 рублей, иска по делу к ним не предъявлялось, расписка об уплате осужденными судебных расходов отсутствует. Из этого следовало, что судья Меньшов превысил свои должностные полномочия и попросту ловко обобрал нарушителей на указанную сумму. Так братья-хулиганы Бондаренко в одночасье превратились в потерпевших по делу, а для обвинения экс-судьи добавился новый эпизод и статья.

По-другому обстояло с делом несовершеннолетних Урюпина и Миронова.

Суд под председательством Меньшова 29 октября 1974 года действительно постановил приговор, которым осудил за кражу Урюпина и Миронова условно, и их из-под стражи освободил в зале суда. На пользу, впрочем, это воришкам не пошло, и вскоре после этого они вновь совершили аналогичную кражу, за что получили реальные сроки лишения свободы. Но это было уже потом.

Допрошенная в качестве свидетеля мать подростка Л. Л. Урюпина оказалась женщиной словоохотливой и скрывать ничего не стала, подробно рассказав о том, как до суда над детьми она встретила с соседом по подъезду судьей Меньшовым, и он обещал помочь, пригласил ее и отца второго подсудимого подростка прибыть к нему в субботу в служебный кабинет. Она поняла, что нужно давать ему деньги. Урюпина пошла к отцу второго подростка П. С. Миронову, и они совместно решили дать судье по сто рублей каждый в двух отдельных конвертах. Для этого в ближайшую субботу до начала заседания они оба пришли в суд и в кабинете ожидающему их судье положили на стол конверты с деньгами. Меньшов, не заглядывая в конверты, сгреб их со стола в выдвинутый верхний ящик.

В хорошем настроении, передав взятки, родители вышли из помещения суда. Женщина шутливо заметила, что, может, зря они по сто рублей в конверты положили, судья все равно конверты забрал, не заглядывая в их содержимое, можно было бы

и по одному рублю только положить. Мужчина, выслушав женщину, шутки ее не разделил, резонно заметив: «Так он тогда на рубль и насудит!» Через неделю подростки были на свободе.

Допрошенный Миронов полностью подтвердил сказанное Урюпиной.

Кроме того, как выяснилось, работая в парикмахерской и будучи женщиной весьма общительной, Урюпина не могла удержаться и не рассказать об удачной даче взятки своим подругам по работе, которые на следствии слово в слово пересказали ее повествование о даче взятки во всех подробностях.

Наполнив «дипломат» собранными доказательствами, я возвратился из командировки с Уральского хребта в областной центр.

Три недели заняла работа по установлению и доработке фактов присвоения штрафов в Дзержинском районе. Таких эпизодов в общей сложности набралось 48, и вместе с выявленными в Горнозаводске общее их количество достигло 62. Число допрошенных свидетелей перевалило за сотню.

Выяснилось, что с целью сокрытия сбора «штрафной дани» Меньшов не регистрировал поступающие в суд такие административные материалы, попросту выбрасывая их в мусорную корзину, тем самым уничтожал и укрывал их от регистрационного учета. Эти действия попадали под действие еще двух статей уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за уничтожение документов и злоупотребление служебным положением.

Вооружившись документами и подготовившись для встречи с обвиняемым, я прибыл в тюрьму. Разговор с арестантом был простой, но круг вопросов весьма был обширен. Ознакомившись с предъявленными материалами, Меньшов признал все факты получения и присвоения штрафов, превышения полномочий и злоупотребления служебным положением, уничтожение документов, цинично и просто объяснив, что «его действия определялись потребностью в деньгах».

После этого перешли к вопросу о получении взятки от Урю-

пиной и Миронова. Для Меньшова это явилось полной неожиданностью, в корне меняющей в худшую сторону его положение, поскольку по всем другим эпизодам максимальное наказание предусмотрено до трех лет лишения свободы. За получение же взятки ему грозило наказание от восьми до пятнадцати лет лишения свободы или исключительная мера наказания – смертная казнь.

Суровость наказания за этот вид преступления, безусловно, не останавливала взяточников, но была определенным сдерживающим фактором, и такие преступления не носили распространенный и повсеместный характер. Процент их в общей массе дел был малозначителен, взяток в таком количестве и размере в те времена, в отличие от нынешних, не брали.

Потрясенный обвиняемый потребовал доказательств, которые ему тут же были любезно предъявлены в полном объеме. В прятки играть уже не было никакой необходимости. Он внимательно ознакомился с протоколами допроса взяточдателей и иными следственными документами, вновь их перечитал. Негативно и эмоционально среагировал на показания Урюпиной о том, что она хотела положить в конверт один рубль вместо ста: «Надо же, хотела рубль в конверт положить, ну и ну, какая стерва!» Однако взял себя в руки и заявил, что это все оговор и получение взятки он признавать не будет.

Я разъяснил ему, что он вправе занять любую позицию – как признавать эпизод взятки, так и отрицать. Однако Меньшов продолжал находиться в состоянии какой-то растерянности, если не сказать замешательства, и не мог принять какого-то решения о том, как себя вести дальше.

Наконец он обратился ко мне с просьбой отложить допрос и без протокола, по-человечески, обсудить с ним то, как ему поступить. Прекрасно понимая его состояние, я предложил ему, подчеркнув, что считаю его грамотным юристом и опытным судьей, самому проанализировать доказательства по эпизоду получения им взятки и поставить себя на место судьи, который будет рассматривать его дело.

Уже вдвоем мы разложили по полочкам доказательства, анализировали их снова и снова. Меньшов осознал, что самым уязвимым местом для него является то, что взяточдателей было сразу двое, показания их достаточно убедительны, и будь он на месте судьи, в основу приговора положил бы их показания. Суд им, конечно, поверит, тем более что объективно они подтверждены другими косвенными доказательствами. Обсуждали это несколько часов. Я предложил ему указать на обстоятельства, которые его бы оправдывали, если такие имеются, и при необходимости пообещал произвести все следственные действия в этом направлении. Необходимости в тактовых он не усмотрел.

Я разъяснил, что если он будет отрицать получение взятки, возникнет необходимость в производстве очных ставок с ним Урюпиной и Мироновым, для этого его необходимо будет этапировать в Горнозаводск. Такая перспектива не вызвала у него энтузиазма и он непроизвольно бросил: «Да вы знаете, какая там плохая КПЗ, и сами знаете, кем я там был, а меня привезут туда в наручниках».

Кем он был и как себя вел, мне было хорошо известно. Об этом свидетельствовал такой эпизод: будучи назначенным председателем Дзержинского районного суда, Меньшов как-то зашел в расположенное по соседству здание РОВД. При входе дежурный по отделу встал и поприветствовал его, протянул руку, которую тот, однако, не принял и назидательно и строго объяснил дежурному, что в этом здании только один человек достоин ему протянуть руку – их начальник.

Понятно, что с такой завышенной оценкой своей персоны ехать по этапу в город, где он когда-то имел высокий социальный и должностной статус, ему совсем не хотелось. Это был бы сильнейший удар по его самолюбию. Надо было выбирать.

– Как вы думаете, Геннадий Александрович, откажутся ли на очной ставке с вами взяточдатели от своих показаний? – спросил я его.

Тот подумал, прежде чем ответить:

– Полагаю, что нет: все было так, как они говорят. Деньги в конвертах я действительно получил, но признавать это сейчас не готов, дайте подумать до завтрашнего дня.

– Вам принимать решение, но вы наверняка обратили внимание на то, что в своих показаниях Урюпина упоминает, что вы ей намекнули, что для того, чтобы не отменили вынесенный приговор несовершеннолетним, нужно будет отблагодарить товарищей в областном суде. Исходя из ее показаний, вполне возможна квалификация ваших действий как подстрекательства к даче взятки, а это другая статья, и наказание там совсем иное предусмотрено – от трех до восьми лет. Но в таком случае вам нужно признавать получение денег и толковать ваши действия с субъективной стороны, именно как направленные на подстрекательство. Может, подумать и побороться за это? Какие еще у вас варианты возможны? – закончил я.

На этом наше многочасовое общение было завершено. Условились продолжить разговор на следующий день.

Назавтра встретились вновь в том же кабинете следственного изолятора. Меньшов признал эпизод получения взятки от Урюпиной и Миронова, но дал им другое толкование, направленное на квалификацию его действия как подстрекательства на дачу взятки. Оформили протокол допроса обвиняемого, в котором он собственноручно и подробно записал свои показания.

Слабым местом в его утверждении о подстрекательстве было то, что дело рассматривалось под его личным председательством и в областной суд, который не имел к делу никакого отношения, не направлялось. На это обстоятельство в опровержение версии подсудимого о подстрекательстве и сослался в дальнейшем в своем приговоре областной суд, осудивший Меньшова по данному эпизоду за получение взятки.

Расследование подходило к концу, и как-то я задал ему вопрос о том, на что он рассчитывал, присваивая штрафы. Разговор носил приватный и откровенный характер, и Меньшов объяснил, что его действия по присвоению штрафов могли

быть квалифицированы по статье 94 Уголовного кодекса, предусматривающей причинение ущерба государству независимо от суммы ущерба. Наказание за него предусмотрено до года лишения свободы. По сути, это был пробел в законодательстве, которым он, как квалифицированный юрист, попытался воспользоваться и поначалу небезуспешно. Кроме того, как считал он, из-за такой мелочи никто не лишил бы его иммунитета судьи, и, стало быть, не мог привлечь к уголовной ответственности.

Я возразил ему, что данные действия – уничтожение документов, злоупотребление должностным положением, превышение власти, караются законом строже – наказанием до трех лет лишения свободы. Меньшов согласился с этим, но пояснил, что, по его мнению, это тоже «мелочёвка», за которую его бы не стали изгонять из судей. Другое дело – он и предполагать не мог, что его подведут под «расстрельную» статью, никак не думал, что всплывут взяточные события трехлетней давности.

– Вы же меня под расстрел подвели, – бросил он мне в упрек.

– Помилуйте, и в мыслях не было, взятку брали же вы, не думая о последствиях, а не я ее придумал. Так чем же я перед вами виноват? – отпарировал я.

Меньшову было предъявлено обвинение по пяти статьям Уголовного кодекса. Предстояло ознакомить потерпевших и обвиняемого с материалами дела, как требует этого закон. Он обратился с просьбой о возможности изменения ему меры пресечения на подписку о невыезде в связи с окончанием следствия и болезнью одного из двух его малолетних детей. Закон допускает такое, тем более что на ход следствия, которое было практически окончено, он повлиять не мог, но вопрос нужно было согласовать с руководством. Я обратился к своему непосредственному руководителю – заместителю прокурора области В. М. Бахареву, который в принципе не возражал, сказав, что решать это самому следователю. Но он порекомендовал сделать это при утверждении обвинительного заключения. Закон также предусматривал такую возможность.

Однако изменять меру пресечения обвиняемому не пришлось. Буквально через пару дней мне позвонил начальник следственного изолятора и попросил срочно прибыть в связи с совершением Меньшовым нового преступления – написания антисоветских листовок и попытку их распространения по тюрьме. Сообщение об этом было полной неожиданностью. В оперативной части тюрьмы мне передали четыре изъятые при распространении листовки следующего содержания:

Друзья! Близится Октябрьская годовщина – день, когда партийные боссы и их холуи будут веселиться на банкетах, жрать икру и масло, пить коньяк и водку. Мы должны также отметить этот «праздник». Всем находящимся в тюрьме предлагается 7 ноября в течение всего дня отказаться от пищи. Уверены, что наша однодневная голодовка будет сильным протестом и достойным ответом хамам в мундирах и советским чиновникам и испортит праздничное настроение всем тем, кто, лицемерно заявляя о тесном единстве партии и народа, этот самый народ прячет тысячами за решетку. Да здравствует свобода! Инициативная группа сопротивления режиму. Внимание! Листовку размножить и распространить по всем камерам и дворикам.

Друзья! 2
Близится Октябрьская годовщина – день когда
ПАРТИЙНЫЕ БОССЫ и их холуи будут ВЕСЕЛИТЬСЯ
на БАНКЕТАХ, жрать икру и масло, пить коньяк и
водку.
Мы должны также отметить этот «праздник»
Всем находящимся в тюрьме предлагается
7 ноября в течение всего дня отказаться от пищи.
Уверены, что наша однодневная голодовка
будет сильным протестом и достойным ответом
ХАМАМ в мундирах и советским чиновникам
и испортит праздничное настроение всем
тем кто лицемерно заявляя о тесном един-
стве партии и народа этот самый народ
прячет тысячами за решетку
Да здравствует свобода!
Инициативная группа сопротивления режиму.
Внимание! Листовку размножить и распростра-
нить по всем камерам и дворикам.

Листовка с призывом к голодовке

Выяснилось, что, находясь в депрессивном состоянии, Меньшов организовал с сокамерниками – арестованными работниками милиции – написание этих листовок в количестве более десяти, при этом две из четырех изъятых администрацией тюрьмы листовок были написаны им лично.

Я встретился с Меньшовым, которого успели поместить как нарушителя в штрафной изолятор. Вид у него был поникший, виноватый. Свои действия по написанию листовок он объяснил угнетенным состоянием. В ответ на его объяснения оставалось только безнадежно махнуть рукой в знак того, что совершена непростительная глупость. О том, что он поставил следователя, который по-человечески, из гуманных соображений, идя ему навстречу, решал вопрос об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде, в неловкое положение перед собственным руководством, – объяснять ему нужды не было. Как человек неглупый, он прекрасно все понимал. Понятно, что ни о каком освобождении его из-под ареста и подписке о невыезде после этого и речи быть не могло.

Так появилась еще одна статья обвинения – 190.1 Уголовного кодекса, сформулированная как распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, предусматривающая наказание в виде лишения свободы до трех лет. Расследование дел данной категории было отнесено уголовно-процессуальным законом к компетенции следователей прокуратуры. Коварство этой вроде и не слишком строгой статьи заключалось в том, что лица, осужденные по ней, не попадали под амнистии и не подлежали условно-досрочному освобождению.

Данная статья была введена в Уголовный кодекс для того, чтобы уменьшить количество лиц, привлекаемых по статье 70 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за антисоветскую пропаганду и агитацию и карающей до десяти лет лишения свободы. Расследование дел этой категории производилось следователями КГБ. Само применение этой статьи вызывало сильную критику на Западе, где считалось

недемократичным и незаконным привлечение к уголовной ответственности людей за инакомыслие и критические высказывания в адрес власти. Поэтому для уменьшения количества лиц, привлекаемых по суровой статье в стране развитого социализма, в Уголовный кодекс и была введена статья, под которую угодил наш судья. Данная статья в нашем обиходе именовалась «микросемидесятой», хотя по сути своей она, как и семидесятая, являлась статьей политической. Существенная разница была в наказании – три года меньше, чем десять.

Через три недели, допросив сокамерников и получив заключение почерковедческой экспертизы, я объявил Меньшову о завершении предварительного следствия, и началось ознакомление обвиняемого с материалами дела, состоящего из семи томов, что заняло у него три дня.

При ознакомлении с делом Меньшов обратил внимание на характеристику, выданную областным управлением юстиции. В целом положительная, она была так себе – ни вашим, ни нашим. Она ему не понравилась, и он попросил разрешить по этому поводу написать и отправить письмо ее авторам. Суть его недовольства выражена в гневном и эмоциональном послании, текст которого приводится полностью:

«Уважаемые» бывшие коллеги! Вчера в процессе выполнения ст. 201 УПК познакомился с вашим сочинением, которое названо моей характеристикой. Конечно, этот опус, кроме как В. Журавлевой, сочинен быть не мог никем. Поблагодарите ее от меня за такую оценку моей работы в юстиции. Эта «идейная» женщина до глубины души возмущена тем, что я «много времени уделял вопросам личного благоустройства». Это я-то, болтавшийся в течение 9 месяцев по гостиницам! И неизвестно еще, получил бы жилище, если бы не стал сам, как нищий, стучаться в двери, или нет. Я-то и пьяница, и не пользующийся авторитетом ни у кого, в том числе и у отдела юстиции человек. А вот она – бескорыстная служительница Фемиды. Только почему-то не захотела работать за сотню рублей, а оттяпав у государства еще одну сотню (правда, это ей стоило «великих» трудов – отсидеть, не показываясь людям на глаза, несколько дней в областном суде липовым членом суда), с победой вернуться в свою стихию и сочинять подобные кляузы. Некрасиво.

А вы, Виктор Кириллович, вы, как всегда, в своей роли. Я не раз

убеждался, что вы можете подписать еще более нелепую чушь. Как всегда, бедняга, крутитесь между двух огней. Все, что неудобно подписывать вашему шефу (я имею в виду С. И. Семенова) – да это и понятно: плохую характеристику давать вроде нельзя, иначе с нас же спросят – куда вы раньше смотрели, а хорошую – рука не подымается, ведь негодяй же, преступник – подпишете вы. Вы как-то плакались в жилетку, что скорее бы на пенсию, а то и доработать еще не дадут. Это уж точно не дадут, если не научитесь хотя бы той же «дипломатии» у Семенова или прямого человека, не боящегося потерять место работы. А вот Журавлева до пенсии дотянет, в этом не сомневаюсь: такие, как она, «вашим и нашим», далеко идут, в воде не тонут и в огне не горят.

Вот и все, что я вынужденно, разумеется, (не привык заниматься булавочными уколами) решил вам сказать на прощание.

СИЗО № 1 23.11.77, г. Пермь. Г. Меньшов.

Письмо отправили адресатам. Позднее я узнал, что с ним ознакомились те, кому это было положено и кому оно было адресовано. При ознакомлении с посланием бывшего коллеги у одного из упомянутых в письме лиц сразу же парализовало одну руку на почве нервного потрясения от прочитанного.

Узнав об этом, я убедился, как словом можно не только повести людей на борьбу за их светлое будущее, но и сделать инвалидом.

Дело было направлено в областной суд и рассматривалось в закрытом заседании без присутствия публики. В один из дней я по делам находился в здании областного суда и решил зайти и послушать, как идет процесс по делу, которое расследовал. По своему служебному статусу конвоем был беспрепятственно пропущен в зал судебного заседания.

Шел допрос очередного свидетеля. Показания давала жена одного из мелких хулиганов, оштрафованных судьей Меньшовым. Женщина подробно рассказала, как ее муж был задержан милицией за то, что в пьяном виде непотребно выражался на улице. Ночь отсидел в кутузке, а утром предстал перед судьей. Тот предложил мужу на выбор: или штраф – 30 рублей, если штраф оплатит до конца дня ему в кабинете, или 15 суток административного ареста. Муж пулей полетел домой за день-

гами. Жена, прождавшая его всю ночь, одного мужа вновь отпустить не рискнула и поехала с ним прямо в кабинет к судье, где был оплачен штраф.

Как пояснила свидетельница, судья Меньшов при этом строго и внушительно отчитал мужа за плохое поведение, прочел ему лекцию о недопустимости совершения правонарушений, что произвело на обоих супругов сильное впечатление.

Выйдя из здания суда, муж и жена обменялись мнениями о визите в суд и пришли к единодушному выводу о том, что этот мужчина – судья – «человек на своем месте».

Сразу после ее слов об этом мы непроизвольно переглянулись с Геннадием Александровичем, сидящим под конвоем на скамье подсудимых. И оба, не сговариваясь, грустно улыбнулись иронии этих слов, понятной только нам обоим. Он ведь сидел в это время в зале суда на своем месте, на котором и должен был находиться преступивший закон.

Человек, безусловно, волен в своих поступках, но при этом он должен помнить и понимать, что позволительно ему, и чего он не может и не должен делать. Есть некая грань, которую ни при каких обстоятельствах не следует переходить. В жизни же иногда бывает иначе.

Приговором суда по совокупности совершенных преступлений Меньшов был приговорен к 9 годам лишения свободы и полностью отбыл наказание в известной колонии в Нижнем Тагиле, называемой среди обычных заключенных «красной зоной».

Банда

В дежурную часть Кунгурского ОВД 6 сентября 1977 года поступило сообщение об обнаружении в районе старого карьера города Кунгура полуобгоревшего трупа четырнадцатилетней восьмиклассницы Надежды Пановой. На него наткнулись игравшие в заброшенном карьере ребяташки.

Опрошенные оперативниками одноклассницы Нади рассказали, что погибшая очень боялась своего старшего брата, семнадцатилетнего Николая Панова, и его старшего друга, их соседа Юрия Кротова. По подозрению в совершении этого страшного преступления были задержаны Панов, Кротов и их третий приятель, Николай Саранцев. Все они вскоре были доставлены в РОВД. Как оказалось позднее, были задержаны члены банды, в течение года совершившие сотню нападений на граждан в Кунгуре.

В середине следующего дня – менее чем через сутки – по указанию руководства я срочно прибыл в Кунгур и принял уголовное дело к производству.

Из заключения судебно-психиатрической экспертизы, проведенной 6 июля 1978 года в судебном заседании Пермского областного суда:

Кротов Юрий Иванович, 1953 года рождения, психическим заболеванием не страдает, а является личностью с психопатическими чертами характера – эмоциональная неустойчивость, эгоистичность, злобность, моральная и физическая жестокость, умение подчинить себе окружающих, склонность ко лжи, фантазированию, стремление к превосходству над другими. Указанные изменения психики находятся в пределах характерологических особенностей, не сопровождаются нарушениями мышления, критических способностей и не лишают его возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. В инкриминируемых деяниях его следует считать вменяемым. Поведение Кротова в судебном заседании (отказ от ранее данных показаний, ссылка на забывание) носит защитный характер.

Саранцев Николай Петрович, 1953 года рождения, психическим заболеванием не страдает, но у него имеются психопатические черты характера – повышенная чувствительность, впечатлительность, легкая внушаемость, подчиняемость, тяга к «сильным людям», желание найти «кумира», противоположного себе, подверженность пагубному влиянию окружающих, стремление самому стать «сильным». Однако указанные изменения характера представляют вариант нормы и не являются признаками психической неполноценности. Поэтому в период совершения преступлений Саранцев мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. В инкриминируемых деяниях его следует считать вменяемым.

Панов Николай Викторович, 1960 года рождения, страдает умственной недостаточностью, степень которой не лишает его возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. В детстве у него отмечалось отставание в умственном развитии, затруднение в приобретении школьных навыков, небольшой запас общеобразовательных знаний, примитивность, незрелость суждений, легкая подчиняемость, внушаемость. Но наряду с этим он обладает большим запасом слов, речь его хорошо развита, он достиг хорошей приспособляемости в практической жизни, в труде, понимает и с достаточной критикой оценивает сложившуюся ситуацию и свое положение. Поэтому в инкриминируемых деяниях Панова следует считать вменяемым.

При первой встрече с задержанными приятелями мы о них ничего не знали, а приведенная выше экспертиза, характеризующая каждого из них, появилась позже, уже в ходе судебного следствия. Задержанные по подозрению в убийстве не торопились в чем-либо признаваться, пока младший – Панов – не начал рассказывать об убийстве своей сестры. Но и он не сразу стал «выкладывать» все оперативникам. Сначала он нагло отпирался и кривлялся, разозлив своим поведением опрашивающего его оперативника, который, не сдержавшись, пнул его ногой в голень. Лишь поняв, что шутки закончились, Панов перестал «валять ваньку» и начал рассказывать такое, что ошеломило даже работников милиции.

По словам Николая Панова, он был вовлечен соседом Кротовым в преступную группу, состоящую из Кротова и его друга Саранцева. Будучи в банде, Панов прошел необходимую подготовку, в процессе которой научился боевым приемам, нападению на людей, конспирации и жестким правилам поведения в быту, чтобы не вызывать подозрения у окружающих, запрыгивать в поезд и спрыгивать с него на ходу. Главным среди них был Кротов, который угрозой убийства запретил употреблять спиртное. Панов рассказал, что всего бандой было совершено пять убийств, в двух из которых – своей сестры Нади и гражданина Поспелова – он, Панов, принимал непосредственное участие. Ими также было совершено большое количество нападений на граждан, в основном

находящихся в нетрезвом состоянии, с целью завладения их личным имуществом и деньгами. Лично он принял участие в трех десятках таких нападений.

Далее Панов рассказал нам еще более удивительные вещи. Члены банды даже дали клятву, суть которой – никто из них ничего не признает и не рассказывает, если попадет в милицию. Кроме того, дали клятву убить любого из них в случае, если он все разболтает. Порезав себе правые руки, они смешали свою кровь на бумаге, после чего Кротов объявил их братьями по крови. Кротов сказал им, что в дальнейшем они будут пить кровь убитого ими человека и есть его мясо, причем говорил это он вполне серьезно, и если бы дошло до настоящего дела, то Панову пришлось бы это сделать, иначе его убили бы. Панов говорил Кротову, что мужчины, которых они избивают, могут от побоев умереть, а Кротов на это ответил, что меньше пьяных будет. Отец и мать Панова частенько выпивали, поэтому он и спросил: «А если мы так моего отца убьем?» – Кротов ему ответил: «Ну и что!»

Панов потом пояснил: избивая мужчин, он понимал, что они могут скончаться, но это было ему совершенно безразлично. Когда он вместе с Кротовым и Саранцевым совершал нападения, понимал, что они совершали преступление, но о последствиях не задумывался, считал, что все обойдется и его не поймут, так как преступления они совершали с умом, в различных местах города, и он не думал, что его арестуют. Кротов говорил ему, что является «премьер-министром КГБ», но он, Панов, не верил в это.

Также Панов рассказал оперативникам, что втроем они давно насильовали его сестру, а когда Надя пригрозила им, что заявит об изнасилованиях в милицию, и даже назвала дату – 8 сентября 1977 года, когда собиралась это сделать, она подписала себе смертный приговор, который и был ими приведен в исполнение 4 сентября.

Прибыв в Кунгур, я в течение получаса ознакомился с большим объемом имеющегося материала и составил план не-

отложных следственных действий: работникам уголовного розыска я сразу же поручил производство обысков по месту жительства Кротова, Саранцева и Панова, а сам решил начать с допроса подозреваемых.

Первым на допрос я вызвал задержанного Николая Панова, рабочего кожкомбината. В следственный кабинет, расположенный в подвальном помещении РОВД, ввели худощавого, среднего роста подростка, на вид стеснительного. Включив магнитофон, начал допрос. Несмотря на свой застенчивый вид, он бойко стал рассказывать о своих «подвигах». Войдя в раж, смеясь, взахлеб говорил о пьяных мужчинах, на которых они нападали; о том, как, сбив их с ног, он «зайчиком» на них прыгал сверху. Подробно рассказал в общей сложности о более чем тридцати нападениях и двух убийствах, совершенных с его непосредственным участием. Подробно и непринужденно Панов отвечал на задаваемые мной многочисленные вопросы. Складывалось впечатление, что для него эти нападения были какой-то увлекательной детской игрой, вроде казаков-разбойников.

Старший следователь В. А. Рева допрашивает подозреваемого Николая Панова

На мой вопрос, не жалко ли было убивать собственную сестру, Панов погрузился и пояснил, что ему деваться было некуда, иначе его бы самого убили сотоварищи, не подожги он ее.

Три с половиной часа пролетели незаметно. Панова отправили в камеру предварительного заключения, а кассету с записью допроса я передал для перепечатки машинистке, выделенной по моей просьбе. По крайней мере, после допроса Панова стало понятно, какое дело теперь предстоит расследовать.

Следующим на допрос я попросил привести кочегара хлебокомбината Николая Саранцева, который ранее уже начал рассказывать оперативникам об убийстве Нади Пановой. Он был выше среднего роста, стройный и подтянутый, физически крепкий, с аккуратной прической, носил очки, которые придавали ему интеллигентный вид, больше был похож на студента-старшекурсника. Задержан он был с книгой Драйзера в руках и в одежде, снятой с потерпевших. При задержании у него была изъята записная книжка с имеющимися в ней записями, носящими явно дневниковый характер. С этого и начался допрос. Снова я включил магнитофон, и подозреваемый пояснил, что в записную книжку он записывал в хронологическом порядке все совершенные ими нападения на граждан в Кунгуре, указывая только даты и внося понятные лишь ему записи-пометки.

Саранцев рассказал, что он познакомился с Кротовым еще во время службы в армии, в Челябинске. Тот сумел расположить его к себе, а узнав, что после службы Саранцев собирается поступать на работу в КГБ, объявил ему, что он на самом деле является сотрудником КГБ и будет заниматься его подготовкой для службы в органах. Саранцев поверил Кротову, который стал его учить приемам каратэ и самбо, правилам конспирации, устрашения людей. После окончания службы Саранцев по вызову Кротова переехал из города Березники, где проживал с родителями, в город Кунгур и устроился работать там, где ему было указано Кротовым. Кротов занялся его «подготовкой». Эта «подготовка» вылилась во множественные нападения на граждан, во время которых Кротов показывал, как нужно наносить удары и применять приемы борьбы. Они изготавливали кастеты, плети из велосипедных цепей и мотопилы

и использовали их во время нападений, в которых участвовал также и Панов в роли мальчика на побегушках.

На берегу реки члены банды дали клятву на крови, и Кротов объявил, что теперь они кровные братья. Бумагу, на которой они смешали свою кровь после ритуала, Кротов сжег и заявил, что так же будет с тем, кто забудет клятву и предаст, поэтому в банде соблюдалась строжайшая конспирация. Кротов поручил после этого Саранцеву провести «занятия» с Пановым – убивать кошек, чтобы ожесточить характер последнего. Эти «занятия» придумал Кротов, который любил убивать кошек с детства, говорил, что это его слабость. Кротов сказал, что для того, чтобы стать таким же, как он, ему, Саранцеву, необходимо пройти курс обучения под его руководством. Для этого надо совершить две тысячи нападений на людей, в том числе сто убийств. Кротов учил убивать с улыбочкой, говоря, это признак хорошей школы обучения, обещал ему и Панову, что когда число нападений достигнет 100–150, он поведет Саранцева и Панова пить человеческую кровь и есть мясо человека – это нужно для воспитания свирепости в драках и убийствах.

Саранцев подробно рассказал о каждом нападении из почти сотни совершенных с его участием, в том числе о пяти убийствах, включая последнее – Нади Пановой. По его словам, все трое, включая и ее брата, регулярно насиловали Надю, пока она однажды не сказала, что заявит на них в милицию. Именно поэтому Кротов разработал план ее убийства, согласно которому он, Саранцев, должен был убить девочку, Кротов облить бензином, а брат – поджечь. План ими был в точности выполнен.

Совершая нападения, Саранцев полагал, как он пояснил, что выполняет приказы КГБ – так говорил ему Кротов. О последнем Саранцев сообщил: «...Кротов казался мне всесильным и опасным человеком. Он утверждал, что не раздумывая убьет любого, даже свою родную мать, жену, детей, бабушку, если это понадобится». Своими показаниями Саранцев первым, по сути, выдал весь перечень совершенных преступлений и определил предстоящий объем следственных действий.

Выход на место убийства с Саранцевым

Показания Саранцева поразили меня легковерием, наивностью и внушаемостью. Как можно было не понимать, что КГБ здесь ни при чем, а Кротов – самый обычный бандит, совершавший с двумя такими же преступниками тягчайшие преступления? С другой стороны, может, Саранцеву просто хотелось верить в эту, с его точки зрения, полную опасных и романтических приключений жизнь, как в некую страшную игру по исполнению мифических приказов, и таким образом оправдать совершенные преступления? Допрос его затянулся до полуночи. К тому времени с богатой добычей в виде вещественных доказательств вернулись с обысков три группы оперативников. Чего только не было изъято у подозреваемых: много шапок и кепок, обуви, предметов верхней одежды, наручных часов, плетей из цепей, кастетов, различных инструментов, документов, кошельков, ключей и всего прочего – перечень составлял десяток листов.

Я прикинул, что на проведение описания и осмотра всего этого «добра» понадобится не один день, а также необходимо будет установить принадлежность каждой вещи, найти владельца, провести опознание. Времени на все сразу катастрофически не хватало.

Следующее утро я начал с допроса Кротова. Рабочий строи-

тельного треста, он выглядел старше своего возраста лет на десять – среднего роста, крепко сложенный мужчина с невыразительным лицом. Поразили глаза – своим серым оловянным цветом – и взгляд без каких-либо эмоций. Он старался не встречаться глазами с глазами собеседника и смотрел как бы мимо. Кротов пояснил, что, познакомившись с Саранцевым, представился ему работником КГБ, и тот в это поверил. Обучил его приемам борьбы. В июле 1976 года Саранцев переехал к нему поближе, в Кунгур. Да, Кротов, Саранцев и Панов совершали нападения на пьяных мужчин в городе. Братались и давали клятву. Совершили несколько убийств мужчин и Нади Пановой, но, по словам Кротова, инициатором всех преступных нападений был Саранцев, который и предложил убить Надю Панову, а руководил ими его бригадир Григорий Блашенков, у которого он, Кротов, работал в бригаде на стройке.

Позиция Кротова была проста: он не отрицал, что совершал преступления, но не называл себя главным. Правда, при этом он поделился дальнейшими планами банды: «...начнем после этого грабить магазины, сберкассы и все такое. Главное, пройти выучку... На первых порах на Кунгурскую сберкассу был бы налет устроен». Закончив его допрос, магнитофонную кассету я также отдал на распечатку.

Принимая во внимание то, что Саранцев вел строгий учет совершенных бандой преступлений по датам в своей записной книжке, я в РОВД поднял книги учета зарегистрированных преступлений за последний и предшествующий годы. Сверил записи Саранцева с зарегистрированными преступлениями в книгах учета милиции, и результат меня просто обескуражил – всего восемь заявлений (не считая пяти убийств) было зарегистрировано в милиции из почти сотни нападений, отмеченных в записной книжке подозреваемого. По всем восьми заявлениям были возбуждены уголовные дела, которые значились как нераскрытые. Изучая эти дела о нападении «моих» подозреваемых на пьяных потерпевших, я обратил

внимание на то, что никто из потерпевших даже не смог связно пояснить, что с ними произошло. Как под копирку, показания: шел поздно вечером, изрядно выпивши, кто-то ударил, сбил с ног, отобрали такие-то вещи.

Из показаний потерпевшего М.: «...с приятелем выпили по 750 граммов водки (!), после этого еще две бутылки (!). Домой шел сильно пьяным. Где и кто на меня напал, не знаю. Когда подобрала, не помню». Из показаний потерпевшего Ю.: «...я пошел в ресторан, выпил, что со мной произошло, сказать не могу. Придя в себя, обнаружил, что нет очков и пальто. При каких обстоятельствах получил травму, не знаю».

Никаких сведений о приметах преступников, о том, сколько их было и откуда они появились, в заявлениях потерпевших не содержалось. Складывалась парадоксальная ситуация, при которой преступники арестованы, а следствию предстояло искать теперь уже самих потерпевших. Невольно мне вспомнилась увиденная в старом номере юмористического журнала «Крокодил» карикатура, на которой изображен милиционер, поймавший хулигана, а второй работник милиции бежит за убегающим человеком, и первый милиционер кричит вслед второму: «Хулигана я уже поймал, а ты лови свидетелей!» В нашем же случае нужно было отлавливать даже не свидетелей, а потерпевших.

Я поручил работникам уголовного розыска собрать все возможные сведения о бригадире Блашенкове и проверить поступления в больницы мужчин с травмами в дни, указанные в записной книжке Саранцева. Затем я начал работу с вещественными доказательствами, среди которых были различные документы потерпевших. Так установили еще одиннадцать пострадавших от этой банды. Допросил их, и они подтвердили, что подверглись нападению, но ничего не могут рассказать, поскольку ничего не помнят из-за сильного опьянения. По этой же причине и не заявляли в милицию, поскольку не знали, что им вообще говорить и о чем заявлять. Слушая их, я про себя подумал, что такие жертвы – просто бес-

ценная находка для грабителей: никого не опознают, ни о чем не смогут рассказать, да и никуда не заявят.

Однако польза даже и от таких «молчунов» все-таки была: при проведении опознания изъятых у подозреваемых вещей потерпевшие узнали похищенные у них вещи – ну хоть какая-то помощь следствию. А где искать еще несколько десятков потерпевших? Поручил это работникам уголовного розыска Кунгурского РОВД. Со своей стороны я понимал, что даже если и будут найдены таковые еще, то рассчитывать на их показания, которые будут, скорее всего, одинаковы: был пьян и ничего не помню, особо нечего. В лучшем случае они смогут опознать похищенные у них вещи.

У следствия уже имелись показания трех преступников о нападениях на неизвестных им пьяных мужчин, каждое подтверждено дневниковой записью Саранцева, и, наконец, у подозреваемых изъяты вещи потерпевших. Имена жертв следствию не удалось установить, но эти вещи как доказательства преступлений можно было предъявить суду. Между тем проверка по больницам города, как я и предполагал, имен потерпевших нам так и не добавила.

От оперативников я получил собранную информацию о бригадире строителей Блашенкове, в бригаде которого работал стропальщиком Кротов. Никаких компрометирующих сведений на него не имелось: обычный строитель, имел семью, злоупотреблял спиртными напитками, но... состоял в неприязненных отношениях с Кротовым. Дал поручение оперативникам провести обыск по месту жительства Блашенкова и доставить его ко мне на допрос. Через пару часов ко мне привели крепкого мужчину лет сорока, выше среднего роста. При обыске у него обнаружили наручные часы марки «Победа», которые, по его словам, ему летом подарил бригадник Кротов.

Именно эти часы были отображены у потерпевшего М. при нападении на него «нашей» тройцы. Получается, что Блашенков каким-то образом был причастен к совершению преступления, но на допросе он категорически это отрицал. Заявлял: он

не знал, что подаренные ему часы были добыты преступным путем; утверждал, что Панова и Саранцева не знал вообще.

Поскольку имелись показания Кротова, о том, что Блашенков являлся организатором совершенных преступлений, я объявил ему, что он задерживается по подозрению в совершении этих нападения, и отправил его в камеру предварительного заключения. Вновь поочередно допросил Панова и Саранцева по поводу Блашенкова, и те пояснили, что он им неизвестен, никакого другого руководителя, кроме Кротова, у них не было и никого они больше не знают. Снова допросил Кротова, тот продолжал настаивать, что главным у них был Блашенков.

На следующий день я провел очную ставку между Кротовым и Блашенковым: оба настаивали на своих показаниях. Однако Кротов не смог ответить, в чем же заключалась роль Блашенкова, какие конкретно действия им были совершены, где и когда, при каких обстоятельствах.

Оперативники в это время по моей просьбе устанавливали и опрашивали всех знакомых Блашенкова, чтобы собрать о нем как можно больше сведений, его характеризующих. Но ничего больше, кроме показаний Кротова, не давало нам оснований полагать, что Блашенков является организатором или участником совершенных бандой преступлений. Через трое суток проверки напуганный насмерть и притихший Блашенков отправился домой, благодаря судьбу и следствие, что «не пошел по делу» в качестве обвиняемого.

Через несколько дней Кротов обратился ко мне за разрешением послать письмо своей жене Тамаре, в котором вместе с просьбой передать ему теплые вещи и смену белья, как бы между прочим сообщил, что в преступную деятельность его вовлек бригадир Блашенков. Кротов явно рассчитывал на то, что мы вновь будем проверять того и, как знать, может, удастся что-нибудь свалить на него.

Я вызвал на допрос супругу Кротова Тамару. Жизнь ее в последнее время складывалась не лучшим образом. Женщина

была работающая, непьющая, трудилась на стройке вместе с мужем, Кротовым, от первого брака имела сына шести лет. Ее первый муж за совершение зверского изнасилования несовершеннолетней получил пятнадцать лет лишения свободы. Познакомилась с Кротовым, от него родила дочь. Радовалась, что попался непьющий мужчина, которого на работе уважали. Теперь и второго мужа тоже арестовали, и она осталась одна с двумя детьми на руках.

Тамара рассказала, что муж дружил с Саранцевым и Пановым, по вечерам они часто уходили погулять, всегда были трезвые, вели себя прилично. Чем они занимались на самом деле, ей было не известно. Иногда муж приносил какие-то вещи, она не спрашивала откуда. Теперь, узнав о преступных похождениях мужа, она относилась к нему крайне негативно, но изменить уже ничего было нельзя. Передала свой письменный ответ на письмо Кротова, который начинался так: «Нет прощения таким, как ты, и земля не должна носить извергов...»

Подшло время встретиться с Пановыми – родителями погибшей Нади и ее убийцы Коли. Утром по повестке ко мне в кабинет вошли Агния Николаевна и Виктор Михайлович, пожилые, тихие люди, оба небольшого роста, с испытанными лицами, от них разило спиртным. На мое замечание, что являться нужно трезвыми, они возразили, что это у них запах от вчерашней выпивки, просто они с похмелья.

Верилось в это с трудом. Пановы пояснили, что ничего не знали о преступлениях сына и его приятелей, ничего не замечали и за дочерью. Понятно, что за таким времяпрепровождением, когда дни катились от выпивки до выпивки, они не увидели, как ушли из жизни сразу двое детей: сын – долго, поздними вечерами, когда и мать, и отец зачастую сидели с бутылкой водки, дочь – ясным осенним днем, погибнув от рук своего брата и его дружков. Оба родителя сочувствия не вызывали.

Перед моим мысленным взором встали две дороги: по одной из них вдаль убегает с места преступления совершивший его,

по другой – спешат те, кому надо остановить, обезвредить силу, ставшую опасной для людей. Обе дороги эти обязательно пересекутся, каким бы долгим и трудным ни был путь к этому перекрестку, как бы искусно ни маскировался убегающий.

Год до встречи со следователем вписал в биографии Кротова, Саранцева и Панова не один десяток преступлений. Предстояло понять, как это вообще стало возможным, какие условия этому способствовали. Никогда не бывает безлюдной дорога преступника: есть пострадавшие, свидетели, просто знакомые, и как скоро наступит встреча преступника с правосудием, во многом зависит от них. Правоохранительные органы стоят на защите общественных интересов, но и они нуждаются в помощи окружающих, в активной гражданской позиции и участии тех, кто вокруг – без этого немыслим их труд. Уголовное дело не бывает без потерпевшего, свидетелей, обвиняемого, но начинается оно, как правило, с потерпевшего, от которого хотелось бы услышать внятное и ясное изложение о происшедшем. Убитые не в счет – к сожалению, они показательный дать уже не могут...

В данном деле были потерпевшие, которые заявили о нападениях на них, но каких-либо подробностей сообщить не смогли. Те потерпевшие, кого удалось установить уже следствию, тоже мало чем помогли нам. Так, одна из потерпевших женщин, спутник которой был убит при нападении на них, была тут же после этого изнасилована Саранцевым и Кротовым, однако она была пьяна настолько, что даже не смогла вспомнить об этом. Вместе с десятками потерпевших, личности которых так и не удалось установить, они только шире открывали шлюзы для преступной волны безнаказанности тройки бандитов, но ведь кроме потерпевших были еще и окружающие.

Работая в строительном управлении, Кротов переходил из одной бригады в другую. «Иначе спиться можно, – объяснял он, – пьют не только в дни получки, но и в любые другие, а отказываешься – косятся, вроде не уважаешь бригаду». Однако

приятельские отношения с людьми он старался не разрушать, а где можно – помочь. Однажды во время перекура Кротов говорил с рабочим Павленко про житье-бытье. «Простить не могу этой И., – жаловался новый приятель, – что 120 рублей моих по суду получила, а кто ей велел под руку попадаться, трудоспособность терять? Так уж скоро и выпить не на что будет». – «Болтлива не в меру, – поддержал его Кротов, – ничего, уgomоним».

«Помощь» оказалась скорой. Вечером того же дня, по указанию Кротова, Саранцев дожидался И. у дома. Бил расчетливо и наверняка. «Закрытая травма черепа с сотрясением головного мозга, повлекшая стойкое нарушение слуха» – поставили диагноз врачи. Потерпевшая о нападении в милицию не сообщила – ни сразу, с помощью родных, ни после лечения. Не посчитали нужным это сделать и медики Кунгурской райбольницы. А ведь раскрыть это преступление не представляло большого труда: нападение было одним из первых на счету банды, но оно осталось вне поля зрения правоохранительных органов.

Кротов даже на работу носил с собой боевую плеть, показывал товарищам, объясняя, что «сделал на всякий случай». Именно ударами такой цепи был убит один из потерпевших. Рабочему Фефилову просто так подарил ношенные, но исправно идущие наручные часы, и не только ему. Вопросов ни у кого тогда не возникало. Всем было безразлично. Это потом, когда начались допросы и выемки розданного награбленного, стало звучать: «Если б мы знали...» А может быть, и знать-то и не хотели? Зачем? Так спокойней, и спишь лучше.

В течение месяца я проводил все неотложные следственные действия и совершал выезды со всеми обвиняемыми по отдельности на места совершения убийств и нападений. В порядке проверки их показаний делал все необходимые запросы, назначал различные экспертизы. После этого всех троих обвиняемых этапом отправил в Пермскую тюрьму, где они должны были содержаться, а также пройти судебно-психиатрическую экспертизу.

Сам я спешил вернуться в областной центр – необходимо было завершить расследование еще одного уголовного дела, которое находилось у меня в производстве, тоже многоэпизодного. Так сложилось, что у нас, старших следователей, как правило, находилось в производстве сразу несколько дел, и надо было укладываться в установленные законом сроки расследования. В течение еще одного месяца я закончил расследование этого другого дела и отправил его в суд. Снова вернувшись к расследованию Кунгурского дела, начал готовить объемные многостраничные постановления о привлечении этой троицы в качестве обвиняемых.

Наступил новый, 1978 год. Кунгурское дело снова пришлось откладывать в сторону, поскольку меня 2 января срочно отправили в командировку в райцентр Барда, что в ста пятидесяти километрах юго-западнее Перми: следователь районной прокуратуры нанес ножевое ранение своей жене во время бытовой ссоры. Дело несложное, но тоже требовало времени. Арестованного бывшего коллегу, который к тому же не признавал своей вины, также этапировал в Пермскую тюрьму, и у меня появилась возможность снова вернуться к расследованию прежнего дела.

Однако уже 15 января пришлось выехать, опять по указанию руководства, в лагерный поселок Валай на самый север области, за четыреста километров от областного центра. Там, в рабочей зоне лагеря особого режима, были убиты во время пьяной разборки пять особо опасных рецидивистов (один из них был застрелен командиром роты охраны), ранены восемь заключенных и офицер охраны.

Три недели я занимался там допросами осужденных, работников администрации и охраны, выемками вещественных доказательств, затем получил санкцию на арест пятерых убийц и отправил их этапом в Пермскую тюрьму. Туда же возвратился сам с большим количеством изъятой одежды, принадлежащей обвиняемым и снятой с трупов, а также ножей; все это направил на экспертизу. По возвращении в Пермь в течение

ние пары дней успел закончить и направить в суд «Бардымское» дело.

В это время из города Березники приехала мать обвиняемого Саранцева, причем не одна, а со старшим сыном и дочерью. Мать, пожилая женщина, встревоженная судьбой среднего сына Николая, настойчиво просила меня объяснить, за что он арестован. Ничего не скрывая от нее, я рассказал матери, в чем обвиняется ее сын: в пяти убийствах и десятках нападений на граждан. Опустил я только эпизоды изнасилований. Мой рассказ произвел на нее сильное, удручающее впечатление. Пользуясь тем, что вместе с матерью прибыл ее старший сын, я допросил его в качестве свидетеля, и он пояснил мне, что его брат по натуре человек легковверный и внушаемый, может верить в различные фантазии.

Все трое прибывших родственников попросили разрешить свидание с арестованным Николаем Саранцевым. Понимая, что они, возможно, уже никогда больше не смогут увидеться и пообщаться с ним (так оно в дальнейшем и произошло), я организовал им такое свидание, и чтобы оно состоялось скорее, тут же составил письменную заявку и лично проводил их в следственную часть изолятора под видом проведения следственных действий.

Конвой привел Саранцева в кабинет. Он был в хорошем настроении, выглядел бодро, был обрадован встрече с родными. Это сразу успокоило его мать. Начали неторопливый разговор о семейных новостях, в свою очередь обвиняемый успокоил мать, сказав, что у него все нормально, его никто не обижает, и, самое главное, подтверждает, что он сидит за дело, на нем – совершенные убийства и нападения, в которые его втянул Кротов. После этого, судя по виду, у матери пропали последние сомнения, что ее сын сидит ни за что.

Через полтора часа конвой увел обвиняемого, а у матери ко мне был только один вопрос – сохранят ли жизнь сыну. Вопрос тяжелый для меня: сам-то я прекрасно понимал, что за совершение пяти убийств и почти сотню нападений на людей суд

не может не вынести единственно справедливый приговор – исключительная мера наказания. Но как об этом сказать матери убийцы? Сослался на то, что я всего лишь веду следствие, а меру наказания будет определять суд. Если у нее есть какие-либо претензии и вопросы ко мне как к следователю, готов ответить и объясниться.

– Что вы, какие претензии, – ответила она, – мы вам благодарны, вы нас хорошо приняли, выслушали и свидание дали, на которое мы и не рассчитывали. Повезло сыну со следователем.

На этом мы расстались.

В один из дней, когда я находился в следственной части тюрьмы, ко мне обратился работник оперативной части Владимир Оглезнев. Он проинформировал меня, что есть данные: мой подследственный Кротов собирается убить своего следователя, то есть меня. Это меня несколько даже позабавило. Я понимал, что оружия у него нет, а без него – он физически не сильнее меня – осуществить это убийство в условиях тюрьмы проблематично. Заметив мой скептицизм, оперативник не обиделся и объяснил мне, что Кротов готовит оружие. Для этого он даже сумел раздобыть столовую ложку, ручку которой затачивает о бетонную стену в камере, превращая ее в лезвие, как у ножа. Работа идет успешно, и скоро лезвие будет готово. С ним он явится на очередное следственное действие и пустит в ход это орудие убийства.

Понимая, что это уже не шутка, – так можно и не дожить до окончания расследования этого дела – мы обсудили с ним план дальнейших действий. Решили сделать так: пусть Кротов изготовит нож, потратит на это время, а я ему не буду мешать – не буду вызывать его для производства следственных действий. Когда он закончит свое дело, и, вооруженный самодельным ножом, явится на допрос, его предварительно тщательно обыщут и изымут оружие как запрещенный для обращения предмет. Так и поступили. Это преступление мы предотвратили, а вот сотню других, совершенных им до этого, не смогли.

Расследование подходило к завершению, и возникла не-

обходимость в соответствии с установленным порядком зарегистрировать все совершенные бандой преступления, а это требовало заполнения сотен карточек формы № 1. Поскольку времени у меня на это просто физически не было, я попросил прислать ко мне специального работника, и в мое распоряжение была направлена молодая женщина, которая в течение дня заполняла бланки статистической отчетности установленной формы.

На учет было поставлено дополнительно еще около сотни преступлений, то есть произошло значительное увеличение роста зарегистрированных преступлений в районе. Фактически ухудшились показатели работы местных правоохранителей, а директивно от органов внутренних дел требовалось принимать меры и добиваться снижения преступности в стране, строящей коммунизм. С трудом я тогда понимал, как можно регулировать количество совершаемых преступлений, ведь известно, что преступность – явление социальное и зависит в конечном итоге от экономического положения общества в целом и состояния его морали. Безусловно, по каким-то видам отдельных совершаемых преступлений можно добиться снижения их количества. Поставить, к примеру, на каждый перекресток в городе по милиционеру, и уличная преступность сразу же снизится, но она с улицы уйдет в дома.

В нашем случае, с одной стороны, произошел рост совершенных преступлений за счет их регистрации. Официально это считалось плохо, с другой стороны – все эти преступления были раскрыты, что значительно подняло процент общей раскрываемости преступлений, – это было хорошо. Высокий процент раскрываемости в органах внутренних дел требовали всегда. Поэтому получилось, как в известной поговорке, – худа без добра не бывает.

Дело о преступлениях, совершенных бандой Кротова, рассматривалось Пермским областным судом в выездном процессе, который проходил в Кунгурском районном Доме культуры более месяца. В конце последней недели по просьбе

председательствующего на этом процессе члена областного суда Садовенко Василия Яковлевича я прибыл к началу судебного заседания с аппаратурой для показа кинопленок, на которых засняты Кротов, Саранцев и Панов на местах совершения преступлений во время следственных экспериментов.

Зал, способный вместить пятьсот человек, был заполнен до отказа. Люди стояли в проходах и при входе, а также за пределами здания, на улице. Подъехали автомашины с арестованными, и конвой, взяв в плотное кольцо трех подсудимых, с трудом пробивался через толпу внутрь помещения. Из толпы, состоящей в основном из женщин пожилого возраста, раздавались крики с проклятиями, они пытались протиснуться к конвоируемым и плюнуть в них. Я успел увидеть только перепуганное лицо Николая Панова, который прятался за спину конвоира. Отметил про себя, что в Кунгуре, как и везде, народу подавай зрелище.

Через несколько минут вслед за конвоем и я протиснулся в зал. Там, на сцене, установил привезенный с собой кинопроектор и по команде председательствующего в течение полутора часов демонстрировал отснятые кинокадры. В затемненном и переполненном зале стояла полная тишина. Закончив показ, начал собирать киноаппаратуру.

Суд продолжил судебное заседание, уточняя у подсудимых детали, связанные с показанными на экране записями следственных действий. Неожиданно для всех встал Саранцев и задал вопрос Кротову: «Юра, ты же говорил мне, что все, что я совершал, – это были приказы КГБ, как же так?» В ответ Кротов, даже не посмотрев в сторону своего подельника, покрутил демонстративно пальцем у виска и насмешливо ответил: «А у тебя, Коля, где свой-то ум был?!»

При окончании процесса в течение целого дня 24 июля 1978 года судья зачитывал сто сорок страниц текста приговора. Панов и Саранцев обвинялись только по статье 77 Уголовного кодекса (бандитизм), а Кротов, помимо этой же статьи, также обвинялся и по другим, менее тяжким статьям: 112 (причине-

ние легких телесных повреждений своей бывшей знакомой) и 120 (развратные действия в отношении несовершеннолетней).

Судья, зачитывая резолютивную часть приговора, после слов «Суд приговорил», как и положено, сначала объявил: «Назначить наказание Кротову по статье 112 – шесть месяцев лишения свободы, по статье 120 – три года лишения свободы...» А дальше оглашать приговор судье не дала находившаяся в зале толпа, сразу встретившая услышанное ревом, громкими криками и ругательствами в адрес суда и подсудимых. Положение спас старший конвоя – бывалый прапорщик внутренних войск, который громовым командным голосом потребовал всех замолчать и слушать дальше зачитывание приговора.

Василий Яковлевич смог продолжить оглашение, и после того, как он озвучил, что «Кротов по статье 77 приговаривается к исключительной мере наказания – смертной казни с конфискацией имущества», присутствующие люди встретили это бурными аплодисментами и радостными криками. Наблюдая за происходящим, я убедился, как одним сказанным словом можно управлять возбужденной толпой.

Приговором суда Саранцев был также приговорен к смертной казни, а Панов, поскольку был несовершеннолетним, – к десяти годам лишения свободы. Верховный суд РСФСР рассмотрел дело по жалобам осужденных и приговор областного суда оставил без изменения. Президиум Верховного Совета отклонил ходатайство осужденных о помиловании. Приговор суда был приведен в исполнение. Ненамного пережил своих подельников и Николай Панов. Свой срок наказания он не успел отбыть – был убит заключенными в исправительно-трудовой колонии.

Чему быть суждено...

Утром 4 апреля 1980 года я был разбужен звонком в дверь. Машинально взглянул на часы – семь двадцать утра. Визиты в такое время для старшего следователя областной прокуратуры, в должности которого я тогда состоял, означали одно – выезд на место происшествия. Вопрос был только в том, куда и на сколько дней придется ехать.

Открыв дверь, я увидел своего коллегу – Виктора Соболева, который жил в квартале от моего дома и, в отличие от меня, имел в квартире установленный городской телефон.

– Горит телефонный завод, необходимо прибыть срочно на службу, – произнес он.

Через полчаса мы прибыли в прокуратуру области. Руководство прокуратуры уже было на месте. Мой непосредственный начальник заместитель прокурора области Владимир Михайлович Бахарев дал мне указание срочно ехать на место происшествия – на пожар – и приступать к его расследованию.

Горит телефонный завод

Еще через полчаса на машине передвижной криминалистической лаборатории, проехав кордон милицейского оцепле-

ния, мы прибыли на место пожара – к огромному трехэтажному основному заводскому корпусу, два верхних этажа которого уже выгорели дотла. Полторы сотни пожарных продолжали борьбу с огнем, и было видно, что под их натиском огонь постепенно начинал сдаваться.

К осмотру приступить было еще рано – место будущего осмотра занимали пожарные, которые добивали огонь, охвативший три тысячи квадратных метров, тридцатью мощными лафетными стволами одновременно. Поэтому, чтобы не терять времени, мы зашли в рядом стоящее здание заводоуправления и выяснили, что огнем полностью уничтожен склад готовой продукции и два сборочных цеха, которые были закрыты – в ночную смену там никто не работал.

Возгорание было обнаружено случайным прохожим в четыре с половиной часа утра. Мужчина увидел за темными окнами на третьем этаже основного корпуса блики огня и зашел на проходную завода, чтобы сообщить об этом охране. В это же время обнаружилось, что отключились и не работают охранная и пожарная сигнализации, нарушенной оказалась и телефонная связь. Охране пришлось вызывать пожарных, позвонив с телефона-автомата, расположенного за территорией, неподалеку от завода. Позднее было установлено, что слаботочные провода сигнализаций и телефонная линия были повреждены пламенем и вышли из строя в самом начале пожара.

Завод был крупным режимным предприятием со строго охраняемым периметром и семью тысячами работников, но в ночь, когда возник пожар, работала только третья смена в цехе № 1, и вместе с охраной внутри завода находилось 150 человек. Мы составили список работавших, выяснили, что именно находилось в сгоревших помещениях, имелось ли в них включенное электрооборудование, хранились ли самовоспламеняющиеся вещества. На третьем этаже, где находился очаг возгорания, был расположен цех № 9 со сборочным конвейером, на котором при распайке телефонных контактов исполь-

зовался для обезжиривания технический спирт, разлитый в специальные металлические блюда.

Во второй половине дня пожарные сообщили о завершении пожаротушения, и нам представилась возможность начать осмотр места происшествия. Вместе с двумя специалистами – экспертами пожарно-испытательной станции областного управления пожарной охраны – мы приступили к осмотру еще дымящихся помещений двух этажей. Основной вопрос, на который нужно было найти ответ, – в чем причина пожара.

При осмотре обнаружилось, что на чудом сохранившейся двери, ведущей в цех № 9, имеются следы взлома. Присутствующие представители штаба пожаротушения объяснили, что до этой двери пожарные не дошли, да и подойти близко было нельзя из-за сильного пламени.

Осмотр продолжался до окончания светового дня и продолжился на следующий день. Ближе к полуночи мы смогли уже сделать первые выводы: следов неисправности электрооборудования, от работы которого могло бы произойти возгорание, не обнаружено; веществ, которые могли бы самовоспламениться в сгоревшем цехе, не имелось. Следы взлома на двери указывали на то, что в цех кто-то пытался проникнуть. Пожарные специалисты, помогающие нам с осмотром, определили, что время возгорания (активной фазы горения) – около 3 часов 50 минут пополудни.

Но самое главное – они отбросили технические и иные причины возникновения огня и высказали свой предварительный вывод: скорее всего это поджог и надо искать поджигателя. Позднее они о поджоге, как о причине пожара, указали в заключении пожарно-технической экспертизы.

Проникновение посторонних лиц на территорию завода в силу строго охраняемого его периметра исключалось. Вина поджога следовало искать среди находящихся там в ту ночь работников завода. Предстояло произвести большой объем следственных действий, который было не под силу выполнить в одиночку. Необходимость быстрее раскрытия

дела диктовалась значительным общественным резонансом – большая часть коллектива завода, а это несколько тысяч человек, осталась без работы.

Утром следующего дня о предварительных итогах осмотра и выдвинутых версиях я доложил прокурору области Б. П. Наместникову и попросил создать следственную группу. Борис Петрович, сразу оценив ситуацию, оперативно решил вопрос, и к концу дня ко мне прямо на завод, где дислоцировалось следствие, прибыли в помощь опытные коллеги из смежных ведомств – старший следователь Управления КГБ СССР по Пермской области В. И. Туров и старший следователь УВД Пермского облисполкома В. Н. Киселев, а также начинающий следователь районной прокуратуры Б. Н. Тупоногов. Между нами сразу же сложились деловые и дружеские отношения, и мы с удвоенной энергией приступили к делу.

Не теряя времени, составили план допроса работников завода, целью которого было установить, кто и где находился в момент возгорания, кто отлучался с рабочего места, и приступили к их допросу. Назначили пожарно-техническую и криминалистическую экспертизы, распределили обязанности и направление работы каждого из следователей.

На второй день из показаний свидетелей выяснилось, что около трех часов ночи, непосредственно перед пожаром, с рабочего места ушел девятнадцатилетний, дважды судимый за хулиганство и отбывший срок, токарь Павел Толкачев, который вернулся обратно после начала пожара. Был он в нетрезвом состоянии. Все остальные в это время находились на своих рабочих местах.

Допрошенный, как и все прочие, первоначально в качестве свидетеля, Толкачев хорошо помнил события, не связанные с пожаром, однако, когда речь заходила непосредственно о пожаре, ссылаясь на то, что к тому времени сильно опьянел и ничего не помнит. Позже в своих показаниях он укажет, что «стал слушать слухи, говорили о разном и самом невероятном: о кабелях, которые замкнули, о каких-то диверсантах и взры-

вах. Все эти слухи радовали – на меня никто не думал, но все равно было тревожно...»

Тревожные предчувствия его не обманули, и на исходе четвертых суток в небольшой по размеру следственной камере изолятора временного содержания, с решетками на окнах и крепко прибитой к полу табуреткой, Толкачев, здоровенный и внешне бесшабашный парень, уже отвечал на наши вопросы, не спеша ни в чем признаваться и тем более раскаиваться.

Допрос подозреваемого продолжался долго. Как-то объяснить, зачем и куда уходил от станка, он не смог. Развязка наступила неожиданно, после двух простых вопросов, поставивших его в тупик: сколько всего человек работает на заводе и кто, кроме него, задержан за поджог. Назвав количество работающих, он сказал лишь об одном задержанном – о себе. И мы предложили ему, как лицу, уже ранее дважды судимому, пораскинуть мозгами и самому себе ответить на вопрос о том, почему именно он задержан за поджог. Толкачев на некоторое время задумался и затем по-деловому спросил: «Ну, хорошо, а как вы докажете, если я не признаюсь?»

Это уже был конкретный и деловой разговор, мы к нему были готовы. Тем более нами уже был установлен свидетель Борис Рукавицын, с которым в ту роковую ночь в поисках выпивки Толкачев проник в цех. Свидетель пояснил, что в цехе было темно, и Толкачев освещал себе дорогу в поисках спирта, зажигая спички, которые не затушенными бросал на пол, а шедший за ним собутыльник тушил их, наступая ногой. Они сливали спирт из баночек в бидон, который там же и нашли. Это было в час ночи. Через два с половиной часа, когда Толкачев вновь захотел выпить, он направился в тот же темный цех, но уже один, и тушить горящие спички было некому.

Кроме того, были установлены и допрошены другие свидетели, которых подозреваемый угощал ночью украденным спиртом.

Безусловно, Толкачев понимал, что следствие взялось за него основательно. Уже само задержание и нахождение в ка-

бинете с решетками не предвещало ему ничего хорошего. Он не питал иллюзий, понимая, что одним отрицанием отделаться не получится – впереди снова суд и срок. Эти раздумья читались на его озабоченном лице.

Подумав некоторое время и оценив безвыходность ситуации, в которую попал, Толкачев обратился к нам с неожиданным предложением. Он готов был признать, что причастен к возникновению пожара, был со спичками в сгоревшем цехе № 9, крал и пил спирт, и готов обо всем подробно рассказать и собственноручно написать явку с повинной, потому что не видит смысла затягивать следствие и морочить кому-либо голову. Но взамен он просил прямо сейчас доставить его к любимой девушке на одну минуту попрощаться – ведь в ближайшие годы у него такой возможности не будет, и он может больше никогда ее не увидеть.

В глазах его стояли слезы. В этот момент его не особо волновал предстоящий тюремный срок, к этому он относился как к неизбежному и неотвратимому, да и не впервой, а вот чувства для него – это другое, самое важное.

Пока мы общались, наступила полночь. Посоветовавшись с коллегой Туровым, прикинув и взвесив все за и против, мы пришли к выводу, что мы ничего не потеряем, если исполним просьбу по уши влюбленного парня, пусть и виновника пожара. Ведь, действительно, судьба готовила ему, как поется в блатной песне «дорогу дальнюю, казенный дом», и когда еще ему представится случай увидеть любимую.

Только вот он был задержан и находился под стражей, а проблему с конвоем решить глубокой ночью, без предварительной заявки, было довольно сложно. Поступили мы просто: у дежурного по изолятору взяли наручники, а Туров позвонил своему оперативному дежурному УКГБ, и через полчаса служебная черная «Волга» стояла у входа в изолятор. Оставив расписку дежурному по изолятору о том, что забираем задержанного под свою ответственность, мы поехали по указанному Толкачевым адресу – недалеко от сгоревшего завода.

Дверь нам открыла мать девушки, школьная учительница. Представившись ей и принеся извинения за ночной визит, я объяснил его неотложными обстоятельствами, связанными с расследованием дела и попросил пригласить дочь. После некоторых колебаний женщина согласилась. Девушка оказалась очень стройной и симпатичной. Свидание было коротким, полторы минуты. Дрогнувшим голосом Толкачев сказал, что ему дадут срок, умолял дождаться его освобождения, чтобы он смог назвать ее своей женой.

Для потрясенной девушки наше ночное появление было совершенно неожиданным и шокирующим, она успела только кивнуть головой непонятно в знак чего. Воистину убеждаешься, насколько слепа любовь.

Еще через пять минут автомобиль вез нас по ночному затихшему городу обратно в изолятор. И тут случилось то, чего мы никак не ожидали. Толкачев просто разревелся и впал в настоящую истерику. Но за то время, пока мы ехали обратно, он успел прийти в норму и, оказавшись в кабинете, написал обстоятельную явку с повинной. Мы условились с ним, что на следующий день он обо всем произошедшем в ночь пожара сам покажет при выезде на место в порядке следственного эксперимента по проверке его показаний.

Выезд с поджигателем Толкачевым на завод

На следующей день, после выезда на место и проверки показаний подозреваемого на месте, мы окончательно убедились в том, что не ошиблись, и именно он виновник пожара. Но умышленными его действия назвать было нельзя, а вот неосторожное уничтожение имущества путем небрежного обращения с огнем налицо. А это уже другая статья обвинения, максимальное наказание за такое преступление по действующему в то время закону было предусмотрено до трех лет лишения свободы. Доложив своему руководству о раскрытии дела о пожаре, мы продолжили расследование.

Толкачев, не получивший от ошарашенной его ночным визитом девушки ответа, который так хотел знать, попросил передать ей письмо. Начиналось оно с эпитафия: «Чему быть суждено, неминуемо будет, но не больше того, чему быть суждено». В письме он просил ее ответить на самый главный для него вопрос – будет ли она его дожидаться – и далее следовал ультиматум: «Ждать не будешь – при первой же возможности перережу себе горло». Другое письмо он попросил передать родителям. Содержание его было весьма конкретным: «Пошел на третий срок, на этот раз жду три года строгого. Вывернуться не мечтаю, посмотрим, что на суде будет, но надежды на спасение почти нет... Ближе к делу – до суда приготовьте сидор побольше...» – и дальше длинный список необходимых ему на зоне вещей.

Через двадцать пять дней следствие по обвинению Толкачева было завершено. Вместе с ним по делу за преступную халатность был привлечен его мастер В. И. Филимонов, не отстранивший от работы и не принявший мер для выдворения с предприятия пьяного токаря. Филимонов был осужден к условной мере наказания.

Защиту обоих обвиняемых осуществляли известные пермские адвокаты Тмаркин и Пекилес. Ознакомившись с материалами дела, оба адвоката были крайне удивлены и пояснили, что ходило много разных слухов и разговоров по поводу данного пожара, вызвавшего большой резонанс среди населения. Од-

нако они никак не могли даже подумать, что виновником тех событий окажется девятнадцатилетний пьяный парень, а не матерый преступник-вредитель или диверсант.

В ответ оставалось только развести руками, – что имеем, то имеем, где же взять другого поджигателя, если виноват именно этот. Объяснять им, что по пьяному делу можно иногда совершить такое, что не под силу и матерому злодею, я не стал. Вообще, поведение пьяного мужика – явление малоизученное и не поддается какому-либо программированию и прогнозированию в части его поступков и их последствий. В этом не раз, к сожалению, приходилось убеждаться на практике.

Толкачеву суд определил наказание в виде трех лет лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима – именно то наказание, которое он сам и предполагал получить.

Родственники, как он и просил, передали ему «сидор» с вещами.

Одна командировка

В конце августа 1981 года поступила тревожная информация из города Лысьвы. Этот город был известен тем, что выпускал расписную эмалированную кухонную посуду, которая славилась далеко за пределами области. Всякий побывавший там старался увезти оттуда один, а если получится, то и два красивых набора.

По сообщению, там исчезли две пятилетние сестренки-двойняшки – ушли из дома и как в воду канули. Пошли уже пятые сутки безрезультатных поисков, становилось понятно, что в живых их уже, скорее всего, нет.

Предполагая худший вариант развития событий, мы через областное управление внутренних дел и по своей линии договорились, что при обнаружении тел девочек с признаками насильственной смерти немедленно организуем совместный выезд туда большой следственно-оперативной группы и экспертов. Не потому что не доверяем местным розыскникам и

следователям, – там, на месте, как раз работники опытные и добросовестные трудились – но, как и всегда в делах такой значимости и общественного резонанса, важно было для быстрейшего раскрытия громкого преступления сконцентрировать усилия большего количества грамотных профессионалов.

Мы считали, что не имеем права оставлять такие дела нераскрытыми даже ненадолго. О судьбе пропавших девочек по-прежнему ничего не было известно, и нам оставалось только ждать плохих новостей. Однако ехать в Лысьву нам не пришлось.

Утром 3 сентября, просматривая очередную сводку происшествий, я обнаружил, что к шести нераскрытым с начала года убийствам добавилось еще одно, седьмое, в Кунгурском районе. Тут же связался с начальником отдела по особо важным делам областного УВД А. М. Петровым, и тот мне обстоятельно и подробно рассказал об известных ему обстоятельствах произошедшего. Труп неизвестного мужчины был обнаружен на мусорной свалке дома отдыха «Песчанка», который расположен на реке Сылве рядом с железнодорожной станцией Чикали. Один из отдыхающих пошел накопать червей для рыбалки, а откопал присыпанный землей труп здорового мужика. Труп находился в морге Кунгурской центральной районной больницы, а вскрытие запланировано сегодня, после обеда. Подозреваемых нет.

Петров сообщил, что ему некого послать на раскрытие – все работники его отдела заняты и находятся в командировках по области на раскрытии убийств, на нашем жаргоне – «висяков», и отозвать их оттуда и направить в Кунгур никак нельзя. Впрочем, выход есть: он предложил мне самому переговорить с находящимся в отпуске майором Л. Г. Мушниковым, которому он приказать не может, но если попрошу его лично я подключиться к раскрытию дела, то, зная его доброе отношение ко мне, тот не сможет отказать.

Лев Гаврилович был одним из самых опытных и толковых работников уголовного розыска в области, орденосец, лич-

ность легендарная. Работать с ним всегда было интересно и легко, у него было чему поучиться. Я сразу же позвонил ему. Он, к счастью, был дома, никуда не уехал в отпуск. Объяснил ситуацию и попросил: «Помоги, надо съездить со мной и раскрыть висяк». Уговаривать его даже не пришлось. Петров предоставил нам служебную машину, и после недолгих сборов мы вдвоем поехали на юг области за сто километров в старинный город Кунгур, который известен в мире своей уникальной Кунгурской ледяной пещерой.

Успели прямо к началу вскрытия тела потерпевшего. Экспертизу проводил старейший судебно-медицинский эксперт области Иван Николаевич Подшивалов, бывший капитан третьего ранга, врач подводной лодки, во время войны с Японией затонувшей в море, спасшийся с нее через торпедный аппарат с глубины тридцати метров.

На столе в морге лежало тело крупного, крепкого мужчины лет сорока. На нем была потрепанная одежда, на которой мы обнаружили частицы угля. По виду похож на обычного бомжа. Кто он, нам пока неизвестно, личность еще предстоит установить. Тут нас ожидал первый сюрприз: на шее трупа, под складками кожи, обнаружили туго затянутую петлю с прочным узлом из тонкой, но очень крепкой шелковой веревки диаметром четыре миллиметра. Петля настолько сильно врезалась в шею, что сразу ее можно было и не заметить, поэтому ничего удивительного, что районный следователь, первоначально осматривавший труп на месте происшествия, не увидел ее.

Эксперт Подшивалов констатировал смерть мужчины от механической асфиксии вследствие сдавления шеи веревочной петлей. Орудие преступления – петля, как первая значимая улика, оказалась у нас в руках. И в прямом, и в переносном смысле мы получили конец веревочки, за который и потянули, и которая повела нас напрямиком к убийце.

Но все по порядку. Переночевав в городской гостинице, на утро мы отправились в дом отдыха, но не отдыхать, а идти по

следу веревки: нам нужно было определить, откуда появился небольшой кусок веревки, ставшей орудием убийства.

Поселок, в котором проживал обслуживающий персонал дома отдыха, состоял из трех десятков частных домов и вплотную примыкал к самому дому отдыха. Вместе с Мушниковым мы прошли по всем домам и дворам, сравнили развешанные бельевые веревки во дворах с имеющейся у нас на руках веревочной петлей, снятой с трупа. К концу дня, наконец, нашли то, что искали. Обнаружили чисто визуально, что одна из таких бельевых веревок полностью совпадает по толщине, цвету, способу плетения, материалу, из которого изготовлена, с нашей уликой.

Пригласили хозяина дома, и тот пояснил, что несколько дней назад он действительно по просьбе местного кочегара Тонкова отрезал небольшой кусок от своей веревки и отдал ему. Увидев у нас в руках веревку, указал: «Да вот же она, у вас!» Произвели выемку, то есть изъяли у него всю остальную веревку для направления на криминалистическую экспертизу с целью определения идентичности с уликой, и, поблагодарив, ушли.

У нас в руках по-прежнему было орудие убийства, но к этому добавилась фамилия подозреваемого кочегара, а это уже совсем немало. Вспомнили кусочки угля на одежде убитого и не сговариваясь пошли в единственную котельную, которая топилась углем.

Застали там кочегара Тонкова. Он оказался тщедушным, ниже среднего роста, сорокалетним мужчиной, одетым в грязную и изношенную одежду (другой у него просто не было). Жил он прямо здесь, в грязной и тесной котельной. У него был уставший и какой-то затравленный вид. Мысленно сравнил его с убитым мужиком – тот раза в полтора крупнее и мощнее Тонкова. Сам себе задал вопрос: как же ему одному удалось справиться с физически гораздо более сильным потерпевшим? Что-то тут было не так. Однако веревочка привела нас именно к нему.

Кочегар увидел нас и по нашему виду понял, кто мы, откуда

и по чью душу пришли. Кочегарка – не самое подходящее место для допроса, поэтому мы объявили ему, что он задержан по подозрению в совершении убийства и, усадив в милицейский автомобиль, повезли в РОВД.

Там сразу же приступили к допросу. Поникший Тонков отпираться не стал, сказал, что ожидал ареста за это убийство. Он поведал нам грустную историю, произошедшую с ним. Это была, по сути, исповедь о метаморфозе его жизни, которая за последние полгода неожиданно пошла под откос. Мы внимательно слушали его, не перебивая.

Тонков рассказал, что более десятка лет он прожил со своей женой, работал кочегаром в котельной дома отдыха и получал ежемесячную зарплату в размере 65 рублей в месяц. Очень немного, но было еще бесплатное питание на работе. Жена работала почтальоном, получала чуть больше. У них родилось пятеро детей. Жили небогато, в небольшом и скромном домике.

Жизнь шла своим размеренным чередом, и все было хорошо, пока жена полгода назад случайно не познакомилась на соседней станции Чикали с заезжим бродягой, который в дальнейшем и был задушен. Мужик был крупный и физически здоровый, чем-то прельстил его жену, дав, видимо, ей то, что он, ее муж, не мог ей дать физически.

Жена с ним развелась и взыскала с него алименты. Теперь половину зарплаты он отдавал на алименты, а оставшаяся половина в размере 32 рублей 50 копеек оставалась ему на жизнь, но он тратил их тоже на детей. Бродяга выгнал его из дома, а сам перешел туда жить, заняв его место.

Проживать Тонкову стало негде, и он поселился в котельной. Когда он попытался вернуться в обратно дом, более сильный физически соперник просто выбросил его из помещения, как какого-то котенка, оскорбив и унизив. Силы были явно неравны, и в доме кочегар больше появляться не рискнул.

Между тем малые его дети стали приходить к нему в котельную, плакать и жаловаться на нового «папу», который пьян-

ствовал, не работал и распускал руки, отвешивая им подзатыльники. Просили его вернуться домой и выгнать бродягу. Сердце отца разрывалось от горечи и обиды. Он плакал вместе с детьми, но изменить ничего не мог.

Положение казалось ему безвыходным, пока Тонков пару недель назад случайно не познакомился на той же станции с другим бомжом – молодым и решительным парнем по имени Николай. Разговорился с ним и поведал ему о своем семейном несчастье. Тот принял это близко к сердцу и вызвался пособить ему в его горе. Как? Да просто убить бродягу и закопать. Кто его будет искать?

Легко сказать – да соперник физически был явно сильнее. Но Николая, который тоже был нехилым мужиком, физическое превосходство противника не смущало. Наготове был коварный план по устранению конкурента. Решили заманить бродягу под предлогом выпить мировую в котельную, где и напоить того водкой. Когда он опьянеет, Николай незаметно и неожиданно накинет на него сзади петлю и задушит его. Как стемнеет, труп вынесут на свалку и там закопают.

За свою помощь в деле Николай потребовал плату. Тонков сказал, что может заплатить ему только 32 рубля 50 копеек, больше денег у него нет. Николая сумма вполне устроила, ударили по рукам. Водку и веревку должен был добыть кочегар.

Тонков сильно волновался, справятся ли они с противником, но все прошло как по маслу. Бродягу напоили, задушили и закопали. С наемным убийцей, Николаем, он расчет произвел, как договаривались. Фамилии Николая он не знает. Видел его до этого несколько раз на станции. Подробно описал его приметы.

Рассказанное скорее напоминало сюжет известной русской сказки о лисице, выгнавшей зайца из лубяного домика. Разница была только в том, что в сказке отважный петух, нанятый зайцем, помог напугать и выгнать злодейку из захваченного дома, а в нашем случае нанятый кочегаром бомж удалил из дома бродягу, убив его. Сказка тем и отлича-

ется, что в ней все хорошо заканчивается. В жизни, увы, бывает по-другому.

Слушая неторопливое и горестное повествование Тонкова, мы не могли не проникнуться жалостью к нему и его нескладной жизни. Он, видимо, не понимал до конца, в какой переплет попал и на каком дне жизни оказался как организатор умышленного убийства. Записав его показания на магнитофон и составив протокол допроса, мы отправили его в камеру предварительного заключения.

Составили план розыска Николая и решили на следующий день разделиться со Львом Гавриловичем: он пойдет на станцию Чикали искать там Николая и лиц, его знающих, я же буду допрашивать свидетелей в поселке, где находится дом отдыха. Собственно, дело, считай, почти раскрыто, нужно только отловить наемного убийцу-исполнителя, но на это потребуется какое-то время.

Так и сделали. С утра Мушников с местным оперативником ушел на станцию. Я же отправился допрашивать свидетелей. Однако через час наши планы были нарушены самым неожиданным для нас образом.

Выйдя из одного дома, где проводил допрос свидетеля, я внезапно увидел ехавший прямо на меня милицейский «уазик», который резко затормозил передо мной, и из него быстро вышел хорошо знакомый мне Станислав Шкляев – collega и напарник Мушникова, тоже весьма опытный и грамотный оперативник. Я обратил внимание, что на поясе у него кобура с оружием. Обычно улыбающийся и жизнерадостный, он был серьезен и озабочен. По его виду понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. В голове сразу мелькнуло: Лысьва, две пропавшие девочки... Однако действительность оказалась еще хуже.

Станислав Алексеевич доложил мне, что послан за мной и Мушниковым: нам срочно надо прибыть в другой райцентр – село Кишерть. Там обнаружены в реке Сылве три плавающих мешка, предположительно с телами маленьких девочек, кото-

рые потерялись несколько дней назад. Преступление не раскрыто. Ввиду чрезвычайности происшествия была дана команда приостановить осмотр места происшествия и ничего не трогать до нашего прибытия. Мне персонально поручалась организация тщательного осмотра и всех дальнейших неотложных следственных действий, направленных на быстрое раскрытие преступления.

В помощь нам прибыли судебно-медицинский эксперт областного судебно-медицинского бюро и эксперт-криминалист ОТО УВД. Организация оперативного обеспечения раскрытия преступления возлагалась на заместителя начальника отдела по особо важным делам подполковника Юрия Ушкова, который вместе с экспертами уже дожидался нас в Кунгуре, чтобы всем вместе проследовать дальше на место страшной находки.

Мы сразу же забрали Мушникова и помчались в Кунгур. Там быстро передали местным коллегам все имеющиеся у нас документы об убийстве в доме отдыха, которое практически можно было считать раскрытым. Они, уже зная, куда мы так спешим, искренне пожелали нам удачи. Мы и сами понимали, что сейчас, как никогда, нам нужна эта капризная и изменчивая особа – госпожа удача.

Без остановки, менее чем за час мы прибыли в село Кишерт, где на берегу широкой и красивой реки Сылва, в районе водокачки, в небольшом заливе плавали три мешка.

Оказывается, девочки – сестры Света и Надя Аксеновы, восьми и девяти лет, и их подруга Ладейщикова Света, восьми лет, – потерялись четыре дня назад, их безуспешно искали всем селом. На плавающие в воде мешки случайно обратил внимание один из жителей, проходивший по берегу. Сообщил об этом в дежурную часть местного РОВД. Прибывший наряд милиции подтянул ближайший завязанный мешок к берегу. Завязка с него соскользнула, обнажив голову мертвого ребенка.

О случившемся немедленно сообщили в прокуратуру обла-

сти и УВД. Оттуда поступила команда – ничего не трогать, ждать прибытия оперативно-следственной группы и экспертов из областного центра. Дело в том, что следователя прокуратуры в районе вообще не было (место было вакантным), а исполняющая обязанности прокурора района Зоя Павловна Ладейщикова – работник добросовестный и ответственный – хотя и работала до этого следователем, была в единственном числе, с подобным не сталкивалась и, естественно, опыта ведения таких дел не имела.

Между тем дела о подобных происшествиях незамедлительно докладывались в Москву и там брались под строгий контроль. От грамотно организованных и проведенных первоначальных следственных действий во многом зависит успех дела и прежде всего его раскрытие.

Поэтому мы сразу приступили к осмотру и установили, что во всех трех мешках, которые были завязаны медной и алюминиевой проволокой, оказались тела пропавших девочек. У всех отсутствовала обувь, за исключением туфли на правой ноге Ладейщиковой Светы. Труп Аксеновой Светы был завернут еще в кусок брезента, а на ногах имелись белые синтетические нитки.

Пока мы все фиксировали, прибывшие с нами работники уголовного розыска вместе с местными коллегами, которые были подняты по тревоге, опрашивали местных жителей. И вот появился первый проблеск в этом запутанном деле. Был найден свидетель, который последним видел девочек, по приметам похожих на пропавших, в районе водокачки. Там же с ними находился подменный машинист цеха водоснабжения, двадцатидвухлетний Коняев Сергей. Оперативники экстренно организовали его розыск.

Параллельно провели обыск на территории водокачки и в находящихся там строениях. Нашли там и изъяли медную и алюминиевую проволоку, сходную с той, что была использована в качестве завязок на мешках с трупами, белые нитки, аналогичные ниткам, обнаруженным на трупе Аксеновой

Светы, кусок брезента и часть брезентовой палатки, аналогичные куску брезента, в который она была завернута. Проведенные в дальнейшем экспертизы подтвердили полную идентичность всех обнаруженных вещественных доказательств.

В процессе осмотра выяснилось, что залив, в котором обнаружены мешки с телами, как бы отгорожен зарослями камышей от основного русла реки, что исключало занесение их течением со стороны реки. Получалось, что мешки могли попасть в воду только с берега территории водокачки. Изъятые при обыске предметы также указывали на то, что преступление было совершено именно тут, на водокачке, и последний, кого видели с живыми девочками, был Коняев. После этого дети пропали. Коняев – главный подозреваемый в совершении этого зверского преступления.

Осмотр закончили в половине десятого вечера, когда солнце уже скрылось за горизонтом и село погрузилось во тьму. Тем временем оперативники оказались на высоте и доказали, что не зря едят свой хлеб – Коняев ими был задержан и доставлен на допрос.

Перед нами предстал долговязый, худощавый молодой парень с невыразительными чертами лица, каким-то отсутствующим, безжизненно-отрешенным взглядом. Начали разговор. Он не отрицал, что три незнакомые ему девочки приходили на территорию водокачки, что он с ними действительно общался, но, по его словам, они потом куда-то ушли. Несколько неожиданных вопросов поставили его в тупик. После непродолжительного отрицания он признался в совершении убийства девочек и перешел к подробному рассказу, о том, как оно было совершено, при этом никак не мотивируя причин, толкнувших его на это, не раскаиваясь в содеянном и не жалея о произошедшем.

По его словам, первую девочку он убил в доме на территории водокачки, где проживал, ударив табуреткой по голове, двух других – по очереди там же, но кувалдой, и тоже по го-

лове. Обувь, которая упала с ног девочек, он сжег в печке.

Беспричинность его действий порождала вопросы, на которые у нас пока не было ответов. Предложили ему на следующий день все показать на месте и отправили его в камеру предварительного заключения, а нам отдыха ждать не пришлось. В первую очередь предстояло решить вопрос о проведении судебно-медицинского исследования трупов девочек.

Находящаяся с нами судебно-медицинский эксперт – заведующая Пермским городским моргом, опытный специалист Механошина Надежда Михайловна, участвовавшая в осмотре места происшествия, настаивала на отправке тел в областной центр в хорошо оборудованный морг, где лучше условия для производства экспертизы, так как потребуются дополнительные исследования, которые в местных условиях провести невозможно. Предварительно она высказала мнение о наличии повреждений черепов у девочек.

В ее предложении был несомненный резон. Кроме того, несмотря на ночь, мы заметили уже взбудораженную толпу жителей, которые могли повести себя непредсказуемо. Лучше было увезти тела отсюда в областной центр. Второй эксперт-криминалист – Ф. А. Шустикова, молодая девушка, – тоже уже выполнила свою работу.

Руководство РОВД организовало грузовую машину, кузов которой застелили слоем соломы, затем одеялом, а на него аккуратно уложили тела погибших детей. Двум уставшим экспертам вместе с водителем предстояло в ночи преодолеть среди безлюдных лесов и полей полтора-два километра с трупами в кузове. Чтобы как-то их поддержать, по старому обычаю я поднес им по бокалу вина в дорогу для храбрости, поблагодарив от всех нас за работу. От вина они не отказались, и в два часа ночи грузовик скрылся в темноте.

Вскоре после их отъезда ко мне обратился дежурный по РОВД. Он попросил переговорить с женщиной – школьной учительницей, матерью убийцы. Она, опасаясь погрома и расправы со стороны родственников убитых девочек, пришла в

отдел милиции и попросила разрешения остаться там на ночь. По сути, пришла за защитой от людей.

Коняев был ее единственным сыном. Я подтвердил ей, что он задержан за убийство. И без того притихшая женщина на глазах еще больше поникла и беззвучно заплакала. Больше я ничего ей не мог сказать. Подумал про себя, каково ей теперь здесь оставаться и как жить дальше, она ведь тоже в какой-то степени потерпевшая, но только из-за действий, совершенных собственным сыном... Дежурного я попросил оставить женщину до утра в помещении милиции.

Рано утром, пока село еще не проснулось, мы выехали с понятыми и подозреваемым на место совершения преступления.

Подозреваемый Коняев указывает место встречи с потерпевшими

Коняев неторопливо рассказал о содеянном и указал на кувалду и табуретку, которыми убивал детей. Выдал зубило, которым отрубал куски проволоки для завязывания мешков. Все это зафиксировали. Кувалду, табуретку и зубило приобщили к делу для дальнейшей отправки на экспертизу. Выгребли содержимое дровяной печки и там обнаружили обгоревшие супинаторы и металлическую застежку, аналогичную той, что имелаась на оставшейся туфле на ноге Ладейщиковой Светы.

Все, что осталось от сгоревшей обуви потерпевших, стало вещественными доказательствами.

Оформили протокол следственного действия по проверке его показаний на месте. Исполняющая обязанности прокурора района санкционировала арест убийцы, и во избежание возможных осложнений мы приняли решение об организации его этапирования в Пермскую тюрьму.

Созвонились с экспертом Механошиной. Она сообщила, что со своими экспертами уже произвела вскрытие тел убитых. Смерть девочек наступила от перелома костей свода основания черепа вследствие ударов тяжелыми массивными предметами, каковыми могли быть табуретка и кувалда. Других признаков насилия не обнаружено.

Вроде все сделали, преступник пойман. Но вопрос, зачем он это совершил, оставался, и он не давал покоя не только мне.

Дотошный Мушников тем временем снова пошел в народ и побеседовал со здешними обывателями, собирая сведения о личности задержанного. К обеду он вернулся и поделился тем, что удалось выведать у селян. Оказывается, когда Коняев вернулся со службы в армии, он встретился с женщиной, пытался вступить с ней в близкие отношения, чего и она желала. Но, когда дошло до дела, обнаружилось отсутствие у него мужской силы, он был посрамлен и с тех пор стал ощущать себя неполноценным мужчиной.

Пока конвой собирался, мы решили снова поговорить с арестованным и вновь попытаться выяснить, что побудило его пойти на преступление.

Вместе с Мушниковым стали беседовать с Коняевым и просили объяснить мотивы совершения преступления. Сначала он отказывался, но, узнав, что нам известно о его неудачной попытке общения с женщиной, попросил выслушать его без протокола. Мы согласились. Его объяснение причин совершения тягчайшего преступления повергло нас в шок. Мы могли предположить что угодно, но только не то, о чем он нам поведал.

По его словам, ощутив себя импотентом, он понял, что жить

ему незачем, и решил покончить жизнь самоубийством. Перебрав все возможные способы добровольного ухода в мир иной, понял, что сам на себя наложить руки не сможет – не хватит духу. Пришла мысль совершить такое преступление, за которое бы его гарантированно лишили жизни помимо его воли. Увидев прогуливающих девочек, понял, что это его шанс осуществить задуманное. «Остальное знаете», – добавил он. Дать официальные показания он наотрез отказался, и мы не настаивали. Его мотив совершения преступления не имел большого значения, не влиял на квалификацию его действий и тем более не умалял тяжести содеянного.

Такой циничный способ свести счеты с собственной жизнью, отобрав для этого ее у трех невинных детишек, – подобное не укладывалось у нас в голове.

Отправив Коняева с конвоем, мы уже более спокойно обдумали сказанное им. Для нас все стало на свои места: ведь на самом деле все укладывалось в простую логику его действий по лишению себя жизни, при которой получается, что убийство детей, как ни дико это звучит, было всего лишь способом осуществить Коняевым свое намерение. Но страшную цену за исполнение его суицидного желания заплатили три девочки. Своей цели убийца все-таки сумел достичь, желание его осуществилось – он был расстрелян в Пермской тюрьме по приговору суда.

А наемный убийца – бомж Николай – был отловлен спустя месяц в Кунгурском районе при удивительных обстоятельствах, без участия работников милиции. Произошло это так. По-видимому, не зная, что убитый им бродяга обнаружен, а заказчик убийства Тонков арестован, он поздно вечером появился в дом, где ранее проживал кочегар. Застал там его жену и детей. Женщина была проинструктирована на случай его появления. Когда он потребовал угостить его спиртным, она тут же выставила на стол обильную выпивку. Об аресте мужа она ему говорить не стала. Сильно опьяневшего и заснувшего богатырским сном прямо за столом опасного гостя смелая женщина крепко связала веревкой, а потом сбегала и позвонила в

милицию. Пьяного бомжа-убийцу приехавший наряд милиции не смог разбудить. Проснулся он только в камере на нарах и не сразу понял, где находится.

Он и кочегар Тонков были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

В Лысьве, как мы и предполагали, сестренки-двойняшки, к сожалению, погибли. Их тела были найдены через три недели в глубоком заброшенном и, к несчастью, открытом колодце, в который обе гулявшие без присмотра девочки упали и разбились насмерть. Произошел несчастный случай, убийства там не было.

Маска

В городе Кунгуре 10 февраля 1983 года в вечернее время было совершено, с разницей в три часа, два нападения на несовершеннолетних девушек. Крепкий мужчина в маске и с ножом в руке потребовал у девушки А. деньги, которых при ней не оказалось. Тогда он ее изнасиловал в обычной и извращенной форме. Спустя некоторое время в районе Кунгурской ледяной пещеры преступник напал сразу на двух девушек: угрожая ножом, обыскал их карманы, одной порезал щеку, но поживиться ничем не смог – денег у девушек просто не было. Через несколько дней еще два подобных нападения, как под копирку, – маска, нож, отъем денег, изнасилование. Местный розыск не принес результатов.

Обсудив сложившуюся ситуацию, приняли решение срочно выехать в Кунгур в составе следственно-оперативной группы. Никто из нас тогда не мог и предположить, что командировка туда затянется на долгих четыре месяца.

От областной прокуратуры выехал я – прокурор-криминалист – и начинающий старший следователь Владимир Черкасов, а от управления уголовного розыска УВД направили опытных оперативников из отдела по особо важным делам майоров Льва

Мушникова и Станислава Шкляева, которые давно и успешно работали в тандеме. Все мы были хорошо знакомы по работе, по предыдущим делам и понимали друг друга с полуслова.

Пока мы ехали, было совершено еще одно аналогичное нападение на гражданку М., которая, однако, оказала активное сопротивление насильнику и громко взывала о помощи. Преступник нанес ей удары ножом по рукам, ранил ее, но крики женщины привлекли граждан, которые поспешили ей на помощь. Преступник был вынужден скрыться с места нападения.

По прибытии на место мы стали входить в курс дела. Оказалось, по городу среди населения и раньше ходили слухи, что вооруженный ножом мужчина в маске нападает на женщин. Начали выяснять и неожиданно установили, что подобные слухи не беспочвенны: было еще девять подобных нападений на женщин в течение декабря 1982 года и января 1983 года, о которых потерпевшие по понятным причинам не стали сообщать в милицию.

По закону дело об изнасиловании женщины, достигшей совершеннолетнего возраста, возбуждается только по ее заявлению. Закон охраняет тайну личной жизни.

Встретились с этими потерпевшими. Они не скрывали произошедшего, а заявления не писали еще и потому, что не надеялись, что насильника поймут. Резонно задали им вопрос о том, как нам преступника ловить, если они даже не сообщили о совершенном в отношении них преступлении. Получили заявления сразу от девяти женщин и подробные рассказы о нападении на них.

Появилась возможность проанализировать преступления, с которыми нам предстоит разобраться. Сопоставив все показания потерпевших о приметах, манерах и действиях нападавшего, пришли к выводу, что, скорее всего, во всех случаях действовал один и тот же преступник-одиночка. Крепкий и физически сильный мужчина, среднего роста, имеет не менее двух масок – одну белую марлевую, другую – из синтетической сетки синюю, три комплекта одежды. Преступник действовал дерзко,

нападал неожиданно и в таких местах, где потерпевшим, как правило, нечего было рассчитывать на чью-либо помощь. Маски никогда не снимал, был немногословен. Используемый нож, судя по описаниям потерпевших, был один и тот же.

Хорошо подготовленное стремительное нападение, как правило, ошеломляло женщин настолько, что ни одна из них не смогла указать направления, куда скрывался преступник после нападения. Но... женщины есть женщины – все как одна обратили внимание на то, что нападавший был трезв и от него не пахло табаком или одеколоном.

Нам стало понятно, что мы имеем дело с серийным насильником и грабителем, трезвым, наглым и расчетливым, который не остановится, пока мы его не поймем. Судя по характеру его действий, он был судим, хорошо ориентировался на местности. Нападения происходили в разных концах небольшого города и в самое разное время суток, в том числе и днем. Попытались связать это с графиком работы предприятий города и общественного транспорта, однако это ничего нам не дало.

Начали проверку судимых и лиц, склонных к совершению правонарушений. В результате вышли на некоего ранее судимого Н., который отбыл срок за совершение серии подобных нападений с использованием маски и ножа в соседней области, а после отбытия наказания местом своего жительства избрал город Кунгур, не рискнув вернуться в те места, где он причинил людям так много горя.

Тщательная проверка Н., занявшая несколько дней, подтвердила его полную непричастность к расследуемым нами нападениям. Дальше продолжили работу с потерпевшими, пытаясь как можно больше узнать о деталях совершенных на них нападений. Одна из них – Р. – припомнила, что преступник, кроме денег, отобрал у нее письмо с ее адресом и пригрозил, если она вздумает пойти в милицию, навестить ее и «по-свойски разобраться», «адресок-то ее ему будет весьма кстати».

Другая вспомнила, что через несколько дней после нападения она шла с мужем по улице и встретила мужчину с усами. Был он без маски и ножа, но очень походил фигурой, ростом, одеждой на того преступника, таковым она его и посчитала. От неожиданности она растерялась, а когда пришла в себя, того мужчины и след простыл. Однако допрошенный муж хорошо запомнил этого прохожего и пояснил, что он его не знает, но раньше его видел, и даже приблизительно смог указать улицу и дом, где тот живет.

Через несколько часов подозреваемый, а им оказался тридцатилетний рядовой милиционер Кунгурского РОВД Г., уже отвечал на наши вопросы. Свою причастность к совершению нападений он сначала категорически отрицал. Пришлось провести по всем правилам его опознание потерпевшей. Женщина уверенно, даже несколько безапелляционно, опознала его как лицо, совершившее на нее нападение. Сразу провели между ними очную ставку, где она полностью подтвердила свои показания.

Допрашиваемый милиционер продолжал все отрицать, но уже не столь уверенно, как раньше. Отпустив женщину, мы приступили к многочасовому допросу подозреваемого в нападениях, обрушив на него шквал вопросов. Через шесть часов изматывающего допроса Г. начал признаваться в совершении нападений, но то, о чем он стал рассказывать, требовало немедленной проверки, и Мушников покинул кабинет, оставив меня и Шкляева с подозреваемым. Вернулся он через пару часов, когда наш подозреваемый уже признался в совершении первых десяти нападений, правда, его показания носили не конкретный характер – он не мог ответить на уточняющие вопросы, что насторожило нас. Показания Г. старательно фиксировались мной в протоколе допроса.

Подойдя ко мне и наклонившись к моему уху, Мушников прошептал: «Это не он». Вот-те раз. Объявил перерыв в допросе. Подозреваемого, по его просьбе, отвели в туалет, а Мушников объяснил, что поднял книги дежурства нарядов

(подозреваемый служил в патрульно-постовой службе) и сопоставил даты совершения нападений с днями его дежурств. Несколько дат совпало, значит, во время совершения преступления он должен был уйти с дежурства, а потом вернуться.

Посмотрели, с кем Г. был в паре на дежурстве в эти дни. К его напарникам-мужчинам обращаться не стал, так как те могли соврать, что он никуда не отлучался, ведь есть такое понятие, как мужская солидарность. В двух случаях его напарницей оказалась молодая женщина-милиционер, та бы скрывать не стала, поскольку речь шла об изнасилованиях. Она находилась в отделе, и Мушников пообщался с ней с глазу на глаз, объяснив всю серьезность ситуации. Попросил, поскольку она сама женщина, рассказать правду и только правду о том, отлучался ли при ней ее напарник во время дежурства. Напарница подозреваемого искренне поклялась и заверила, что Г. никуда не отлучался во время их совместного дежурства, за это она готова отвечать. После этого он поговорил таким же образом с мужчинами-патрульными: те тоже, зная, о чем идет речь, подтвердили, что их напарник во время дежурства никуда не отлучался.

У нашего подозреваемого было реальное алиби. Времени тратить на него мы больше не стали, спросили только, чего он нам тут голову морочил и вводил в заблуждение, а тот пояснил, что его же опознали, значит, куда деваться было... По-видимому, он отличался повышенной чувствительностью и внушаемостью.

Позже, когда был задержан настоящий злодей, стало понятно, почему та женщина указала на милиционера. Они были удивительно похожи: рост и возраст, конституция, одежда, цвет волос и даже усы у обоих были одинаковые. Кроме того, очень уверенное опознание женщиной мнимого преступника объяснялось тем, что она фактически правильно опознала внешне мужчину, которого видела без маски на улице, принимая его за другого, которого ранее видела в маске.

Поиск продолжили дальше. Одна из потерпевших – П. – в маршрутном автобусе встретила мужчину, который ранее совершил на нее нападение. Она запомнила остановки, на которых он зашел в автобус и вышел из него. Правда, по пояснениям П., этот мужчина совершил нападение на нее без маски на лице, но с ножом в руке, а его приметы совпадали с теми, о которых сообщили нам другие потерпевшие.

Через сутки этот мужчина, некий Тютиков, оказался в следственной камере и под давлением улик признался в разбойном нападении и еще нескольких кражах. Однако к преступнику в маске он, как оказалось, не имел никакого отношения. Получив свои законные и заслуженные шесть лет лишения свободы по приговору суда, он был отправлен в места не столь отдаленные.

Нападения, между тем, на какое-то время прекратились. Мы связывали это с тем, что при совершении последнего нападения потерпевшая – девчушка совсем не героической внешности и форм – не испугалась вооруженного насильника в маске и, действуя по принципу «Лучший способ защиты – нападение», не дав ему опомниться, сама набросилась на него. Мужчину, не ожидавшего подобного, она свалила с ног и вцепилась в его одежду, оторвав пуговицу, которая потом была изъята при осмотре места происшествия. Преступник во время борьбы успел слегка поранить ей руку ножом, с трудом отбилась от нее и, вырвавшись из ее рук, убежал.

Позднее об этом случае рассказал и настоящий преступник. Таким оборотом дела он был просто ошарашен, ведь это он напал на потерпевшую, а обороняться, наоборот, пришлось ему, насилу удалось вырваться и убежать от девчонки, которая была гораздо слабее его физически. Да вдобавок потерял во время схватки пуговицу. На следующий день он специально вернулся на то место, чтобы забрать пуговицу, но ее уже там кто-то подобрал. Тогда-то он и понял, что нападать на одиноких и, как ему казалось, беззащитных, женщин – дело далеко не безопасное. Могут и «коня на скаку остановить».

У следствия, благодаря тому случаю, наконец-то оказалась первая настоящая улика – пуговица от одежды преступника, но на ней, к сожалению, не были указаны его фамилия и адрес. Вписать эти данные нам еще только предстояло.

В пригороде Кунгура 8 июня 1983 года было совершено новое циничное нападение на тропинке, ведущей через лес в деревню Щадейка. Преступник в синей маске и с ножом, выйдя из-за дерева, напал на молодую женщину Л., которая шла по лесу с двумя малолетними детьми. Отогнав плачущих и напуганных детей от матери, он отобрал у нее коричневый кошелек, в котором были 13 рублей и изнасиловал ее.

Мы понимали, что преступления не закончатся. К сожалению, так и случилось: уже 18 июня в лесополосе железной дороги в районе станции Блины, в пригороде Кунгура, был обнаружен труп двадцатилетней студентки В., которая была изнасилована и задушена. Почерк совершения преступления был один и тот же.

А между тем обстановка в городе накалялась, преступления будоражили, и небезосновательно, общественность, женщины боялись одни ходить на работу, особенно в ночные смены. Руководители предприятий выказывали озабоченность таким положением дел и просили нас сделать все возможное, чтобы быстрее задержать маньяка. Об этом же просили и власти города, куда поступали многочисленные запросы обеспокоенных граждан.

Несмотря на усиленное патрулирование и прибытие специальной группы, выйти на след преступника нам все не удавалось: сил, необходимых для того, чтобы заблокировать весь город, у нас было недостаточно. В Кунгур прибыл начальник отдела по особо важным делам А. М. Петров, непосредственный начальник Мушникова и Шкляева. В процессе обсуждения мы пришли к выводу, что для того, чтобы перекрыть весь город полностью хотя бы на две недели, нам понадобятся порядка четырехсот работников, причем не рядовых, а из офицерского состава, владеющих оперативными приемами

наблюдения и захвата, – тогда у нас появятся какие-то реальные шансы отловить преступника, когда он в очередной раз выйдет «на охоту». Привлечь их можно было только из других РОВД области, откомандировав к нам.

О нашем плане Петров доложил прибывшему в Кунгур начальнику управления уголовного розыска области полковнику Я. А. Вагину. Прекрасный организатор и просто умный человек, Яков Абрамович оценил план, согласился с нашими предложениями и вышел на начальника УВД области. Решение о необходимости проведения такой операции мог принять только генерал, ведь предполагалась операция, по сути своей сходная с войсковой, проводимой при поимке диверсантов. Генерала тоже беспокоила сложившаяся в городе ситуация, и он дал указание: подготовить подробный план и проекты необходимых приказов, представить их ему на следующей неделе на подпись. К счастью, разворачивать такую полномасштабную операцию по поимке маньяка не понадобилось. События развивались стремительно и неожиданно.

В Кунгуре 26 июня, в ночное время, вновь произошло нападение: на молодую девушку напал, предположительно, тот же маньяк в маске и с ножом. Отобрав деньги и изнасиловав, он опять благополучно скрылся. Потерпевшая, как сейчас ее помню, миниатюрная и хрупкая, сумела тогда весьма подробно описать новые детали в его одежде. Уже через час они были доведены до всех поисковиков – это и помогло через сутки задержать нападавшего насильника.

Около полуночи 27 июня дежурная по железнодорожной станции Иренская, что под Кунгуром, заметила возле грузовых вагонов подозрительного мужчину, прогуливающегося на путях в неурочный час. Она сочла, что он мог совершить кражу из вагонов, и тут же сообщила о нем инспектору уголовного розыска Кунгурского линейного пункта милиции Григорию Кириленко. Молодой оперативник, живший рядом, в свете станционных фонарей хорошо разглядел мужчину и, зная приметы разыскиваемого насильника, опознал и задержал его.

Так, наконец, были пресечены преступные похождения уже ранее судимого и отсидевшего за кражу четыре года грузчика Кунгурской торговой базы двадцатидевятилетнего Николая Гредягина. Позднее на допросе Гредягин поделится: «Что меня задержали на станции, не особо напугало, рассчитывал, ну подержат, поотпираюсь, да и отпустят. Доказывать-то, я считал, нечем».

Так себя он поначалу и повел, совершенно напрасно и бесполезно. Не теряя времени, мы провели тщательный обыск в его квартире, где он проживал с женой и пасынком. При обыске были обнаружены все три комплекта одежды, описанные потерпевшими, в том числе и пальто с оторванной верхней пуговицей, и нож, а также кошелек потерпевшей Л. и почтовый конверт с адресом, отобранный у потерпевшей Р., спрятанный под обложку общей тетради с блатными лагерными песнями. Конверт обнаружил принимавший участие в обыске полковник Петров, который мне потом наедине рассказал, что в тот момент, когда он понял, какую улику обнаружил, у него от волнения задрожали руки.

Допросили пасынка Гредягина, и тот рассказал, что отчим к Новому году изготовил из сетки маску синего цвета. Описанная мальчиком маска удивительно совпадала с описаниями маски, данными потерпевшими. Были изъяты и другие предметы, не связанные с совершенными на женщин нападениями, но добытые путем краж. Кроме того, было обнаружено большое количество порнографических фотографий, довольно скверного качества, на которых были сняты Гредягин и его знакомая. Установили, что фотографии готовились для продажи заключенным двух исправительно-трудовых колоний, находящихся в Кунгуре. Дело для него обещало быть прибыльным...

Гредягин уже имел судимость, однако на учете в Кунгурском РОВД и в паспортном столе он не состоял, поэтому в поле зрения следствия длительное время не попадал. Это удалось ему благодаря подделке паспорта: паспорт гражданина СССР нового образца имел недостаток – не на всех страницах были

проставлены номер и серия. Достаточно было убрать скрепку, которой крепились листы паспорта, убрать лист и заменить его новым, взятым из другого паспорта. Штамп прописки ставился на ту часть листа, на которой не было номера и серии. Подменялись также и листы с фотографиями владельца паспорта или со штампом регистрации брака. В следующих выпускаемых паспортах такие подделки-проделки стали невозможны.

Купив у неизвестного лица за 50 рублей утерянный гражданкой Б. паспорт, он провернул нехитрую «операцию» по замене листов в своем паспорте, что позволило ему избежать всех видов учета. Таким образом, он совершил еще и уголовно наказуемую подделку документа. По месту его работы в отделе кадров, по-видимому, никто всерьез не разглядывал его паспорт.

Проверили график его работы, и оказалось, что он у него скользкий, не подпадающий под общий режим предприятия, и дни, когда совершались преступления, совпадали с его выходными днями.

На допросах Гредягин, понимая, что сядет всерьез и надолго, отпирался день-другой, а затем стал подробно рассказывать обо всех совершенных им нападениях. Он оказался весьма общительным и обстоятельным человеком, обладающим хорошей памятью и наблюдательностью. Чтобы подтвердить показания, он охотно согласился показать места нападений и рассказать там все.

Начались поездки по местам его «подвигов». Лето было теплое, и для него, видимо, было большим удовольствием проводить время на лоне природы, позируя и давая показания перед видеокамерой. Безусловно, это было гораздо лучше для него, чем сидеть в подвале – камере предварительного заключения. Судя по его поведению, он был еще и веселого нрава, рассказывая о совершенных нападениях во время следственных действий, как о похождениях, часто улыбался и шутил. Как мне показалось, он не понимал, что ему следовало бы плакать и каяться.

*Выход с подозреваемым Гредягиным
на место изнасилования*

Находясь с ним на следственном эксперименте на лесной тропинке, где он, будучи в маске, напал на женщину с двумя маленькими детьми, я как-то физически ощутил и понял, какой ужас и страх она испытала при этом. Даже не за себя, а за своих детей, которых она не могла защитить в тот момент, и жизнь которых, как и ее собственная, зависела от этого негодяя. Гредягин же продолжал довольно весело рассказывать о случившемся. О напуганных и плачущих детишках, присутствовавших при этом, он предпочел умолчать...

После увиденного и услышанного от него во время следственного эксперимента у меня сложилось впечатление, что все эти нападения были для Гредягина каким-то веселым приключением, этакой азартной забавой для души и тела, к тому же приносящей время от времени доход в рублях, отобранных у потерпевших. Это, похоже, и было для него настоящей и полноценной жизнью, в которой он нашел себя, жизнью, смертельно опасной для окружающих.

Все потерпевшие присутствовали на местах нападений во время следственных действий, и их показания полностью совпали с показаниями обвиняемого, что, безусловно, явилось одним из серьезных доказательств по этому делу. Потерпевшая Л. опознала изъятый у Гредягина кошелек, принадлежа-

щий ей и отобранный у нее обвиняемым. Потерпевшая Р. опознала конверт от письма, отобранный у нее Гредягиным при нападении. Кроме того, на конверте был указан ее адрес и фамилия. Криминалистическая экспертиза установила наличие на предметах одежды Гредягина микрочастицы одежды потерпевших женщин. На одежде женщин, которые подверглись нападению, в свою очередь, обнаружены микрочастицы одежды обвиняемого. Судебно-биологической экспертизой было установлено наличие спермы Гредягина во взятых у потерпевших образцах семени насильника.

Характеризовался Гредягин положительно: не употреблял спиртных напитков, сомнительных знакомств не имел, на работу не опаздывал, работник был хороший. Одна из допрошенных работниц заметила, что Гредягин был лучшим грузчиком: другие после получки на работу не выходят днями, пьянствуют, сквернословят, а этот дурного слова не скажет, не говоря о том, чтобы выпить или прогулять, и работник безотказный. По вечерам Гредягин успевал ходить в вечернюю школу рабочей молодежи, желая получить законченное среднее образование. Своим примерным поведением в школе он настолько очаровал классного руководителя, что та указала в его характеристике: «Гредягин – добрый, милый человек...» Что ж, таким он и казался окружающим. И это тоже была маска – его поведение, но были и еще две маски, которые он надевал по очереди, когда шел совершать преступления. Подлинного его лица долгое время никто не видел и не знал.

В один из дней, когда шло следствие по закреплению доказательств, мне сообщили, что меня хочет видеть какая-то старушка. Это была мать Гредягина – Александра Михайловна, из глухой и отдаленной деревушки, где она одиноко проживала в избе-развалюхе на нищенскую пенсию. На вид ей было более семидесяти лет. Невысокого роста, скромно одетая, тихая, она шла, прихрамывая, опираясь на палку. Узнав от людей об аресте единственного сына, собралась и поехала в город узнать о нем правду.

Язык не повернулся сказать ей всю правду. Я просто объяснил, что будет суд и его ждет наказание, могут посадить на длительный срок. Старушка заплакала: «Не дожидаться мне его, скоро мне помирать». Потом, успокоившись, стала рассказывать, как одна, без отца, растила сына. Вспомнила о том, как однажды сильно заболела и слегла. Помочь некому – сыну Коле пять лет, одни они в избе. Рассказала, как плакал маленький сын и просил ее не умирать; повторял, кто же его кормить будет, он один тоже умрет. Выжила она тогда, а чем он отплатил... Сел за кражу в тюрьму, а сейчас вот снова... Утешить старушку мне было нечем.

Собранные доказательства позволяли успешно завершить расследование уголовного дела, которое принял к производству старший следователь Черкасов. Гредягину было предъявлено обвинение по тридцати пяти эпизодам: убийство, изнасилования, разбой, кражи, порнография, подделка документов, изготовление и ношение холодного оружия, хранение боеприпасов – всего по девяти статьям уголовного кодекса.

Дело по обвинению Гредягина рассматривалось Пермским областным судом, который приговорил его к исключительной мере наказания – смертной казни. После оглашения приговора осужденного доставили в Пермскую тюрьму, там его встречали тюремные оперативники, которые мне потом и рассказали, что из автозака Гредягин вышел с улыбкой на лице и произнес, что все равно приговор отменят, заменят на 15 лет. Как знал, да только не все, человек ведь только предполагает...

По формальным основаниям, после кассации, в части убийства студентки В. Верховный суд РСФСР отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение, в результате чего областной суд приговорил Гредягина к 15 годам заключения. Доставленный после оглашения приговора, осужденный снова улыбался: вышло так, как он и рассчитывал. Однако с таким приговором не согласились потерпевшие.

Прокуратура области тоже не согласилась с приговором и подала протест в вышестоящий суд, поставив вопрос о его от-

мене из-за необоснованной мягкости наказания. Состоялся третий суд, который и поставил «расстрельную точку» в этом деле. Доставленный после оглашения приговора снова в тюрьму, Гредягин шел под конвоем, опустив голову, и больше не улыбался. Приговор суда был приведен в исполнение. Всему бывает конец.

«Кровавый» мальчик

Нападение на детские ясли в Кировском районе города Перми было совершено 2 августа 1982 года, а на детский сад в городе Соликамске – 13 августа. В обоих случаях помимо хищения вещей там были убиты ночные сторожа. Преступления были совершены по одному сценарию: преступник проникал ночью в помещения, насиловал и убивал пожилых женщин-сторожей, а затем на кухне готовил себе курицу, которую доставал из холодильника там же. Перекусив и отдохнув, он под утро покидал место преступления. При осмотре обоих мест происшествия были обнаружены отпечатки пальцев рук, совпавшие между собой. Это дало нам основание считать, что оба преступления совершены одним и тем же человеком.

При этом у нас были отпечатки только шести пальцев рук преступника, и это затрудняло идентификацию его личности по банку дактилоскопических карт, имеющихся в областных управлениях внутренних дел и центральной картотеке МВД. Такая идентификация возможна, если преступник ранее уже был судим или находился под стражей, или отбывал наказание в местах лишения свободы. Идентификация отпечатков пальцев достаточно быстро могла быть проведена только при условии наличия отпечатков всех десяти пальцев рук преступника, проверка же отдельных отпечатков пальцев рук занимала гораздо больше времени. Именно поэтому обнаруженные на местах преступлений отпечатки пальцев рук преступника были направлены в центральную картотеку в Москву.

Начался поиск убийцы, кровавый след которого привел нас в город Березники: 18 августа тот совершил разбойное нападение уже днем, на девушку в ее доме. Он нанес ей удары ножом, потом ударил утюгом по голове, завладел деньгами и, посчитав жертву мертвой, скрылся. Медикам удалось спасти жизнь потерпевшей. При осмотре места происшествия был обнаружен отпечаток пальца руки преступника, совпадающий с обнаруженным отпечатком пальца на месте убийства сторожа в городе Соликамске.

А вскоре преступник вновь проявил себя – на этот раз в Республике Удмуртия, в поселке Балезино – крупной стыковой железнодорожной станции. Стало ясно, что в качестве средства передвижения он использует электрички. На них можно было с пересадками проследовать по маршруту Соликамск – Березники – Пермь – Балезино.

В детском саду, расположенном недалеко от железнодорожного вокзала Балезино, утром 29 августа 1982 года был обнаружен труп девушки-сторожа с множественными телесными повреждениями и перерезанными на обеих руках венами. Убийца также мерзко надругался над жертвой и опять же забыл после этого сытно закусить сваренной им тут же курицей. То, что рядом с местом его трапезы лежит тело убитой, никак не испортило ему аппетита. Там тоже нашли отпечатки его пальцев.

Все имеющиеся у нас отпечатки пальцев преступника, оставленные им на местах убийств, были незамедлительно переданы удмуртским коллегам для сопоставления их с отпечатками, обнаруженными в детском саду в Балезино. И когда отдельные отпечатки пальцев, оставивших кровавый след в разных местах, совпали между собой, стало понятно, что мы имеем дело с одним и тем же насильником и убийцей.

Однако работники МВД Удмуртии посчитали возможным ограничиться только констатацией данного факта. По непонятным и необъяснимым причинам они не сообщили нам, что помимо совпадающих отпечатков пальцев рук преступника в

их распоряжении имеются еще и несколько других его отпечатков, которых не было у нас и которым они по какой-то причине не придали значения. Эти отпечатки не были направлены для дальнейшей идентификации в центральную картотеку МВД СССР в Москву, не переданы нам.

В нашем распоряжении было бы уже девять отпечатков пальцев рук преступника вместе с уже имеющимися шестью, и это, несомненно, могло значительно ускорить установление личности убийцы и его арест, поскольку большее количество отпечатков разных пальцев рук позволяло ускорить идентификацию преступника. Эти сведения могли бы, вполне возможно, предотвратить два последних убийства. Но эта недоработка выяснилась позже, когда на местах других убийств были обнаружены недостающие отпечатки пальцев рук убийцы в дополнение к имеющимся, и по ним стало возможно в минимальные сроки установить имя преступника.

А тем временем преступник продолжал свое кровавое путешествие по стране. След его вновь обнаружился, на этот раз в детском саду в поселке Первомайский Тамбовской области, где ночью 10 октября того же года он напал на пожилого мужчину-сторожа и убил его. Приготовив и откусав там свое фирменное блюдо – отварную курицу, – он проследовал в Ростовскую область, где успел совершить убийство двух пожилых женщин-сторожей – в школе города Таганрога и в детском комбинате в райцентре Аксай. Как и раньше, он продолжал оставлять на местах совершения преступления отпечатки пальцев рук и остатки своей трапезы.

Отпечатков пальцев с мест всех убийств набралось теперь достаточно много, и, наконец, к вечеру 19 октября 1982 года эксперты-криминалисты смогли по картотеке идентифицировать их как принадлежащие ранее судимому девятнадцатилетнему Владимиру Егорову, сбежавшему из города Кунгура, где он отбывал наказание на стройках народного хозяйства (в народе это называлось – «быть на химии»).

Как только была получена информация от экспертов, сразу же начался целенаправленный розыск Егорова. Нами была допрошена его мать, А. Л. Егорова, жительница Соликамска, которая и сообщила, что ее сын с 8-го класса убежал из дома и разъезжал по различным городам, а в сентябре 1981 года был осужден за хулиганство на полтора года заключения в колонии. Она приезжала туда к нему на свидание, он ей жаловался, что ему там плохо и не нравится, умолял ее забрать его оттуда, «даже спрятать его в рюкзак и вынести». А в апреле 1982 года он уже был освобожден из места лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду, и направлен для дальнейшего отбытия наказания «на химию» в город Кунгур. По ее словам, он самовольно оставил место отбытия наказания и поехал в гости к сестре, живущей в Таганроге.

Адрес сестры подозреваемого, полученный от их матери, был тут же передан нашим коллегам в Ростов-на-Дону с просьбой о немедленном задержании Егорова. Еще через шесть часов от них пришло сообщение, что подозреваемый нами в преступлениях Егоров задержан по месту жительства его родственницы. Также они нам сообщили, что тот уже сознался в совершении двух убийств ночных сторожей на территории Ростовской области – в детском комбинате в райцентре Аксай и в школе № 2 города Таганрог, где тоже были обнаружены отпечатки пальцев его рук.

На следующий день я, прокурор-криминалист, и начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска области А. М. Петров вылетели в Ростов-на-Дону. Дела об убийствах, совершенных Егоровым на территории Ростовской области, находились в производстве старшего следователя прокуратуры города Таганрога Натальи Палкиной, с которой мы познакомились уже на месте и сразу нашли общий язык, согласовали с ней мое участие в дальнейших допросах подозреваемого. Было решено отработать и провести следственные действия сначала в части преступлений, совершенных на территории Ростовской области, а затем постепенно перейти

к преступлениям, совершенным Егоровым в других регионах.

Через день мы вдвоем со следователем прибыли в Ростовскую тюрьму, где содержался арестованный. В следственный кабинет конвойный ввел худощавого невысокого парня, с темными короткими волосами и темно-кариими глазами. Держался он самоуверенно и развязно, был достаточно словоохотлив. Так впервые я увидел Егорова.

По договоренности с Натальей Палкиной я только присутствовал на допросе и присматривался к подозреваемому, а допрос полностью вела она. Допрос начался, однако установленный нами порядок неожиданно нарушил допрашиваемый. Он спросил меня, какой размер обуви я ношу, а затем заявил, что ему нравятся мои туфли и он хочет их, и мне надо их снять. Его беспредельная наглость, вседозволенность и игра в крутого парня не произвели на меня никакого впечатления, но его необходимо было поставить на место, поэтому, сурово глянув на него, предложил ему попробовать снять с меня обувь, добавив при этом: «если получится». Почувствовав, видимо, скрытую опасность, Егоров замолчал, а следователь сделала ему замечание и предложила не отвлекаться от сути дела.

По взаимной договоренности я и в дальнейшем сопровождал Наталью Палкину на проводимые ею следственные действия с участием Егорова. На допросах тот давал подробные показания обо всех совершенных им убийствах, в том числе и в Пермской области. Отпираться Егорову смысла просто не было: во всех местах совершенных им убийств были обнаружены отпечатки пальцев его рук.

В порядке проверки его показаний был организован выезд с ним на места совершения убийств. С памятью у него было все в порядке, и поэтому на месте в присутствии понятых он подробно и правильно показывал и рассказывал обстоятельства совершения преступлений. Однако вел он себя по-прежнему достаточно развязно, куражился, видимо, бравируя и рисуясь перед следователем – достаточно молодой женщиной – и перед объективом телекамеры. Не стесняясь окружающих, он

игриво ухватил рукой за грудь молодую девушку – работницу детсада, случайно оказавшуюся там, а в школьном буфете набрал горсть конфет и с самодовольным видом благодетеля важно раздавал их присутствующим. Наблюдать все это со стороны было неприятно и противно – насколько же преступник был распущенным и беспардонным, если даже под конвоем позволял себе подобное, и можно было только представить, как он себя вел наедине с незащищенными жертвами.

Наталья Палкина, проводившая следственные действия, не ставила его на место, а кое-где даже и подыгрывала ему, переводя в шутку его выходки, но я-то понимал, что это была игра с ее стороны. Как опытный следователь она тем самым хотела получить от подозреваемого как можно больше информации и, следовательно, доказательств его вины.

Судя по замашкам Егорова, это была, похоже, обычная и привычная манера поведения человека, возомнившего себя неким супергероем, которому дозволено делать все и везде, в том числе и отнимать жизнь у другого человека.

После окончания следственных действий в Ростовской области нам предстояло этапировать Егорова в Пермскую область, поэтому я твердо решил: его нужно будет поставить в жесткие рамки, сбить с него спесь, чувство вседозволенности, наглость и хамство, другими словами, его нужно было просто поставить на место – то, какое заслужил преступник, совершивший тягчайшие преступления.

Через пять дней ночным рейсом на самолете мы вернулись к себе в Пермь. После приземления и подачи трапа в салон самолета вошел офицер милиции с автоматом наперевес и громко попросил пассажиров оставаться на местах, пока с последнего ряда кресел мы не пройдем вместе с закованным в наручники Егоровым к выходу и, спустившись по трапу, не сядем в подогнанный вплотную к самолету автозак. Наконец-то, мы были у себя дома.

На следующее утро я спешил в изолятор временного содержания, куда был помещен доставленный нами Егоров. Конвой-

ный привел заспанного и помятого арестованного в кабинет. Усевшись на крепко прибитый к полу табурет, он небрежно и фамильярно, не поднимая головы, спросил:

– Курить есть? Давай!

Я ответил:

– Нет.

– Тогда нам не о чем говорить, – получил я в ответ.

Он, видимо, полагал, что ему и дальше можно вести себя по-прежнему, и явно не понимал, что ситуация для него кардинально изменилась: как раньше, не будет, от его настроения и выходок больше ничего не зависит. Ничего не сказав, я отправил его обратно в камеру. На следующий день я вновь собирался в изолятор, но тут мне позвонил Петров и сообщил, что Егорова вечером, в экстренном порядке, перевели в Пермскую тюрьму – как особо опасного преступника, предпринявшего попытку нападения на работника изолятора с целью побега.

Аскольд Маркович рассказал, что Егоров, когда вернулся в камеру, стал уговаривать сокамерников бежать – найти предлог, чтобы вызвать охранника, напасть на него и убить. Те наотрез отказались – они были задержаны за кражи, и «подписываться» на убийство и побег им никакого резона не было, в отличие от Егорова, которому терять было нечего. Кроме того, они реально понимали, что даже нейтрализовав надзирателя, дальше следующей решетки в коридоре пройти не смогут.

Тогда Егоров каким-то образом один выломал сантехническую металлическую трубу от умывальника и, вызвав надзирателя, попытался на него наброситься и ударить трубой. Да только не на того напал – надзиратель в момент его скрутил. Кроме того, наш арестант не был особенно силен, его и хватало-то только на нападения на еще более слабых физически, чем он сам, и по сути беззащитных потерпевших.

Во второй половине этого же дня вместе с Петровым мы прибыли в следственную часть тюрьмы. Конвойный привел Егорова. Начался допрос. От его былой развязности не осталось и следа. Курить он уже не требовал, на вопросы отвечал

подробно и охотно, даже несколько заискивающе. Перемена в его поведении была просто разительная. Это радовало, только было непонятно, что так на него повлияло. Ограничившись локальными вопросами об обстоятельствах совершения убийств на территории Пермской области и записав его показания на магнитофон, закончили допрос и отправили Егорова в камеру.

Поскольку нам с арестованным предстояло работать еще продолжительное время, необходимо было знать, что от Егорова можно ожидать дальше, а для этого следовало понять, почему его поведение так неожиданно изменилось в лучшую для нас сторону. Все разъяснилось, когда мы стали разбираться с ситуацией, связанной с внеплановым и экстренным переводом его из изолятора временного содержания в тюрьму. В личном деле арестованного Егорова имелась отметка, что он является особо опасным преступником, склонным к побегу, поэтому дежурный по тюрьме не рискнул помещать неожиданно доставленного им поздно вечером убийцу в общую камеру, а определил на ночь, до утра, в небольшую камеру, где содержались прибывшие по этапу два особо опасных рецидивиста.

О причине разительной перемены поведения Егорова рассказали мне тюремные оперативники, которые провели собственное неофициальное расследование. Как только Егорова завели в камеру, он сразу бесцеремонно попытался занять место на нарах, однако сидельцы – два здоровых мужика двухметрового роста, которые лежали на нарах, спокойно и внушительно приказали ему встать у параша и сначала доложить, кто он, откуда и за что сюда попал. Наш подопечный, не ожидавший такого приема, сбивчиво доложил о себе, после чего ему милостиво было позволено пройти и занять указанное место на нарах. Но тут Егорова «понесло»: он стал хвастать и в красках рассказывать сокамерникам о своих «поввигах». Лучше бы он этого не делал.

Известно, что насильники, как и педофилы, в местах лишения свободы относятся к презируемой категории. Среди заключенных народ тоже разный. Понятно, что есть там и

«отморозки», но не они составляют большинство, основная часть – это обычные несчастные люди, попавшие туда в силу различных жизненных обстоятельств, порой по собственной глупости, из-за пьянства, из корысти и по другим причинам. С этой категорией достаточно здравомыслящих сидельцев всегда можно найти общий язык, у большинства из них есть семьи, матери, сестры, дети, и они не утратили своего представления о мужской чести и достоинстве, о добре и зле. Поэтому публика, подобная нашему фигуранту, даже в тюрьме вызывает у них отрицательное отношение. Так произошло и в этом случае.

Мужики хоть и были убийцами, но беззащитных женщин не насиловали и не убивали, а рассказанное насильником, бахвалящимся совершенными им в отношении потерпевших женщин мерзостями, задело их за живое, человеческое, которое в них еще, видимо, оставалось, поэтому они тут же «опустили» его, превратив в «голубого», и предложили ему самому повеситься. Под их присмотром Егоров свил из порванной на ленты ткани матраса веревку и несколько раз попытался повеситься, но всякий раз мужики доставали его из петли, посчитав, что в таком случае он слишком легко отделается за свои злодеяния. Так и прошла первая ночь в Пермской тюрьме для убийцы и насильника Вовы Егорова.

Утром был обход камер дежурным нарядом. Открыв окно «кормушки» в двери, дежурный застал почти идиллическую картину. Егоров смиренно и тихо сидел зажатый между двумя своими дюжими сокамерниками. На привычный вопрос, есть ли жалобы, просьбы, он, как и его соседи, ответил, что ни жалоб, ни просьб не имеет. Дежурный уже собрался закрывать окно, как Егоров неожиданно бросился к двери и, намертво вцепившись в «кормушку», стал истово умолять перевести его из этой камеры хоть куда, только не оставлять его тут. Дежурному ничего не оставалось, и Егорова перевели.

Какие-либо заявления и объяснения он делать и давать отказался, заявив, что никаких претензий ни к кому и ни по какому поводу не имеет. Проверять следственным путем

произошедшее при отсутствии официального заявления от потерпевшего у нас не было оснований, не говоря уже о том, что весьма проблематичным было бы в сложившейся ситуации собрать необходимые доказательства, а кроме того, это была совсем другая история, не имеющая отношения к расследуемому делу об убийствах, совершенных Егоровым.

Тюрьма, таким образом, помимо нас все расставила по местам, указав убийце и насильнику на его низкое и незавидное место в арестантской иерархии, как он того и заслуживал – по делам его и по лагерным понятиям. Безусловно, произошедшее, независимо от того, как к нему можно относиться и расценивать, следствию пошло на пользу.

Руководством мне было поручено до формирования следственной группы проводить необходимые следственные действия по делу Егорова. Начались многодневные допросы обвиняемого, который помимо убийств совершил и множество других преступлений, разъезжая на поездах по центральной части страны, и по каждому из таких эпизодов его нужно было подробно и обстоятельно допросить, что занимало много времени.

Многостраничные протоколы его допросов составляли уже солидный фолиант. Иногда на допросах Егоров вновь входил в раж, увлекаясь излишне красочным описанием совершенных им преступлений, пытаясь показать себя таким решительным парнем. Это однажды чуть не стоило ему жизни, а присутствующему на допросе полковнику Аскольду Петрову – крупных неприятностей, да и мне потом пришлось бы долго отписываться и объясняться.

Случилось все совершенно неожиданно для меня, и только моя своевременная быстрая реакция и хорошая физическая подготовка спасли положение. А произошло следующее: допросы арестованных проводились в специальных следственных кабинетах, такие есть в любой тюрьме. Табуретки, стулья, столы там намертво прикреплены к полу в целях безопасности, оторвать их невозможно, имеется тревожная кнопка, на окнах – крепкие решетки.

Мало кто из посторонних знает, что этих кабинетов всем следователям не хватает, и поэтому следователю, не успевшему с утра занять такой кабинет, порой приходится часами ждать, когда он освободится. Так впустую теряется драгоценное время работников следствия. Это тоже не самая лучшая и приятная сторона в следственной работе: стоять в очереди за рабочим местом – кабинетом, как за дефицитом в магазине. Именно поэтому мы договорились с администрацией тюрьмы, чтобы нам временно выделили место, отдав свой служебный кабинет. Там и проводились допросы.

Кабинет был обычный, предметы мебели не зафиксированы. Допрашиваемого Егорова в тот раз опять понесло. Допрос касался двух совершенных им убийств – в Тамбовской области и на станции Балезино. Егоров с выражением рассказывал, как убил пожилого мужчину – сторожа-фронтовика – в поселке Первомайский, как он сумел справиться с ним и с помощью гвоздодера и ножа поставить на колени. Когда потерпевший понял, что ему не совладать с преступником, что тот сильнее его, сторож взмолился и стал просить: «Сынок, не убивай меня, я всю войну прошел, живой остался, уходи, никому не скажу, что здесь был, не убивай только». «Нет, дядя, не верю я тебе», – ответил Вова и ударил фронтовика ножом в горло.

По рассказанному им, из-за его манеры повествования становилось понятно, что передо мной в человеческом облике и одежде сидит опасное животное, которое научили читать и писать, но двигали им только основные биологические потребности в воде и пище, а еще похоть. Однако я поймал себя на мысли, что такое сравнение вряд ли будет правильным – ведь дикие животные не убивают себе подобных просто так, ради удовольствия.

Егоров подробно и смачно рассказывал об убийстве девушки-сторожа в детском саду в Балезино. Вечером он сходил, чтобы скоротать время и дожидаться наступления темноты, в имеющийся в Балезино клуб, посмотрел там веселую комедию, которая ему очень понравилась, он хохотал от души.

После этого проник в находящийся рядом с клубом детсад – он его заприметил еще днем – и там напал на девушку-сторожа, изнасиловал ее, а потом бил по голове до тех пор, пока она не перестала шевелиться. Посчитав ее мертвой, он отвлекся и занялся приготовлением ужина из курицы, оставив потерпевшую вне поля зрения. Перекусив и осмотревшись, он увидел, что девушки на прежнем месте нет. Она, оказывается, очнулась и поползла к двери. С самодовольной улыбкой развалившись на стуле, Егоров продолжил: «Ну да ей, суке, показал, как меня обманывать, волоком за волосы притащил обратно, и ножом перерезал ей вены на обеих руках и смотрел, как шла кровь, она задергалась и сдохла».

Я едва успел заметить боковым зрением, как сидевший справа от меня Петров, у которого явно сдали нервы после услышанного, вскочил и выхватил из-под допрашиваемого стул. Егоров стал падать на спину, а Аскольд Маркович замахнулся, чтобы с силой опустить стул тому на голову. В самый последний момент я в прыжке успел перехватить стул и оттолкнуть разъяренного Петрова в сторону, и, хотя полковник был выше и крупнее, мне все же удалось вытолкать его из кабинета. Усадив напуганного Егорова обратно, я продолжил допрос.

Это происшествие, кстати, единственное такое в моей следственной практике, показало, что нервный срыв может произойти даже у спокойного, выдержанного, имевшего ранее дело не с одной сотней убийц, профессионала, каковым и являлся Петров. Так получилось, что тогда мне удалось спасти и защитить убийцу от самосуда, а уважаемого моего коллегу – от греха, который он мог взять на душу. О возможных последствиях, произойди непоправимое, не хотелось даже и думать. Об этом случае, естественно, сообщать я никому не стал, да и что, собственно, произошло? Ну, сдали нервы у заслуженного оперативника, бывает и такое.

Сейчас, когда из нас троих, участников той сцены на этой земле остался я один, могу об этом рассказать впервые, не навредив никому, только для того, чтобы показать, какие боль-

шие эмоциональные нагрузки несет следователь и работник уголовного розыска и какой выдержки и терпения требует эта профессия

Ввиду этого происшествия мне стали еще более понятны действия двух рецидивистов, с которыми Егоров встретился в тюрьме. Я подумал: хорошо, что у тех не было стула, а то отнимать его было бы некому. После случая в камере я попросил тюремных оперативников показать мне тех молодцов, чтобы увидеть, что они собой представляют, хотя бы внешне. Одного из рецидивистов провели мимо меня по коридору: одетый в полосатую робу могучий двухметровый детина лет тридцати от роду, с простым и открытым округлым лицом, голубыми глазами, он поражал удивительно уверенным взглядом и спокойным внешним видом. По сравнению с ним Егоров казался каким-то тщедушным подростком. Второй рецидивист был под стать первому.

После проведенных допросов, в порядке проверки показаний, мы провели следственные эксперименты с выездом обвиняемого на места совершения преступлений в Пермской области. Во время проведения этих следственных действий наш подопечный вел себя корректно и уже не позволял себе вольностей в поведении.

Обвиняемый Егоров при выходе на место убийства

В этот же период времени мы связались с коллегами из тех регионов, по которым путешествовал Егоров и где оставил свой кровавый след. Обращала на себя внимание его необычайная мобильность и «работоспособность» в занятии преступным промыслом. Так, за два с половиной месяца, предшествующих его задержанию, он успел проехать и побывать в тринадцати регионах и совершить при этом 28 нападений, оставив на 18 местах совершения преступлений отпечатки пальцев рук. К нам стали поступать уголовные дела, которые ранее значились нераскрытыми.

Тогда же состоялся нелюбезный разговор по телефону с начальником управления уголовного розыска МВД Удмуртии. Я в сердцах высказал ему, что думаю по поводу работы его ведомства с отпечатками пальцев преступника, прямо обвинив в том, что в результате этого просчета в их работе убийца смог забрать еще две жизни, которые можно было бы спасти. Возразить ему было нечего, он смог только сослаться на нерадивых подчиненных, с которыми он пообещал разобраться и наказать.

Кроме того, сама ситуация преподнесла нам урок на будущее – нужно налаживать более тесное взаимодействие следствия и оперативных служб не только внутри области, но и между регионами, и особенно это касалось расследования подобных дел. Тогда проще и быстрее стало бы отлавливать кровавых мальчиков-гастролеров, подобных Вове Егорову.

Когда основные следственные действия по закреплению доказательств были окончены, по указанию руководства дело было передано для завершения расследования старшему следователю прокуратуры области и созданной следственной группе. Хотя я отошел от этого дела, но, уже занимаясь другими, неоднократно интересовался ходом расследования. Егоров вел себя вполне нормально, но, как и раньше, никакого сожаления или раскаяния в содеянном не проявлял. Он считал, что совершенные им преступления в порядке вещей, «пацан захотел – пацан сделал», что же тут такого, ничего особенного.

Такое поведение являлось естественным для него образом жизни, правда, весьма опасным для окружающих. Впрочем, мне подумалось, что если подходить к нему как к животному, то ведь не всякое животное выказывает сожаление, как, например, друг человека – собака, которую можно отругать, и она, поджав хвост, будет виновато смотреть на хозяина. Вова виновато не смотрел. Он признавал и констатировал только факты совершенных им действий – преступлений.

Егорову было вменено совершение семи убийств в Пермской, Ростовской, Тамбовской, Донецкой областях и Республике Удмуртия, а также покушение на убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Обвинение в изнасилованиях, кражах, разбоях, совершенных на территории тринадцати областей, краев и республик. А всего ему было инкриминировано сорок эпизодов нападений, в основном на школы, детские сады, во время которых получили ранения различной тяжести, но, к счастью, остались живы после оказания им своевременной медицинской помощи еще пять потерпевших – сторожей. В школе № 102 города Прохладный сторожа не оказалось, и тогда Егоров убил щенка, раздраженный его попискиванием. Проведенными четырьмя судебно-психиатрическими экспертизами обвиняемый был признан вменяемым в инкриминируемых ему преступлениях. Эксперты при этом отметили, что он является психопатической личностью, но это на его действия не влияло.

Дело по его обвинению рассматривалось Пермским областным судом, и 30 сентября 1983 года суд вынес единственно возможное и справедливое решение, приговорив Егорова к исключительной мере наказания – расстрелу. По заведенному порядку осужденные к смертной казни содержались поодиночке в отдельных камерах для смертников и оттуда уже не выходили – выводили их только для приведения приговора в исполнение. Именно поэтому, когда по одному из дел об убийстве у нас возникла необходимость допросить осужденного к смертной казни в соседней области, мне пришлось ехать туда

в командировку, спускаться в подвал камеры смертников в тюрьме и там проводить допрос, мягко говоря, в не очень комфортных условиях.

Зная об этом порядке, я никак не предполагал, что еще раз увижу Егорова после суда. Произошло это спустя почти год после вынесения приговора, тогда я уже занимал должность начальника следственной части прокуратуры области.

Существует определенная процедура приведения в исполнение смертного приговора. Она носит закрытый характер и, естественно, не афишируется. Исполнение приговора производится в присутствии специальной комиссии, в которую входят представители прокуратуры и администрации тюрьмы, врач. Приведение смертного приговора в исполнение невозможно без исполнителя, который должен выстрелить из пистолета Макарова в затылок осужденному. Невозможно без охранников, которые прежде должны вывести его из камеры смертников и представить комиссии, члены которой должны удостовериться в личности преступника и убедиться, что приговор оставлен в силе вышестоящим судом, а ходатайство о помиловании в установленном порядке отклонено.

При приведении приговора в исполнение имеет право присутствовать председательствующий судья, вынесший этот приговор, а от прокуратуры области на исполнение смертных приговоров направлялись только специально назначенные прокуроры – коллеги из отдела по надзору за соблюдением законности в местах лишения свободы. Узнать от них, когда будет приведен в исполнение приговор, не составляло особого труда. Но о предстоящей казни я узнал не от них, а от прокурора области И. Н. Павлецова, к которому зашел как-то утром с докладом по очередному расследуемому мной уголовному делу.

В разговоре Иван Николаевич спросил у меня, помню ли я убийцу Егорова. «Еще бы, конечно!» – ответил я. Прокурор области сообщил мне, что приговор по делу Егорова оставлен без изменения, а ходатайство о помиловании отклонено, все необходимые бумаги на этот счет поступили, и сегодня приго-

вор будет исполнен. Тогда я обратился к нему с необычной просьбой – разрешить мне присутствовать при этом. Понятно, что по должности это мне было не положено, я не входил в круг лиц, которым это было разрешено и предписано по службе, но очень хотелось мне лично убедиться, что этого кровавого изверга и самой настоящей нечисти больше не будет на нашей земле. Шеф заколебался, но я, злоупотребляя его добрым отношением ко мне, тактично и мягко настаивал. «Хорошо, но тогда поедем вместе», – подумав, согласился он. Вечером мы вдвоем прибыли в тюрьму и спустились в тесный подвал.

Комиссия уже была в полном составе. Я примостился с правой стороны стола, за которым заседали члены комиссии. Минут через десять привели Егорова, который внешне почти не изменился. Руки его были закованы в наручники за спиной, а двое дюжих охранников держали его с двух сторон. Он, отвечая на вопросы, назвал свои анкетные данные и сообщил о вынесенном ему смертном приговоре. Не знаю, понимал ли он, что наступил его смертный час, не уверен в этом, но в нем ощущалось как бы оцепенение, заторможенность и безразличие одновременно. Потом его развернули к другой стене, старший конвоя произвел единственный выстрел – Егорову в затылок, и дымящаяся гильза оказалась у моего правого ботинка. Так на моих глазах закончил свой земной и преступный путь убийца. Закономерный и справедливый финал.

Сейчас наступили другие времена. Введен мораторий на смертную казнь. Убийца Егоров, окажись он в нашем времени, сидел бы в теплой камере, по утрам его бы будили, а вечером укладывали спать, и по расписанию он бы питался и выгуливался, а охранники бдительно обеспечивали бы его охрану и покой. Возможно, при этом он пристрастился бы к чтению книг и повышал свой общеобразовательный уровень. Все это делалось бы (и делается сейчас в отношении подобных ему недочеловеков) за счет налогоплательщиков, которых в нашей стране мало кто спрашивает, хотят ли они содержать убийц.

Принятые в угоду Западу положения, фактически отменив-

шие применение смертной казни, явно не учитывали сложившиеся неблагоприятные криминогенные реалии, существующие в нашей стране. Это в полной мере можно отнести к количеству совершенных убийств. Как-то подсчитал, что в СССР убийства совершались каждые пятнадцать минут. Для сравнения, в США – каждые двадцать минут. С той поры ситуация только ухудшилась.

В тех же Штатах никому и в голову не придет мысль отменить смертную казнь, которая там применяется и предусмотрена в различных штатах в виде четырех ее разновидностей – от гильотины до электрического стула. И плевать им на вопли сторонников ее отмены и мнения каких-то международных общественных организаций. Общество должно уметь защищать себя от убийц. Сейчас совершенно забыто то, что смертная казнь всегда являлась серьезным сдерживающим фактором. Понятно, террористов-смертников, как и совершенных отморожков-маньяков, смертной казнью не остановишь, но за государством остается право, защищаясь от них, уничтожать опасных преступников, посягнувших на самое дорогое, что есть у человека, – его жизнь. Реальное применение смертной казни будет способствовать уменьшению количества совершаемых особо тяжких преступлений.

В начале прошлого века один из классиков марксизма-ленинизма на вопрос, когда большевики отменят смертную казнь, ответил: «Как только ее отменят господа убийцы!»

Между тем до настоящего времени убийцы не перестают убивать...

P. S. Когда данный рассказ готовился к печати, мы услышали, наконец, правдивое и разумное слово.

Выступая 9 декабря 2015 года на совместном заседании общественного и консультативного советов управления СКР по Удмуртии, председатель Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин твердо заявил: «Я лично выступаю за смертную казнь, прежде всего как человек. Я полагаю, что людям, которые совершают такие тяжкие преступления, не

место на земле... Не надо лицемерить. Зло должно быть наказуемо. Забрал чужую жизнь, тем более жизнь ребенка, – запла тишь своей».

Сказанное им актуально сегодня как никогда. Только не осталось бы это гласом вопиющего. Нужны перемены, они на зрели.

Десять лет спустя

Серия дерзких нападений, сопряженных с убийствами, длитель ное время будоражила население Пермской области, вызы вая большой общественный резонанс. Все началось в ночь на 24 декабря 1974 года, когда в помещении контрольного пункта (КП) поста ГАИ в пригороде города Перми селе Лобано во было совершено убийство работника милиции. Сержанту Н. Р. Нохову сначала нанесли ножевые ранения, а затем, ви димо для верности, добили двумя выстрелами из пистолета системы Макарова. Нападавшие похитили у него табельное ору жие – пистолет Макарова с двумя обоймами патронов, ко буру и жезл.

В эту же ночь на трассе между селом Лобаново и Пермью тремя выстрелами из пистолета Макарова в салоне автомашины марки «ВАЗ-2101» был убит ее владелец – сержант ми лиции В. П. Мальцев. Служивший инспектором дорожного надзора ГАИ Мотовилихинского ОВД города Перми Мальцев в свободное от работы время, в штатском, решил подработать частным извозом, так как в доме не хватало денег – в то время на Урале люди в форме еще не брали мзду на дороге. Тело Мальцева преступники выкинули в снег там же, у обочины шоссе, слегка присыпав сверху снегом. После этого убийцы на машине Мальцева поехали в областной центр, где бросили ее во дворе дома № 7 по улице Свердловской, закрыв двери ав томобиля и забрав с собой ключи. При осмотре салона автомо биля помимо пятен крови были обнаружены два человеческих

волоса: один – на переднем пассажирском сиденье, другой – на заднем сиденье, оба не принадлежали погибшему.

Еще одно преступление произошло 1 марта 1975 года в центре Перми. Утром в сберегательной кассе № 6983/0206, расположенной на улице Пионерской д. 12 в непосредственной близости от зданий УВД Пермского облисполкома и ОВД Свердловского района, тремя выстрелами из пистолета Макарова была убита старший контролер В. Н. Никитина, а кассир Е. А. Никонова, получившая пять огнестрельных ранений, была тяжело ранена.

Деньгами, ценными бумагами, револьвером, находящимися в сберегательной кассе, налетчики не смогли завладеть, поскольку пострадавшие сотрудницы кассы успели нажать тревожную кнопку. Преступники были вынуждены срочно покинуть место преступления.

Прибывшая туда через пару минут оперативная группа обнаружила в помещении кассы следы задымления и запах пороха после стрельбы. Во время осмотра места происшествия помимо восьми гильз на столе для посетителей, за которым до начала нападения находился преступник, был обнаружен бланк расходно-приходного ордера формы № 51, на лицевой стороне которого было, возможно, рукой преступника, указано: в графе «Дата» – «1 марта 1975 года», в графе «ФИО» – «Станиславский»; там же стояла сумма, буквами – «Сорок руб.» и цифрами – «50 коп.». На оборотной стороне бланка было указано: «Рубцов Николай Вас.», вклад – «100 руб.». Судя по всему, преступник, в ожидании ухода находившейся там единственной посетительницы, под видом клиента выжидал время и, имитируя заполнение ордера, внес записи в обнаруженный бланк ордера.

Преступники вновь заявили о себе в августе. На шоссе между окраиной Перми и селом Лобаново вечером 2 августа 1975 года два преступника, один из которых был в милицейской форме, остановили автомашину марки «ВАЗ-2101» и из пистолета Макарова убили ее владельца – Н. М. Шерстнева. Убийцы,

завладев машиной, отвезли его тело за двадцать километров от места преступления и выбросили в кустарник в пойме реки Мулянка, неподалеку от села Кондратово Пермского района.

Уже на следующий день, 3 августа, в четыре часа утра преступники приехали на похищенном автомобиле в центр города Перми на улицу Газеты «Звезда» и совершили нападение на вооруженного автоматом системы Калашникова часового гарнизонного пункта кинопроката курсанта Е. И. Ратегова – тремя выстрелами из пистолета Макарова он был ранен. Караул среагировал на выстрелы, поднял тревогу, и преступники с места нападения скрылись. Рядом с местом нападения была обнаружена машина с неисправной системой зажигания, принадлежащая убитому Шерстневу, которую нападавшие бросили, убегая оттуда.

Проведенной судебно-баллистической экспертизой изъятых со всех мест происшествий гильз и пуль было установлено, что преступники во время всех нападений использовали один и тот же пистолет системы Макарова. Это позволило сделать вывод: все перечисленные преступления совершены одними и теми же людьми. Кроме того, в руках следствия оказался бланк приходно-расходного ордера Сбербанка с образцами, предположительно, почерка преступника, изъятый в сберкассе после нападения. Начался поиск лиц, совершивших эти преступления, затянувшийся на много лет.

Во время всех описанных выше событий я проходил срочную службу в рядах Советской армии, а затем находился в длительной командировке в Узбекской ССР, поэтому в тот период не имел никакого отношения к расследованию этих преступлений. В дальнейшем, по возвращении, мне выпало трижды в составе следственной группы принимать участие в расследовании этого уголовного дела: в 1976 году и в 1978–1979 годах, когда я находился в должности старшего следователя прокуратуры Пермской области, и затем в 1982 году в качестве прокурора-криминалиста.

В поисках преступников по этому делу была проведена по-

истине огромная по объему следственно-оперативная работа. Главный вопрос следствия: кому принадлежит орудие преступления – пистолет Макарова, использованный при совершенных нападениях. Если логически рассуждать, то он мог принадлежать как погибшему сержанту Нохову, у которого преступники отобрали оружие при нападении, так и любому другому лицу.

Сложность в установлении принадлежности орудия преступления заключалась в том, что в то время в органах внутренних дел не имелось пулегильзотеки с отстрелянными образцами пуль и гильз от оружия, находящегося на вооружении работников милиции области, военнослужащих Советской армии и Внутренних войск, других силовых ведомств, дислоцированных на территории Пермской области. Пистолет, похищенный у потерпевшего, ранее не отстреливался, и образцов пуль и гильз для его идентификации, как, впрочем, и другого такого же оружия, не имелось. Поэтому на первоначальном этапе следствия идентифицировать и однозначно определить принадлежность оружия не представлялось возможным.

Для получения ответа на данный вопрос была проведена проверка всех пистолетов системы Макарова, состоящих на вооружении во всех силовых ведомствах области. Фактов утраты оружия выявлено не было, все оружие находилось на месте. Тогда же был произведен контрольный отстрел всего этого оружия для сравнения полученных отстрелянных образцов пуль и гильз с пулями и гильзами, изъятыми с мест разбойных нападений. Эта работа заняла много месяцев из-за большого количества оружия. По заключению экспертов-баллистов, проверенное ими оружие не имело никакого отношения к совершенным преступлениям. Из образцов пуль и гильз, отстрелянных при проверке оружия, была создана своя информационная база данных вооружения.

Также пули и гильзы, изъятые с мест происшествий, проверялись в центральной пулегильзотеке Центральной криминалистической лаборатории МВД СССР. Оттуда был получен ответ, что оружие, из которого они отстреляны, при соверше-

нии других аналогичных преступлений с использованием пистолета Макарова в стране не использовалось. После этой проверки с наибольшей долей вероятности можно было сделать вывод, что использовался пистолет, похищенный при нападении на КП ГАИ в Лобаново. Были изучены и проанализированы все уголовные дела по преступлениям с использованием огнестрельного оружия, прежде всего из числа нераскрытых, совершенных в области и прилегающих регионах.

Не менее глобальной по объему проведенных разыскных действий оказалась кропотливая работа с привлечением большого количества экспертов-графологов, изучавших образцы почерка в расходно-приходном ордере, заполненном преступником при нападении на сберкассу.

С целью идентификации авторства во всех учебных заведениях города, различных предприятиях и учреждениях неофициально изучались личные дела и анкеты, заполненные собственноручно лицами мужского пола подходящего возраста. Счет проверяемых шел на многие десятки тысяч. Следствие, безусловно, двигалось в верном направлении, и казалось, что это должно было привести к установлению личности преступника.

Однако жизнь, как всегда, полна неожиданностей. Один из преступников, как выяснилось позже, учился на третьем курсе зоотехнического факультета Пермского сельскохозяйственного института. В том же институте работала секретарем в деканате его сожительница, Ольга Гиль. Со слов своего сожителя она знала, что нападения, в том числе и на сберкассу, совершены им, поэтому решила спрятать от проверяющих его личное дело – просто унесла его на время проверки домой. Среди тысяч других изымаемых дел этого дела не хватились, и, как говорится, ей это сошло с рук. Так, благодаря действиям своей пассии преступник тогда смог избежать разоблачения, и еще несколько лет он находился на свободе и продолжал совершать преступления.

Эта накладка выяснилась гораздо позже – только через шесть лет. Тогда же выявилось слабое звено при исследовании лич-

ных дел и анкет в ходе следствия: не был надлежащим образом организован контроль за предоставляемыми следствию для изучения материалами – их точного количества никто не знал (не было списка), в результате чего и стало возможным укрытие от следствия единственного личного дела преступника.

Помимо проводимой работы по идентификации преступника по почерку, следствие отработывало еще одно направление: в расходно-приходном ордере из сберкассы рукой нападавшего были указаны две фамилии – «Станиславский» и «Рубцов Николай». Следствие предположило, что преступник машинально написал фамилии людей, которые могли иметь отношение к преступникам или их окружению. В ходе оперативных мероприятий были установлены все мужчины подходящего возраста, носящие такие фамилии, не только в области, но в целом и по стране. Таких набралось несколько тысяч.

Одних только Рубцовых, носящих имя Николай, оказалось более тысячи двухсот человек. Все они подлежали проверке: живущих в других регионах страны проверяли местные правоохранители, проживающих в Пермской области проверяли собственными силами. Хорошо организованная, мощная и отлаженная система уголовного розыска Советского Союза позволяла успешно проводить такие крупномасштабные проверочные мероприятия на одной шестой части территории земного шара.

Этим направлением работы также занимался начальник отдела по особо важным делам областного управления уголовного розыска полковник А. М. Петров – опытнейший оперативник и прекрасный аналитик, а кроме того, интеллектуал и книголюб.

В процессе проверки всех, носящих фамилию Рубцов, в базе данных среди других появилась фамилия и Рубцова Николая Михайловича, тогда еще не очень известного у нас вологодского поэта. Петров каким-то образом сумел раздобыть томик стихов поэта «Звезда полей» (приобрести хорошую книгу в то время было непросто, это был большой дефицит). Тогда же в

издававшемся журнале «Вопросы литературы» я ознакомился с большой публикацией о творчестве и трагической судьбе Николая Рубцова. Необыкновенная поэзия, передающая любовь поэта к родной земле и своей малой родине, производила неизгладимое впечатление и не могла оставить равнодушным.

Однако выяснилось, что поэт к тому времени нелепо и трагически погиб. Произошло непоправимое: его, пьяного, в споре задушила любимая женщина, тоже поэтесса, которую он вскоре собирался повести в ЗАГС, чтобы назвать своей женой, уже назначены были день и час бракосочетания. После совершения преступления, давая показания, убийца собственноручно в протоколе запишет: «Меня всегда поражала огромная разница между Рубцовым-поэтом и Рубцовым-человеком. Я удивлялась, откуда у этого вечно пьяного, злобного, крикливого человечка берутся эти дивные звуки божественного откровения. Рубцов был истинный настоящий поэт, но его удивительный талант был погублен алкоголем». Но ведь женщина не могла не понимать, что именно она, лишив жизни поэта, одновременно убила вместе с ним и его дивный талант... Произошедшего, однако, было не вернуть.

Его лирические стихотворения «Русский огонек», «В горнице моей светло», «Сергей Есенин», «Тихая моя Родина», «Березы», «Звезда полей», «Видения на холме», искренние и пронзительные по смыслу и звучанию, запоминались мне навсегда. Да и вдумайтесь, как могли не запомниться такие бесмертные строки из его «Видения на холме»:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину.
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Последняя строчка из этого стихотворения начертана на надгробье поэта в месте его вечного упокоения на городском кладбище Вологды.

Работа с фамилиями лиц, указанных в расходно-приходном ордере, не привела к положительному результату. Уже гораздо позднее выяснится, что преступник указал там совершенно случайные, первые пришедшие ему в голову, фамилии, не имевшие к нему и к совершению преступления никакого отношения.

Однако благодаря этому мы открыли для себя чудесное творчество прекрасного русского поэта, патриота земли родной Николая Рубцова.

При осмотре места происшествия в селе Лобаново был обнаружен журнал регистрации проверяемых на КП ГАИ проезжавших машин. Он содержал в себе сотни фамилий и государственных номеров автотранспорта. Водители и владельцы этих машин также подверглись тщательной проверке оперативниками. Особенное внимание было обращено на тех из них, кто останавливался для проверки сержантом Ноховым во время его дежурства. Погибший был человеком честным и бескомпромиссным, он останавливал для проверки даже своих коллег, не шел на сделки с нарушителями и не поддавался на их уговоры. Это могло стать причиной возникновения неприязненных отношений и возможной причиной нападения на него. Эта версия тоже была отработана следственным путем, но на преступный след не вывела.

Тщательно проверялись образ жизни самих потерпевших, их связи, наличие с кем-либо неприязненных отношений, которые могли послужить, кроме всего прочего, и причиной их убийства. Все потерпевшие характеризовались по работе и окружающими положительно, в неприязненных отношениях с другими не состояли, поэтому версия о совершении в отношении каждого из них убийства из неприязненных или каких-либо иных личных отношений отпала после выяснения всех этих обстоятельств.

Были также опрошены тысячи граждан, проживающих или

находившихся вблизи мест совершения преступления, которые могли что-то видеть. Оперативно проверялись любые сигналы и сообщения о возможной причастности к совершению преступлений различных лиц и преступных групп. По всей стране были разосланы ориентировки.

Над раскрытием преступлений работало большое количество следователей и оперативников. Достаточно сказать, что только официально в состав следственной группы были включены тридцать четыре следователя, не считая большого числа оперативников уголовного розыска на местах.

Преступления все еще не были раскрыты, у следствия все еще оставались открытыми многие вопросы, требующие ответа. Один из таких вопросов: как получилось, что в ночь на 24 декабря 1974 года почти одновременно были убиты два работника милиции – Нохов и Мальцев. Сама собой напрашивалась версия о возможной взаимосвязи, существующей между двумя убитыми, людьми, казалось бы, не знакомыми ранее друг с другом. С другой стороны, преступники воспользовались услугами и машиной Мальцева, который, возможно, мог быть соучастником преступления, и от которого по неизвестным пока причинам его сообщники могли избавиться, убив его после нападения. Тем более что к тому времени выяснилось, что ранее имел место случай задержания Ноховым на посту КП ГАИ одного из коллег Мальцева по работе в отделении ГАИ Мотовилихинского РОВД Перми.

Работники этого отделения ГАИ попали в поле зрения следствия. Началась их проверка на причастность к совершению нападений. При отработке этого направления появились показания имеющего судимость Ивана Ширинкина, из которых следовало, что к нападению на Нохова и Мальцева причастны их коллеги из данного отделения ГАИ, среди которых Ширинкин якобы ранее подвизался и был с ними на «дружеской ноге». Показания его выглядели достаточно правдоподобно, и какие-то названные обстоятельства полностью или частично совпадали с объективной картиной совершенного преступления.

Вывезенный на место преступления для следственного эксперимента по проверке его показаний, он смог только приблизительно указать обстоятельства совершенного преступления – нападения на КП ГАИ. На очных ставках он активно изобличал своих бывших знакомых. Весной 1977 года Ширинкин и еще четыре названных им лица, двое из которых являлись работниками милиции, были арестованы. Половина из них категорически отрицала свою причастность к совершению нападений, другие заговорили не сразу, но признались в содеянном.

Однако показания арестованных носили неконкретный характер и требовали уточнений, поскольку имелись несовпадения с фактическими обстоятельствами, установленными следствием, и тем, что они рассказали. Их проверка заняла не один месяц активной работы, пока не стало ясно: Ширинкин, с непонятной, одному ему известной целью, используя ставшую общеизвестной информацию, в том числе и от «сданных» бывших «приятелей», ловко использовал ее при совершении ложного доноса. К январю 1978 года версия о причастности этой группы к совершению нападения окончательно рассыпалась.

Между тем расследование дела ни на один день не приостанавливалось. Работа по нему продолжалась. 23 мая 1978 года дело было принято к производству старшим следователем по особо важным делам при Прокуроре РСФСР старшим советником юстиции Олейником Владимиром Ивановичем. Опытный, энергичный, профессионал и хороший аналитик, он изучил материалы дела и составил план дальнейшего расследования по делу, приступив к его реализации. Вновь отрабатывались различные версии, проверялись различные лица, снова до тошно выяснялись, казалось бы, уже известные подробности. Количество томов дела продолжало увеличиваться.

Так в поиске прошло еще три года. Наступил 1981 год. Как и раньше, следствие и уголовный розыск активно и тесно взаимодействовали между собой, планируя и осуществляя совместные мероприятия, действуя, как говорится, рука об руку.

Без такой совместной координации правоохранителей невозможным было бы раскрытие преступлений. Помимо возрастающего все это время объема следственных материалов, поступал огромный поток оперативной информации, которую необходимо было проанализировать и сопоставить со следственными документами.

Изучением и систематизацией оперативной информации занимался старший инспектор по особо важным делам управления уголовного розыска подполковник Попов Михаил Григорьевич, который работал по этому делу с самого первого дня. Невысокого роста, неприметный, скромный, вежливый, он носил большие очки, придававшие ему ученый вид. Но за его внешней безобидностью на самом деле скрывался опытейший оперативник с многолетним стажем работы, обладавший энциклопедическими знаниями и памятью, большим жизненным опытом и просто высокообразованный, доброжелательный и коммуникабельный человек. Осенью 1981 года в руки Попова попала поступившая оперативная информация, в которой сообщалось, что один из сидельцев следственного изолятора Москвы поведал, что он общался с мужчиной, который рассказывал ему, что совершил нападение на инкассаторов в сберкассе городе Перми.

Случаев нападения на инкассаторов в области не было зарегистрировано, и интуиция подсказывала Михаилу Григорьевичу, что это как-то может быть связано с расследуемым делом. Он без промедления направился в Москву, там нашел заключенного и от него узнал фамилию подозреваемого. Так в поле зрения следствия попал Олег Ведерников, 1950 года рождения, который в 1974–1975 годах являлся студентом третьего курса зоотехнического факультета Пермского сельскохозяйственного института.

Дальнейшее было делом, как говорится, техники, однако весьма непростой и филигранной. Следователь В. И. Олейник сумел тактически и психологически правильно построить допросы задержанного подозреваемого. Через двое суток, 22 ок-

тября 1981 года, тот потребовал бумагу и ручку и собственноручно написал на имя Генерального прокурора Союза ССР явку с повинной, в которой указал, что все нападения им совершены вместе с младшим братом Игорем Ведерниковым, 1953 года рождения. Сделал Ведерников это только после того, как ему объявили, что он будет предъявлен для опознания каскиру Никоновой, которую он ранил при нападении пятью выстрелами, но она осталась жива, и часовому Ратегову, который был тоже им ранен.

Личное дело студента Ведерникова с образцами его почерка также было незамедлительно отыскано и изъято, о чем подозреваемый был уведомлен и уже не строил никаких иллюзий относительно того, каким может быть вывод экспертов-почерковедов по написанному его рукой тексту в расходно-приходном ордере, оставленном на месте нападения в сберкассе. Надо было спасать свою жизнь. В этом деле явка с повинной могла, как полагал убийца, оказаться для него не лишней и весьма полезной.

О. Е. Ведерников поведал, что, неоднократно обдумывая и обсуждая дальнейшее житие-бытие вместе с младшим братом Игорем, они пришли к твердому убеждению: чтобы хорошо жить, нужны немалые деньги, которые невозможно так просто, честным трудом, заработать. Они к тому времени твердо усвоили, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Нужно было совершить крупное ограбление сберкассы или инкассаторов, чтобы заполучить большую сумму, которой хватило бы на хорошо обеспеченную (собственный дом, вилла у моря, престижный автомобиль) дальнейшую жизнь.

Для осуществления задуманного требовалось серьезное оружие – не пойдешь ведь на ограбление сберкассы с ножом в руках, – и чтобы заполучить пистолет, они совершили заранее подготовленное нападение на постового Нохова на КП ГАИ в селе Лобаново, которое им успешно удалось. Подвожившего их на автомобиле «Жигули» случайно подвернувшегося води-

теля Мальцева убрали, застрелив как нежелательного свидетеля, не зная, что тот является работником милиции.

Завладев оружием, братья совершили нападение на сберкассу сразу после ее открытия, но тут уже все пошло не так, как было задумано. Во-первых, мешала случайная посетительница, которая оказалась в помещении сберкассы, когда они туда явились, и пришлось ждать, пока она уйдет. Затем две женщины-кассиры не дрогнули и отказались, даже под угрозой оружия, выполнить требование о выдаче денег, да еще успели нажать на тревожную кнопку. Расстреляв обеих, преступники вынуждены были, несолоно хлебавши, уносить ноги, едва успев скрыться с места совершения преступления, и затеряться среди прохожих в самом центре города.

Неудача не обескуражила братьев. Они решили совершить нападение на инкассаторов, которых уже не один день выслеживали у центральной сберегательной кассы Ленинского района города Перми, изучая маршрут и время их появления там.

Вновь понадобилась машина. Автомобиль «Жигули» братья остановили прямо на загородной дороге, пожилого водителя Шерстнева застрелили из пистолета, труп его выбросили. На похищенном автомобиле в тот же день прибыли на подготовленное ими место засады на инкассаторов, заняли заранее подготовленные позиции для нападения и стали ожидать появления добычи. Напряженно шли минуты ожидания, но... инкассаторы в тот день просто не приехали.

Тогда Ведерниковы, понимая, что долго пользоваться захваченной машиной они не смогут – ее и водителя наверняка вскоре будут искать, – решили использовать ее «по полной»: для нападения на воинский караул пункта гарнизонного кинопроката, чтобы добыть более серьезное оружие – автомат Калашникова. С таким оружием можно было в дальнейшем смело идти на любых инкассаторов. Этот объект для нападения предприимчивые братья также присмотрели и уже заранее изучили.

Ранним утром Ведерниковы напали на воинский пост. Часо-

вой проявил бдительность и успел поднять тревогу, несмотря на полученные ранения. Из караульного помещения на помощь выбежал дежурный наряд. Братья бросились наутек, оставив автомобиль, который не смогли завести. Удача окончательно отвернулась от них.

Братья Ведерниковы были неглупы и предусмотрительны. Готовясь основательно к осуществлению своих преступных планов, решили подстраховаться и обезопасить себя, а для этого Олег Ведерников с ноября 1974 года оформился внештатным инспектором уголовного розыска Ленинского РОВД, а Игорь Ведерников с мая 1975 года заступил на службу в тот же отдел внутренних дел в качестве милиционера отдела вневедомственной охраны.

Таким образом, по мнению братьев, вероятность быть заподозренными в этих преступлениях стала минимальной, а еще они рассчитывали на возможность доступа к информации по розыску преступников. После совершенных нападений братья сжигали свою одежду, уничтожая улики. Сложилась почти курьезная ситуация – они стали испытывать недостаток одежды, а денег на покупку новой добыть не удавалось, о чем горестно поведал на очередном допросе Олег. Действия братьев-разбойников были квалифицированы по статье 77 УК РСФСР (бандитизм).

Банда братьев Ведерниковых прекратила свое существование по независящим от них причинам: осенью 1976 года Игорь Ведерников был осужден к четырем годам лишения свободы за кражи. Тогда же сожительница одного из братьев, Ольга Гиль, случайно и втайне от них, обнаружила пистолет, и, опасаясь, что братья, отношения между которыми из-за нее уже окончательно испортились, могут на почве ревности перестрелять друг друга, сообщила об этом их родителям. Те, недолго думая, решили избавиться от оружия, и уже втроем они принесли пистолет на автомобильный мост через широкую и быструю реку Кама и выбросили его в ее голубые воды, как говорится, от греха подальше. Так перестала существовать эта банда.

*Опознание оружия
отцом обвиняемых*

Однако мечта о красивой и обеспеченной жизни не покинула братьев. В июле 1979 года Игорь Ведерников был условно освобожден из мест не столь отдаленных. Братья не оставили занятия преступным промыслом, однако сменили вид деятельности и переквалифицировались для начала в обычных квартирных воров – «домушников».

В декабре 1979 года братья в городе Свердловск (ныне Екатеринбург) поживились немалым количеством имущества граждан, квартиры которых они обокрали на значительные суммы. Все сошло гладко. Потом Олег уехал в

город Львов и, не удержавшись от искушения, ограбил там женщину, за что был осужден и попал в места лишения свободы. Между тем, вернувшись в Пермь, его брат Игорь совершил еще несколько удачных квартирных краж. Преступное дело стало налаживаться и приносить доход.

Летом 1981 года, освободившись из мест лишения свободы, Олег Ведерников сразу же включился в «работу» и стал промышлять разбоем в городе Жданов. Не терял времени зря и его младший брат Игорь, который самостоятельно, отдельно от брата, сколотил воровскую артель из таких же, как он, «домушников», и они развили активную преступную деятельность. География совершенных ими краж из квартир расширилась – Москва и Казань, Московская и Владимирская области. Крали все, что могли унести и что представляло ценность, – шубы, ковры, бытовая техника, золотые изделия, деньги. Шайка не брезговала и мелочёвкой – коробкой конфет, маникюрным набором, коробкой с пудрой, бутылкой вина, очками, рубашками

и даже плавками и ложками. Воровать, так воровать... Похищенное в основном перепродавали, но кое-что оставляли и себе.

Арестованный по делу о нападениях Игорь Ведерников не сразу, но под давлением улик был вынужден признаться в нападениях, совершенных совместно со старшим братом Олегом, а также совершении серии краж личного имущества у граждан. Братья-бандиты, арестованные в Москве, были этапированы спецконвоем в Пермскую тюрьму, где продолжились их допросы с проведением видеозаписи. Для этого использовался поступивший в кабинет криминалистики областной прокуратуры комплект новой импортной видеотехники из числа первой партии, закупленной Прокуратурой Союза ССР в Японии.

*Прокурор-криминалист В. А. Рева проводит видеосъемку
на месте убийства*

Техника была несколько громоздка, но это компенсировалось прекрасным качеством цветного изображения и звука, и мы быстро ее освоили. Звук записывался на встроенный в камеру микрофон, это было удобно, когда запись велась в помещении, например в следственном кабинете, на небольшом расстоянии от допрашиваемого.

Сложнее было при выезде на местность для проверки показаний, когда снимаемый фигурант должен был отдалиться от

снимающей его камеры на расстояние десяти и более метров по обстоятельствам происшествия, да еще на открытой местности, где сильные помехи создавали посторонние звуки, и даже порывы ветра заглушали речь участника следственного действия. Но и тут был найден выход – приобрели специальный экранированный кабель (благо он выпускался на предприятии «Камкабель» в Перми), и стали использовать выносной микрофон на большом расстоянии от камеры – без ущерба для звука и изображения.

По просьбе В. И. Олейника видеосъемкой занимался лично я, и поэтому слышал и видел все непосредственно во время рассказов на допросах и показаний на местах совершения преступлений поочередно обоими братьями Ведерниковыми.

Выше среднего роста, крепкие и статные молодые люди, даже несколько интеллигентного вида, фотогеничные, они никак внешне не походили на злодеев-убийц. Лидером среди них был явно Олег. Оба они не высказывали ни малейшего сожаления по поводу убитых и раненных ими людей, скорее сквозила скрываемая досада от того, что добыть при этом денежных средств не удалось и что они попались в руки следствия.

Так, рассказывая, как они оказались в автомашине под управлением Мальцева, на которой ехали убивать Нохова, Олег Ведерников пояснил, что когда тот, по их просьбе, остановил автомашину на улице города и спросил, куда ехать, они назвали ему сумму – шесть рублей и пункт следования – село Лобаново. Мальцев сначала отказался и отъехал от них, но затем развернулся и вновь подъехал к ним и дал согласие отвезти их. Тогда братья между собой решили, у водителя – «такова его судьба»: они уже заранее планировали убийство ненужного им водителя-свидетеля после нападения на КП ГАИ. Действительно, от судьбы не уйдешь...

Братья о своей дальнейшей участи иллюзий не питали. Както на допросе Олег обронил фразу, что первое убийство ими было совершено во вторник, и расстреляют их, наверное, тоже во вторник.

При выездах на места совершения преступлений оба брата поочередно, дополняя друг друга, до мельчайших подробностей и очень точно рассказали об обстоятельствах нападений и убийств, что полностью соответствовало объективным, установленным следствием данным, знать которые могли только лица, совершившие эти преступления.

Все выезды фиксировались видеозаписью, но все же не обошлось без накладок: однажды, уже по завершении производства следственного эксперимента во время выезда на место нападения с Олегом Ведерниковым, произошел незаметный обрыв одного из контактов выносного микрофона, и поэтому пропал звук. Выяснилось это только при воспроизводстве записи в конце следственного эксперимента. Пришлось дополнительным следственным действием с участием все тех же понятых озвучивать эту часть видеозаписи, во время чего обвиняемый весьма охотно прокомментировал показанное им, и даже добавил от себя подробности, о которых не упоминал ранее. Неисправность техники немедленно устранили.

Свидетель Ольга Гиль рассказала следствию, что ее сожитель Олег Ведерников рассказывал, как он с братом Игорем совершил нападения на КП ГАИ Лобаново, на сберкассу, на пункт кинопроката. Она обнаружила у него пистолет и вместе с его родителями выбросила его в реку Каму. Она же спрятала его личное дело студента от следователей.

Родители братьев подтвердили, что они тоже участвовали в избавлении от главной улики разбойных нападений – пистолета Макарова, выбросив его в реку Кама, и что Гиль рассказывала им о совершении нападений их сыновьями. Дело в отношении укрывателей было прекращено в связи с истечением срока давности.

Судебно-биологической экспертизой было установлено, что из двух волос, изъятых при осмотре автомашины «Жигули», принадлежащей Мальцеву, один мог быть оставлен Олегом, а другой – Игорем, то есть обоими братьями Ведерниковыми.

Почерковедческой экспертизой было установлено, что руко-

писный текст в расходно-приходном ордере, обнаруженном на месте нападения в сберкассе, написан О. Е. Ведерниковым.

Кассир Никонова во время следствия и в суде опознала Олега Ведерникова как лицо, стрелявшее в нее. Военнослужащий Ратегов, видевший в момент нападения на него преступников, опознал в них обоих братьев.

Пистолет Макарова, используемый братьями при совершении преступлений, возможно, остался лежать где-то на дне глубокой и могучей реки Камы, притока великой русской реки Волги. В течение почти двух месяцев бригада водолазов пыталась безуспешно отыскать его под многочисленными слоями ила, скопившегося за более чем семь лет. Мог он лежать и в другом неизвестном месте, поскольку до водолазов там неоднократно в период навигаций производили работы земснаряды, расчищающие и углубляющие судоходное русло реки. Пистолет так и не удалось найти, но это уже не имело существенного значения и ничего не могло изменить по делу.

Зачастую можно услышать, что раскрыть преступление помог случай. Что же, такое тоже бывает иногда в следственной практике, но намного реже, чем хотелось бы. Следствие и розыск не могут уповать и рассчитывать на случайность. Случай они должны создавать сами, в данном расследовании – упорной и длительной работой. Образно говоря, работу по описываемому делу можно сравнить с работой рыболовецкой артели, которая постоянно закидывает и ловит рыбу, какая попадет в сеть, только с тем отличием, что следствие и розыск должны отыскать и выловить только ту единственную и нужную «рыбу» – столь разыскиваемых опасных преступников.

Понятно, что в сеть розыска и следствия попутно, в процессе работы, попалась и другая преступная «рыба», помельче. В процессе расследования данного дела попутно было раскрыто более семисот других, не связанных с ним преступлений. Около тысячи других преступников по приговорам судов вынужденно направились в местности, о которых в народе принято было говорить «места, куда Макар телят пасти не гонял».

Даже накладка на первоначальном этапе следствия, когда сообщнице преступника удалось скрыть его личное дело с образцами почерка от проверяющих, не спасло преступников от наказания, а только на время отстрочило наступление возмездия. Случайностей в таких делах не бывает.

30 сентября 1983 года следствие по делу было завершено. Сто сорок томов уголовного дела были переданы для рассмотрения в Пермский областной суд. Вместе с обвиняемыми братьями Ведерниковыми под суд по этому же делу угодили их подельники – четверо воров-домушников.

Как известно, преступниками, как и героями, не рождаются, а становятся. Почему братья Ведерниковы стали таковыми, дотошно выясняли следствие и суд. В своем приговоре суд беспристрастно указал: «Получив в семье искаженное представление о человеческих ценностях, социалистической морали и нравственности, измеряя отношения между родственниками и знакомыми только материальным достатком, у подсудимых Ведерниковых в различной степени развились такие отрицательные черты характера, как корысть, стяжательство, эгоизм, бездушие и жестокость. Отсутствие нравственных критериев, эгоистическое желание добиться жизненного успеха, не прилагая к тому трудовых усилий, привело И. Е. и О. Е. Ведерниковых к той черте, где чужая человеческая жизнь не представляла для них никакой ценности. Скрытные и коварные, ведя двойную жизнь, они противопоставили себя общепринятым нормам поведения в обществе. Преследуя корыстные цели, начиная с декабря 1974 года и до 1981 года, момента их задержания, не прекращали своей преступной деятельности, оставляли на своем пути убитых и раненых ни в чем не повинных граждан, опустошали жилища многих людей».

Судебное рассмотрение дела по их обвинению продолжалось почти семь месяцев. В течение двух дней, 2 и 3 июля 1984 года, член областного суда, председательствующий по делу Садовенко Василий Яковлевич оглашал приговор, которым

братья Ведерниковы были приговорены к исключительной мере наказания – смертной казни с конфискацией имущества. Их подельники по воровскому промыслу получили различные сроки лишения свободы.

При оглашении заключительной части приговора я находился среди присутствующих в большом зале областного суда. Рядом со мной стоял начальник областного управления уголовного розыска Яков Абрамович Вагин, талантливый организатор и руководитель, много сделавший для того, чтобы преступники были найдены, и дело дошло до приговора суда даже десять лет спустя. Услышав приговор убийцам, я и Вагин молча переглянулись между собой, и, без слов, пожали друг другу руки. Дело, пускай и через десять лет, закономерно пошло к своему логическому и справедливому завершению.

Прокурор-криминалист В. А. Рева и начальник управления уголовного розыска области Я. А. Вагин при оглашении приговора членам банды

Закончив оглашение приговора, судья задал предусмотренный уголовным процессом вопрос, понятен ли приговор подсудимым. И тут со скамьи подсудимых громко и отчаянно выкрикнул Олег Ведерников: «Это несправедливо!» Он не хотел

умирать, ему к этому времени исполнилось всего тридцать четыре года.

Тогда подумалось о том, что в жизни каждому отпущен свой срок, и он может распорядиться им, как пожелает и сможет, человек сам выбирает свой жребий и судьбу. Сам, наконец, ставит свою жизнь на кон.

Р. С. Приговор суда был приведен в исполнение, но не во вторник, как предполагал осужденный убийца Олег Ведерников, а в другой день недели. В эту же ночь вместе с расстрельным приговором братьям Ведерниковым был исполнен и такой же приговор в отношении другого осужденного – кунгурского маньяка-насильника и убийцы Гредягина.

Восточная мозаика

Утро 2 июня 1975 года в Перми выдалось прохладным и пасмурным, всего плюс два градуса выше нуля – и такая бывает погода летом на Среднем Урале. Я, тогда следователь районной прокуратуры, вылетел в командировку в Ташкент, на замену возвратившемуся оттуда из-за внезапной болезни Виктору Крайнову, своему коллеге и старшему следователю, для участия в расследовании уголовных дел, находившихся в производстве прокуратуры Союза ССР. Командировочное удостоверение мне было выписано сроком на два месяца, поэтому я, как и направившие меня мои руководители, наивно полагал, что по истечении срока командировки вернусь обратно домой. Тогда я еще не знал, что уезжаю на долгие одиннадцать месяцев.

Столица Узбекистана встретила меня ярким солнцем на голубом небосводе и тридцатидвухградусной жарой. По тамошним меркам, день был прохладным, но уже на следующий день погода пришла в обычную для того времени года норму: термометр стал показывать сорок пять градусов в тени.

Город произвел на меня прекрасное впечатление – новые

красивые дома, построенные после разрушительного землетрясения 1967 года. Ташкент был чудесен и своими фонтанами, и широкими и просторными проспектами и улицами, он утопал в пышной зелени деревьев, садов и скверов. В старой части города сохранился восточный колорит, его жители носили свою национальную одежду – традиционные разноцветные халаты. В центре Ташкента стоял величественный памятник В. И. Ленину, и виднелось множество красиво оформленных лозунгов коммунистической партии, призывающих к строительству коммунизма, интернациональной дружбе народов СССР, к объединению пролетариев всех стран, а также ряд здравниц в адрес руководителей КПСС и их портретами.

Не меньшее впечатление произвело на меня наличие на улицах Ташкента множества мангалов, на которых готовились шашлыки из баранины. Смешно сказать, продавались они по цене двадцать одна копейка за порцию, нанизанную на один шампур, тут же можно было купить в придачу кусок хлеба за одну копейку, и, добавив еще восемнадцать копеек, бутылку пива производства местного пивного завода.

В центре города располагалась построенная в восточном стиле известная чайхана «Голубые купола», где всегда можно было отведать вкусные блюда национальной узбекской кухни – плов, лагман, шурпу и многое другое, по весьма сходным ценам.

В продовольственных магазинах в изобилии были мясные, колбасные и молочные изделия, местные вина и другие продукты. После пустых прилавков Перми, где не наблюдалось подобного изобилия и обходительного обслуживания, где дефицитом было все, кроме хлеба, водки, сахара и соли, а в придачу к этому еще и выстраивались длинные очереди в магазинах, сразу вспоминалось известное изречение: «Ташкент – город хлебный».

Охватывало чувство досады за свой родной край, глядя на это радующее взор изобилие. В Пермской области, этом промышленном крае, добывались нефть, уголь, лес, титан, ал-

мазы, производились калийные удобрения, цемент, бумага, работали шахты и рудники, плавил металл, изготавливали ракеты и пушки, двигатели к самолетам, буровое оборудование и многое другое, что шло на обеспечение всей огромной страны. Кроме того, наша область была одним из финансовых доноров для государственного бюджета, но при всем этом обеспечение населения продовольствием было очень плохое, и не шло ни в какое сравнение с увиденным в Ташкенте.

Следственная группа прокуратуры СССР дислоцировалась в новом современном и комфортабельном здании МВД Узбекской ССР, куда я и прибыл для представления руководителям следствия: начальнику следственной части прокуратуры Союза ССР Каракозову Герману Петровичу и старшему следователю по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР Звереву Юрию Александровичу. Оба статные, крепкие и импозантные мужчины зрелого возраста с изучающим взглядом, они задали мне необходимые в таком случае вопросы и сразу же направили в группу Ковалева Олега Илларионовича, следователя по особо важным делам при Главном военном прокуроре, для участия в расследовании конкретного уголовного дела – по обвинению в получении взяток бывшего члена Верховного Суда Т. Абдуллаева, ставшего затем старшим консультантом Министерства юстиции Узбекской ССР, а ранее занимавшего должность председателя Ташкентского городского суда.

Материалы следствия о получении Абдуллаевым взяток были выделены в самостоятельное уголовное дело № 3/47278-75 из другого, расследуемого Прокуратурой СССР уголовного дела № 3/47251-75 по фактам взяточничества Председателя Верховного Суда Узбекской ССР С. Х. Пулатходжаева, его заместителя М. Сиддикова и некоторых других судебных сотрудников, в том числе и членов Верховного Суда республики. Это было одно из тридцати девяти дел, расследуемых прокуратурой Союза ССР в Узбекистане, о некоторых других делах я расскажу далее.

По этим делам, которые все завершились направлением в

суды, работала большая группа следователей: три старших следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР – Зверев Юрий Александрович, Любимов Юлий Дмитриевич и вновь назначенный Маврин Константин Иванович; два следователя по особо важным делам при Главном военном прокуроре – полковники юстиции О. И. Ковалев и В. Г. Гольст; шесть старших следователей по особо важным делам при прокурорах республик (Россия, Белоруссия, Украина, Литва, Киргизия, Узбекистан) и несколько десятков прикомандированных, таких, как я, следователей из прокуратур различных областей и республик страны и несколько следователей МВД, представлявших разные следственные школы. Почти все они были старше меня и имели больший, чем у меня стаж и опыт следственной работы. Народ подобрался серьезный, настроенный на работу по-настоящему.

В такой команде было чему поучиться и, самое главное, набраться необходимого практического опыта и знаний. Группа следователей из Белоруссии во главе со старшим следователем по особо важным делам при Прокуроре Белорусской ССР Виктором Королевским привезла с собой даже оригинальный станок для подшивки томов дела (такой я увидел там впервые). Прибывший из прокуратуры Татарстана старший следователь Кафиль Амиров привез немалую весом пишущую машинку (компьютеров тогда еще не было вообще). Словом, люди приехали работать. В дальнейшем и работали, не считаясь с личным временем и почти без выходных дней.

Подгонять следователей нужды не было – каждый стремился быстрее закончить расследование объемного дела в установленные законом сроки. Кроме того, каждый желал пораньше вернуться в родные пенаты, где помимо родных и близких, их с нетерпением ожидали коллеги и руководители прокуратур, откуда они были командированы в Узбекистан. Ведь следственный «конвейер» нигде не простаивал, дел на местах всегда хватало. Вместо отправленного в командировку следователя работу за него приходилось делать его оставшимся коллегам,

что повышало нагрузку на них. Тем самым оголялся следственный фронт борьбы с преступностью в других местах.

Понятно, что расследование дел в Узбекистане было также связано с необходимостью разъездов как внутри республики, так и за ее пределами для проведения различных следственных действий. Так, мне пришлось слетать и побывать в городах Фергане, Ургенче, Хиве, а также на Северном Кавказе – в городах Кисловодске, Георгиевске, Грозном, Нальчике, где я допрашивал свидетелей и производил выемку документов.

Выход на место со взяточдателем в г. Ургенче

Забегая вперед, скажу, что за это время по-настоящему удалось отдохнуть всего один раз. В жаркое августовское воскресенье наш руководитель Ю. А. Зверев организовал выезд бригадников на водохранилище, называемое местными жителями «Ташморе», и представляющее собой огромное искусственное гидросооружение. Живописен и красив был окружающий пейзаж на фоне зелено-голубой глади водохранилища. Отведали мы тогда великолепно приготовленного шашлыка с зеленью и овощами. Как водится, к такой закуске была подана винная порция. Купались, загорали. Я впервые увидел там плавающих змей, которые плескались в воде недалеко от нас.

Несмотря на хорошую, располагающую к отдыху обстановку, каждый, похоже, думал о своем доме. Поэтому когда кто-то запел, все, почти не сговариваясь, дружно и проникновенно подхватили простые слова известной песни из кинофильма «Освобождение»: «А я в Россию домой хочу, я так давно не видел маму...» Поздно вечером мы вернулись в двухместные номера в гостинице «Россия», где проживали, чтобы на следующий день с утра снова приступить к работе.

Наша следственная группа не была первой: до нас, в середине 1960-х годов, в Ташкенте уже работала следственная группа Прокуратуры СССР. Тогда за взятки был привлечен к уголовной ответственности и осужден прокурор города Туполев, родственник знаменитого авиаконструктора.

В состав следственной группы, возглавляемой О. И. Ковалевым, входил следователь районной прокуратуры из Харькова Кравченко Григорий Григорьевич, с которым мы стали напарниками и разместились в одном кабинете на третьем этаже здания МВД. Григорий, старше меня на десять лет, был опытным следователем, ранее уже работавшим в следственных бригадах, о чем он мне неоднократно с удовольствием и рассказывал. Он же ввел меня в курс дела, по которому нам обоим теперь предстояло работать.

Нашему фигуранту Абдуллаеву вменялись шесть взяток на общую сумму 8 700 рублей, получение которых он категорически отрицал. В течение нескольких дней я ознакомился с имеющимися материалами дела, а затем вместе с Кравченко, с которым у меня сразу сложились добрые личные и рабочие отношения, мы составили подробнейший план дальнейшего следствия. Наш непосредственный руководитель, О. И. Ковалев, согласился с этими предложениями, и мы приступили к их реализации.

Наш обвиняемый был опытным и грамотным юристом, ранее он работал в органах прокуратуры начальником следственного отдела, а затем заместителем прокурора города Ташкента. Понятно, что в вопросах и тонкостях следствия он

разбирался не хуже нас, и был, безусловно, достойным противником. Именно поэтому мы решили вдвоем провести его допрос по всем инкриминируемым ему эпизодам, и для этого тщательно подготовили и сформулировали большой перечень, свыше ста вопросов. Вопросы распределили между собой и определили их очередность. По сути, подготовили своего рода интеллектуальный штурм – допрос, состоящий из целенаправленных вопросов, выстроенных в единую, понятную только нам систему, и преследующий нужную нам цель. Но и не только это.

Одним из эпизодов этого дела была взятка за оказанное содействие: в апреле 1973 года Абдуллаев, будучи старшим консультантом Министерства юстиции Узбекской ССР, получил от Агзамова Адила в качестве взятки магнитофон «Юпитер-201-стерео», стоимостью 500 рублей. В 1972 году он свел А. Агзамова с председателем народного суда Кировского района города Ташкента Азизходжаевым, рассматривавшим уголовное дело по обвинению сына Агзамова, проходившего по делу о разбойном нападении на инкассаторскую машину, и в отношении которого было выделено в отдельное производство дело.

При обыске в квартире нашего обвиняемого предмета взятки не было обнаружено, сам же он, естественно, отрицал получение этой взятки. Взяткодатель Агзамов, однако, на допросе рассказал, что он приобрел на торговой базе одновременно сразу два одинаковых магнитофона, не отличающихся по внешнему виду друг от друга. Один из них он передал в качестве взятки Абдуллаеву, а второй оставил себе, при этом магнитофон для Абдуллаева был доставлен упакованным в две коробки прямо на квартиру нашего обвиняемого подчиненным грузчиком взяткодателя. Данное обстоятельство нас крайне заинтересовало. Мы попросили Агзамова, который также содержался под стражей по другому, «своему» делу, предоставить нам имеющийся у него дома магнитофон. По нашей просьбе он позвонил прямо из нашего кабинета своим домашним, и через пару часов магнитофон, полная копия пе-

реданного в качестве взятки, уже красовался у нас на столе.

Дальше мы решили поставить себя на место нашего обвиняемого и представить его реакцию, когда он увидит в нашем кабинете стоящий на столе магнитофон, полученный им в качестве взятки. Скорее всего, полагали мы, его первой мыслью будет – следствие сумело найти предмет взятки, иначе как магнитофон мог появиться у следователей. Другого разумного и логичного объяснения сразу подобрать было крайне затруднительно и непросто, в любом случае ему надо будет давать какие-то пояснения, связанные с этим.

Помимо этого магнитофона, тут же рядом в кабинете поставили другой, портативный магнитофон, на который велась запись всего хода допроса, тем более что применение научно-технических средств, таких как запись на магнитную ленту, рекомендовалось использовать в необходимых случаях. Кроме того, допрашиваемый уже не мог заявить потом, что он того или иного не говорил, или следователь неправильно записал его показания. Вообще я заметил, что ведение магнитофонной записи, о чем уведомляется до начала допроса, дисциплинирует допрашиваемых, и они более ответственно относятся к сказанному ими, что, правда, никак не гарантирует, что их показания не будут ложными.

Конвой ввел в наш кабинет пятидесятилетнего мужчину, высокого роста, стройного, внешне интеллигентного – нашего подследственного. Мой напарник представил меня, и мы приступили к допросу, включив магнитофон. Было видно, что Абдуллаев был несколько озадачен и сбит с толку находящимся на столе, явно знакомым ему предметом – магнитофоном, который стоял прямо перед ним и заметно нервировал его своим видом и нахождением здесь. Последовали четкие и конкретные вопросы. Дошла очередь и до магнитофона. Вопрос-ловушка был сформулирован очень просто: «Поясните, что вы можете сказать по поводу находящегося на столе предъявленного вам магнитофона марки «Юпитер-201-стерео»? О том, откуда магнитофон и как он оказался у следствия, естественно,

ему не сообщили, сделав «фигуру умолчания». Да он и не стал спрашивать, для него, похоже, все стало понятно – нашли следователи все-таки магнитофон.

Обвиняемый, до этого все отрицавший, растерялся и не смог сразу что-либо ответить. Возникла короткая пауза. Было видно, что он лихорадочно пытается найти ответ. Однако крутящаяся кассета с магнитной лентой, записывающей ход допроса на портативный магнитофон, явно не давала ему времени на раздумье и как бы торопила и подгоняла с ответом. Надо было что-то отвечать. Простой по форме вопрос, в сочетании с представленным на его обозрение аналогом предмета взятки, оказался для него тяжелым и непосильным испытанием. Загнанный в тупик, Абдуллаев признал, что магнитофон ему принес какой-то парень прямо в квартиру и сказал, что это от Агзамова Адила. То есть, по сути, он признал получение предмета взятки. В дальнейшем о судьбе полученного магнитофона он пояснил, что якобы продал его за четыреста рублей неизвестному гражданину, а затем изменил показания, указав конкретную фамилию этого лица.

Все остальные инкриминируемые ему эпизоды получения взяток он упорно продолжал отрицать. Протокол (стенограмма) данного допроса обвиняемого составил сто десять листов.

Парня – грузчика Мухлиситдина – нашли быстро: он к тому времени проходил срочную службу в рядах Советской армии. По линии Главной военной прокуратуры он был срочно вызван на следствие и уже на третий день давал показания о передаче нашему обвиняемому предмета взятки – магнитофона.

Предъявленный на допросе магнитофон был сфотографирован, и его фототаблица вместе со справкой, объясняющей его появление на следствии, были приложены к делу. В дальнейшем, при ознакомлении с материалами дела по окончании следствия, с данной справкой ознакомился и обвиняемый. Он сразу обвинил следствие в провокации по поводу эпизода с

магнитофоном, поскольку на том допросе не знал, что ему был предъявлен аналогичный, хотя и точно такой, магнитофон. На это ему возразили: предъявляя обвиняемому магнитофон, мы и не утверждали, что он именно тот, который был получен им в качестве взятки. Сослались при этом на стенограмму допроса, в которой был абсолютно точно и дословно, слово в слово, зафиксирован весь ход допроса и задаваемые вопросы и ответы.

Обвиняемый перечитал подписанную им же самим стенограмму допроса. Придраться было не к чему, ни одна норма уголовно-процессуального права не была нами нарушена. «Все-таки обхитрили вы меня, ведь этот магнитофон я принял за тот самый», – с досадой грустно заметил он. По-видимому, обвиняемый так и не понял, что в данном случае следствие использовало тактический прием, который можно назвать еще «следственной хитростью», основанной на срабатывании эффекта, называемым в народе весьма просто: «на воре и шапка горит».

Помимо этого эпизода, Абдуллаеву вменялись другие факты получения взяток, а именно:

– В январе 1968 года через посредника Т. Ш. Алимова он получил взятку в сумме 2 000 рублей от гражданки Абдуллаевой Хакимы за передачу уголовного дела по обвинению ее сына Абдуллаева Бахтияра в убийстве гражданина Солодовника члену судебной коллегии по уголовным делам Ташгорсуда Сметанину – для рассмотрения этого дела и за обещанное содействие в смягчении наказания ее сыну;

– В том же месяце получил от матери подсудимого Абдуллаева Бахтияра гражданки Абдуллаевой Хакимы вторую взятку в сумме 3 000 рублей – за обещание оказать помощь в смягчении наказания ее сыну;

– В декабре 1969 года за снижение наказания осужденному Саидазимову получил от его жены, гражданки Саидазимовой Хури, через посредника Агзамова Адила взятку в сумме 2 000 рублей;

– В июле 1970 года за оказание содействия в смягчении наказания подсудимому Зиямову Шарабутдину получил в качестве взятки от Агзамова Адила два золотых браслета стоимостью 700 рублей;

– В 1970 году в несколько приемов получил в качестве взятки от директора продовольственного магазина № 16 Кабиров Каюма различные продукты питания на сумму 500 рублей за содействие в смягчении наказания его сыну Кабирову Алишеру, привлеченному к ответственности за групповое изнасилование.

Все эти эпизоды получения взяток обвиняемый не признавал, а последний эпизод вызвал у него особое возмущение, поскольку, по его мнению, он на этом фоне выглядел каким-то обычным мелким крохобором, а не уважающим себя должностным лицом. Однако взяткодатель твердо стоял на своем, указав ассортимент и стоимость продуктов, а допрошенный водитель служебной машины обвиняемого подтвердил получение этих продуктовых наборов в магазине и доставку их в квартиру шефа. Конкретные действия обвиняемого, направленные на смягчение наказания сыну взяткодателя, также были установлены.

В процессе нашего с ним общения обвиняемый Абдуллаев рассказал о некоторых малоизвестных событиях, небезынтересных, казалось бы, не относящихся к расследуемому делу, но вместе с тем характеризующих особенности отправления правосудия и царящие нравы.

Так, он рассказал нам о судебном процессе, имевшем место в 1969 году в Ташкентском городском суде, над боевым генералом, участником Великой Отечественной войны Григоренко Петром Григорьевичем, который поддерживал национальное движение крымско-татарского народа за возвращение в Крым. Григоренко был арестован в мае 1969 года и, по сути, стал одним из первых, малоизвестных в то время диссидентов в СССР. Случай по тем временам небывалый: советский генерал и вдруг «неправильно» себя ведет – требует уважать права человека.

Судебно-психиатрической экспертизой, проведенной известным в республике и за ее пределами психиатром профессором Ф. Ф. Детенгофом, было установлено, что П. Г. Григоренко «признаков психического заболевания не проявляет и вменяем». Но вменяемый генерал Григоренко власти был не нужен. Как судить боевого генерала? Поэтому, пояснил далее наш обвиняемый, его, как председателя Ташкентского городского суда, пригласили в административный отдел ЦК КП Узбекистана, где прибывшие ответственные работники из Москвы и предложили Абдуллаеву назначить повторную судебно-психиатрическую экспертизу в Институте судебной психиатрии имени В. П. Сербского. А чтобы у Ташкентского суда появились основания для назначения такой экспертизы, предложили вызвать и заслушать в суде свидетеля, который покажет, что якобы присутствовал при истеричном выступлении Григоренко на митинге. Так и поступили: назначили комиссионную экспертизу и этапировали арестованного генерала в Москву.

В Институте судебной психиатрии не подвели: «...страдает психическим заболеванием в форме патологического (парано-йального) развития личности с наличием идей реформаторства, возникших у личности с психопатическими чертами характера и начальными явлениями атеросклероза сосудов головного мозга. Нуждается в принудительном лечении в спецпсихбольнице», – указали в заключении эксперты. Все бы ничего, рассказывал дальше наш подопечный, но оставался открытым вопрос: как быть с первоначальным заключением о вменяемости подсудимого, данным профессором Детенгофом – компетентным и известным даже за рубежом ученым в области судебной психиатрии. Детенгофа тоже вызвали в ЦК КП. О чем с ним там говорили, Абдуллаеву неизвестно, но вызванный в суд в качестве эксперта Детенгоф заявил, что, пожалуй, согласится с выводами своих московских коллег-экспертов о невменяемости подсудимого Григоренко.

Суд вынес постановление о применении в отношении П. Г.

Григоренко принудительных мер медицинского характера, и тот на несколько лет оказался запертым в Черняховской специальной психиатрической больнице, откуда был выпущен только в 1974 году – под давлением широкой международной кампании за его освобождение. В 1997 году Президент России Б. Н. Ельцин подписал указ «Об увековечении памяти Григоренко П. Г.».

Впервые, внимательно слушая подобные откровения обвиняемого, я подумал про себя тогда, как же так получается, и разве это правильно и справедливо, чтобы нечистые на руку стряпчие с партийными билетами в карманах решали судьбу честного, не запятнавшего себя ничем боевого генерала за его высказывания в защиту прав человека. Сам собой возникал извечный и риторический вопрос: «А судьи кто?»

Наш подопечный Абдуллаев был тактичным и вежливым мужчиной, но однажды, при упоминании фамилии Я. С. Насриддиновой, его словно подменили. Насриддинова занимала высокий пост Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и была вторым лицом в республике после первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова. Она была амбициозной женщиной, и сложилась ситуация, при которой, образно говоря, «два медведя оказались в одной берлоге», то есть республике. Именно поэтому в 1970 году она была назначена на еще более высокую должность – председателя палаты национальностей Верховного Совета СССР – и переехала жить в Москву. Кроме того, по должности она стала также заместителем Председателя Верховного Совета СССР.

Как-то в перерыве между допросами, в разговорах не под протокол, речь зашла о ней, и тут нашего обвиняемого прорвало: «Она во всем виновата, власти ей, видишь ли, еще больше захотелось, из-за нее мы тут все и сидим». «Позвольте, – попытался возразить ему я, – но вам вменяются взятки, которые вы брали, причем тут Насриддинова?» Это только больше распалило Абдуллаева: «Тогда выслушайте, и все сами поймете», – сказал он. По его словам, Насриддинова, как «обычная

баба», и так добилась высот в жизни необыкновенных, и дальше бы ей сидеть, «поджав зад», и не высовываться. Так нет, захотела иметь еще больше. Своим подружкам намекнула, что вернется в республику из Москвы уже первым лицом и сменит на посту Рашидова, а до того, понятно, эти разговоры дошли сразу же, и Шараф Рашидович решил избавиться от такого опасного конкурента.

Рашидов, чтобы обезопасить себя, приказал своим людям в МВД республики взяться сначала за окружение Насриддиновой, людей вороватых, да еще и мздоимцев, занимающих немалые должности в республике. Одной из таких подруг Насриддиновой была Абдуллаева Хакима – директор крупной швейной фирмы «Юлдуз», а уголовное дело ее сына, обвиненного в убийстве строителя Солодовника, рассматривалось в Ташкентском городском суде, председателем которого Абдуллаев, на его беду, и оказался.

Дело об убийстве Солодовника было резонансным и наделало много шума. После страшного землетрясения 1967 года восстанавливать разрушенный город приехали строители со всего Советского Союза. Среди тех, кто прибыл помочь братскому узбекскому народу, был и отец троих малолетних детей Солодовник. Убит он был прямо на своем рабочем месте, на стройке, в ночное время, ударом ножа в сердце. Потерпевший имел неосторожность сделать замечание празднично шатающимся, забредшим на стройплощадку двум молодым подвыпившим парням, которые стали непристойно приставать к девушкам-строителям, работавшим там же, рядом с Солодовником. Убийцей оказался сын Хакимы – Бахтияр Абдуллаев. Вместе с ним был его приятель, Агабеков, которому убийца сумел незаметно подложить окровавленный нож в карман пиджака.

Убийство приезжего строителя потрясло всех и приняло нехорошее политическое звучание, поставив под сомнение дружбу людей разных национальностей. Было возбуждено уголовное дело, в котором стали происходить странные вещи. Зачем-то менялись «неугодные» следователи, судьи. Первона-

чально за убийство строителя осудили Агабекова, не совершавшего этого преступления. Все объяснилось потом очень просто – денег на взятки ради спасения сына Хакима не жалела. По ее показаниям, она не забыла никого и дала взятки всем, от кого зависел исход дела, – следователям, судьям. Так, сам того не желая, наш подопечный случайно косвенно оказался втянутым в орбиту властных разборок.

Под видом борьбы с взяточничеством, якобы неожиданно вскрывшимся в больших размерах, Рашидов попросил направить в республику следователей из Москвы, тем самым решив одновременно разделаться чужими руками с окружением Насриддиновой, а если удастся, то и с ней самой. Расчет оказался верным: окружение арестовали, и те стали давать «нехорошие» показания и о мздоимстве самой Насриддиновой. О ее возвращении в Ташкент на «белом коне» в качестве правителя республики после этого можно было забыть, как о чем-то несбыточном.

«Но почему я и другие из-за амбиций этой бессовестной бабы должны сидеть?» – искренне возмущался, вопрошал считавший, что попал «под раздачу», наш обвиняемый (в дальнейшем судом он будет осужден к длительному сроку лишения свободы). По его словам, получалось, что объявленная властями республики кампания борьбы с таким опасным явлением, как взяточничество, носила избирательный характер и являлась лишь следствием ожесточенной борьбы за власть в республике различных группировок. Если угодно, как способ устранить конкурентов чужими руками – с помощью следователей, присланных из Москвы.

Вообще складывалось впечатление, что появление следственной группы из Москвы воспринималось многими нечестными людьми во власти в республике, как какое-то природное стихийное бедствие или неожиданная страшная напасть, от них было не спрятаться и не откупиться. С другой стороны, не возникни борьба за власть в республике, вряд ли стало бы возможным появление там следователей из Центра и, как резуль-

тат, аресты высокопоставленных взяточников, пускай даже выборочно и далеко не всех.

Однако к весне 1976 года все встало на свои привычные места. После того как Насриддинова была дискредитирована, а ее многочисленное окружение уже протирало штаны на жесткой скамье подсудимых или еще продолжало давать покаянные показания в следственных кабинетах, поставленная задача была выполнена – соперник был повержен и не опасен. Пора было думать о том, чтобы уголовное дело, которое стало разрастаться как снежный ком, не обратилось бы против самих его инициаторов и лиц из их окружения по тем же основаниям, что и против поверженных их конкурентов.

Выход был найден простой и гениальный. Рашидов лично позвонил Генеральному прокурору Р. А. Руденко и поблагодарил его за работу командированных Москвой следователей, сказав, что с задачей – борьбой со взяточничеством – они справились успешно и необходимости в дальнейшем нахождении в республике следственной бригады больше нет. Кроме того, нахождение большой следственной группы в республике создает нервную обстановку и оказывает негативное отрицательное воздействие, в том числе и на ее руководителей. О таком состоявшемся телефонном разговоре мне стало известно от руководства следственной группой.

После этого от руководства Прокуратуры Союза ССР поступило указание завершить расследование находящихся в производстве следственной группы уголовных дел и дальше не углубляться и не расширяться, новых дел к производству не принимать.

Вместе с тем к этому времени по расследуемым нами делам следователями уже была проделана огромная по объему работа: добрая сотня высокопоставленных мздоимцев уже содержалась под стражей в следственном изоляторе. На несколько десятков личных автомобилей, принадлежащих им, следствием был наложен арест, и они находились на охраняемой территории около здания МВД республики.

Список взяточников возглавил Председатель Совета Министров Узбекской ССР Р. К. Курбанов, которым, согласно справке, составленной ведущим его дело следователем, были получены взятки на общую сумму в 83 тысячи рублей (сумма, равная моей зарплате следователя за 46 лет непрерывной работы). Далее за ним следовали: Председатель Верховного суда Узбекистана С. Х. Пулатходжаев, его заместитель М. Сиддиков, ряд судей Верховного суда и других судов республики, советские и партийные руководители разного уровня. Все они отправились на скамью подсудимых и затем были осуждены, но в дальнейшем, по отбытии части срока наказания, амнистированы.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, и поэтому мы никогда не узнаем, на какое еще количество увеличилось бы число пойманных следователями нечистых на руку чиновников всех рангов и мастей в республике, если бы следователи группы Прокуратуры СССР продолжили там свою работу и дальше. Но поступила сверху команда свернуть расследование дел, и для работы следственной группы был включен красный свет.

Складывалось впечатление, что дача и получение взяток на всех уровнях в республике – явление обыденное и зазорным не считается. Торговля законом – актами судебных решений и помилований – шла бойко, как говорится, оптом и в розницу, как продажа фруктов и овощей на восточном базаре.

По-видимому, сказывался и восточный менталитет: веками устоявшийся культ почтения, поклонения и подношений начальству. Общеизвестно, что бедных родственников никто и нигде не любит, поэтому сначала выясняли материальные возможности родственников – кандидатов на помилование из числа сидельцев и их готовность заплатить «выкуп». Если с этим было все в порядке, задержек с помилованием не было. «Нищерброды» же никого не интересовали.

Так, из уголовного дела, возбужденного в отношении отдельных работников аппарата Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и судебных органов, были выделены в само-

стоятельное уголовное дело материалы следствия по обвинению С. Х. Хасановой.

Как установило следствие, Хасанова с 1960 года до марта 1972 года работала председателем Каганского горисполкома Бухарской области. Будучи наделена большими правами и полномочиями, использовала их в своих корыстных целях: являясь одновременно и председателем жилищной комиссии горисполкома, в 1964–1971 годах систематически, путем вымогательства, получала в своем служебном кабинете от граждан города Кагана взятки за содействие в выделении им коммунальных квартир. Всего таким способом Хасановой было получено девять взяток деньгами и товарами на сумму 3 905 рублей.

В 1964 году она познакомилась с заведующим юридическим отделом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР А. Муталибовым, позднее ставшим заведующим отделом по вопросам помилования. В 1964–1969 годах, по его предложению, Хасанова передавала в его служебном кабинете – в Президиуме Верховного Совета республики – взятки от заинтересованных лиц за обещанное содействие в помиловании их осужденных родственников и знакомых. Всего таким путем Хасановой было передано Муталибову шесть взяток на общую сумму 19 тысяч рублей.

В 1971 году Хасанова, используя свое служебное положение, выступила также в качестве посредника в передаче взятки в размере 1 500 руб. председателю Бухарского областного суда Г. Арипджанову за его содействие в снижении меры наказания осужденной Р. А. Лазаревич.

Хасанова, являясь в 1963–1973 годах председателем горисполкома, а с марта 1972 года – начальником управления местной промышленности Бухарского облисполкома, сама систематически давала взятки Председателю Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Я. С. Насриддиновой за оказываемое той покровительство и обещание продвижения по службе, а также за содействие в удовлетворении различных просьб.

Всего Хасанова передала Насриддиновой шесть взяток деньгами и другими ценностями: золотыми изделиями, женским украшением «марворид» (связки жемчуга), каракулевой шкуркой, всего на сумму 16 730 рублей.

Хасановой было вменено 23 эпизода совершения таких преступлений.

Возьмем другое уголовное дело – № 3/47208 по обвинению М. Рахимова, Т. Джакбарова, М. Базарова. Предварительным следствием им инкриминировалось следующее.

Рахимов, используя свое ответственное служебное положение председателя Наманганского областного суда, в 1968–1972 годах лично и вместе с председателем Верховного Суда Узбекской ССР Пулатходжаевым и его заместителем Сиддиковым неоднократно получал взятки от осужденных и их родственников за содействие в разрешении уголовных дел в интересах взяткодателей. Взятки им получались в городе Наманган, в основном в своем служебном кабинете.

В указанный период Рахимов лично получил взятки: от Дадоходжаева Б. – 600 руб., от Ильева И. – 3 000 руб., от Агаликова С. – 1 050 руб., от Топилдиева М. – 500 руб., от Базарова М., привлеченного по настоящему делу к уголовной ответственности, – 500 рублей. При этом взяткодатель Дадоходжаев показал на допросе, что для того чтобы добыть деньги на взятку Рахимову, он был вынужден продать на базаре корову и теленка.

Помимо этого в 1968 году Рахимов вместе с С. Пулатходжаевым и М. Сиддиковым получил взятку в размере 2 500 рублей по делу А. Каххарова. В 1970 году с участием тех же лиц ими была получена взятка от С. Агаликова в размере 2 000 руб. по делу его жены К. Насриддиновой, при этом от Агаликова Рахимов получил взятку в 500 рублей, а остальную сумму Сиддиков поделил с Пулатходжаевым.

В декабре 1970 года Рахимов вместе с Пулатходжаевым получил взятку в размере 2 500 рублей по делу подсудимого А. Жумаева от его родственника И. Ахунова. Организатором по-

лучения данной взятки являлся обвиняемый по данному делу Т. Джакбаров.

Эту взятку Рахимов полностью передал Пулатходжаеву, который, как сообщник, должен был оказать помощь А. Жумаеву в смягчении его наказания.

Таким образом, Рахимов участвовал в получении восьми взяток на общую сумму 11 150 рублей, из которых лично получил 6 650 рублей.

Являясь соучастником Пулатходжаева, Рахимов из средств, добытых преступным путем, трижды вручал ему деньги в виде взяток за покровительство по службе, передав в общей сложности 1 900 рублей.

Обвиняемый по делу Т. Джакбаров, работавший в различных должностях в системе потребительской кооперации, начиная с 1967 года неоднократно занимался взяточничеством, выступая в роли взяткодателя, посредника и организатора получения взяток:

В 1967 году он дал взятку в 2 000 рублей первому секретарю Уйчинского райкома партии Х. Халмирзаеву за содействие в назначении на доходную должность заведующего торгом в системе райпо.

В 1970 году Джакбаров организовал получение крупной взятки М. Рахимовым по делу расхитителя А. Жумаева.

В 1973 году он дважды пытался быть посредником в передаче взяток по одной тысяче рублей от Т. Абдурахмановой и М. Камалова судебным работникам.

Еще одно уголовное дело – по обвинению Х. Худайбергеновой, ей вменялось следующее.

Работая с 1960 года по май 1973 года председателем Хивинского горисполкома Хорезмской области, а с 1973 года по 1974 год – директором музея-заповедника, Худайбергенова, используя свое служебное положение, на протяжении ряда лет систематически вымогала и получала взятки от граждан города Хива за оказание им содействия в выделении земельных участков, квартир, автомашин и устройстве на работу. Всего в пе-

риод с 1967 года по 1973 год ею было получено 24 взятки на общую сумму 15 665 рублей.

Расследованием также установлено, что Худайбергенова в 1961–1973 годах неоднократно давала и передавала взятки бывшему Председателю Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Я. С. Насриддиновой за содействие в выдвижении на выборную должность в Хивинский горисполком, а также за содействие в разрешении различных вопросов в ее интересах и покровительство по службе.

Всего за указанный период времени Худайбергенова вручила в виде взяток Насриддиновой денег и ценностей (золотые изделия, отрезки ткани) – всего 19 эпизодов – на сумму 9 178 рублей.

Кроме того, Худайбергенова в первой половине 1973 года передала первому секретарю Хивинского райкома партии К. Рахманову в виде взятки две тысячи рублей за содействие в переизбрании ее на выборную должность.

До весны 1976 года, когда работе следственной группы был показан красный свет, в суды было направлено несколько десятков подобных дел о взяточничестве, в каждом из которых содержалось по несколько эпизодов мздоимства. Все подсудимые были осуждены по всем предъявленным эпизодам совершенных преступлений.

Были осуждены в том числе и подсудимые по эпизодам дачи ими взяток Насриддиновой. Так, 30 сентября 1976 года приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УзССР была осуждена к десяти годам лишения свободы Б. Аллабергенова – директор Ургенчского винзавода, ранее уже осужденная по другому приговору за хищение в особо крупном размере. В приговоре суд указал: «Аллабергенова часть из похищенных ею денег на винзаводе (всего с ее участием было похищено 438 832 руб. 85 коп.) передала за различного рода услуги в виде взяток деньгами, ювелирными изделиями, тканью, одеждой, коврами бывшему Председателю Президиума Верховного Совета УзССР Насриддиновой Я. С. на общую сумму 45 371 рублей».

В судебном заседании подсудимая Аллабергенова пояснила, что из денег, полученных за реализацию похищенной водки, она передала Насриддиновой в виде взяток 45 371 рубль.

Таким образом, из показаний осужденной Аллабергеновой следовало, что Насриддинова получила свою долю – «десятину» – в виде взяток от похищенного государственного имущества на Ургенчском винзаводе.

Я подробно рассказал о фабулах лишь нескольких конкретных уголовных дел, только для того, чтобы показать, насколько глубоко проникли метастазы коррупции изнутри в различные сферы жизни, дискредитируя и разлагая существующую в республике власть.

В отношении же самой Насриддиновой дело тогда не закончилось судом. С одной стороны, были приговоры судов, осудивших взятодателей за дачу ей взяток, с другой стороны – прекращение дела в отношении нее, то есть взяткополучателя. Следователь, вынесший сомнительное с правовой точки зрения постановление о прекращении дела, так и написал, указав в нем в качестве основания не предусмотренное законом «устное указание Генерального Прокурора СССР». Письменное никто не решился дать, а срок следствия не продлевали. Получался какой-то юридический казус, почти курьез.

Когда еще велось это расследование, как-то в приватном разговоре многоопытный генерал, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР Ю. Д. Любимов (он вел следствие по уголовному делу в отношении руководителей и членов Верховного суда Узбекской ССР), когда зашла речь о Насриддиновой, сказал мне, что ее не взять, она высоко в верхах плавает, ее «не отдадут». Бывалый следователь знал, что говорил.

Насриддинова действительно была крупной политической фигурой в стране, и позже стало известно, что она тогда сумела с помощью Галины Брежневой попасть к ее отцу – могущественному Генсеку КП СССР Л. И. Брежневу и заручиться его поддержкой (об этом расскажет потом на следствии сама

Насриддинова, а мне рассказал следователь, расследовавший в отношении нее дело). Это помогло ей остаться при своих интересах и не разделить участь многих своих знакомых, попавших на скамью подсудимых.

Для привлечения ее к уголовной ответственности в сложившейся ситуации (она была депутатом Верховного Совета Узбекской ССР и Верховного Совета Союза ССР) требовалось политическое решение, которое наверху никто не стал принимать. По сути, при наличии веских оснований для привлечения Насриддиновой к уголовной ответственности высшим руководством страны ей была выдана индульгенция от тюрьмы. О равенстве всех перед законом, декларируемом в статье 34 Конституции СССР, говорить в данном случае не приходилось. Так политика (непонятная и сомнительная) взяла верх над правом.

Вместе с тем и те издоимцы, которые были пониже рангом, не отставали, не желая упустить свой бакшиш.

Так, старший следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Уваров Борис Иванович (одновременно состоящий в следственной группе Прокуратуры СССР) параллельно с основным делом закончил расследование уголовного дела в отношении народного судьи Бостанлыкского районного народного суда В. Юсупова. Тот за взятку в размере шесть тысяч рублей (равную в то время стоимости автомобиля «Жигули») 26 мая 1979 года вынес определение об условно-досрочном освобождении из-под стражи из исправительно-трудовой колонии осужденного И. Джумабаева, незаконно применив к нему Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 года «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на предприятиях народного хозяйства».

Злостный хулиган, убийца и нарушитель режима содержания в колонии Джумабаев, отбыв из полученных им 10 лет лишения свободы всего три года, не понес должного наказания

и фактически был отпущен на свободу. На момент его ареста Юсупов уже занимал ответственную должность председателя этого же суда.

Следователь следственной группы Прокуратуры СССР (следователь прокуратуры Ленинского района города Свердловска) Чудиновский Юрий Васильевич расследовал и направил в суд уголовное дело в отношении К. Бахранбаева. Тот работал следователем прокуратуры Гулистанского района Сыр-Дарьинской области, а затем Чуйского района Наманганской области, и получил путем вымогательства за прекращение уголовных дел, находящихся в его производстве, две взятки на сумму 800 рублей.

В дальнейшем Бахранбаев, занимая ответственную должность старшего консультанта отдела по вопросам помилования Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, совместно с Алимовым и через посредника Абдуназарова неоднократно получал взятки от родственников осужденных за обещанное содействие в снижении наказания – три взятки на сумму 6 900 рублей.

Вместе с ним по делу был привлечен в качестве обвиняемого и посредник при получении взятки – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политэкономии Ташкентского педагогического института иностранных языков им. Ф. Энгельса Абдуназаров, который, помимо всего, получил три взятки от абитуриентов на общую сумму 9 000 рублей за оказание содействия при поступлении в вуз.

В обвинительном заключении, характеризуя поведение обвиняемого Бахранбаева, следствие сочло необходимым указать, что «взятничество для него стало вторым образом жизни».

Перечень таких дел можно было бы продолжить. Все эти уголовные дела, как упомянутые, так и другие, расследуемые нашей следственной группой, вскрывали распространение взяточничества, имевшее место в республике.

Между тем обвинения по делам предъявлялись только по

фактам, которые следствие считало полностью доказанными, с тем они и направлялись в суд. Именно поэтому судами по всем таким делам были вынесены обвинительные приговоры. Но кроме этого было много и других эпизодов возможного получения взяток, по которым следствием также проводились тщательные проверки, в ходе которых они или не нашли своего подтверждения, или не было собрано достаточных доказательств для предъявления обвинения и направления в суд.

Так, по тому же делу по обвинению Т. Абдуллаева, кроме эпизодов, которые следствием в дальнейшем были ему инкриминированы, проверялись и другие эпизоды возможного получения им взяток. Один из таких проверяемых эпизодов был связан с нашумевшим делом о содержании притона.

В конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века в Ташкенте прошел ряд громких судебных процессов, связанных с занятием проституцией и содержанием притонов, по которым в качестве свидетелей (из числа клиентов) допрашивались сотни любителей «клубнички» из числа чиновников различного ранга.

По нашему делу имелась информация, что якобы один из таких любвеобильных клиентов – М. – обращался к нашему фигуранту Абдуллаеву с просьбой помочь ему избежать вызова и допроса в суд в качестве свидетеля о своих амурных похождениях с содержательницей притона – разумеется, не бескорыстно.

Мы разыскали среди нескольких уголовных дел, рассмотренных в Ташкентском городском суде, необходимое нам дело. Изучив его, мы нашли в нем сведения о нашем предполагаемом взяткодателе, который был допрошен следствием и подлежал вызову в суд. Убедились, что ему действительно удалось каким-то странным образом избежать явки и допроса при рассмотрении уголовного дела в суде – это притом, что других уклонявшихся от появления в суде горе-свидетелей доставляли туда в принудительном порядке в сопровождении работников милиции.

Нами была проведена проверка по этому эпизоду, но факт дачи взятки не был установлен, о чем было вынесено соответствующее постановление.

При работе по данному эпизоду нами изучались показания «жрицы любви» – обвиняемой Т. – на 190 листах протокола ее допроса с полным перечислением всех имен и должностей ее клиентов, в том числе и интересующего нас лица.

Допросить же ее нам не удалось: вскоре после отбытия срока наказания, назначенного судом, она была убита сожителем. Однако ее показания, данные на следствии, весьма красочно описывали происходящее тогда в реальности и давали представление о другой, скрытой от посторонних глаз, жизни. Жизни, не имеющей ничего общего с эталоном поведения, предусмотренным моральным кодексом строителя коммунизма, по нормам которого, как предполагалось, должен был жить простой советский человек в стране, строящей светлое будущее.

По своей сути эти показания были ее исповедью о собственной жизни. Когда ей было шесть лет, умер отец, когда ей исполнилось шестнадцать лет, ее мать повторно вышла замуж за мужчину, на десять лет ее моложе. Новоиспеченный муж в отсутствие жены стал приставать к девушке и домогаться ее. В семье возник скандал. Мать, вместо того чтобы выгнать похотливого мужика, не нашла ничего лучше, чем выпроводить дочь из дома, отправив девочку-подростка жить к старой бабушке, получавшей нищенскую пенсию.

Оставшись без родительского надзора, она познакомилась на танцах с компанией ребят, которые угостили ее спиртным и, воспользовавшись ее сильным опьянением, лишили невинности. С тех пор жизнь ее пошла по наклонной: вскоре одна взрослая женщина, отметив, что она очень хорошенькая и молоденькая, посоветовала заниматься любовью за деньги с состоятельными и богатыми мужчинами, пообещав познакомить с таковыми – тузами города. Тело ее оказалось «товарным» и весьма востребованным. Клиенты, от которых не было отбоя, все, как на подбор, при больших деньгах и солидных должностях.

В своих показаниях на следствии женщина указала сотни фамилий ее клиентов и их должности: секретарь ЦК Узбекистана, заведующий отделом того же ЦК, несколько министров, ректор, профессора и доктора наук, секретари райисполкомов, директора торгов, ресторанов, магазинов, рынков, винзаводов, высокопоставленные работники милиции, прокурор, судья, ювелиры, председатели колхозов, директора совхозов и даже Герой Социалистического Труда с Золотой Звездой на пиджаке. Была публика и помельче, но тоже платежеспособная: заведующие складами, аптеками, шеф-повара, адвокаты. Пестрым был и национальный состав – почти интернационал и дружба народов. Но всех их объединяло одно – похотливое желание «вкусить греха».

Ставка за получение доступа к ее телу была твердая – пятьдесят рублей. Как-то у одного из докторов экономических наук при себе оказалось только тридцать рублей – сумма явно недостаточная, чтобы оплатить и получить вожделенное удовольствие. И женщина твердо отказала ему, доходчиво, как на лекции студенту-первокурснику, разъяснив экономическую сторону вопроса: «Даже если у вас будет 49 рублей 99 копеек, я не соглашусь». Подобный курьезный случай был исключением – за молодость и смазливое личико платили хорошо, и даже большие суммы.

Как следовало из ее показаний, особо щедрые клиенты вскоре исчезали с ее горизонта по независящим от них причинам. Ей становилось потом известно, что они отправлялись отбывать срок в исправительно-трудовые колонии, как правило, за хищение социалистической собственности. Один из таких ее клиентов – коммерческий директор фабрики, ожидающий ареста, – отвалил ей на прощание сто тысяч рублей (по тем временам огромная сумма), и это не считая подарков (золотых изделий с бриллиантами и шуб), и вскоре был отправлен в места не столь отделенные на долгие 15 лет за хищение.

Описанные в показаниях обвиняемой сцены нравственного падения и морального разложения занимавших немалые

должности чиновников только дополняли неприглядную картину взяточничества и расхищения государственного добра в республике. Блудные развлечения требовали немалых денег.

По заведенному порядку в стране, где власть принадлежала только одной партии – КПСС, – для получения сколько-нибудь значимой должности требовалось быть членом этой партии. Без этого, за редким исключением, путь наверх был закрыт, просто невозможен, и поэтому практически все фигуранты по расследуемым следственной группой делам носили в кармане партбилет. В построение светлого будущего они, похоже, особо не верили, предпочитая получать наличными в настоящем.

Узбекистан – это азиатская страна, где преобладающей религией является ислам. Вера в Аллаха там с молоком матери прививалась детям, но вера, как известно, – сугубо личное дело каждого, и как она при этом сочеталась с партийным билетом, трудно понять.

В Узбекистане нам пришлось столкнуться со следующим: один из следователей нашей группы добыл одному ему известным способом Коран и предложил обвиняемому поклясться на нем в своей невинности: мол, не брал взяток. Тот, после раздумья, отказался это сделать, боясь неправдой прогневить Аллаха.

У нас с моим напарником Григорием Кравченко священной книги мусульман не было, но мы узнали, что к клятве на Коране приравнивается и клятва на лепешке. Как правило, мы не ограничивали наших подопечных в получении передач из дома, приурочивая их к вызову на допрос. Родственники приносили им объемные передачи, в которые обязательно входил набор из свежее испеченных, порой еще горячих лепешек, винограда и других фруктов, копченой колбасы и зеленого чая. За передачами от родственников спускался к входу в здание на первом этаже обычно я, как самый молодой.

Как-то во время одного такого допроса-обеда Кравченко, полшутя-полусерьезно, предложил нашему фигуранту, поскольку, мол, он отрицает получение взяток, поклясться на

лепешке перед Аллахом в том, что он не брал взяток – благо, несколько лепешек находились на столе перед приступившим к трапезе обвиняемым, и ему ничего не мешало это сделать. Я поддержал своего коллегу, заметив, что меня это тоже, пожалуй, могло бы убедить в его невинности в получении взяток. Абдуллаев задумался, но потом в весьма осторожной и вежливой форме отказался, пояснив, что не может этого сделать, без объяснения причины.

Так мы для себя неожиданно открыли, что Коран – священная книга мусульман – и простая лепешка могут оказаться весьма полезными для следствия предметами, своеобразными детекторами лжи или лакмусовой бумажкой, вместо широко применяемых в настоящее время полиграфов (о применении их за границей мы тогда только слышали, а в отечественной следственной практике их еще не применяли).

Тогда я подумал, что это какое-то раздвоение личности: с одной стороны, у него был партийный билет в кармане, с другой стороны – получалось, что он боялся Аллаха больше, чем партии, следствия и суда всех вместе взятых. Возникал вопрос, когда же он (и не только он один) был настоящим и искренним? Казалось бы, в своей вере, а не в качестве члена партии, занимающего высокие должности. Но, боясь прогневить Аллаха своим враньем на Коране или лепешке, они тем не менее не убоились его кары за получение взяток. Хотя ведь известно, что сребролюбие всегда считалось тяжким грехом. Или этот грех они рассчитывали замолить, поскольку не обманывали всевышнего ложной клятвой на Коране?

Вместе с тем уже в то время становилось понятным, что лозунги и речи, раздававшиеся с высоких партийных трибун, серьезно расходились с имеющейся действительностью. Раздвоение сознания и жизненной реальности становилось все более очевидным: говорили одно, а делали другое.

Двойной образ жизни, как и двойная мораль, не могли не способствовать падению прежде всего нравственных принципов в обществе, его разложению и упадку (в том числе эконо-

мическому), которые в конечном итоге и приведут к катастрофе через пятнадцать лет после этих описанных мной событий. В декабре 1991 года произойдет геополитическая катастрофа – развал великой страны СССР, – а Республика Узбекистан станет отдельным самостоятельным и суверенным государством, и в нее уже больше не приедут следователи из Москвы.

Но до того как это произойдет, через семь лет после моего возвращения из Узбекистана – в 1983 году туда прибудет следующая следственная группа Прокуратуры Союза ССР, возглавляемая Тельманом Гдяном. В Узбекистане вновь будут расследоваться резонансные дела о взяточничестве и хищениях, а также уголовные дела, которые назовут «хлопковыми». Иным, несравнимым будет их масштаб – по огромному количеству дел, участвующих лиц и эпизодов хищения. Счет наворованного пойдет уже на многие сотни миллионов рублей, похищенных из бюджета всей страны, что нанесло существенный ущерб ее экономике. В свое время не вырванные с корнем отравленные посевы коррупции разрослись и успели дать новый и обильный преступный урожай. Будет предпринята неудачная попытка реанимировать уголовное дело в отношении Насриддиновой, к тому времени достигшей преклонного возраста и уже лишенной всех постов.

А великая страна, разъедаемая раковой опухолью коррупции, охватывающей все большие территории, будет продолжать катиться в пропасть – навстречу своему концу.

В этой связи запомнился последний разговор со взяточдательницей Абдуллаевой Хакимой, сын которой, Бахтияр, в конце концов, был осужден за убийство приезжего строителя Солодовника на 15 лет лишения свободы. Мать его была твердо убеждена в том, что это стало возможным только потому, что у нее оказалось недостаточно денег, в то время как у родственников Агабекова, осужденного по этому же делу за хулиганство, денежных средств на дачу взяток оказалось больше. Убедить ее в обратном нам не удалось. Являясь чело-

веком определенной среды и взглядов, Хакима продолжала мерить все на свой аршин – золотым тельцом.

В один из дней той командировки в Узбекистан я рано утром выехал по делам в отдаленный район. Дорога пролегла мимо большого поля и арыка. Увидел там дехканина, одетого в светлую одежду, который работал с мотыгой в руках. Поздно вечером, возвращаясь той же дорогой обратно, я увидел все того же дехканина, занятого трудом. Он, не покладая рук, зарабатывал себе на пропитание.

В память о работе в Узбекской ССР у меня хранятся наградные наручные часы, на задней крышке которых имеется гравировка: «Реве В. А. за примерное исполнение долга от Генерального прокурора СССР Руденко Р. А., 1976 г.».

«Не знаю зачем...»

Официально рабочий день в прокуратуре Пермской области начинался в 09:00. Однако я, с тех пор как приступил к исполнению обязанностей руководителя кабинета криминалистики, отвечающего в том числе за раскрытие и расследование особо тяжких преступлений, в первую очередь – умышленных убийств, взял за правило приходить на службу на час раньше. Это давало возможность успеть до начала рабочего дня ознакомиться с информацией от дежурных по прокуратуре области и УВД о чрезвычайных происшествиях, произошедших в области за сутки.

Аналогичным образом поступал и начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска областного УВД А. М. Петров. В первую очередь нас обоих интересовали убийства, совершенные в области в условиях неочевидности, выражаясь простым языком, – нераскрытые, по которым преступники, их совершившие, были неизвестны. Между собой мы поддерживали ежедневный контакт, обменивались и обсуждали конкретные происшествия, анализиро-

вали их. К этому нас подталкивала сложная оперативная обстановка в области: убийства «сыпались» как из рога изобилия, редкие сутки обходились без них, и все их необходимо было как можно скорее раскрыть.

Именно поэтому еще до начала рабочего дня мы с ним не только успевали собрать информацию о проблемном, как правило, нераскрытом (неочевидном) преступлении или преступлениях, но и обсуждали и готовили совместные предложения по их раскрытию. По сложным случаям подготавливали проекты решений о необходимости выезда на места их совершения для оказания практической помощи профессионалами из областного аппарата прокуратуры и оперативников уголовного розыска УВД, если это требовалось по обстоятельствам дела.

В самом начале рабочего дня с уже готовыми докладами и конкретными предложениями каждый из нас встречался со своим руководством, и, как правило, мы всегда получали с его стороны поддержку, которая осуществлялась тут же в виде отдаваемых приказов и распоряжений. Незамедлительно подключались необходимые дополнительные силы, и по таким делам начиналась активная следственно-оперативная работа, которая практически не оставляла убийцам шансов остаться безнаказанными.

То утро, 9 апреля 1982 года, начиналось как обычно, но уже в 08:50 мне позвонил А. М. Петров с информацией из дежурной части Кировского РОВД Перми об обнаружении в квартире дома по улице Маршала Рыбалко трех трупов с признаками насильственной смерти: А. А. Ужеговой, 64 лет, и двух ее внуков – Саши, 4 лет, и Славы, 5 лет.

О происшествии я сразу же сообщил своему руководителю – заместителю прокурора области Бахареву Владимиру Михайловичу. Тот, опытный профессионал, дал указание немедленно выехать на место происшествия, сделать все возможное для быстрого раскрытия убийства и держать его в курсе событий. Сам он поспешил проинформировать о произошедшем прокурора области Наместникова Бориса Петровича и подгото-

вить спецсообщение о чрезвычайном происшествии для Москвы. Понятно, что был срочно необходим выезд на место происшествия следственно-оперативной группы. Такие преступления мы никак не имели права оставлять нераскрытыми. Успешное расследование этих преступлений, как правило, обеспечивалось и обуславливалось тесным взаимодействием работников следствия, уголовного розыска и экспертов.

Следственная группа была сформирована тут же, в течение нескольких минут, совместными распоряжениями руководителей областной прокуратуры и УВД. В нее от прокуратуры области вошли двое – я, как прокурор-криминалист, и стажер следователя В. А. Черкасов, хорошо владеющий криминалистической техникой. В состав группы от УВД были включены эксперты-криминалисты оперативно-технического отдела – майоры Л. Г. Пилат и В. В. Астафьев, а от областного бюро судебно-медицинских экспертиз – опытный эксперт Н. М. Механошина. Все – грамотные специалисты, с многолетним стажем работы, мне с ними и раньше уже приходилось работать на различных местах происшествий.

Меньше чем через час мы прибыли на место происшествия. У подъезда трехэтажного дома уже собралась большая толпа зевак, состоящая в основном из причитающих пожилых женщин – местных жительниц – и случайных прохожих.

Нас там ожидали прибывший незадолго до нашей группы старший следователь районной прокуратуры Калинин Александр Александрович, добросовестный и дотошный, имеющий большой стаж работы, и местные оперативники, возглавляемые заместителем начальника Кировского РОВД Беспаловым Николаем Евстигнеевичем, а также опытный оперативник отдела уголовного розыска ГУВД города Перми Покребышев Михаил Геннадьевич.

Беспалов доложил, что его оперативники начали поквартирный опрос всех жителей дома и уже есть первые результаты. Они выяснили, что убийца (или убийцы) приходил в квартиру потерпевших ночью – соседи, проживающие рядом

за стенкой, услышали в полночь, как там хлопнула входная дверь. Трупы утром обнаружили родители детей – муж и жена, вернувшиеся с работы в ночную смену на заводе. Дверь квартиры оказалась незапертой. Потрясенные родители убитых детей, молодые мужчина и женщина, находились тут же, и их уже опрашивали оперативники.

Вот мы, участники осмотра, вместе с понятными входим в трехкомнатную квартиру, расположенную на первом этаже. Перед нами страшное зрелище не для слабонервных: искромсанные ножом тела детишек – эксперт Механошина насчитает на окровавленном трупе Славы 56 ранений, у Саши – 39. На трупе их бабушки, Александры Аполлоновны, было 21 ножевое ранение и странгуляционная полоса на шеи спереди, признак, указывающий на то, что она была еще и задушена. Повсюду в квартире кровь – лужи, брызги, мазки.

На стенах квартиры обнаруживаем множественные кровавые отпечатки, напоминающие пальцы рук, но по их структуре и рисунку становится ясно, что, скорее всего, это отпечатки вязаных или тканевых перчаток преступника. Из этого делаем вывод, что преступник старался не оставлять своих следов, и перчаток с рук не снимал. На обнаруженном рядом с трупом бабушки большом окровавленном кухонном ноже (он и окажется орудием преступления) отпечатки пальцев преступника также отсутствовали.

Все увиденное тщательно фиксируется в протоколе осмотра, одновременно производится фото- и видеосъемка, все, что могло представлять интерес для следствия, изымается. Осмотр места преступления занимает больше суток.

К концу первого дня следственных действий завернутые в простыни трупы выносятся из квартиры и загружаются в автомобиль для отправки в морг. До сих пор помню жуткие звуки многоголосого воя толпы находящихся у подъезда дома женщин при виде выносимых тел детей. Все увиденное на месте происшествия действует угнетающе и оставляет на душе тяжелый осадок.

Во время следствия нам приходится привыкать ко многому, и на тебя уже не производит особого впечатления и не шокирует вид «обычных» трупов, которых за годы своей работы пересчитал не одну сотню. Все это, да простят меня за собственную профессиональную деформацию личности, для следствия является материалом для исследования, несущим важную информацию о причине и времени смерти, действующем оружии убийства и других иных обстоятельствах.

Другое дело – растерзанный зверем в человеческом обличье ребенок, в силу возраста не способный себя защитить. Чувствуешь себя как бы виноватым в том, что ты, здоровый мужчина, никак не смог вовремя защитить его, спасти. Хотя и понимаешь, что не от тебя это зависело – следователь приезжает, когда зло уже совершено, и нужно как можно быстрее отыскать и обезвредить зверя. Внутри тебя – ярость и злость от собственного бессилия и невозможности предотвратить гибель детей. В голове возникает только одна мысль и желание – как можно быстрее найти детоубийцу-мясника, и тут уже эмоции в сторону, нужна холодная голова и трезвый расчет.

Принадлежность ножа устанавливаем тут же – потерпевшие родители пояснили, что этот нож имелся у них на кухне. Выясняем, что обычно осторожная бабушка Ужегова держала входную дверь запертой на замок и посторонним не открывала, поэтому в качестве версии предполагаем, что пришедший в полночь убийца был хорошим знакомым семьи – постороннему женщина вряд ли бы открыла дверь. Поэтому, параллельно проводимому осмотру, просим работников уголовного розыска срочно установить всех лиц, знакомых семье, которые были вхожи в квартиру.

Уже к концу первых суток составлен список всех выявленных знакомых семьи, которых могла ночью впустить в квартиру убитая: список небольшой – в нем всего двенадцать фамилий лиц, все они подлежат тщательной проверке на причастность к совершенному злодеянию. Крайне важно установить местонахождение каждого из них во время совершения

преступления, а именно – в ту роковую полночь. Пока оперативники своими, только им известными способами, проверяют и устанавливают их местонахождение на предмет возможной причастности к убийству, продолжаем осмотр места происшествия, который будет закончен на следующий день – 10 апреля.

Вечером, по окончании осмотра, я незамедлительно прибыл для доклада в кабинет к прокурору области Б. П. Наместникову. Несмотря на поздний час, Борис Петрович и мой непосредственный руководитель Владимир Михайлович находились на рабочих местах и были мною подробно проинформированы о результатах осмотра и направлениях следственно-оперативной работы по раскрытию преступления. Задали несколько уточняющих вопросов и, согласившись с представленным планом следственных действий, еще раз попросили принять все возможные меры для организации быстрой поимки убийцы и раскрытия резонансного преступления. Уже двое суток преступление оставалось нераскрытым, и это обстоятельство не могло не вызывать беспокойство у руководства.

По составленному списку планируем очередность проверки всех двенадцати подозреваемых из этого списка, поскольку одновременно заниматься проверкой всех сразу не имеем возможности. По плану, шестой номер подлежит проверке в порядке очередности через сутки, после проверки первой пятерки из списка. Под номером шесть в списке подозреваемых значился давний знакомый семьи – Дамир Галин, двадцати двух лет, матрос с атомной подводной лодки, недавно вернувшийся со срочной службы на Тихоокеанском флоте, нигде не работающий.

Однако дело приняло неожиданный оборот, ускорив раскрытие, что случается нечасто. Удача повернулась к нам лицом, если уместно так выразиться, рассказывая об этом жутком преступлении. Сутки, необходимые, чтобы дошла очередь до проверки шестого номера из списка подозреваемых, ждать

не пришлось – преступник (Дамир Галин) опередил нас, и за полсуток до планируемой нами встречи с ним сам явился в дежурную часть Кировского РОВД с повинной.

11 апреля в РОВД он нами сразу же был тщательно и подробно допрошен. По его словам, он с детства был хорошо знаком с родителями убитых детей и их бабушкой, был вхож в их семью. Проживал преступник в нескольких минутах ходьбы от места убийства. Накануне убийства с 11 часов утра он один целый день пил самогон – употребил без всякой закуски половину трехлитровой банки самогона. Ошалевший от выпитого количества самогона, Галин ночью решил без всякой цели сходить в гости к Ужеговым. Дверь ему открыла бабушка Александра, которая хорошо знала его. В квартире, на кухне, он взял большой нож-хлеборез и зарезал им всех находящихся там. Бабушку еще и задушил.

Вернувшись после этого домой, убийца лег спать, а с утра снова начал пить самогон. Позже он рассказал своему брату о совершенном убийстве Ужеговых, тот был напуган и велел ему идти с повинной в милицию. Выпив еще самогона, Галин пошел сдаваться в отделение.

*Подозреваемый Галин
на месте убийства*

В ходе допроса на наши неоднократные и уточняющие вопросы, зачем он это сделал, Галин всякий раз отвечал: не знаю, зачем, – был пьяный. Другого ответа от него мы так и не услышали. Сожаления по поводу совершенного он не высказывал, и последующая его судьба, как он пояснил, ему тоже была безразлична.

После допроса, в порядке проверки его показаний на месте, выехали с ним на место убийства.

На месте он подробно рассказал и показал, как убил семью. Припомнил

при этом и такой момент: когда он наносил лежащей на полу Александре Аполлоновне удары ножом, к нему подошел ее внук Слава и попросил: «Дядя Дамир, не убивайте, пожалуйста, нашу бабушку». Не раздумывая, он стал наносить множественные ножевые удары пятилетнему ребенку. Показания подозреваемого полностью подтвердили объективную картину произошедшего, установленную во время осмотра места происшествия, и заключением судебно-медицинских экспертиз. Сомнений в том, что он совершил преступление, после выхода с ним на место не оставалось, ведь он при этом сообщил такие подробности и обстоятельства убийства, какие могло знать только лицо, его совершившее.

Сразу же был проведен обыск по месту жительства Галина. Были обнаружены и изъяты важные вещественные доказательства: одежда подозреваемого, в которую он был одет во время совершения преступления, а также те самые вязаные флотские черные перчатки, кровавые следы от которых во множестве имелись на месте преступления. Все эти предметы были обильно пропитаны кровью, образовавшей засохшую корку (судебно-биологическая экспертиза в дальнейшем установит ее принадлежность потерпевшим).

Допрошенный брат Галина подтвердил, что Дамир рассказал ему о том, что он зарезал семью Ужegovых, а бабушку Шуру еще и задушил. Узнав об этом, он предложил брату идти в милицию с повинной. Мать преступника пояснила, что в ту ночь сын уходил из дома и вернулся через полтора часа.

Для дальнейшего расследования дело было передано вновь назначенной старшим следователем прокуратуры области Кругликовой Галине Леонидовне, до этого работавшей следователем в районной прокуратуре. Добросовестный специалист, она имела определенный опыт работы, однако таких дел ранее у нее в производстве не было.

Через некоторое время обвиняемый Галин от всех своих признательных показаний отказался, заявив, что оговорил себя. Пояснил, что он действительно в ту ночь приходил в

квартиру, однако никого не убивал, а обнаружил там три трупа, которые неизвестно кем были убиты до его прихода. Происхождение крови потерпевших на своей одежде объяснил тем, что соприкасался с окровавленными телами потерпевших. Безусловно, понимая, что ему грозит исключительная мера наказания за совершенное преступление, он предпринял попытку побороться за собственную жизнь и сохранить ее.

Следователь Кругликова, крайне обескураженная таким поворотом дела, пришла к нам, в кабинет криминалистики, за советом, как действовать в такой ситуации. Вместе проанализировали и обсудили произошедшую метаморфозу в поведении обвиняемого и пришли к выводу, что ничего особенного не произошло, такое нередко бывает во время следствия. Опирается следует на объективные доказательства, а не только на признательные показания, от которых обвиняемый в любой момент может отказаться. Предложили ей назначить комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, перед которой необходимо поставить вопрос о механизме образования пятен крови на одежде обвиняемого. Следователь так и поступила.

Назначенную экспертизу проводили опытнейшие судебно-медицинские эксперты – Югов Геннадий Григорьевич и Волгарев Виталий Васильевич. Изучив материалы дела и предоставленную для исследования одежду Галина, эксперты пришли к выводу, что характер и локализация имеющих на одежде обвиняемого пятен крови указывает на то, что они могли быть получены именно при нанесении обвиняемым ножом ударов потерпевшим, а не образовались при его соприкосновении с трупами, как тот пытался объяснить. Таким образом, было опровергнуто надуманное утверждение Галина об ином происхождении пятен крови потерпевших на его одежде.

Вменяемость обвиняемого Галина в инкриминируемом преступлении установили эксперты-психиатры, указавшие, что оно совершено им в состоянии обычного алкогольного опья-

нения. Действительно, те роковые сутки начались для него с распития трехлитровой банки самогона, приготовленного для сына его заботливой мамой. После этого Галин и совершил жестокое, необъяснимое по своей сути, убийство двух малолетних детишек и их бабушки.

На суде, приговором которого он был осужден к исключительной мере наказания – расстрелу, Галин так и не смог ответить на вопрос – зачем убил. Можно было предположить, что, возможно, он и действительно сам не знал – зачем. Как бы то ни было, ответ на этот вопрос он унес с собой в могилу.

P. S. По прошествии лет время от времени, память возвращается – таково ее свойство – к давно завершенным делам, по которым приходилось работать. Порой по-другому воспринимаются те или иные обстоятельства произошедшего. Однако, что касается описанного убийства, по-прежнему в памяти остались грусть и сожаление по безвинно погибшим детишкам и их бабушки. Вместе с тем и тогда и сейчас понимаю, что явка с повинной убийцы несколько ускорила раскрытие дела. Даже не будь ее, шансов оставаться на свободе у преступника все равно было не более суток. Ведь список лиц подозреваемых, как прицел следствия, в котором он значился под номером шесть, тщательно отработывался, и неумолимо приближалась неизбежная развязка.

В. И. Калиниченко

Места происшествий

В. И. Калиниченко

В те годы работники органов прокуратуры выезжали на все случаи обнаружения трупов и сообщений об изнасиловании. Как правило, вызов происходил в вечернее и ночное время. Смерть человека – большое горе для близких. Но ты, как профессионал, не имеешь права обращать внимание на их поведение и на месте должен определить, насильственная это смерть или она наступила по естественной причине. От этого зависело, нужно ли было составлять протокол

осмотра, выносить постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы или можно было ограничиться сопроводительным письмом. Ты знаешь, что на утро вызваны свидетели, что необходимо немного поспать, поэтому, когда выносить труп категорически отказывались, мы вместе с сотрудником милиции укладывали его на одеяло и тащили на улицу. Автотранспорта для перевозки трупов не было, и милиция останавливала любую грузовую машину.

Однажды утром мне позвонили из морга и сообщили, что у направленного мной трупа мужчины полная крепитация (переломы) черепа. Я срочно приехал в морг. Оказалось, что все повреждения посмертные. Дело было в том, что труп отвозили на самосвале. Санитары отказались его разгрузить, и тогда водитель, не мудрствуя лукаво, поднял кузов и сбросил тело головой на асфальт.

Грузовой транспорт тогда был государственным, и расходы на его эксплуатацию учитывало только предоставлявшее его предприятие. Через несколько лет я по количеству трупов, перевезенных в морг, посчитал, сколько часов затрачено на их перевозку. Получалось, что выделение двух микроавтобусов УАЗ и трех бригад по два санитары для суточного дежурства обойдется в десятки раз дешевле, чем принудительное привлечение грузовиков. Представление в облисполком подписал прокурор области, но кроме раздражения, оно ничего у чиновников не вызвало.

Поскольку дело со служебным транспортом обстояло из рук вон плохо, за мной приезжал либо старый, дребезжащий на ухабах газик, либо мотоцикл с коляской. Так, на этом мотоцикле я однажды выехал с участковым на окраину поселка Павло-Кичкас, где умерла одна старушка. Она лежала на кровати в спальне небольшого домика, и все говорило о естественной смерти. Судебного медика я не вызывал, потому что они просили беспокоить только по криминальным трупам. Действуя автоматически, я ощупал голову, а затем шею и понял, что у старушки переломана подъязычная кость. Это было убийство.

Я сказал участковому, чтобы он немедленно бежал к ближайшему телефону и вызывал оперативную группу. Сам вышел на улицу и закурил. Интуитивно почувствовав, что сбоку за мной кто-то наблюдает, я резко оглянулся и увидел мужчину, который подглядывал за мной из соседнего двора. Дальнейшие мои действия были основаны исключительно на интуиции. Я потребовал, чтобы он немедленно подошел ко мне и резко спросил: «Ты за что, негодяй, убил соседку?» Через пять минут убийца писал заявление о явке с повинной. Приехавшим оперативникам осталось только надеть на него наручники.

Случаи естественной смерти чередовались с самоубийствами. Сегодня молодые журналисты гоняются за псевдосенсациями, и чтобы привлечь внимание читателей, выдумывают все, что угодно. Так, когда после провала ГКЧП в августе 1991

года повесился маршал Ахромеев, меня стали с горячностью убеждать, что русские и советские офицеры всегда стрелялись. Доводы о том, что Ахромеев вешался дважды и оставил две предсмертные записки, не убеждали. Тогда я задал вопрос: «Если казнь через повешение считается более жестокой, чем расстрел, то почему же 90% самоубийц уходят из жизни с помощью петли?»

Случались и курьезы. Меня вызвали на труп престарелой женщины. На улице уже стоял гроб, и старушку отпевали. Я был молод, горяч, не знал и не думал, что старики могут готовиться к смерти заранее, покупая гроб впрок. «Криминал», – подумал я и заверил родственников, что без судебно-медицинского вскрытия разрешение на захоронение им никто не даст. Вынимать тело из гроба они категорически отказались. Так его и увезли в морг – в гробу, с уложенными в него цветами. Месяца два коллеги злословили относительно того, в каком виде я направляю трупы в морг. Бабушка же, как выяснилось, умерла естественной смертью.

Курьезы в прокуратуре – дело не особенно смешное, поскольку, как правило, они связаны с человеческими трагедиями. Когда сообщают об убийстве, ты весь внутренне напрягаешься. Именно так произошло, когда мне сообщили об обнаружении трупа в районе универмага «Правобережный».

Был морозный, бесснежный, но солнечный день. Меня сопровождали оперативные сотрудники во главе с начальником уголовного розыска города Жеребко. Труп лежал на мерзлой земле в застывшей крови. Вперед решили пустить кинолога со служебно-разыскной собакой. Та уверенно взяла след, и за ней бросились оперативники. Мы с Жеребко, стараясь не нарушать следы, осторожно двинулись к трупу. Жеребко шел чуть впереди меня слева и вдруг радостно воскликнул: «Да это же "Солнцедар"!» Дело было в том, что в это время в магазинах в изобилии появились пол-литровые бутылки молдавского вина «Солнцедар» по цене 98 копеек. Сколько людей отравилось этим пойлом – до сих пор не знает никто. Так вот, труп

был в изобилии покрыт рвотными массами цвета этого самого вина. Никакого убийства не было.

Выезжая на происшествие, я был обязан сразу разобраться, имеет ли место криминал или смерть наступила по другим причинам. В первом случае не могло быть и речи о том, чтобы, как сегодня, объявить: «Будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела». Такое решение принималось немедленно, а вынесение в последующем постановления было формальностью. Прекращенные уголовные дела считались минусом в работе. Срок предварительной проверки случаев, когда имелись сомнения, составлял не более десяти дней. Если я видел, что не смогу за это время разобраться в случившемся, я шел на возбуждение уголовного дела.

В другой раз в двадцати километрах от города вниз по Днепру обнаружили труп сына главного инженера моторостроительного завода Крохмалю. Смерть парня наступила от утопления, прижизненных телесных повреждений не было. Но отец, известный в городе и в стране руководитель, заявил об убийстве. Мне пришлось проделать огромную работу, восстановить часы жизни его сына по минутам, выяснить, как, с кем и сколько он пил, как пошел искать свои вещи в лодке на территории базы отдыха «Домаха», а потом в полной темноте свалился в воду с кормы на месте глубиной в три метра и захлебнулся. Я не менее шести раз «проигрывал» варианты утопления в ходе следственного эксперимента, выяснил и доказал, каким образом тело попало на место обнаружения.

Многочасовой разговор с отцом, однако, ни в чем его не убедил, он настаивал на своем, то есть на убийстве. Говорю я об этом прежде всего для журналистов, которые так любят приглашать на телевизионные передачи родителей, родственников и близких знакомых погибших. Они ведь обязательно будут убеждать, что, по их мнению, близкого им человека убили. Кстати, так же яростно они будут защищать сына, дочь, родственника или знакомого даже тогда, когда факт совершения им преступления не вызывает никакого сомнения.

Обнаружили как-то труп женщины в пруду парка «Дубовая Роща». Ноги и руки связаны, к ним проволокой прикручены кирпичи. Труп уже извлекли из воды, меня ожидают оперативники во главе с заместителем начальника Управления уголовного розыска области, бывшим начальником Заводского РОВД Александром Бондаренко. Он встречает меня громким возгласом: «Вот, Калиниченко примчался. Сейчас будет утверждать, что женщину убили, а ему и невдомек, что решила нам баба заморочить голову, связала себе руки и ноги ремнями и нырнула».

С первых выездов на место происшествия стали возникать проблемы, когда труп обнаруживали на границе между районами или недалеко от этого места. Интуитивно возникало подозрение, что сотрудники милиции, первыми приехавшие на проблемный труп, перенесли его на соседнюю территорию. Обоснованные подозрения отвергались напрочь, но порой ситуации были забавными.

Орджоникидзевский и Жовтневый районы разделяла дамба, а границей была так называемая Красная Речка, которая стекала в Днепр. Это была красная горячая вода, которой отмывали рудную породу. Труп мужчины находился ровно посередине реки. «На какую сторону вытаскивать?» – спросили меня. Я вспомнил, что у «орджоникидзевцев» двое коллег в отпуске, поэтому дал указание подогнать пожарную машину с другой стороны берега.

Опустили лестницу, и тело вытащили на берег. От пребывания в горячей воде останки распадались. Мы с судебным медиком, присев на корточки, описывали труп. Происходило это в центре города, из остановившихся на дамбе троллейбусов и автобусов набежали зеваки. Никакие уговоры разойтись, чтобы не мешать нам работать, не помогали. Тогда я и вспомнил Остапа Бендера и, обращаясь к милиционерам, предложил: «Подберите четырех добровольцев для погрузки трупа в автомобиль». Через пару минут вокруг никого не было. А потом «жовтневцы» (я у них дважды проходил практику) долго обижались на «свинью», которую я им подложил.

В другой раз мне сообщили об изнасиловании шестилетней девочки практически в том же месте. В Орджоникидзевском РОВД я попросил ее и отца показать место преступления. Мы добрались до дамбы и пошли вниз. Девочка привела нас к красной воде, остановилась возле двух больших металлических труб и объяснила, что по ним «дядя» перевел ее на другую сторону. Оперативники тут же вызвали по радио «жовтневцев». Мы ждали минут двадцать, а потом я увидел, как к нам бегут человек пять во главе с начальником УГРО Магаром, соседом моих родителей. У них был растерянный и удрученный вид. Мы перешли по трубам, и девочка повернула направо. Метров через триста она подошла к деревянному мостику и сказала, что по нему они перешли обратно в Орджоникидзевский район. Всегда буду помнить восторженные возгласы одних оперативников и траурное настроение других.

В работе следователя, наверное, как и во многих других профессиях, случаются непредвиденные издержки. Как я уже говорил, жили мы в те годы небогато, поэтому на приличный костюм я собирал деньги года два. Купил красивый костюм финского производства за сто семьдесят рублей, и в выходной день пошел в гости, откуда меня и вызвали на убийство.

На месте меня ожидали дежурный следователь и оперативники. Местом происшествия был одноэтажный дом в старой части города, окна и двери были широко распахнуты, изнутри исходил сладкий терпкий трупный запах. Коллега сразу заявил, что без противогоза осмотр производить не будет. Я принял решение, что он будет писать протокол, а я осматривать. Часа через четыре мы свою работу завершили. Когда я вернулся домой и позвонил в дверь квартиры, жена открыла ее и тут же захлопнула. Она предложила мне раздеться, а затем пробежать в ванную. Часа через два я отмылся и увидел, что вся одежда находится на балконе. Еще дня через три она исчезла. Жена объяснила, что она пропиталась трупным запахом, который не выветривается. Это стало для меня наукой, и я с тех пор всегда возил с собой халат и медицинскую шапочку,

раздевался догола, переодевался и только после этого приступал к осмотру. Как говорится в одной телевизионной передаче, каждый сам себе режиссер.

В 1970-е годы милиционеры опробовали еще одну «методику» укрытия преступления, которая сегодня приобрела широкое распространение. В лесопосадке обнаружили труп бомжа, которого убили во время драки. Через пару дней начальник райотдела привез двух других бомжей, свидетелей убийства. Они дали показания о том, что произошло, опознали убитого и подозреваемого в убийстве. Еще дней через пять начальник райотдела сообщил, что подозреваемый скоропостижно скончался на одной из автобусных остановок в области.

Внешне все выглядело гладко, но нетрудно было догадаться, что это «липа». Когда сомнения были озвучены, разъяснения были банально простыми: у бомжа нет ни родных, ни близких, и никто жаловаться в этой ситуации не будет. А нет жалоб, нет живых потерпевших, и дело рассматривать не надо, разве что чисто формально. Правда, тогда, в отличие от сегодняшних дней, делать такие вещи все же опасались. За укрытие преступления могли возбудить уголовное дело о злоупотреблении служебным положением, и виновные сотрудники милиции получали не выговор, а приговор.

Дела о технике безопасности

Заводской район был, как следует из его названия, буквально напичкан заводами, поэтому большинство дел, которые расследовала прокуратура района, составляли дела о нарушениях правил техники безопасности.

По молодости я был человеком крайне принципиальным, и однажды направил в суд пять дел о гибели людей на коксохимическом заводе. Тогда ко мне приехал директор этого предприятия Коваленко. Он ни о чем меня не просил, а предложил

съездить на завод с экскурсией. Там он объяснил, что с 1937 года завод не имел ни копейки на модернизацию оборудования, но выполнения плана требовали неукоснительно. Пройдя по зонам, где работали люди, я понял, что даже заходить туда опасно для жизни. Поездка была полезной, потому что она несколько умерила мой пыл.

Однажды в цехе слябинга завода «Запорожсталь» погиб рабочий. Когда из доменной печи формировали слябы (прямоугольные в несколько сот килограммов чушки), на прокат они шли только одной плавки, и для этого их маркировали. Иногда прокатный стан барахлил, и слябы начинали складировать в высоту. По внутризаводским правилам предельная высота слябов не должна превышать пяти метров, и специально выделенные рабочие с помощью лестницы забирались наверх, чтобы определить слябы одной маркировки.

Я задумался о том, как один человек мог таскать за собой пятиметровую лестницу, и решил ознакомиться с Едиными правилами прокатного производства. Согласно документу, высота складирования допускалась не более трех метров. Внутрицеховые же правила утвердил начальник цеха, которому я и решил предъявить обвинение.

Этим человеком был Герой Социалистического Труда, член ЦК компартии Украины Волков. Он смотрел на меня с сочувствием, а потом вежливо, но твердо заметил, что никто не даст согласия на привлечение к уголовной ответственности такого человека, как он. Я вспылал, но Волков меня успокоил и примирительно проговорил: «Владимир Иванович, вы разумный человек, а я не хочу использовать против вас свое положение, придумайте что-нибудь сами». Я успокоился, подумал и объяснил, что инструкцию наверняка готовил кто-то из его подчиненных, и если он расскажет об этом и объяснит, что обманул начальника цеха, на скамью подсудимых я отправлю его.

На следующий день ко мне пришел симпатичный мужчина по фамилии Клипеницер. По его словам, в гибели рабочего виновен был он. Я отправил дело в суд. Месяца через два Клипе-

ницер постучался ко мне в кабинет и радостно сообщил, что состоялся приговор – ему присудили денежный штраф. Он передал привет от Волкова и поведал, что получил бесплатную путевку, чтобы поправить здоровье в Карловых Варах... Вот такие компромиссы приходилось находить.

На том же заводе «Запорожсталь» произошла еще одна интересная для следователя, но не менее трагичная история. Шла реконструкция доменной печи. Как говорят, на «ушах» стоял весь обком и горком партии. Бригада рабочих должна была демонтировать воздухонагреватели. Где и как производить подрезку металлоконструкций, бригадир понятия не имел. Тогда он отвел рабочих в сторону, а одному предложил резать металлоконструкции. Первая же сорвавшаяся балка раскроила череп молодого мужчины. Трое детей остались сиротами. По тогдашним законам они могли получать заработную плату отца до достижения восемнадцати лет только в случае вынесения обвинительного приговора.

В соответствии со строительными нормами и правилами (СНиП) для демонтажа доменной печи требовалось составить проект организации работ (ПОР), в крайнем случае – заменить его технологической запиской, в которой также должен указываться порядок работ. Ни первое, ни второе сделано не было. Свои обязанности не выполнил главный инженер строительного-монтажного управления Григорий Денисович Яремчук. На первой встрече он повел себя вызывающе и упрекнул меня в непонимании того, что демонтаж доменной печи – это как военное действие. «Вы что, хотите сказать мне, что заранее допускаете гибель людей, как на военных маневрах?» – спросил я. Яремчук понял, что сказал лишнее. Дело я направил в суд, и по нему состоялся обвинительный приговор. Но это было только начало нашего знакомства.

18 декабря 1975 года обрушилось кровельное покрытие береговой насосной станции Запорожской атомной электростанции в городе Энергодар Каменско-Днепровского района. Погибли восемнадцать человек. Тогда я работал в должности

прокурора-криминалиста прокуратуры Запорожской области. Перед началом осмотра места происшествия я попросил высокое начальство дать мне в помощь пятерых разных специалистов-строителей. Одним из них оказался Яремчук. Эксперты подсказали мне, что причиной обрушения, вероятнее всего, являются грубые ошибки при проектировании, и предложили изъять проектную документацию в институте «Харьковтеплоэнергопроект». Просмотрев документацию, они нашли не менее десяти грубейших арифметических ошибок.

Вечером мы ужинали в ресторане, и мои помощники пристали к Яремчуку с вопросом, откуда он меня знает. «Да как откуда? Он меня сажал». Оживленный разговор продолжался, и ребята подтрунивали над Яремчуком: «Гриша, а тебе было страшно на первом допросе?» – «Нет!» – А когда дело в суд направили?» – «Я и тогда думал, что это какая-то нелепость», – ответил Яремчук. «Гриша, а когда же тебе действительно стало страшно?» – «Мужики, стало страшно, когда встал судья и двое народных заседателей и первый стал читать: "Именем Украинской Советской Социалистической Республики..."» – вот тогда я подумал: вдруг меня увезут на тюремные нары, и мне действительно стало страшно».

В ходе следствия было установлено, что ошибки совершила техник со средним образованием Лунькова, старший инженер проекта ее расчеты не проверила, а начальник отдела В. Я. Брон проект утвердил. Этим лицам и было предъявлено обвинение. В отношении двоих я прекратил дело по амнистии, а дело в отношении Брона направил в суд.

В этом деле был еще один поучительный момент. Когда расследуются крупномасштабные аварии или катастрофы, для выяснения причин происшедшего создается правительственная комиссия, приглашаются известные ученые и специалисты. Все они хорошо знают друг друга, и желания «топить» сотоварищей у них нет. Их выводы заранее считаются самыми правильными. Вот и в этой истории в Энергодаре было около десятка таковых. Они привлекались для дачи заключения. На

итоговом заседании правительственной комиссии они, несмотря на очевидные причины обрушения, стали доказывать, что крыша насосной станции должна была устоять.

Всегда буду помнить заместителя прокурора Украины Степана Федоровича Скопенко, который кипел от гнева, а затем попросил слово и сказал: «Смотрю я на вас, ученых мужей с такими степенями и с такими научными заслугами, и никак не могу понять, зачем вы ищете того последнего воробья, который сел на крышу этого злополучного здания!»

Когда дело было в суде, мне позвонил председательствующий и попросил помочь с экспертами, так как назначил повторную судебно-техническую экспертизу. Через несколько дней он приехал ко мне и удивился, когда я при нем стал печатать заключение экспертизы. Я объяснил, что если следователь заканчивает расследование по такому делу, он должен досконально владеть техническими вопросами. Без этого разговаривать на должном уровне с обвиняемыми невозможно. К концу дня подъехали эксперты во главе с Яремчуком, и без единой правки все пятеро подписали заключение.

Но и это было еще не все. УК Украины предусматривал уголовную ответственность за нарушение строительных норм и правил при производстве строительных работ, а проектанты могли отвечать только за халатность, за которую мера наказания была намного ниже. Согласиться с тем, что прораб более виновен, чем инженер, допустивший ошибки при проектировании, я не мог, поэтому обвинил Брона и его товарищей в том, что они нарушили СНиП в начальной стадии строительных работ – проектировании.

Но у Брона оказался умный адвокат. По его ходатайству в суд пригласили опытного строителя, и он задал ему вопрос: «Что является первоначальной стадией строительных работ?» Строитель четко ответил: «Возведение нулевого цикла, а это отнюдь не проектирование». Тем не менее суд приговорил Брона к пяти годам лишения свободы. Ни одна из вышестоящих судебных инстанций приговор не изменила, но я думаю,

что это произошло из-за того, что дело находилось на личном контроле второго человека в партии – секретаря ЦК КПСС Андрея Кириленко.

При расследовании нарушений техники безопасности почти всегда приходилось делать вывод о том, что в трагической гибели людей повинна система. Я никогда не был против планирования, но когда оно порождало желание выполнить план досрочно и делалось это чуть ли не любой ценой, возникали критические ситуации. Хуже всего было то, что организатором досрочного выполнения плана выступали партийные органы. Потом за их «блестящую работу» выдавались крупные премии, ордена и другие поощрения.

Б. И. Уваров

Катастрофа без тайн

Б. И. Уваров

Много лет минуло с трагедии «Адмирала Нахимова». Немало уже написано об этом кораблекрушении. Но к этой теме вновь и вновь возвращаются различные исследователи, анализируя причины, истоки, стремясь исключить возможность подобного в будущем.

В этой связи несомненный интерес представляют предлагаемые вниманию читателя написанные спустя два с половиной года после столкновения в Цемесской бухте заметки Б. И. Уварова, который руководил следственной группой Прокуратуры СССР, занимавшейся расследованием уголовного дела по факту кораблекрушения «Адмирала Нахимова».

Жизнь четырехсот двадцати трех человек трагически оборвалась в ночь с 31 августа на 1 сентября 1986 года во время кораблекрушения парохода «Адмирал Нахимов» в Черном море недалеко от Новороссийска. Это самое тяжелое морское происшествие за всю историю отечественного пассажирского флота навеки останется в памяти не только близких родственников погибших, но и всего нашего народа. Сегодня, когда минуло два с половиной года, еще раз с глубокой болью осознаешь, что в славную историю отечественного флота была вписана позорная страница и на испокон веков высокий авторитет наших мореходов брошена тень. Нет забвения безвинно пострадавшим пассажирам и морякам, это несчастье должно

взывать к нашей бдительности, чтобы такое никогда больше не повторилось.

О том, как произошло кораблекрушение, каковы его масштабы, каким образом были спасены более восьмисот человек из числа пассажиров и команды «Адмирала Нахимова», подробно писала наша печать в те скорбные сентябрьские дни 1986 года. Отдельные публикации по этому поводу, анализирующие причины трагедии, появляются до сих пор.

Разумеется, было бы лучше, чтобы жизнь не устраивала нам подобных жестоких экзаменов. Но ведь именно в таких экстремальных ситуациях, как Чернобыль, гибель «Адмирала Нахимова», недавняя трагедия в Армении, вызванная небывалым землетрясением, и была проверена на добротность та политика, которая объявила правилом не скрывать от народа ничего, в том числе негативные явления, какими бы нелицеприятными они ни были.

Благодаря оперативному оповещению в печати и по радио об этой морской катастрофе, многие родственники тех, чей круиз по Черному морю был так грубо прерван силой судьбы, смогли прибыть в Новороссийск. Одни – чтобы там встретить своих близких и вместе с ними порадоваться их счастливому спасению, другие – чтобы убедиться в жестокости свершившегося и забрать для похорон тела погибших или символический прах тех шестидесяти четырех человек, чьи трупы море не захотело вернуть и навсегда поглотило в своей холодной пучине.

Но исчерпывается ли только этим значение гласности «в дни бед народных»? Разумеется, нет. Хотя не мало и то, что тысячи родственников и знакомых тысячи двухсот сорока трех пассажиров и членов команды, оказавшихся в последнем рейсе на борту «Адмирала Нахимова», своевременно получили необходимые сведения о своих близких. Ведь неведение часто мучительнее горькой правды. Из печати народ узнал размеры и причины бедствия, которое постигло его малую часть.

Но гласность нужна была и для другого. Специалисты море-

плавания у нас и за рубежом хотели все знать об этой трагедии, чтобы избежать подобного в будущем. Каждый, имеющий отношение к эксплуатации источников повышенной опасности, мог мысленно спросить себя: а все ли правильно и с достаточной безопасностью для других делает он на своем рабочем месте?

Конечно же, нужно делать все, чтобы общество было застраховано от таких происшествий. Но коль они случаются, значит, что-то неладное творится в той или иной сфере нашего бытия, и с помощью гласности обществу следует извлекать максимум пользы из отрицательных и часто трагических уроков.

«Адмирал Нахимов» в Новороссийском порту

Однако все ли в этом смысле было сделано после кораблекрушения? С достаточной ли компетентностью и обстоятельностью выступали на страницах наших периодических изданий специалисты морского дела, журналисты, юристы? Ведь широкое освещение в печати само по себе не характеризует уровень гласности. Только при правильном изложении обстоятельств и установлении истинных причин происшед-

шего можно извлечь и правильные уроки. Всякого рода произвольные толкования, а то и извращение фактов, следование в фарватере узковедомственных или профессиональных интересов могут лишь затуманить суть дела, сдвинуть акценты с причин на следствие, с главного на третьюстепенное, с реального на мнимое.

И тогда новое крушение по тем же, так и не устраненным причинам снова может ворваться в нашу жизнь. А мы опять будем стоять на берегу, так и не найдя ответа на главный вопрос – как произошла очередная трагедия.

Мне как руководителю следственной группы Прокуратуры СССР, занимавшейся расследованием кораблекрушения, с первого дня было небезынтересно, а что же пишет печать об этом. Одному из следователей нашей группы было даже поручено, кроме прочего, собирать и анализировать по возможности все публикации как в местной, так и в центральной печати. Хотелось не пропустить в нашем расследовании что-либо попавшее на страницы газет, а нам, следователям, оставшееся неизвестным. Изучали мы и иностранные источники информации.

Диссонанс между официальным следствием и расследованиями журналистов был, конечно же, нежелателен, ибо не могло в данном деле быть двух истин, двух взаимоисключающих мнений. Этого от нас требовала и предусмотренная законом необходимость полноты и объективности следствия.

Сопоставляя по ходу работы первую волну публикаций с тем, что делали мы, я не видел в них существенной разницы. Были, конечно, в печати отдельные неточности в описании фактов и событий, сопутствующих кораблекрушению, были эмоциональные перехлесты в характеристиках виновников трагедии – капитанов сухогруза «Петр Васёв» В. Ткаченко и парохода «Адмирал Нахимов» В. Маркова. Но в целом картина происшествия, как она представала из печати, ненамного отличалась от той, которая вырисовывалась в ходе нашего следствия. Печать была нашим помощником в море информации.

Не обошлось, правда, и без ошибок. Например, в «Огоньке»

(№ 37 за сентябрь 1986 г.) ситуация столкновения описывалась так: «Капитан Ткаченко стоял у экрана локатора. Курс – 160° и прямо поперек курса, по правому борту сухогруза, шел пассажирский пароход "Адмирал Нахимов"» А все было как раз наоборот: курсом 160° шел пароход, а «Петр Васёв» – курсом 36°.

Разумеется, эта неточность для такого не морского журнала, как «Огонек», вполне объяснима, но извинительной ее назвать нельзя. Популярный журнал популяризировал неясность, ибо понять из его описания, как двигались суда и как развивалась ситуация их сближения перед столкновением, было невозможно ни дилетантам, ни специалистам.

В той же публикации «Огонька», в целом правильной и проникновенно написанной, есть, на мой взгляд, и еще одна, менее безобидная неточность. Автор Б. Смирнов со слов потерпевшего В. Габрильянца так описывает один из эпизодов драмы на море: «Рядом – ребенок в жилете, и какой-то мужчина этот жилет с ребенка срывает. Я закричал на него, подплыл к ребенку и тоже подтащил его к плоту, снял жилет и бросил его тому подлецу мужчине... Сейчас бы его встретить».

Ни рассказ Габрильянца (повторенный мне в том же виде в Новороссийске), ни публикация не заставила меня поверить в случившееся, ибо никаких подтверждений этого случая найти не удалось. Сам Габрильянец в моей долгой беседе с ним не смог назвать каких-либо дополнительных деталей случившегося. По нашей просьбе он встречался со многими потерпевшими мужчинами, мы ему показывали фотографии и погибших, да он и сам их видел на траурном причале № 15, куда доставлялись жертвы кораблекрушения, однако этого мужчину он так и не нашел.

Представьте себе черную южную ночь, неосвещенный участок открытого моря, где только-только ушел на дно пароход и более тысячи человек, упавших, спрыгнувших, скатившихся и, наконец, просто всплывших с его палуб на небольшом пространстве (пока еще не подошли спасательные суда) отстаивают свое право на жизнь. В этой яростной схватке со стихией,

практически в абсолютном мраке Габрильянц смог на каком-то расстоянии (ведь, как он говорит, ему туда пришлось плыть) увидеть ребенка в жилете и мужчину, который этот жилет с него срывает. Почему срывает? А может, это отец ребенка или просто мужчина, который пытается ему помочь, или не умеющий плавать пассажир, инстинктивно хватающийся за все, что попадет под руку? Да и как в такой ситуации разглядеть, что мужчина именно срывает спасательный жилет? Да и что ему мешало это сделать? И, наконец, была ли возможность у самого Габрильянца, который спасался сам и спасал своих дочек, рассмотреть в этой суматохе то, о чем он с такой определенностью говорит?

К чему я так подробно остановился именно на этом факте? Дело в том, что мировой опыт кораблекрушений дает нам примеры того, как зверели иногда люди в борьбе за свою жизнь. Описываются случаи, когда матросы на тонущем судне прокладывали ножами и пистолетами себе путь к шлюпкам среди пассажиров, совершая массовые убийства. Нужно отметить (и этому феномену следовало бы посвятить отдельную статью), что подобных сцен во время гибели «Адмирала Нахимова» не было.

Была паника, была неразбериха, возникшая, в основном, из-за растерянности капитана Маркова, не подавшего своевременно (пока судно не обесточилось через четыре минуты), сигналов общесудовой и шлюпочной тревоги. Возможно, были случаи недостаточного внимания со стороны команды к пассажирам, но в общем спасание проходило организовано: были спущены одна шлюпка (хотя она и перевернулась, но спасла людей, за нее многие потом держались) и более двадцати надувных плотиков, ставших главным средством спасения. Моряки уступали свои жилеты не умеющим плавать, члены команды и пассажиры, умеющие плавать, спасли очень многих. Некоторые погибли, спасая других.

Сам факт спасения более восьмисот человек в условиях, когда судно затонуло за короткий промежуток времени (от 8 до 15 минут) говорит о большой сплоченности наших людей,

их взаимовыручке и готовности к самопожертвованию. Борьба за жизнь в данном случае не затмила сознание людей. Что это – следствие специфических условий крушения или проявление характера наших людей, воспитанных в духе лучших идеалов? Такой вопрос должен был бы найти свой ответ в специальном исследовании.

Правда, был один документально установленный случай эгоистического, не моряцкого поведения старшего пассажирского помощника капитана парохода «Адмирал Нахимов» Просвирнина. Его трусость хорошо и достоверно описала «Комсомольская правда», и не хотелось бы об этом говорить еще раз. Но такое поведение не было характерным для данной ситуации, когда большинство людей, помогая друг другу, сумели выстоять.

Но если с Просвирниным все ясно, и коллектив моряков достаточно четко выразил ему свое презрение, то случай, который со слов Габрильянца описал «Огонек», остался под вопросом, хотя картина происшествия окрасилась еще одним черным мазком.

*«Петр Васёв» в доке
после столкновения*

Не хотелось бы прослыть за такого ура-патриота, утверждающего, что нам де, советским, не свойственен инстинкт самосохранения, и что, мол, даже спасая свою жизнь, мы ведем себя поджентльменски. Нет, не это я хотел сказать. Просто я против публикации непроверенных фактов в печати. А такое было.

В Международных правилах предупреждения столкновения судов (МППСС-72), многие из которых были нарушены капитанами Ткаченко и Марковым, есть и такое: «Если имеются сомнения

в отношении наличия опасности столкновения, то следует считать, что она существует». Это правило, перефразировав его, вполне можно взять на вооружение и юристам, и журналистам. Собственно, у юристов оно существует: «Каждое сомнение толкуется в пользу обвиняемого». Для журналистов я бы его сформулировал так: «При наличии сомнений в правдивости информации следует воздержаться от ее публикации».

Аварийно-спасательные работы на месте затопления

Мои знакомые, зная, что я участвую в расследовании обстоятельств кораблекрушения, после упомянутой публикации в «Огоньке» задавали мне один и тот же вопрос: «А правда ли, что пассажиры с «Нахимова», спасаясь, топили друг друга и детей?» И хотя я горячо доказывал, что этого не было, чувствую, что не всех моих собеседников удалось убедить. «А вот "Огонек", – говорили они, – пишет другое». Тут же для несокрушимости уже сложившегося мнения добавлялись сентенции типа «нет дыма без огня» и ей подобные. И мне оставалось лишь убедиться в слабости моего основанного на фактах красноречия перед силой печатного слова.

Техническая неточность была допущена и, в общем-то, очень правильной статье «Крен» («Комсомольская правда»), где указывалось, что износ корпуса парохода «Адмирал Нахи-

мов» составил 15 миллиметров. Фактически же износ составил лишь 1,5 миллиметра. Отсутствие всего лишь запятой в цифре могло создать впечатление, что борта парохода, имеющие фактическую толщину от 15 до 20 миллиметров, износились до толщины стенок консервной банки.

Возможно, такие ошибки в печати и проходили незамеченными для большинства читателей, но они не могли способствовать уяснению истины теми, кто на основе публикаций хотел бы разобраться в сути дела.

Были в печати и такие статьи, которые содержали рекомендации, прямо противоположные правилам обеспечения безопасного мореплавания. Так, в «Собеседнике» (№ 3 за январь 1987 г.) журналист Цеков предложил метод судовождения на основе только радиолокационного наблюдения. Это грубо противоречит МППСС-72, согласно которым радиолокационное наблюдение на судне является одним из видов наблюдений, а не единственным. «Предположения не должны делаться на основании неполной информации, а особенно радиолокационной», – гласит одно из этих правил. И именно нарушение его капитаном Ткаченко стало одной из причин, приведших к трагедии. А Цеков в своей статье то, что было причиной столкновения, подает как панацею от столкновений. Подобные ошибочные представления, взятые на вооружение судоводителями, особенно молодыми, могут привести к пагубным последствиям.

Журналист Ф. Зинько в статье «Будучи доверенными лицами...» («Советская Россия» от 13 марта 1987 г.) написал, что капитан Марков якобы из-за того преждевременно ушел с мостика, что торопился в пассажирскую каюту «люкс», где его ждал некий «почетный гость», из-за которого, якобы, отход парохода был задержан на целый час. Следствием, а потом и судом установлено, что Марков действительно преждевременно ушел с мостика, в 23:00, то есть за 12 минут до столкновения. Но ушел не к загадочному «почетному гостю», а прозаически отдыхать к себе в каюту. Оттуда, надевая одежду на ходу, он выскочит на мостик в момент, когда услышит за минуту до столкновения

гудки запоздало обрабатывающего «задний ход» «Петра Васёва». Каюты «люкс» расположены от мостика двумя палубами ниже, и даже если бы Маркову было 18, а не 56 лет, он чисто физически не смог бы так быстро оказаться на мостике.

Неизвестно, откуда взял Ф. Зинько и информацию, что отход парохода был задержан на целый час. Если бы это случилось, то крушения не могло быть, так как «Петр Васёв» прошел бы точку столкновения за час до того, как туда должен был бы подойти «Адмирал Нахимов». К сожалению, его выход из порта состоялся по расписанию, а не по Ф. Зинько.

Непонятно также, почему в этой статье утверждается, что пароход шел от причала до столкновения 45 минут. Установлено, что роковой для него стала 72-я минута после отхода от причала порта Новороссийск.

Зачем понадобились черные мазки к характеристике и без того кругом виноватого капитана парохода, обвинения его в «гордыне», умении «обвораживать начальство», стремлении «унижать людей»? Тем более тогда, когда только начинался судебный процесс в Одессе и Верховный суд СССР приступил к разбирательству дела капитанов.

На меня, лично работавшего с обвиняемыми Ткаченко и Марковым, никакие эмоции, проскользнувшие в печати в адрес бывших капитанов, влияния не имели. Следователей интересовало прежде всего, какие действия, предшествующие столкновению и сразу после него, совершали капитаны, а не сигареты, которые они курили, или форма, в которую были одеты. Уверен, что и на состав Верховного суда, рассматривавшего это дело, нетипичные для нашей печати и негуманные выпады против подсудимых также воздействия не оказали.

На неуместность этого правильно указал капитан А. Богдан в своей статье «Уроки Цемесской бухты» («Известия», 23 августа 1988 г.). Полностью соглашаясь с ним в этом, не могу согласиться с его утверждением, будто пресса, рассказывая о катастрофе, «оказалась целиком во власти эмоций». Созданная журналистами обстановка, считает А. Богдан, «формировала

общественное мнение еще до суда, давила на суд вместе с потерпевшими, которые своим гневом и горем заполнили зал, где проходили заседания суда. Этот последний, в свою очередь, испытав «тяжелую нравственную нагрузку», вынес приговор, явившийся, по мнению А. Богдана, актом не правосудия, а возмездия. Но так ли это?

Общественное мнение действительно формировалось до суда. И оно не могло не формироваться. В связи с болезнью Ткаченко и сложностью дела расследование длилось около полугода, еще два месяца дело изучалось судьями (его объем – около 60 томов). Так что, все это время страна должна была находиться в неведении о происшедшем? Рассказ о масштабах трагедии, впечатления многих ее участников, попытки разобраться в причинах, обнаружить виновников на базе известных фактов еще до суда – винить за это печать более чем неуместно.

Что касается статьи самого А. Богдана, то в ней, на мой взгляд, допущены куда большие огрехи. На них-то мне и хотелось бы остановиться подробнее, так как его взгляды на причины этого кораблекрушения ведут к смещению акцентов и к подмене истинных причин мнимыми, а следовательно – к непониманию истоков этой трагедии.

Такие «оговорки» А. Богдана, как: «Я, конечно, не вправе оспаривать решение суда. Но...» – не могут скрыть истинных намерений автора, заключающихся как раз в том, чтобы сделать это – оспорить решение суда, и даже представить на суд общественности новых, им открытых «виновников» этой трагедии.

Кстати, это не первое выступление А. Богдана в печати. В апреле 1988 года в «Литературной газете» (статья «Смерть капитана») вместе с другим автором – А. Водолазовым – они писали:

Кто сегодня не знает о «преступной халатности» капитанов «Адмирала Нахимова» и «Петра Васёва»? Они грубо нарушили чуть ли не дюжину параграфов и инструкций, за что и получили сроки заключения. Они действительно виноваты. Но виноваты только (!?) в столкновении двух судов. Само по себе

столкновение на море вовсе не редкость. Суда сталкивались и, увы, будут сталкиваться. В данном же случае столкновение обернулось страшной трагедией – привело к чудовищным жертвам. Но вот ведь штука, до сих пор не выясненным остался воистину уникальный для современного флота факт: поврежденное судно оставалось на плаву всего семь-восемь минут. После чего камнем пошло на дно. Не исключаем, что причина этого в более чем почтенном возрасте «Адмирала Нахимова» – пароход плавал более 60 лет. Так что продолжать эксплуатацию такого «пенсионера», как «Адмирал Нахимов», было уже преступно. Но за это наказаны далеко не все. При разборе причин аварии судна ведомственная комиссия не стала допытываться до истоков – глядишь, обнаружишь виновников рангом повыше, чем капитан.

Сопоставляя эту выдержку с упомянутой статьей в «Известиях», легко увидеть, что позиция А. Богдана даже за столь короткий промежуток времени претерпела существенные изменения. В «ЛГ» он еще не ставит под сомнение вину капитанов, констатируя грубое нарушение ими «дюжины параграфов и инструкций», утверждая, что именно столкновение привело к «чудовищным жертвам», хотя и говорит о наличии виновников рангом повыше, чем капитаны. В «Уроках Цемесской бухты» капитаны уже представлены как жертвы возмездия, но не правосудия, а тяжкие последствия кораблекрушения уже не связываются ни с виной капитанов, ни со столкновением судов.

Правда, последняя идея проводится и в «ЛГ», где о столкновениях судов авторы говорят как чуть ли не о штатной, само собой разумеющейся ситуации. Послушать их, так можно подумать, что столкновения у нас скоро станут хорошей морской практикой. Если продолжить эту линию рассуждения, то задача в малом – делать такие суда, чтобы они не тонули быстро от столкновения. Но ведь это же абсурд! Каким бы современным ни был флот, безопасность мореплавания шла и идет по пути того, чтобы избегать столкновений. И пока по этой причине гибнут суда и люди, виновники этих столкновений будут ответственны и за последствия.

Да, пароход «Адмирал Нахимов» был старым, более того, как выяснилось в ходе следствия, к моменту кораблекрушения он был уже списан с баланса Черноморского пароходства. Пока пароход совершал последние рейсы, акт на его списание дожидался своего утверждения в Минморфлоте. Правда, разрешение Регистра СССР на эксплуатацию судна до ноября 1986 года имелось.

Что касается Международной конвенции 1948 года, то конструкция парохода действительно не отвечала ее требованиям. Но дело в том, что требования этой Конвенции не распространялись на те суда, которые, как и «Адмирал Нахимов», были построены до ее принятия.

А. Богдан представляет дело так, будто в Минморфлоте стояли на приколе в неограниченном количестве современные суда, а вот бюрократам из этого министерства захотелось использовать «Адмирал Нахимов» чуть ли не для того, чтобы подвергать риску жизнь советских граждан. Конечно же, дело было не так. Старый пароход эксплуатировали на внутренних линиях не от хорошей жизни, и, конечно же, риск при этом имелся.

Но были ли у А. Богдана основания утверждать, что тяжкие последствия трагедии наступили не по вине капитанов, а истинными виновниками этого происшествия являются «некомпетентные чиновники» Минморфлота? Думается, нет.

Вот аргументы, которыми он обосновывает свою позицию.

Согласно правилам, время спуска шлюпок с людьми составляет 20–30 минут, а пароход погиб за 8 минут. Усиливая этот аргумент, А. Богдан добавляет, что «даже торпедированные в войну пассажирские суда не шли ко дну столь стремительно». Внешне эта позиция выглядит убедительной, а по существу ею же и подтверждается вина капитана Маркова. Следствием установлено, что часть грубых нарушений из тех, что были допущены Марковым, касались неподготовленности судна к выходу в открытое море. Он настолько утратил бдительность, что каждый раз выходил из портов, в том числе и в тот роковой вечер из Новороссийска, с незакрытыми клинкетными

дверями водонепроницаемых переборок. Расчеты, проведенные экспертами, показали, что если бы клинкетные двери были закрыты, то, несмотря на большую пробоину, пароход находился бы на плаву около суток, этого было бы достаточно для спасения людей, да и самого судна.

Теперь о пробоине. Возможно, во время войны бывали случаи, когда суда тонули дольше. Но разве им наносили повреждения такие «торпеды», как «Петр Васёв» водоизмещением более 41 тысяч тонн?! К тому же столкновение, оказавшееся гибельным для «Адмирала Нахимова», произошло, когда он шел на полной скорости, а «Петр Васёв» – на среднем ходу, груженный 30 тысячами тонн зерна. Неудачным (если можно употребить это слово в данном случае) был характер столкновения и в том смысле, что «Петр Васёв» форштевнем с бульбом таранил в борт пароход почти перпендикулярно и ниже ватерлинии. Причем «Адмирал Нахимов», продолжая движение, увеличивал пробоину от середины (миделя) судна, куда пришелся первый удар, почти до кормы.

С полной уверенностью можно утверждать, что такого удара не выдержало бы никакое, даже самое современное пассажирское судно. А с учетом того, что пароход «Адмирал Нахимов» был достаточно крупнотоннажным судном (более 20 тысяч тонн), имел клепаные довольно толстые борта (что, по заключению экспертов, предотвратило гораздо большие разрушения), напрашивается вывод, что для другого судна в такой катастрофе последствия могли быть куда более трагическими.

Так что «пароход-старичок», при правильной его эксплуатации и, прежде всего, при закрытых клинкетных дверях водонепроницаемых переборок, мог бы оказаться тем единственным судном, технические характеристики которого позволили бы избежать тяжких последствий.

Увы, сослагательным наклонением не исправишь случившегося, однако без этого не обойдешься при анализе трагедии и поиске ее истинных причин и виновников. Некомпетентные чиновники, разумеется, виноваты во многих наших бедах, но

уголовное право не терпит абстрактных виновников. Как конкретны тяжкие последствия, так конкретны и люди, по вине которых случается беда.

Разумеется, бывают такие обстоятельства (ураган, шторм и т. п.), когда непреодолимая сила становится на пути разумных решений капитана, сделавшего все необходимое, чего, однако, оказывается недостаточно для спасения судна, его груза или людей. Бывает, что и техническое несовершенство судна может стать причиной трагедии, причиной, которую не в силах устранить судоводительское искусство капитана.

Но когда трагедия на море возникает, развивается и завершается на глазах капитана, как статиста наблюдающего происходящее, не производящего на мостике элементарную навигационную работу, а когда судну угрожает опасность, удаляющегося отдыхать к себе в каюту – в такой трагедии повинен только капитан. Быть может, и заманчиво искать виновников подобных трагедий где-то в отдаленных от мостика кабинетах каких-то чиновников, но «Адмирал Нахимов» остался бы на плаву, если бы с ним не столкнулся «Петр Васёв». Быстрое затопление судна объясняется неправильной эксплуатацией судна, а не его устарелой конструкцией.

Итак, в чем же виноваты «чиновники»? В том, что допустили эксплуатацию «старичка-парохода»? Но этот факт не находится в причинной связи с кораблекрушением. Следовательно, в их действиях (а вернее – бездействии) признаки лишь дисциплинарного проступка, за который вся виновная (в этом, а не в уголовном смысле) цепочка должностных лиц и была наказана.

Поэтому утверждение А. Богдана в «ЛГ», что ведомственная комиссия не стала докапываться до истоков из боязни обнаружить виновников рангом выше, чем капитан, как и его утверждение в «Уроках Цемесской бухты», что особо тяжкие последствия наступили не по вине капитанов Маркова и Ткаченко, а якобы по вине некоего «флотского бюрократа», несправедливы.

Хотелось бы спросить капитана Богдана, неужели он всерьез думает, что какой-то бюрократ из Минморфлота мешал капитану Маркову при отходе из Новороссийска дать предусмотренную правилами команду закрыть клинкетные двери и послать кого-нибудь с мостика проверить ее выполнение? А что (или кто) мешало Маркову, когда он, видя идущий пересекающимся курсом «Петр Васёв», даже не удосужился оценить опасность столкновения и ушел с мостика? Или эта работа должна была производиться в кабинетах Минморфлота?

Или такой вопрос: каковы должны быть первые действия капитана в ситуации, когда к его судну перпендикулярно приближается другое большегрузное судно и через минуту происходит их столкновение? Думаю, в этой ситуации капитан Богдан поступил бы в соответствии с правилами, как минимум, объявив общесудовую и шлюпочную тревоги.

Что же делал в этой экстремальной ситуации Марков? Он начал нецензурно ругать своего помощника Чудновского, в двенадцатиминутную вахту которого и произошло столкновение. Причем вахту Чудновский принял от Маркова, когда ситуация сближения двух судов катастрофически развивалась. У Чудновского были возможности профессиональным вмешательством прекратить это развитие. Вместо этого по его команде последовал ряд некомпетентных отворотов судна влево (в общей сложности на 20°), а за минуту до столкновения – циркуляция влево, что и привело пароход в точку столкновения, которое от циркуляции стало еще более сокрушительным. Смерть Чудновского в этой катастрофе оставила пустующим третье место на скамье подсудимых, ибо вина его также была доказана, и она не исключала вину обоих капитанов.

Уверен, что тревога, которую мог и должен был объявить капитан, в распоряжении которого имелось четыре-пять минут до обесточивания судна, спасла бы много жизней.

Дело в том, что сразу после столкновения судов пассажиры на разных палубах, ощутив толчок, выскочили из кают в кори-

доры, но не имеющие информации стюардессы стали их успокаивать, предлагая вернуться в каюты.

При сигналах тревоги команда и пассажиры знали бы, что им делать, люди взяли бы спасательные жилеты или, во всяком случае, не колеблясь двинулись бы на верхние палубы. Вместо этого многие сначала разошлись после толчка по каютам, а некоторые начали выбираться оттуда, лишь когда погас свет и в коридоры стала поступать вода. Были в каютах и такие, кого не потревожило столкновение, кто, ничего не подозревая, отдыхал после вахты или уснул после дневной стоянки в Новороссийске. Сигналы тревоги, которые так и не включил растерявшийся на мостике Марков, могли бы стать спасательными и для этих людей. Так спрашивается, чья некомпетентность – чиновников или капитана – была роковой в тот момент?

И вина капитана Ткаченко в трагедии тоже вполне очевидна, реальна и связана с причиненным вредом и многочисленными жертвами, а не просто со столкновением или морской «лихостью и беспечностью», что пытается доказывать А. Богдан. Более того, именно Ткаченко оказался первой скрипкой в сумбурном оркестре виновников. Это он первым стал на путь покаяния МППСС-72, когда в 22:40 сообщил на «Нахимов» (а потом это сообщение несколько раз продублировал), что пропустит пароход и не будет пересекать его курс. Сам же, проявив верх безответственности, поставив на какую-то бессмысленную карту жизнь многих людей, продолжал движение своего судна, пока за две минуты до столкновения не понял, что оно неизбежно, и не начал запоздало обрабатывать задний ход.

Пытаться перевести стрелки наказания с капитана на мифического флотского бюрократа удобно: вот уж где виновного не найдешь. Ведь бюрократ, кроме прочего, страшен своей неувидимостью и невидимостью.

Но сам Ткаченко сразу же понял, что он виноват. Уже в ту роковую ночь, когда вахтенный помощник Зубюк, который вел предшествующие столкновению записи в черновом журнале,

отплыл на шлюпке спасать потерпевших, Ткаченко стер все записи в журнале, а потом предложил вернувшемуся на судно Зубюку составить новые – соответствующие более извинительной, по мнению Ткаченко, версии происшедшего.

Зубюк отказался выполнить незаконные требования капитана-фальсификатора и еще до прихода следователя на борт судна восстановил по памяти и по вдавленным штрихам прежние записи в журнале. Они, наряду с другими данными, служили подтверждением того, что Ткаченко в простой ситуации не рисковал, а совершал преступление, предусмотренное ст. 85 ч. 1 УК РСФСР.

К чести и Ткаченко, и Маркова следует отнести то, что в ходе следствия и суда они признали себя виновными в нарушении лично ими большинства пунктов правил судовождения, несоблюдение которых и привело к столкновению. Они не искали для себя оправданий, ссылаясь на бюрократов Минморфлота или своих помощников. Не пытались они и оправдать свою вину виной другого, понимая, что каждый из них, несмотря на неправильные действия другого, своими правильными и своевременными действиями мог бы нейтрализовать возможность столкновения.

Хорошо им были известны и возраст парохода, и связанные с этим многие трудности в его эксплуатации, но не искали капитаны оправдания для себя в конструктивных недостатках судна. Они понимали, что не эти недостатки в данном случае предопределили столкновение и его тяжелые последствия.

Оба капитана, осмыслив происшедшее, поняли, что столкновение, как и его жертвы, – на их совести, да еще на совести погибшего, а потому неподсудного Чудновского. И оба тяжело переживали случившееся.

В самом начале следствия была назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Хотя поведение капитанов не давало поводов для сомнений в их психической полноценности, но уж слишком абсурдным казалось столкновение и слишком алогичными – их действия.

Срочно в Новороссийск были приглашены ведущие эксперты-психиатры из Москвы. Освидетельствовав обвиняемых, они констатировали: вменяемы. Причем в отношении Ткаченко отметили особо высокую степень психической устойчивости, несмотря на перенесенную тяжелую стрессовую ситуацию.

В то время я почти каждый день встречался с капитанами в следственном изоляторе, работа шла нормально. Примерно дней через десять после проведения экспертизы вижу: Ткаченко на очередном допросе как-то неестественно возбужден, не может усидеть на месте, попросил разрешения во время допроса ходить по кабинету. Допрос постоянно прерывает вопросами: «Сколько человек погибло?» Просит разрешить ему лично участвовать в спасательных работах – это когда из газет, поступающих в следственный изолятор, узнал, что погиб один из водолазов. А когда я сказал: «Ведь у вас нет опыта водолазных работ, вы можете погибнуть», – он скороговоркой ответил: «Ну и что, я хочу умереть... Мне страшно... Я не могу жить...» От моего предложения вызвать врача он отказался.

Я чувствовал: что-то надломилось в душе этого человека. На моих глазах за две недели он от уверенного в себе капитана с довольно твердым характером под влиянием случившегося и с каждым днем все увеличивающихся данных о количестве жертв превращался в человека растерянного, испуганного, теряющего жизненную опору. А неоднократно повторяемые Ткаченко мысли о смерти заставили меня снова показать его экспертам-психиатрам, которые констатировали психическое расстройство в форме реактивного состояния. Пришлось отправить капитана на лечение.

Более спокойным и ровным был на следствии Марков, но под конец следствия, когда знакомился с материалами дела, не выдержало и его сердце – врачи определили предынфарктное состояние, пришлось приостановить выполнение следственных действий.

Имея все это в виду, я указал в интервью корреспонденту

«Московских новостей», что «капитаны осознают свою вину и тяжело переживают случившееся». К тому времени некоторые потерпевшие, в том числе и родственники погибших, знакомились с материалами дела. С другими, которые по разным причинам не могли участвовать в ознакомлении, мы вели обширную переписку.

И вот от перенесшей в связи с аварией тяжелое нервное потрясение матери одной из погибших получаю я письмо, в котором были такие строки:

Как кощунственно выглядят на фоне всей трагедии Ваши слова о том, что оба капитана тяжело переживают свою вину... Кому, как не капитану парохода Маркову, моряку с большим стажем, было ясно, на какую мучительную смерть обрек он сотни людей, сбежав со своего рабочего места... Ничто не может быть ему оправданием. Ему доверили жизни сотен людей, а он их предал, не выполнив свои служебные обязанности... То же в полной мере относится к капитану теплохода «Петр Васёв»...

Я прошу учесть мое заявление при рассмотрении дела и прошу обоим капитанам высшей меры наказания – расстрела. Только эта исключительная мера заставит многих людей понять, что на рабочем месте надо работать, независимо от того, где оно – за штурвалом парохода, у пульта управления или у операционного стола. Слишком высокой ценой заплачено за недобросовестность, халатность и низкую квалификацию отдельных должностных лиц. Только это сможет предотвратить в будущем подобные катастрофы. Они совершили тяжчайшее преступление, и количество жертв выходит далеко за пределы тех 423 погибших 31 августа. Все люди, которые потеряли своих близких так глупо только потому, что два человека не могли, не захотели понять друг друга, уступить и, наконец, просто не захотели добросовестно работать, все эти люди – жертвы той трагедии. Эта боль останется с нами на всю жизнь...

Лица, совершившие это страшное преступление, должны быть сурово наказаны. Им нет места среди людей.

Получив это полное отчаяния и вместе с тем содержащее суровый приговор письмо, я решил ответить на него не только официально, но и приложил записку, в которой, в частности, писал:

Нам, следователям, обязанность которых – искать истину, достается со всех сторон: обвиняемые жалуются на то, что мы слишком скрупулезно и всеобъемлюще ищем их вину, а потерпевшие предъявляют претензии, что мы, якобы, слишком снисходительны к виновникам их несчастий. Наша же задача, повторяю, только истина, и уверяю Вас, что если бы Вам удалось хоть на мгновение забыть свое горе, мои слова о капитанах не показались бы кощунственными. Моя оценка их поведения на следствии просто отражает реальность. Поверьте моему более чем двадцатилетнему опыту следователя, что это так. Профессиональный, да и житейский опыт научили меня различать, почему переживает тот или иной человек после совершения преступления.

Но если это для Вас не аргумент, то поверьте другим фактам: один из капитанов после происшедшего перенес предынфарктное состояние, другой – тяжелое психическое расстройство (кстати, это было установлено не мною, а врачами). Да и фактические обстоятельства дела говорят нам о том, что этого кораблекрушения никто не хотел, и прежде всего сами капитаны – для них это смерти подобно, так как, не говоря о других последствиях, из которых осуждение по уголовному делу часто не главное, они теряют все. Кошмар своей (пусть и неосторожной) вины будет их преследовать всю жизнь.

Не подумайте, что это хоть в какой-то мере их оправдывает. Нет! Этим я просто хочу подчеркнуть, что не неотвратимость наказания для них страшна. Часто это для них лишь спасение, ибо как после такого кораблекрушения им смотреть в глаза своих близких, знакомых, коллег?..

Не забывайте, что преступление, которое они совершили, относится к разряду неосторожных, и наш закон предусматривает за него тяжкое наказание в виде 15 лет лишения свободы, то есть даже больше, чем за умышленное убийство безотягчающих обстоятельств.

Не думаю, конечно, что каким бы то ни было письмом можно смягчить горе потерпевших, но после долгих раздумий я все-таки решил привести его значительную часть, чтобы попытаться воззвать к справедливости как по отношению к капитанам, так и к следствию. Ведь с требованиями смертной казни для виновников трагедии – капитанов в прокуратуру и в правительственные органы обратились тогда очень многие из родственников погибших. Не свойственная нашим людям нетерпимость переполнила сердца многих, пытавшихся, может быть, хоть так умерить свою острую боль. Правительственная комиссия, особенно в первые дни работы в Новороссийске, буквально осаждалась сотнями потерпевших и родственников погибших, требовавших применения к арестованным капитанам самых суровых мер, вплоть до расстрела.

Людам, которые ознакомились с обстоятельствами столкновения и кораблекрушения, оно казалось верхом безответственности. Ведь столкновение произошло, как говорится, «на ровном месте», и вина за него – целиком на совести судоводителей. Нештатная ситуация была создана не какой-то неожиданной случайностью, не вышедшими из-под контроля силами природы, не техническими неполадками, а явилась следствием небрежного выполнения служебных обязанностей, наплевательского отношения к человеческим судьбам и прямым нарушениям правил безопасности мореплавания.

Должно ли такое поведение судоводителей оставаться безнаказанным? Есть ли страна в мире, где подобные действия или бездействие, повлекшие такие жертвы, ненаказуемы? Думаю, такой страны нет.

Пытаясь доказать, что Марков и Ткаченко наказаны судом слишком сурово, капитан Богдан сослался на «опыт из зарубежной практики», когда капитан английского парома «Геральд оф Фри Энтерпрайз», затонувшего у берегов Бельгии, был приговорен судом лишь к лишению диплома на один год, а наши капитаны – к максимальному сроку лишения свободы. В то же время нарушения английского капитана, считает А.

Богдан, тоже были серьезными, выразились в том, что он вышел в море, не приведя судно в мореходное состояние. В этом А. Богдан видит сопоставимость вины наших капитанов и капитана парома.

Но можно ли говорить о сопоставимости, если у Маркова, например, такое же нарушение было лишь одним из двадцати шести, и к тому же не главным, не определявшим столкновения. К тому же капитан парома допустил нарушение под давлением судовладельцев, которые в условиях ожесточенной конкурентной борьбы требуют от своих капитанов больших скоростей при максимальных загрузках и минимальных затратах времени на подготовку судов к плаванию. Ни одно из нарушений правил, допущенных Марковым и Ткаченко, не совершалось под давлением кого бы то ни было, в том числе и судовладельца – Черноморского морского пароходства.

Пароход в Новороссийске стоял почти двенадцать часов, и у Маркова имелись все возможности подготовить его к плаванию. Марков без всякой технической и экономической необходимости просто грубо рисковал жизнью людей, когда не принимал мер к закрытию клинкетных дверей, изолирующих в случае затопления друг от друга отсеки судна. Не говоря уже о том риске, на который он шел, когда нарушал правила судовождения. Да и можно ли риском назвать ничегонеделание на мостике, прямое нарушение правил, исполнение которых – прямая обязанность капитанов.

Несопоставимо одно нарушение капитана английского парома с грубыми нарушениями семнадцати разных, в том числе международных правил, которые допустил и Ткаченко на коротком промежутке движения примерно за час до столкновения.

Законодатель не может ставить жизнь многих людей в зависимость от случая, каприза, своеволия или просто лентяйства одного человека. И тем, кому не хватает простой добросовестности в выполнении своих обязанностей, закон напоминает о себе возможностью сурового возмездия.

Бывают, конечно, обстоятельства, влияющие на развитие

или возникновение той или иной социальной или личной беды, которые не зависят от конкретного человека. Но разбираясь в них, не минуешь попытки определить: а не человек ли сыграл здесь свою роковую роль. И лишь убедившись, что тяжкие последствия возникли не в связи с недостатками людей, можно выявить какие-то другие объективные причины.

Никому же не придет в голову винить, например, машиниста поезда, сошедшего под откос в момент сильного землетрясения, которое разрушило полотно дороги. Но без анализа действий этого машиниста, всестороннего изучения его возможностей принять меры к предотвращению крушения не обойдешься. И лишь убедившись в том, что машинист сделал все правильно, но крушение произошло, можно сделать вывод о его невиновности, то есть о том, что, по терминологии А. Богдана, такой человек не является источником беды.

Вообще, удивляет та легкость, с которой капитан Богдан расправляется с решениями не только морских, но и юридических и социологических задач. К примеру, бросив обвинение, заключенное в лаконичной формуле: «Мы истоки всех бед часто ищем исключительно в изъянах людей», – он и не думает его обосновывать. Между тем кораблекрушение с «Адмиралом Нахимовым» как раз и произошло в результате изъянов капитанов Маркова и Ткаченко. А по формуле А. Богдана причины вроде бы нужно искать где-то в другом месте, но, и конечно уж, не в изъянах людей. Он – как один из героев Шекспира, провозгласивший: «Нет в мире виноватых». Фраза броская, подкупающая, но импонирующая, я думаю, лишь тем, кто возвел в принцип вседозволенность и безответственность.

Не нравится А. Богдану и то, что мы круг виновных «сразу, по горячим следам» ищем и этот круг стараемся строго очертить. Спрашивается: а как же иначе? Успех раскрытия любого преступления часто обеспечивается именно тем, что правда о нем разыскивается по горячим следам. Думаю, это относится к выяснению причин любой беды, катастрофы, кораблекрушения и т. п.

По Богдану получается так: что-то произошло, но мы не должны спешить с изучением случившегося, а должны посидеть, подумать, подождать. Чего? Чтоб стерлись следы? Или чтобы их уничтожил тот, кто в этом заинтересован?..

В случае с кораблекрушением «Адмирала Нахимова» успех расследования во многом был обусловлен тем, что следственная группа прибыла на «Петр Васёв» утром 1 сентября, когда еще были целы (и изъяты) ленты курсографа и реверсографа, вахтенные журналы на мостике и в машинном отделении. Ведь в истории морских кораблекрушений известны случаи, когда эти необходимые для уяснения истины документы исчезали или извращались заинтересованными лицами (как едва не произошло с вахтенным журналом «Петра Васёва»).

А чего стоит призыв не очерчивать строго круг виновных? И можно ли быть справедливым и каждому воздать должное, если не будет очерчен этот круг? Ведь формула круговой поруки – «все виноваты» – выгодна тому, кто виноват больше всего, или тому, кто только и виноват. Наконец, закон прямо обязывает следователя и суд установить круг виновных.

Для разного уровня разбирательств вины критерии различны. Ведомственная комиссия может очертить этот круг достаточно большим числом должностных и прочих лиц, а следствие и суд – только виновными в уголовно-правовом смысле. Хотя эти органы могут указать и на причастность к тем или иным нарушениям других лиц, вина которых может выразиться лишь в нарушениях трудовых или административно-правовых, а не уголовно-правовых норм.

В строгой очерченности круга виновных как раз и заключены гарантии справедливого к ним отношения. Ибо что означала бы неопределенность, расплывчатость круга лиц, причастных к тому или иному преступлению? Лишь то, что кто-то из достаточно длинной цепочки виноватых (в широком смысле слова) оказался бы на скамье подсудимых без вины в уголовно-правовом смысле.

Четкий, строго очерченный круг виновных – это, как и уста-

новление конкретной вины каждого из данного круга, не блажь следователя, прокурора или суда, а требование закона, который таким путем отсеивает виновных от невиновных. В числе последних могут быть лица, как-то связанные с происшествием (преступлением), нарушившие какие-то нормы инструкций, уставов и т. п., способствовавшие в какой-то степени наступлению преступного результата. Отличительная особенность таких действий в том, что сами по себе в данном конкретном случае они не связаны с тяжкими последствиями преступления. Так, в случае с пароходом «Адмирал Нахимов» лица, виновные в эксплуатации этого судна за пределами разумных сроков его использования, не виновны в уголовно-правовом смысле, ибо тяжкие последствия наступили не в результате самого факта эксплуатации этого устаревшего судна, а в результате столкновения с ним (по вине судоводителей) другого судна.

Хотелось бы спросить А. Богдана: кого он упрекает в недостатке смелости, когда говорит, что «мы, очертив круг виновных, из этого круга ни ногой. Не дай бог, шагнешь и достигнешь высоких кабинетов»? Если следствие, то в наше время судебно-следственная практика (хотя бы ряд описанных в печати процессов над лицами из «высокопоставленных кабинетов») дает доказательства как раз обратному. Если ведомство, то и здесь коллегия Минморфлота оказалась на высоте – в связи с кораблекрушением парохода «Адмирал Нахимов» было, как известно, сурово наказано в дисциплинарном и партийном порядке немало должностных лиц из тех самых кабинетов. С тем, что эти меры были достаточны, видимо, соглашается и сам А. Богдан, так как дальше иронического замечания, что кто-то в поисках виновников не шагнул в высокие кабинеты, он не пошел. Хотя мне кажется, что если уж знаешь виновников данного кораблекрушения в уголовно-правовом смысле из «высоких кабинетов», то надо назвать их поименно и указать, в чем конкретно их вина.

Так подробно я пытаюсь объяснить всю опасность «выводов»

капитана Богдана по двум причинам. Первая – чтобы ни у кого из потерпевших от этого кораблекрушения не прибавилось к уже имеющимся сожалениям и разочарованиям еще одно: что справедливость по касающемуся их делу не восторжествовала и что будто кто-то из «высоких кабинетов», будучи виновным, остался не привлеченным к уголовной ответственности.

Хотелось бы, чтобы люди убедились, что моя совесть следователя чиста. Я никогда не подписал бы обвинительное заключение по делу Маркова и Ткаченко, если бы хоть частично сомневался в их виновности или знал о том, что еще кто-то, виновный в этом преступлении, пусть даже из самых «высоких кабинетов», остался не привлеченным к уголовной ответственности.

Вторая и главная причина – стремление к тому, чтобы каждый судоводитель, не только капитан, осознал всю меру собственной ответственности за жизнь людей своего и любого встречного судна, понял, что за пренебрежение правилами безопасности, если это повлекло тяжелые последствия, ему и отвечать.

Означает ли это, что не бывает ситуаций, когда к нарушениям правил судоводителями могут быть причастны (в том числе на уровне соучастия) какие-либо должностные лица из высоких и прочих кабинетов? Разумеется, такое бывает. Но специфика кораблекрушения «Адмирала Нахимова» не будет правильно понята, если мы не вычленим главное, без чего оно не могло произойти. Этим главным является прозаическое, быть может, набившее оскомину нарушение судоводителями Ткаченко, Чудновским, Марковым правил безопасности движения судов «Петр Васёв» и «Адмирал Нахимов», а также нарушение капитаном Марковым правил эксплуатации парохода «Адмирал Нахимов».

Всякого рода утверждения, что последний был не мореходным судном, что судоводители, мол, виноваты лишь в столкновении, но не виновны в его последствиях, вызванных якобы конструктивными недостатками парохода, попытки разде-

лить с кем-то вину судоводителей, а то и переложить ее на мифических или реальных должностных лиц, повинных в несвоевременном списании судна, лишь затуманивают суть вопроса, искажают истину. Такими утверждениями делаются попытки оставить истинных и главных виновников этой трагедии в стороне, обосновывается безответственность, причины превращаются в следствие и наоборот.

Конечно же, любая авария какой-то частью своих корней (иногда самых главных) произрастает из кабинетов министерства или пароходства. Но специфика данного крушения в том и выражается, что на переднем плане его оказались те причины, которые заключены в личных нарушениях правил движения судов судоводителями, в первую очередь капитанами. И если мы хотим (а не хотим мы не можем), чтобы такое крушение не повторилось, каждому из ныне работающих штурманов и капитанов, как и любому из тех, которые придут на флот в будущем, нужно знать реальные обстоятельства и причины этого крушения и в своей практике избегать повторения нарушений и уровня нерадивости, приведших к трагедии.

Заступая на вахту, моряки – от матроса до капитана, как, впрочем, механики, да и любые другие работники плавсостава – должны осознавать не свое право на ошибку, а свою обязанность не совершать ее, не свое право оправдать собственную вину полностью или частично виной другого, а личную ответственность за каждое свое действие или бездействие. Поэтому понять расслабляющее влияние апологетов «права на ошибку», прочувствовать бесперспективность философии безответственности каждый из моряков, конечно же, должен сам.

Лишь в повышении уровня своей компетентности и самодисциплины, в осознании своей личной ответственности за каждый метр движения судна на воде, в строгом, с навигационными расчетами, а не «на глазок», соблюдении правил движения, в беспощадном отношении к себе и другим, когда речь идет о пресечении нарушений правил мореплавания, и, наконец, в принципиальности капитана по отношению к вы-

шестоящему руководству, если от него исходят указания, игнорирующие безопасность мореплавания, – гарантия неуязвимости капитана от карающей силы закона.

Принципиальная позиция капитана, обоснованная солидным актом о списании «Нахимова», возможно, способствовала бы тому, что в «верхних кабинетах» лучше осознали опасность следования курсом экономических соображений в ущерб безопасности плавания. Но смелости вступить в выигрышный для дела безопасности и, возможно, проигрышный для его должности конфликт у Маркова не хватило. А кто, как не капитан старого парохода, в первую очередь должен был трубить об утрате судном некоторых мореходных качеств. Поэтому и с этой стороны вина Маркова, продолжавшего капитанствовать на фактически списанном судне, тоже ощущается, хотя и не отсюда подкралась опасность.

Без столкновения это судно могло еще достаточно долго бороздить воды Черного моря. А о быстром его затоплении мы уже говорили: если плавать в открытом море с открытыми клинкетными дверями и большим числом раскрытых иллюминаторов, то любое, самое современное, судно будет превращено тем самым в большое корыто. А если его к тому же протаранить другим судном, особенно таким крупным, как «Петр Васёв» (его масса в момент столкновения превышала 50 тысяч тонн), оно затонет очень быстро. В немореходном состоянии «Адмирал Нахимов», таким образом, тоже оказался по вине капитана, ибо руководство подготовкой судна к плаванию целиком было возложено на него. Об ответственности же «бюрократов из Минморфлота» за эту группу нарушений следует вести речь лишь в той части, что в министерстве не была, видимо, создана достаточно эффективная система контроля, которая могла бы выявлять и предотвращать подобные нарушения капитанов пассажирских судов.

Но только ли капитанский грех – создать видимость, что все «в ажуре» на судне (в том числе в вопросах безопасности мореплавания)? И только ли минморфлотовский недостаток здесь?

Думается, это общий доперестроечный грех, которым страдали министерства и ведомства – приписки в отчетности, низкий уровень школы, науки, экономики, никудышное состояние юриспруденции, как практической, так и теоретической и т. п. Сколько карьер было сделано в те времена на липовых цифрах! Сколько людей, не способных руководить, стали завами, директорами, капитанами! Остановлен ли этот пагубный для общества процесс сейчас? Думаю, если не полная остановка, то замедление развития этой болезни налицо. К тому же разоблачение фикции порядка в том или ином деле становится все доступнее для тех, кого волнует судьба перестройки, кто не разучился называть еще вещи своими именами.

Выше мы уже показали, что в отличие от капитана английского парома «Геральд оф фри Энтерпрайз» наши капитаны, нарушив многие правила судовождения, не находились в тот момент под давлением судовладельца. Лондонский суд взыскал с судовладельца материальные убытки за нанесенный людям ущерб и заставил его выплачивать пенсии членам семей погибших. А у нас, по мнению капитана А. Богдана, «ведомство неподсудно», «куда как проще все свести к преступной халатности капитанов».

Так вот, и у них, и у нас ведомства неподсудны в уголовно-правовом смысле. Что же касается взысканий в гражданском порядке причиненных людям убытков, – с предприятий у нас или компаний у них, – действует примерно одно и то же правило: в случае доказанности вины организации (а часто и вины отдельных ее членов) суд взыскивает в пользу потерпевших причиненный ущерб.

Следует сказать, что возмещение Черноморским пароходством всех видов ущерба, причиненного гражданам крушением парохода «Адмирал Нахимов», началось на следующий день после этого трагического события. Пока шло следствие, пароходство выплатило без всяких судебных решений потерпевшим и организациям, участвовавшим в ликвидации последствий крушения, более пяти миллионов рублей. Было лишь несколько

случаев, когда претензии потерпевших к пароходству разрешались в порядке гражданского судопроизводства.

Черноморское пароходство делало все необходимое, чтобы к горьким чувствам потерпевших не прибавлялись новые, порожденные бюрократическими рогатками.

Как известно, суд взыскал с капитанов по 40 тысяч рублей, что является лишь каплей в море фактического ущерба.

Могу согласиться с А. Богданом, который заявляет, что «осуждение капитанов – это не гарантия от повторения такой трагедии в будущем». Да, это не гарантия, но уверен, что еще меньшей гарантией от повторения такого крушения была бы безнаказанность виновников происшествия. А именно к ней призывает А. Богдан, утверждая, что в этой трагедии виноват... бюрократ.

Так же абстрактно звучит его утверждение, что к трагедии в Цемесской бухте привела «совокупность полдюжины причин» (кстати, по нашим подсчетам, их больше). К сожалению, А. Богдан не перечисляет их, зато преступную халатность не берет в расчет лишь потому, что, по его словам, «она в равной степени универсальна и бессмысленна».

С «универсальностью» еще можно согласиться. Но при чем здесь «бессмысленность»? Термин «преступная халатность» вполне уместен для обобщенного названия тех многих нарушений капитанами правил безопасности, что и явилось в данном случае причиной крушения.

«Длительная изоляция капитанов от общества ни серьезных социальных вопросов, ни вопросов безопасности мореплавания не решит», – считает А. Богдан. Но почему бы тогда эту мысль не распространить на всех нарушителей закона? История общества свидетельствует пока в пользу того, что лишение свободы как ответственность за уголовные преступления является действенным средством профилактики. Так почему для капитанов, виновных в гибели большого числа людей, мы должны сделать исключение? Справедливо ли это?

Ведь тогда безнаказанности для себя потребуют не только ка-

питаны судов, но и пилоты самолетов, спасшиеся после грубых нарушений правил полетов, однако погубившие пассажиров (как было, например, в одной из аварий в Куйбышеве, когда командир воздушного судна с пассажирами на борту в нарушение правил полетов решил потренироваться в посадке вслепую), или операторы атомных электростанций, допустившие в силу своей личной недисциплинированности аварию, и т. д.

Вряд ли правомерно считать, что только капитаны судов испытывают какие-то деформации от «осознания постоянной угрозы за навигационную ошибку». Разве большинство членов современного общества с его усложняющейся технической жизнью не находятся в сфере действия таких угроз? Угроза уголовной ответственности существует для любого гражданина. Означает ли это, что все граждане живут в страхе? Угроза ответственности за вину, умышленную или неосторожную, одинакова для всех, и невозможно представителям какой-либо из профессий предоставить привилегию свободы от угрозы наказания.

«Культивировать на капитанском мостике страх по меньшей мере безрассудно», – пишет А. Богдан. Но кто же его культивирует? Судоводители, не пренебрегающие правилами, добросовестно работающие на мостике, не должны думать о страхе наказания. В их сознании доминирует желание (если хотите – страх) не допустить аварию или крушение. Спросите у любого капитана или штурмана, чего он больше боится – крушения или наказания за него, – и, уверен, каждый ответит: крушения.

Система воспитания судоводителей, традиции отечественного морского флота должны, видимо, действовать так, чтобы в сознании моряка на первом месте была нравственная установка не допустить нарушения правил, а вместе с этим – аварии.

Говоря о необходимости наказания, не хотелось бы касаться его уровня – это компетенция законодателя и суда, а не следствия. Одно могу сказать: критикуемый некоторыми капитанами арсенал наказаний (от 3 до 15 лет лишения свободы) на

практике выливается и в условную меру наказания, и в срок менее трех лет, что, как правило, применяется судами с учетом последствий аварий, характера нарушений, смягчающих или отягчающих обстоятельств в каждом случае.

«Мореплавание было, есть и будет связано с риском. Это объективная реальность, ни от чьих мнений или желаний не зависящая», – пишет А. Богдан. Но что в наше время не связано с риском? От перехода улицы в центре Москвы до полетов в космос – на всем нашем существовании лежит бремя риска.

Но риск бывает разный. Есть риск необходимый, вытекающий из характера обстановки, и есть риск, связанный с недоразумениями, авантюрными действиями судоводителя. Можно ли назвать оправданным риском действия Ткаченко, когда, четко дав обещание пропустить «Нахимов», то есть не пересекать его курс по носу, он вдруг увидел на экране САРПа реальную, но опасную возможность «проскочить» впереди парохода и лихо решил реализовать ее? При этом даже не проинформировал судоводителя «Нахимова» об изменении своих намерений и не учел, что своими рискованными действиями вызовет в итоге неуверенность у штурмана на встречном судне, а тот с перепугу неожиданно изменит курс (причем неквалифицированно, небольшими поворотами влево). Это был риск, но риск со знаком «минус», риск авантюрный, не продиктованный обстановкой.

Никто не спорит – мореплавание связано с риском. Но в данном кораблекрушении все рисковали без всякой на то необходимости: и Марков, преждевременно ушедший отдыхать к себе в каюту, а до того рискованно бездействовавший на мостике, и, тем более, Ткаченко (о нем уже сказано), и Чудновский, проявивший трусость и беспомощность перед лицом опасности отдаленной и устранимой даже его полным бездействием (на что, кстати, самонадеянно и рассчитывал Ткаченко).

Рисковать в ситуации, которая не дает для этого повода, рисковать там, где все ясно, игнорируя правила, рисковать,

когда опасность преодолима без риска, и в итоге допустить крушение – это значит не просто рисковать, а совершать преступление.

Капитаны Марков и Ткаченко на суде

Риск, оправдавший надежды, давший выигрыш, – это незаурядное мастерство. По словам опытного капитана Ричарда А. Кейхилла, высказанным в его книге «Столкновения судов и их причины», «незаурядный моряк должен избегать риска, используя свою незаурядную рассудительность». В ста случаях риск нарушения правил может оправдаться, а в сто первом случится непоправимое, и вся выгода от риска будет перекрыта потерями от него.

Говоря о риске на море, А. Богдан прямо-таки навязывает мореплавателям необходимость рисковать, тогда как Р. Кейхилл учит тому, чтобы уметь избегать ситуаций, выход из которых рискован. Мне лично больше импонирует позиция капитана Р. Кейхилла – в ней чувствуются основательность и добротность, которые способны исключить лишние слезы, горе и... большие сроки лишения свободы.

Конечно же, не всякую случайную опасность, подстерегаю-

щую судно в море, можно обойти с помощью правил. Но там, где возможно их применение, это необходимо, и тот, кто в такой ситуации вместо следования нормам мореплавания идет на риск, нарушая их, тот совершает правонарушение и навлекает на себя тем самым непредсказуемые последствия. Сам же А. Богдан, правда, уже в другой статье, ратует за право капитана на разумный риск, да еще «в сочетании с трезвым расчетом и здравым смыслом» («МФ», 1988, № 8). Но кто же против такого риска? «Стремление понизить аварийность администрированием без глубокого анализа причин аварий бесперспективно», – так, пристраиваясь к ныне модной критике всякой администрации, пишет А. Богдан. Глубоких анализов причин аварий, слава богу, хватает и у администраторов, и у исполнителей. Не хватает, как видим, способности избегать таких аварий.

Да и что понимает А. Богдан под стремлением понизить аварийность администрированием? Если применение административного наказания за те или иные нарушения, то почему этого не делать, когда уголовному преследованию эти деяния не подлежат? Министерство или пароходства как административные единицы издают приказы, публикуют разборы тех или иных аварий. Что плохого в таком администрировании? Опытный капитан не будет игнорировать то разумное, что заложено в административных предписаниях. Да и сам он, кстати, тоже ведь администратор...

А. Богдан говорит, что без глубокого анализа причин аварийности понизить ее невозможно. Спрашивается, кто будет делать такой анализ, как не администрация?

Предложив свою неясную концепцию аварийности и администрирования, А. Богдан обещает «поговорить всерьез об основных причинах тяжелых аварий последних лет». Разговор свой на эту тему он почему-то начинает с критики моей позиции – «капитан не имеет права на ошибку», изложенной в журнале «Социалистическая законность» (1987, № 2), и такого же, но, естественно, более литературно выраженного

мнения журналиста И. Черкашина («Юность», 1987, № 9), отвергнувшего право на ошибку тех, кто «стоит сегодня у штурвалов и пультов, повелевая скоростями и энергиями века».

То, что мне как юристу, и Н. Черкашину как писателю и бывшему моряку казалось само собой разумеющимся и даже банальным, А. Богдану представляется одним из источников наших морских бед.

Более того, пустившись в плавание по морю софистики, А. Богдан пытается «побить» нас с Черкашиным словами М. С. Горбачева: «Уверен, что самая большая ошибка – это боязнь ошибиться... Боязнь ошибиться особенно губительна: она парализует волю, сдерживает усилия по преобразованию общества». Но ничего взаимоисключающего между приведенной цитатой и нашими высказываниями нет. Мы с Черкашиным – не авторы тезиса «капитан не имеет права на ошибку», а лишь его скромные пропагандисты. Кроме того, значит ли что капитан, осознающий отсутствие у него такого права, должен жить в страхе и что это отсутствие ограничивает его творческую свободу в принятии решений? Конечно, нет!

Боязнь ошибиться – действительно большая ошибка. Особенно применительно к капитану, который (это было показано выше) обязан проанализировать и оценить ситуацию, действовать уверенно, без боязни. Это в случае, когда все ясно и конкретная обстановка позволяет принять безошибочное решение.

В случаях же, когда ситуация неясная и из нескольких возможных навигационных решений капитану приходится выбирать какое-то одно, руководствуясь прошлым опытом, интуицией и прочими, часто очень нечеткими, критериями, и когда принятое решение не обеспечило безопасности, нельзя утверждать, что судоводитель реализовал свое «право на ошибку». В таком случае, скорее всего, будет доказано, что капитан не мог в силу вины других лиц, из-за неясной или сложной своей непреодолимостью ситуации принять правильное решение (которого, кстати, могло и не быть).

И еще. Уверен, что тезис «не бояться ошибок» явно не касается тех ошибок, которые сопряжены с риском для человеческих жизней. Во всяком случае, нельзя этот тезис буквально относить к судовождению.

«Высокая цена ошибки, – заявляет А. Богдан, – не вступает в противоречие с объективной реальностью». Как это не вступает? Гибель людей, судов не вступает в противоречие с реальностью? Любая ошибка, с низкой ли, с высокой ли ценой, потому и ошибка, что она противоречит нормальному ходу жизни или той самой объективной реальности. Общество не может оставаться равнодушным к нарушениям правил поведения вообще, а особенно – в сферах деятельности, где цена ошибок высока.

Продолжив логический анализ теории «права на ошибку» в судовождении, можно будет представить себе такую ситуацию: идет судно, а на его борту красуется надпись: «Берегись! Иду с правом на ошибку!» Скажут, что я утрирую позицию моих оппонентов. Нет, показываю, что естественное ее развитие привело бы к абсурду.

Могут упрекнуть нас и в банальности – уж слишком очевидные вещи приходится доказывать. И этот упрек мы готовы снести, лишь бы не осталось заблуждающихся на сей счет.

Дух законов не знает «права на преступление», каковым фактически и являлось бы «право на ошибку». Если в законах существуют нормы, карающие за совершение ошибок, то говорить и о праве на такие действия невозможно. Логика закона и действительность социальной жизни не могут допустить такого, чтобы нечто было одновременно и разрешено, и запрещено. Лишь то, что не запрещено, то и дозволено.

Кому как не морякам лучше всего известно, что всякого рода судоводительские ошибки, вольные или невольные, ведут к авариям, катастрофам, гибели груза, людей. Таким образом, «право на ошибку» автоматически превращается в «право на катастрофу», «право на причинение смерти людям» и т. п.

Могут сказать, что те, кто ратует за «право на ошибку», имеют в виду такие ошибки, которые повлекли аварии и прочие тяжкие последствия, но лица, их допустившие, не являются виновными. Но таких ошибок не существует! Если была «ошибка», в которой лицо невиновно, значит это не ошибка, а крайняя необходимость (например, с целью избежать столкновения с другим судном капитан сажает свое судно на мель), или действие непреодолимой силы (ураган выбросил судно на берег и т. п.), или чужая вина (при условии, что действиями невиновного судна не было возможности ее исправить, то есть избежать тяжких последствий собственными усилиями). Таким образом, можно говорить лишь о праве на такую ошибку, которая не является ошибкой, то есть о праве не быть ответственным за действия, которые не являются ошибочными. Но это само собой разумеется!

В. В. Фомичев

Первое дело

В. В. Фомичев в рабочем кабинете

Снова я приезжаю в Пермь – город моей молодости, юношеских свершений и отроческих терзаний, первых поражений и побед, надежд, разочарований. Здесь я окончил юридический факультет, получил свою первую должность в прокуратуре и первое дело в производство, стал прокурором. Этот долгий путь закончился назначением в Москву в прокуратуру России. Но перед этим было много непростых лет работы. И вот сейчас, возвращаясь в Пермь, гуляя по улицам этого города, вспоминаю себя, первые годы своей работы, каждый переулок, дом: здесь я был на осмотре трупа, а здесь проводил обыск, в том доме жил убийца, а в этом мошенник. Ох, сколько всего... Как-никак целых двадцать лет я здесь трудился.

Я прохожу по улице КИМ. Кто помнит сейчас, что КИМ – это Коммунистический Интернационал Молодежи? Улица идет направо к стадиону «Молот», налево – улица Тургенева, направо – улица Металлистов.

Шла вторая неделя моей работы. У меня в производстве находилась дюжина дел. Вечер вторника и уже семь часов, пора бы домой, без спешки... А еще надо разобрать отписанные мне материалы и пролистать пару новых дел, поступивших из милиции по подследственности – недочеты, сроки, неотложные действия и т. д. Но вот в моем кабинете звонит телефон.

Слышу голос зампрокурора района Платонова:

– Виктор, зайди!

Откладываю бумаги, встаю и иду по коридору. Сегодня я дежурный. Выкрашенная коричневой краской деревянная дверь и черная табличка с белыми буквами под стеклом: «Заместитель прокурора». Стучусь.

– Разрешите зайти, Георгий Константинович!

– Да, заходи, присаживайся! Смотри, там, на пересечении КИМ и Металлистов, труп. Разбита голова. Возможно, несчастный случай, но всякое может быть. Ты съезди, посмотри, разберись, как и что, по результатам позвони, доложи. Понял?

– Понял! Я пошел?

– Подожди! Ты сразу материал у милиции не забирай. Как будешь в отделении, позвони мне сюда, если не будет на месте, то домой. Знаешь мой домашний?

– Нет.

– Записывай...

Уже больше двадцати пяти лет я живу в Москве и все никак не могу привыкнуть к этой московской погоде. Зима не зима, и лето не лето, про осень и весну стоит вообще помолчать. То ли дело наши пермские сезоны! Если зима, то морозы трескучие, если лето, то жара. Тогда шел сентябрь. Отличный пермский сентябрь, с золотыми листьями и чуть пасмурным небом.

С портфелем в руке я шел от остановки трамвая «Рабочий поселок». До места происшествия здесь было совсем близко. С автотранспортом в прокуратуре тогда было туговато, хорошо, когда у прокурора имелась служебная машина, а порой и того не было. Иногда с машинами выручала милиция, но общественным транспортом мы пользовались чаще. Уже немного пройдя по улице КИМ, я увидел небольшую толпу. Люди сгрудились у пятачка на тротуаре, прямо на повороте к улице Металлистов.

Надо сказать, что это был мой первый осмотр места происшествия, поэтому я немного волновался. Да, я уже допрашивал людей и проводил некоторые другие, «не полевые»

следственные действия. За время трехмесячной производственной практики в милиции я направил в суд четырнадцать уголовных дел, как сейчас помню, все об уклонении от уплаты алиментов. И уже будучи следователем прокуратуры, тоже успел кое-что сделать. Но вот «на месте» мне работать еще не приходилось. Более того, волею судеб я ни разу не был на «живом» осмотре места происшествия. И вот, пиная опавшую листву по асфальту, я старался собрать воедино все свои теоретические знания о тактике осмотра, усвоенные мною на лекциях и семинарах по криминалистике: осмотр секторальный, линейный осмотр, от центра к периферии, концентрический осмотр; сначала общая обстановка, потом предметно описываем, потом детально.

Подойдя ближе к перекрестку, на котором скопился народ, я увидел синий милицейский ГАЗ-69. В скудном свете уличного освещения он казался почти черным, рядом с ним стоял канареечный Москвич-402. Решение перекрасить автомобили милиции в желтый цвет было хорошей идеей: они стали выглядеть намного заметнее и наряднее, если так можно сказать. Эту раскраску ввели еще в 1968 году, но в новый цвет красили только новые машины. Поэтому верный трудяга шестьдесят девятый газик оставался синеньким.

Тут же присутствовали два милиционера в форме, они стояли ближе к толпе, как бы несколько ограждая «театр» будущего осмотра, а уже по центру этой воображаемой сцены скопились актеры основных ролей: трое в пиджаках и еще один в легкой куртке. Они обступили валявшегося на тротуаре человека и что-то между собой обсуждали. Вскоре мне стало видно, что лицо лежащего было обращено вверх, одна рука лежит на груди, другая откинута вправо. Когда я подошел почти вплотную к моим будущим товарищам, они как по команде повернулись.

– Добрый вечер, – сказал я, и в ответ получил единоголосное «Добрый!»

– А вот и прокуратура, наконец-то вас дождались! – сказал

один из тех троих, что были в пиджаках, протянул мне руку и представился: – Владимир, старший уполномоченный райугро.

Мне показалось, что он из них самый старший. Как я понял уже потом, не надо сразу доверяться первым впечатлениям. Я пожал ему руку:

– Виктор, следователь Мотовилихинской прокуратуры.

Знакомства продолжились.

– Игнат Иванович Самойлов, начальник районного УГРО.

– Дмитрий Борисович Карпин, отдел уголовного розыска УВД области.

Я повернулся к человеку с медицинским чемоданчиком, протянул ему руку, и, немного волнуясь, опять повторил:

– Виктор Владимирович, следователь Мотовилихинской прокуратуры.

– Ага, поняли уже. А я врач. Давайте начинать, еще поспать хочется перед тем, как в следующий раз дернуть!

Немного опешив от такого недружелюбного отношения, я попытался сконцентрироваться, и в какой-то момент хотел поставить этого «доктора» на место, но вовремя спохватился. «У меня же еще куча дел здесь, зачем тратить время на ненужные выяснения отношений. Оно того явно не стоит», – подумал я, и, взяв себя в руки, повернулся к ребятам из «уголовки».

– Где бы понятых взять?

– Это мигом, – живо откликнулся Владимир и окликнул одного из милиционеров в форме: – Сержант, подойдите сюда!

– Я товарищ майор! – подскочил вмиг сержант.

– Значит так. Организуйте двух понятых из толпы этих зевак и стул для товарища из прокуратуры! – Тут он подмигнул мне и, повернувшись к сержанту, негромко, но требовательно добавил: – не стоит задерживаться, время дорого!

– Есть товарищ майор!

Пока сержант бегал за понятыми, я вытащил из портфеля свой Зенит-ЗМ и, как учили, сделал сначала одну обзорную фотографию, затем общий снимок трупа и несколько опознавательных снимков. Я только успел закончить с

фотографированием и даже толком не разглядел всех моих новых друзей, как уже сидел на раскладном стуле и, положив на ноги портфель, заполнял бланк протокола осмотра места происшествия: «Местом осмотра является участок тротуара и проезжей части на пересечении улиц КИМ и Металлистов, диаметром примерно 5 м от условного центра осмотра. По центру зоны осмотра расположен труп...»

Уже в процессе написания протокола я понял, что было бы неплохо поискать очевидцев произошедшего, и вообще, с этого следовало бы начать, а не приступать сразу к осмотру. Это все медик сбил меня с панталыку! Да нет, это мне следовало лучше подумать над тем, как организовать свою работу. Ну, что же, учтем...

– Владимир, а что у нас с очевидцами?

– Не переживайте, товарищ следователь, – сказал повернувшийся ко мне Владимир, – уже ищем, уже опрашиваем. Как закончите, сразу представим для обозрения собранные материалы.

– А кто этим занят? – все не унимался я.

– Есть для этого специально обученный человек. У нас же в милиции все по науке! НОТ – научная организация труда, слышали?

– А то! – улыбнулся я ироничному ответу своего собеседника.

– Ну вот, мы идем в ногу со временем, полная специализация: один опрашивает, другие лясы точат, – тут он рассмеялся.

– Давайте мы не будем отвлекаться! – пробубнил медик. – Нам еще писать и писать.

– Конечно, конечно, диктуйте, я записываю.

– Трупные пятна при нажатии полностью исчезают...

Закончив с протоколом и получив подписи понятых и врача, я уже собирался узнать у Владимира про опросы, но он будто прочитал мои мысли:

– Сейчас все будет, даже не сомневайтесь! Сержант!

– Да, товарищ майор!

– Где Горячевский?

– В машине, людей опрашивает.

– Отлично, скажите ему, чтобы заканчивал. Пусть переписет данные тех, кого не успел опросить и идет к нам, его уже прокуратура дождалась! – тут он опять повернулся ко мне, улыбнулся и подмигнул.

Тем временем судебный медик, успевший собрать свой чемоданчик, выдал совсем не просительным, а скорее распорядительным тоном:

– Меня кто-нибудь соизволит подбросить до управления или торчать тут с вами до утра?

– Конечно, не беспокойтесь, Сергей Юрьевич, – отозвался молчавший все это время Карпин. – Берите мой «Москвич», скажите водителю, чтобы, как отвезет вас, сразу возвращался сюда.

– И на том спасибо, не прощаемся! – буркнул медик и быстро пошел к милиционеру «Москвичу».

Врач уехал, ушли понятые, потихоньку начала рассасываться толпа. В ожидании результатов опроса у нас завязался диалог:

– Что вы думаете, товарищ следователь? – обратился ко мне оперуполномоченный областного УВД.

– Ну... – я слегка замялся. – С одной стороны, как будто все ясно. Упал, ударился головой об асфальт, причина смерти, по мнению медика, именно травма головы.

– Не убавишь, не прибавишь, прокуратура как всегда точна в формулировках. Осталось только понять, от чего он упал, поскользнулся или кто помог? – подытожил озвученное мною Владимир.

– Вообще, от него сильно денатуратом разит, мог и сам, – включился в разговор Самойлов.

– Мог, почему нет? – согласился я. – Вроде ничего этому не препятствует. С другой стороны, надо все же дождаться результатов опроса.

– Ну, прокуратура снова не в бровь, а в глаз! Наверное, юрфак ПГУ? – спросил Владимир.

– В общем, да, – чувствуя, что сейчас будет какая-то шутка, приготовился отвечать я.

– Вот! Я это сразу понял! У меня глаз наметанный! Научили на нашу голову То ли мы... комсомол, школа рабочей молодежи, путевка в жизнь, сержантские погоны по наследству от армии и вперед с песней. Никакой науки на уме! – Владимир с удовольствием улыбался и почти что в полную силу смеялся. Это его настроение и незлые шутки заражали всех вокруг.

– Ладно вам зубоскалить! Что там с опросами? – прервал его я.

– Думаю, что все в порядке, – уверенно ответил мне Владимир и все так же весело продолжал: – Вот и лейтенант Горячевский! Чего это вы там так долго, товарищ лейтенант? Мы уже хотели в отдел без вас пешком сходить, чаю попить и обратно вернуться! Ну, что расскажете хорошего?

– Товарищ майор, разрешите, – начал Горячевский, но Владимир остановил его.

– Чего ты мне докладываешь? Вот следовательно прокуратуры, тоже выпускник ПГУ, ему и докладывай!

Горячевский, который, судя по всему, был моим ровесником, немного растерялся и как бы вопросительно посмотрел на начальника районного УгРо. Тот одобряюще моргнул глазами и молодой лейтенант, повернувшись ко мне, начал свой доклад снова:

– Товарищ следователь, опросом первых семи человек установлены двое, видевшие потерпевшего незадолго до того, как все случилось. Говорят, что он шатался тут вдрызг пьяный, приставал к прохожим. Еще одна женщина видела, как он сцепился с ребятами, человека четыре их было, молодые, возможно студенты. Вот бланки опросов.

– А знакомых его установить не удалось? Документов-то при нем не было.

– Из тех, кого опросили, никто его не знает, – ответил Горячевский.

– Понятно, – приняв его доклад, сказал я.

– Как будто ситуация проясняется! Как считаете, товарищ следователь? – обратился ко мне Владимир.

– Думаю, что о полной ясности говорить пока рано, но что-то действительно становится более конкретным для понимания. В любом случае, мне Платонову докладывать. Предлагаю потихоньку сворачиваться.

Похоже, все придерживались такого же мнения. По крайней мере, никаких дополнений никто не сделал, и все как бы молча согласились со мной. К этому времени подъехал ЗИЛ-164. Милиционер, ехавший на подножке, соскочил с нее и, подбежав к нам, обратился к Самойлову.

– Товарищ подполковник, можно труп забирать?

– А ты это не у меня спрашивай. Вот следователь прокуратуры, – указал он на меня, – его и мучай необходимостью принимать решения.

Принимать решения! Да, я потихоньку начинал привыкать к тому, что на месте происшествия все решает следователь, и роль здесь играют не звания и не опыт, которого у моих милицмейских товарищей было куда больше, чем у меня, еще недавно сидевшего на студенческой скамье. Важнее здесь было другое: объем полномочий, ответственность, которую несет следователь за принятие решений. Сказать может каждый, все что угодно, но отвечать потом будет следователь, поскольку более никто не может этих решений принять. Делегируя свои полномочия другим, он просто самоустраняется, а это ответственности не снимает. Мои старшие товарищи хорошо понимали это, и с высоты своего опыта так ненавязчиво уступали мне возможность принятия решений, потихоньку учили меня, хотя, правильнее сказать, не учили, а передавали опыт.

Милиционер повернулся ко мне.

– Товарищ следователь, – приложил он руку к козырьку, – разрешите труп забрать для доставки в морг?

– Да, увозите. Только пару минут, я выпишу направление на судебно-медицинское исследование.

– Понял! – сказал он в ответ и, повернувшись к ЗИЛу, прокричал: – Слава, развернись пока поудобнее, чтобы грузить!

– Лады! Сделаем! – донеслось из кабины.

Присев на стул и подложив копирку под бланк направления на судебно-медицинское исследование, я стал быстро его заполнять. Закончив, я направился к ЗИЛу, у которого курили милиционер и водитель.

– Вот, возьмите копию протокола осмотра и направление на исследование, отдадите санитару в морге. Труп можете загрузить.

– Понял, есть! – бодро отозвался милиционер.

А я уже направлялся к милицейскому газику, у которого стояли Владимир, Самойлов, Карпин и Горячевский.

– Ну что, поехали?

– Это хорошо, поехали!

– Дмитрий, ты как, с нами? – обратился Самойлов к областному товарищу.

– Нет, сейчас приедет мой «Москвич», что подумает водитель? А рации в машине нет, чтобы предупредить.

– Не валяй дурака, приедет, посмотрит, увидит, что никого нет, поймет, что ты с нами уехал, и поедет к нам в отдел. Чаю поьем, обсудим перспективы раскрытия, план наметим. Все равно ночь долгая! Ты до утра в управлении один скучать собираешься?

– Ладно, уговорил, поехали!

Из отдела я позвонил Платонову и доложил результаты. Выслушав меня, он выдержал минутную паузу, как бы набирая воздух, и почти скороговоркой подытожил:

– Материал забирай весь полностью, со всеми их опросами, набросками и карикатурами. Сразу договорись, кто и когда приедет к нам обсудить этот случай. Как закончишь, сразу дуй домой, еще выспаться надо до утра! Все, спокойной ночи. Если что – звони.

О встрече договорился с Горячевским, на следующий день часам к двенадцати он должен был приехать в прокуратуру. Возможно, к этому времени, как предполагал Самойлов, участковым удастся установить личность потерпевшего, тогда же ожидалось результаты вскрытия.

Закончив с бумагами в дежурной части, я направился на улицу. По пути к выходу заглянул к Самойлову сказать «до свидания». Он был в кабинете один и что-то писал за столом, выглядел очень сосредоточенным. Отвлекать его сейчас было бы явно лишним.

Я открыл дверь и шагнул из отдела милиции на улицу. Мне в лицо ударила свежесть осенней ночи. Это непередаваемое ощущение после кабинетной духоты было как свежий душ. Сейчас вспоминаю это чувство с большой ностальгией. На редкость чистое небо сверкало звездами, а месяц проливал на город бледно-синий свет. Я посмотрел на часы, было почти три ночи. Да, спать осталось совсем немного. На том же шестьдесят девятом ГАЗе меня подбросили домой. Впереди было несколько часов сна, ох, как они важны, чтобы завтра быть с ясной головой! Так бы я подумал сейчас, но тогда была молодость, уйма сил, можно работать сутки напролет и не уставать. Как жаль, что не сразу понимаешь: усталость с годами накапливается, а былое здоровье не вернуть.

На следующий день я созвонился с судебным медиком, проводившим вскрытие трупа. Он подтвердил предварительные выводы эксперта на месте происшествия: причиной смерти явилась открытая тупая травма головы при падении с высоты собственного роста. Из телесных повреждений, не связанных со смертью – гематома у правого глаза. Еще эксперт указал на наличие сукровицы под ногтями правой руки покойного. Все это говорило, по крайней мере, об имевшем место конфликте, с возможным обоюдным причинением телесных повреждений. Но вот с кем был этот конфликт, кто его начал и был ли этот конфликт один? Может, этих схваток было несколько? Кто в них участвовал? Четверо ребят, о которых говорил один из опрошенных, или кто другой?

На все эти вопросы предстояло еще найти ответы. Прежде всего, надо было определяться с личностью погибшего и теми четырьмя «героями», а пока я вызвал на допрос первых опрошенных на месте происшествия. Двоих на сегодня – один обе-

щал прийти к четверем, второй к семи. Еще одним очевидцем была врач из районной поликлиники, как раз она и видела стычку с неизвестной четверкой. Женщина обещала прийти завтра к девяти утра.

Поглощенный всеми этими мыслями, я расчерчивал план расследования. Проект постановления о возбуждении уже был готов: «16.09.1975 примерно в 19 ч 30 мин в городе Перми на пересечении улиц КИМ и Металлистов обнаружен труп неизвестного мужчины с телесными повреждениями в виде тупой открытой травмы головы, являющейся предварительной причиной смерти. Данная травма наступила в результате падения с высоты собственного роста, вероятно, произошедшего в ходе драки. На основании изложенного и руководствуясь, статьями 3, 20, 108, 109 УПК РСФСР, постановил:

1. Возбудить уголовное дело по факту неосторожного убийства неустановленного лица, то есть по признакам преступления, предусмотренного статьей 106 УК РСФСР, и принять его к своему производству.

2. Копию постановления направить Мотовилихинскому районному прокурору».

Как, наверное, сейчас режет ухо словосочетание «неосторожное убийство», но в Уголовном кодексе 1960 года статья, предусматривающая ответственность за причинение смерти по неосторожности, называлась именно так. Да, действительно, много было странного в тех кодексах. Хорошего или плохого, правильного или нет – кто знает, но мне очень сильно нравится статья 3 УПК РСФСР: «Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию». Возможно, ее формулировка небезупречна с точки зрения современной юридической техники, но она в полной мере отражает дух закона. Это именно то, чего, как мне думается, не хватает в со-

временных кодексах, и чего не хватает, в первую очередь, людям, которых этот закон и стоящие на его страже должны защищать, ОБЯЗАНЫ защищать!

В дверь постучали, это был Горячевский. Он заглянул и бодро приветствовал меня:

– Доброе утро! Разрешите!

– Да, проходите!

Теперь, в дневном свете, я мог хорошо его рассмотреть: выглядел он лет на двадцать, немного суховат, но подтянут и явно следит за собой, занимается спортом. На нем были надеты водолазка под пиджак и брюки, сверху светло-серый плащ, в левой руке он держал зеленую папку. Горячевский, приветливо улыбаясь, протянул мне правую руку. Вставая со стула, я двинулся ему навстречу. В этот момент в правом кармане плаща моего гостя я заметил торчащую рукоять «Макарова», закрепленного на резинке. В то время такая манера ношения табельного оружия была очень популярна среди инспекторов уголовного розыска, особенно когда они участвовали в задержании.

Несмотря на удобство в оперативном плане, привычка носить пистолет в кармане иногда играла злую шутку с ребятами из «уголовки». Помню, как один бдительный гражданин, увидев в трамвае человека с пистолетом в кармане, аккуратно вытащил его и отнес в ближайшее отделение. В дежурной части от неожиданности все легли на пол. Спас ситуацию только зашедший следом виновник этих событий, пребывавший в крайне расстроенных чувствах из-за утраты оружия. Именно из-за подобных историй опера придумали крепить пистолет на резинку, как это было сделано у Горячевского.

– Мы так особо и не познакомились. Виктор.

– Это точно, не пришлось и парой слов перекинуться! Олег, – представился Горячевский.

Мы были практически одного возраста, и я подумал, что лучше работать с ним в более неформальной атмосфере, так и мне и ему будет комфортней. К чему весь этот официоз?

– Давай на ты.
– С удовольствием, – ответил Горячевский. Кажется, он был рад такому повороту событий.

– Может, чаю?

– Не откажусь.

Пока я ставил кипятильник и заваривал чай, Горячевский докладывал результаты проведенных милицией неотложных мероприятий. Удалось установить личность погибшего: им оказался Трофимов Иван Семенович, 1938 года рождения, уроженец города Соликамска Пермской области, не женат, детей нет, образование семь классов. Работал вахтовым методом на нефтепромыслах области, дважды судим: один раз за хулиганство по статье 206 УК РСФСР и один раз за тунеядство (статья 209 УК РСФСР). Несколько раз привлекался к административной ответственности. Последнее время проживал в рабочих бараках рабочего поселка. Полностью характеризующий материал на Трофимова собрать еще не успели, но со слов участкового инспектора проживал на нынешнем месте он недолго – месяца три, как приехал, кажется, откуда-то с области или с Закамска, – но уже успел зарекомендовать себя у соседей как злостный пьяница и дебошир.

– В общем, еще тот «субчик», – подвел итог Горячевский.

– Да уж, вполне понятно становится, что он мог с кем-нибудь сцепиться. По кругу знакомых пока еще нет данных?

– Пока нет, но, думаю, будут уже к завтрашнему дню. Наверное, на послезавтра можно будет и кого-нибудь вызвать, если будет необходимость, а так я всех, кого установим, опрошу.

– Лады, а что там с очевидцами?

– Вот здесь пока порадовать нечем. Кроме тех, кого установили сразу, пока никого больше найти не удалось. Возможно, поквартирный обход близлежащих домов даст результаты. С ним немного затянулось, пошли только сегодня после совещания, многие жильцы были уже на работе, так что хороший результат, если и будет, то вечером.

– Будем надеяться. От тех товарищей, которые сегодня при-

дут, ожидать многого не приходится – так, общую картину подсветят и все. Врач, что видела нашу загадочную четверку, тоже навряд ли знает кого-нибудь из них, в противном случае сразу бы сказала об этом еще на месте. А вот личности их нам нужны просто позарез! Даже если не они Трофимова «отоварили», то все равно их участие в этих событиях для нас пока играет ключевую роль.

– Это так, тут не поспоришь. Но я думаю, что если они местные, то найдем. По крайней мере, я запланировал сегодня сходить на «Молот», побеседовать с тренерами, родителями, самими спортсменами. Может, кто детей на тренировку вел, кто сам шел, а то, чего доброго, они как раз хоккеисты.

– Хороший план, может дать результат. А пока у меня к тебе несколько поручений.

– Я готов, – все так же бодро сказал Горячевский и заулыбался.

Открыв папку, я начал доставать заранее приготовленные для Горячевского документы. Это были постановления о выемке одежды трупа и срезов ногтей рук.

– Тут все как будто понятно? – спросил я Горячевского.

– Вполне.

– Тогда обожди пять минут, я выпишу запросы на хармат (характеризующий материал) Трофимова. Надо очень внимательно изучить его личность и по родственникам тоже не забыть. Конечно, личные связи в текущей картине событий – элемент сейчас не первостепенный, но все может и поменяться.

– Согласен. В морг завтра съезжу, тогда же, думаю, сможем установить связь с его родственниками.

Допив чай, Горячевский аккуратно сложил документы в свою папку и, попрощавшись, быстрым шагом направился к выходу. «Хороший, расторопный парень, – подумал я, – будет комфортно с ним работать».

Тем временем уже подошел обед, и я, закрывшись в кабинете, достал бутерброды с колбасой и бутылку кефира. Сразу

после обеда ко мне должен был прийти заведующий кожгалантерейным отделом универмага по материалам ОБХСС о хищении социалистической собственности. Разговор обещал быть не простым, и я хотел не только перекусить, но и еще раз пролистать материал, освежить в голове его подробности. Было бы здорово еще прикрыть глаза, хотя бы минут на двадцать. После ночи в отделе милиции одолевала усталость и немного тянуло в сон.

К четырем часам подошел первый, а к семи и второй свидетель. Оба оказались рабочими с моторного завода им. В. И. Ленина, пришли вовремя и были достаточно откровенны. Подтвердили, что видели Трофимова, шатавшегося пьяным как раз в районе пересечения КИМ и Металлистов. По их мнению, он был настроен достаточно агрессивно, приставал к прохожим и требовал рубль. Второй свидетель, который был помоложе, звали его Николай, припомнил еще, что одежда Трофимова была достаточно грязной, как будто он валялся в канаве или луже, и прохожие сильно боялись испачкаться об него. Проводя осмотр, я тоже отметил, что Трофимов был одет неопрятно, а его одежда была вся в грязи, но тогда я списал это на последствия его падения и возможной драки. Сейчас же картина живописалась уже с нового ракурса.

Вообще же, меня больше всего увлекал именно этот процесс постепенного, детального выписывания картины случившегося, панорамы исследуемых событий. Сначала приоткрывается один ее край, потом другой, тут мазок, там тень, здесь новый герой, там очередная мелочь, но порой такая важная. И, что интересно, всегда этот процесс остается интригой, никогда нельзя угадать, что нового предстанет перед тобой. Я не хочу сказать, что умаляю значение следственных версий или пытаюсь принизить необходимость в их проработке. Напротив, по моему мнению, работа следователя по построению версий – одно из важнейших направлений его деятельности. Однако версия – это только предположение и, как мне кажется, перед следователем не стоит первоочередной задачи

подтвердить ее. Важнее и нужнее для дела установить истину, которая порою бывает неожиданной.

Закончив допросы рабочих, я начал разбирать поступившие за день бумаги. Тут было несколько заявлений от граждан, одно на действия милиции, еще одно о злоупотреблениях со стороны администрации дома культуры при распределении контрамарок и, наконец, заявление от жены о безвестном исчезновении ее мужа. Среди расписанных мне документов был еще один материал, направленный по подследственности из областного управления КГБ СССР, а также жалоба от обвиняемого по одному из находящихся в моем производстве дел. Со всем этим следовало разобраться и хотя бы чуть-чуть вникнуть, чтобы определить приоритеты и спланировать дальнейшую работу.

Дело, по которому пришла жалоба от обвиняемого, поступило в мое производство одним из первых. Досталось оно мне в наследство от следователя, перешедшего на работу в прокуратуру области. Суть там была достаточно понятная. Статья 103 УК РСФСР – убийство. Бытовой конфликт, муж пришел домой пьяный, жена начала ругаться, в пылу конфликта супруг схватил нож и несколько раз ударил ее. По данным судебно-медицинской экспертизы, бедная женщина оставалась жива еще около часа и, лежа без сознания на кухне, истекала кровью, но убийца «так расстроился», что залпом допил лежащую в холодильнике бутылку водки и, с его слов, сразу же потерял сознание. Когда под утро он пришел в себя, все было уже кончено.

Не могу сказать, что подобные случаи были типичными для того времени, но они имели место. Следствие по делу было практически завершено, оставалось предъявить обвинение в окончательной редакции, ознакомить обвиняемого с материалами (тогда эта процедура называлась «провести 201», по соответствующему номеру статьи УПК РСФСР), составить обвинительное заключение и направить дело прокурору. Доказательств обвинения имелось достаточно, мой предше-

ственник поработал хорошо, со знанием дела. Сейчас же обвиняемый, видимо с подачи сокамерников, писал, что отказывается от своих показаний, ссылаясь на то, что все они даны под давлением со стороны сотрудников милиции, сообщал, что не виновен, был пьян, практически ничего не помнит, а в итоге просил уголовное дело прекратить и освободить его из-под стражи.

Как раз когда я изучал жалобу обвиняемого, зазвонил телефон. Я поднял трубку.

– Алло.

– Добрый вечер, могу я услышать Виктора Владимировича, – говорила женщина.

– Я вас слушаю.

– Это Зинаида Кузьминична, вы вызывали меня на допрос к завтрашнему утру.

– Да, конечно, добрый вечер, что-то случилось?

– К сожалению, у меня заболел сын, сильная температура и я не смогу прийти к вам завтра. Можно как-то перенести нашу встречу?

– Понятно. Не хотелось бы, конечно. Дело не терпит отлагательства. Но что поделаться, раз сынишка заболел... Может, я приду к вам домой и допрошу вас на месте?

– А так можно?

– Конечно. Почему нет?

– Тогда бы это было идеально.

– Отлично, я подойду часам к десяти. Нормально?

– Вполне.

– Прекрасно. Тогда до завтра, до свидания.

– Спасибо вам. До свидания.

Я повесил трубку. Время подходило к десяти вечера, надо попить чаю, еще часок поработать и – домой.

В половине девятого я уже вышел из дома. До моей свидетельницы было идти минут двадцать, и я решил прогуляться по утреннему городу. Наверно, одни из самых приятных и умиротворяющих, если хотите, успокаивающих моментов в жизни

– это когда вдыхаешь ностальгический запах уличного воздуха. Конечно, в городе, в пылу работы это редкость. Но возвращаясь в какое-то памятное место из своего прошлого, я всегда вспоминаю запах воздуха того города, в который приехал. Почему-то всегда он особенный. Иногда ты бываешь не в том месте, но чувствуешь этот запах, который записался на «подкорке» твоего мозга.

Так было и в тот день. В воздухе чувствовалась послегрозовая лесная свежесть, сильная влажность, и это напомнило мне о моем детстве в Ленинградской области.

Дом, в котором жила Зинаида Кузьминична, был довоенной постройки, пятиэтажный, буквой «П», с высокими потолками и широкими лестничными маршами. Во дворе стоял фонтан. Каждый год его перекрашивали, и сейчас он был зеленого цвета. Все это – мой родной район, и в этом дворе я бывал не раз. Тот фонтан всегда очень радовал меня, поскольку делал двор таким необычным.

При всем при этом квартиры в доме были в основном коммунальные. Зинаида Кузьминична жила именно в такой. Я позвонил в дверь, минута – и она открылась. Передо мной стояла женщина лет сорока пяти, одетая совсем не по-домашнему: юбка до колен, женский пиджак, голубая кофточка под ним. Так обычно одеваются на службу, но не ходят по дому. На ногах у женщины были коричневые туфли на невысоком каблучке.

– Виктор Владимирович? – спросила она.

– Да, доброе утро! Зинаида Кузьминична?

– Конечно я, проходите.

Мы прошли вглубь коридора.

– Идите за мной.

Здесь было достаточно темно, горела всего одна лампочка, где-то в дальнем конце. Потихоньку мы подходили к ней все ближе. Слева и справа шли двери в комнаты жильцов, вдоль стен стояли тумбочки, шкафы, всякая мелкая и средних размеров домашняя утварь, пара велосипедов. «Одному богу известно, как

они здесь не ломают ноги», – подумал я. Вскоре моя свидетельница открыла одну из дверей, и мы прошли в комнату.

Шторы на окне были прикрыты, создавая затемненность, только через дверную щель посередине пробивался упрямый свет. Вдоль левой стены стояла двухместная кровать, у правой – детская кроватка и платяной шкаф, посередине на ковре – круглый стол, покрытый скатертью. Рядом с окном на трехуровневой этажерке – два десятка книг. Из-за полумрака надписи на их корешках я прочитать не мог, но по очертаниям узнал «Популярную медицинскую энциклопедию». Надо сказать, что я уже чуть-чуть успел рассмотреть хозяйку комнаты: светлые волосы, аккуратная стрижка, достаточно хорошая фигура – это не могло ускользнуть от моего взгляда. Для своих лет она выглядела достаточно привлекательно.

– Пожалуйста, не говорите громко, сын только заснул, всю ночь капризничал, была температура. Присаживайтесь сюда, – сказала она, указывая на отодвинутый стул. – Надеюсь, вам будет удобно.

– Вполне, – я присел к столу и начал доставать бланк протокола и письменные принадлежности.

Пока я готовился к допросу, Зинаида Кузьминична делала какие-то мелкие дела по дому, не знаю, что именно.

– Можем начинать.

– Давайте, я готова, – она под села к столу напротив меня.

– Ваша фамилия, имя, отчество?

– Филиппева Зинаида Кузьминична.

Прошло минут десять, пока я заполнял установочные данные и разъяснял Филиппевой ее права, обязанности, ответственность.

– Расскажите, как все произошло?

– Я возвращалась с работы из поликлиники и как раз шла забрать своего сына из детского сада. Передо мной шли четверо ребят. Я особо на них внимания не обратила и, поскольку спешила, обогнала их. Когда уже подходила к улице КИМ, там шатался этот... которого убили.

- Почему вы думаете, что именно убили?
- Ну, я не знаю, он же не сам умер.
- Ясно, продолжайте.
- Вот он там и крутился, ко всем приставал.
- Что значит приставал?
- Он хватал проходящих людей за одежду, по-моему, денег просил. Ко мне тоже подскочил, я еле увернулась. Он такой грязный был, мне очень повезло, что он меня не испачкал.
- Так ему удалось вас схватить?
- Нет, я отскочила от него и сразу побежала дальше. А потом я услышала, как он снова начал кричать: «Дай рубль!» Тогда я машинально обернулась и увидела, как этот докопался до тех четверых ребят, которые шли передо мной. Мне показалось, что он схватил одного из них или ударил, а другой из них толкнул его, что ли. И тот упал.
- Именно толкнул?
- Я думаю, да.
- Что было потом?
- Я развернулась и пошла быстрее.
- Как упал, вы видели?
- Вроде на спину, но я не уверена.
- А как они себя вели, эти ребята? Были агрессивны?
- Нет, совсем наоборот. Пока я шла за ними, они вели себя достаточно мирно. Вот тот мужчина вел себя агрессивно. Я бы даже предположила, что они были школьниками.
- Это было неожиданно.
- Школьниками? – переспросил я.
- Ну да, по крайней мере, на студентов они не особо были похожи, скорее школьники. Может быть, только высокие и крепкие, но все достаточно молодые.
- А они что-то говорили? Вы слышали?
- Когда шла за ними или в момент драки?
- И тогда, и тогда.
- Когда за ними шла, то не прислушивалась к их разговору. Тем более что они разговаривали не очень громко. Да и вообще,

я не сильно обращала на них внимание, пока не случилось все остальное. Наверное, и забыла бы о них уже. Единственное, что помню, так это как один из них крикнул: «Лицо, гад!»

– Как?

– «Лицо, гад!»

– Вы уверены, что это сказал один из тех ребят, а не погибший мужчина?

– Да, конечно.

– Хорошо, а могли бы вы их описать?

– Не знаю... высокие, выше среднего, под метр восемьдесят, наверное, один только был чуть поменьше, но тоже высокий. Лиц я их не видела. Да и если бы видела, вряд ли бы запомнила. Там было, кстати, не очень светло, так что...

– А одеты как?

– Обычно: куртки, брюки. Кажется, у одного из них была кепка. И, по-моему, еще типа спортивной сумки. Вроде все... больше ничего не помню.

– Сумка, куртка – это все к одному человеку относится или к разным?

– Не знаю, не могу уверенно сказать.

– Ясно, – я пробежал глазами протокол. – Прочитайте, проверьте все ли правильно.

– Да, конечно.

По пути в прокуратуру района я обдумывал итоги допроса. Мне показалось, что в показаниях Филипповой есть за что зацепиться: школьники, спорт. Это существенно сужает круг поисков. Проблема в том, что Филиппова не сможет опознать этих ребят.

По моим предположениям, хорошей зацепкой должна была стать та реплика про лицо одного из ребят, которому, судя по всему, Трофимов причинил какие-то повреждения. Вместе с результатами экспертизы в части подногтевого содержимого пальцев правой руки погибшего можно было предположить, что он оцарапал его лицо, а если так, то в подногтевом содержимом могла быть кровь. Надо было срочно заняться назначе-

нием судебно-биологической экспертизы, пока образцы не испортились. Возможно, это позволит определить того, кого он оцарапал, если только мы найдем его не слишком поздно, когда на его лице уже не будет повреждений. Если, конечно, удастся их всех установить.

С такими мыслями я опускал кипятильник в стакан с водой. По дороге в прокуратуру я изрядно продрог, и теперь не мешало немного согреться. Я взял телефон и набрал номер уголовного розыска Мотовилихинского отдела милиции:

– Добрый день, позовите, пожалуйста, Горячевского... Нету? Ладно, тогда как будет, попросите его перезвонить в прокуратуру... Да, следователю Фомичеву. Спасибо, до свидания!

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошел Андрей Ефимов, следователь из кабинета по соседству. В руках у него была пухлая папка с бумагами.

– Можно, не помешаю? – спросил он.

– Конечно, заходи. Чай будешь?

– Нет, спасибо, – пожав мне руку, он помотал головой и присел на стул.

– Как дела?

– Да, нормально. У тебя?

– Путем, вот только с допроса приехал.

– А, все свой висяк пытаешься раскрутить?

– Ну, да.

– Ничего у тебя не получится. Я покурю?

– Кури. Почему это? – спросил я, свернув из листа бумаги кулек и протянув ему его вместо пепельницы.

– Да потому, что глухой висяк. Никогда ты этих парней не найдешь, уже сгнули восвосяси из Перми. Ходу дали и ищи их теперь в солнечной Ялте.

– С чего ты взял? Может, они местные или вообще несовершеннолетние.

– Ерунда. Обычный мелкоуголовный элемент. Нарвался этот твой труп на них, вот и поцапались, – он глубоко затянулся, и, стряхнув пепел в кулек, протянул мне пачку сигарет, ловко

удерживая ее в одной руке с сигаретой и как бы приоткрывая на ходу. – Будешь?

– Да я вроде не курю.

– Ты знаешь, почему Шерлок Холмс курил?

– Нет.

– Кровь приливает к мозгу и так лучше думается. Закуривай.

– Ну, давай, – я вытянул из пачки сигарету.

Знал бы я тогда, какая большая это была ошибка. Однако жизненного опыта у меня тогда не было так много, как хотелось бы. Не хочу сказать, что я был домашним ребенком, нет. Напротив, моя молодость была довольно бурной. Но этого не всегда достаточно. Закурив тогда сигарету, я еще двадцать пять лет курил, и сейчас точно могу сказать, что сильно жалею об этом поступке. Сколько времени, сил и денег было потрачено зря. Сейчас я хорошо ощущаю, что рассказы об улучшении умственной деятельности и снятии стресса – обман и ложь. Куря, человек только убивает свой организм, с годами становится меньше здоровья и энергии, думать без сигареты становится тяжело. Очень здорово, что у меня получилось бросить.

Благодаря своим студенческим знаниям мне было хорошо понятно, что Ефимов ошибается насчет раскрытия. «Нет таких преступлений, которые нельзя раскрыть. Есть такие следователи, которые этого сделать не могут», – писал когда-то великий советский следователь Леонид Шейнин. Мне, конечно, хотелось быть тем, который может, а по правде сказать, это не всегда получалось. Шли годы, и за спиной оставались те или иные дела с неоткрытой истиной. Но я всегда был убежден, что надо стремиться к тому, чтобы использовать все возможности, и даже когда их уже нет, рано говорить, что дело «висяк». Уже будучи прокурором района, мне не раз приходилось возобновлять старые дела, пролежавшие годы в архиве, но в силу новых обстоятельств начинающие приоткрывать тайну исследуемых по ним событий.

– Ладно, чего хотел-то? – спросил я Ефимова.

– Вот, Платон расписал тебе мой материал, а то у меня сейчас два дела под направление. На следующей неделе надо закончить, а по этому материалу нужно решение до пятницы принять. Короче, зашиваюсь. Выручай.

– А что ты сейчас меня просишь выручить, когда материал уже на меня переписал? Надо было сначала попросить, а так это пустое как будто.

Ближе к четырем позвонил Горячевский. Оказывается, он уже успел побывать в морге и к вечеру обещал направить мне изъятые предметы, а заодно справку о результатах поквартирного обхода, который, впрочем, ничего не дал. Я поделился с ним итогами допроса Филиппевой, и мы договорились, что я дам ему поручение на отработку школ в районе. Тем паче, что у одного из парней могла быть особая примета – царапина на лице. Олег, как мне показалось, был рад тому, что в наших поисках появился какой-то вектор. Все же приятней, когда работаешь на уже хоть чуть-чуть ощущаемый результат, а не только на туманную перспективу.

Нельзя было откладывать с судебной-биологической экспертизой подногтевого содержимого. Также я планировал назначить экспертизу микроволокон по одежде. В 1970-е годы этот вид экспертиз был достаточно популярен. Ее результаты раскрывали достаточно широкие возможности для установления контактов между нападавшим и жертвой, а также идентификации предметов одежды.

Система социалистической экономики предполагала централизованное планирование производства товаров народного потребления, в том числе их стандартизацию и каталогизацию. Поэтому по микроволокнам одежды можно было определить не только вид и цвет оставившего их материала, но и в ряде случаев модель одежды, частью которой они являлись. Обладание сведениями о модели одежды позволяло установить изготовителя и порою даже номер партии, а там и точки распределения через торговую сеть.

Я посмотрел в окно. Шел мягкий, почти беззвучный дождь.

Радио передавало последние новости о политической ситуации в Португалии, где шла борьба между правыми и левыми за власть в стране. Эти события потом называли «Жаркое лето семьдесят пятого». Я бы еще сказал – длинное, так как закончилось оно только в ноябре, подавлением левацкого «путча Карвалью».

Прошло три дня, и в дверь моего кабинета постучали.

– Войдите!

– Добрый день! – с этими словами в проем просунулась улыбающееся лицо Владимира из Угро. – Можно, товарищ следователь?

– О-о-о, конечно, проходите. Рад видеть! – я вставал со стула ему навстречу.

Пожав руки, мы присели за стол.

– Ну, как продвигаются дела? – спросил Владимир.

– Как будто бы неплохо. Хотя опять же смотря какие. Одни лучше, другие хуже. Так что все относительно.

– Понятно. А у меня хорошие новости! Я бы даже сказал неожиданные!

– Конкретней?

– Нашли одного из тех четверых, а может, даже и всех сразу.

– Неужто? Подробнее!

– Сузили круг поиска до расположенных в районе школ. Начали с опроса педсостава старших классов и почти сразу наткнулись на учительницу химии, она же классный руководитель 10 «Б», которая показала, что в ее классе есть парень, Олег Сомин, у него примерно с неделю назад на левой щеке появилась царапина. Такая, будто девушка ногтями. Она пыталась выяснить у него, откуда. Не сознается! Отшутился, мол, «кот сиамский».

– А как он выглядит?

– Высокий. Под метр семьдесят пять. Спортивный, в баскетбол играет.

– Это очень нам подходит, такое чувство, что попали в цель.

– Дальше – больше. У них компания, как раз четыре чело-

века. Он и еще трое. И все как на подбор высокие, один только чуть ниже метра семидесяти пяти.

– Так вообще бывает? Чтобы прямо в яблочко попали?!

– Бывает... еще и не так бывает. Даже наоборот, именно так и бывает. Ищешь, ищешь – ничего, а потом пошлешь один запрос, и на него такой ответ приходит, что сразу все ясно и понятно становится. Но тут, конечно, рано еще открывать шампанское, хотя очень похоже, что результат будет положительный.

– Согласен. Тут надо еще проверять, но, в любом случае, эти ребята заслуживают особого внимания.

– Точно, внимания требуют к себе, – и тут Владимир снова заулыбался.

– А царапины у парня прошли уже?

– Честно говоря, не знаю, может, и зажили, неделя прошла.

– Надо поторопиться, было бы здорово успеть зафиксировать их не только показаниями, но еще и освидетельствовать его с медиком.

– Идея хорошая, надо постараться реализовать. Я, если честно, на минутку забежал, так, порадовать новостями, а после обеда Горячевский с Самойловым приедут, можно будет обстоятельно все проговорить и на ближайшее время все необходимые действия спланировать.

Владимир засобирался и уже хотел попрощаться, но я его остановил.

– Подожди. Ты, случаем, не на машине?

– Нет, а что?

– Думал, если на колесах, то попросить закинуть в НИЛСЭ пару экспертиз и вещи Трофимова. Исследование микроволокон хотел по ним провести, а теперь того и гляди появятся образцы для сравнения от одежды этих товарищей.

– Я как раз в областное управление еду, так что могу захватить.

– Нет, там много везти, без машины неудобно.

– Ну, смотри сам.

– И еще... хотел спросить, а чего этот медик судебный, как его? Сергей Юрьевич, кажется?

– Варапаев?

– Ну да, он, который на осмотре Трофимова был. Он всегда такой беспардонный?

– Последний год – да.

– Последний год?

– Ну, да. Раньше-то он совсем другим был. Веселый, приветливый. Не скажу, что прямо душа компаний, все же пятьдесят лет, так что вел себя серьезно, марку держал. А потом ушла от него жена, развелась и в Киров жить уехала, дочку с собой забрала. Даже адрес не оставила. Мол, не пиши, не звони. Он, конечно, найти ее пытался, хотя бы договориться, как с дочкой видеться. Но все без толку. Суд, конечно, эти правила определил, когда разводили, да только нету того, кто бы заставил их исполнять. Еще полгода держался, крепился, а потом сник, сдох душевно, озлобился на всех, нерадивый и нелюдимый стал. Вот такие дела.

– Ясно.

– Ну, я побежал.

– Ага.

После обеда приехали Самойлов и Горячевский, в общих чертах Олег еще раз доложил результаты проведенных розыскных мероприятий. В принципе, ничего существенного к тому, что я уже знал, он не добавил. За исключением, пожалуй, данных, характеризующих личности наших «героев». Все они отмечались положительно, успеваемость в школе на «хорошо», занимались баскетболом, один даже ездил на областные соревнования, семьи у всех благополучные, родители в основном рабочие, у одного служащие. Что тут добавишь?

Потом Самойлов пошел к Платонову, а мы с Горячевским остались обсудить наши совместные действия.

– Твои мысли? – спросил я Олега.

– Задержать их всех разом, поговорить с каждым в отдельности, ну и там уже посмотреть, что и как.

– В целом план неплохой. Но они несовершеннолетние, и детскую психику надо щадить. Поэтому всех доставляем разом, но только без задержания. Допросим, посмотрим, может, очные ставки. По дороге сюда надо взять у них кровь, то есть образцы для сравнительного исследования. Сможешь?

– Конечно. Завезем в больницу, там в приемном отделении кровь и возьмут.

– Отлично. У тебя их установочные данные есть?

– Есть.

– Давай я тогда сейчас выпишу постановления о получении образцов, сразу с собой заберешь. Мероприятия на понедельник запланируем? Ты как?

– Да я всегда готов, – бодро отвечал Горячевский, вынимая из папки с бумагами справку по ребятам.

– Еще важно сначала учительницу допросить, так что ее надо будет часам к восьми организовать. У тебя есть ее телефон?

– Да, сейчас.

– Диктуй, я ей сам позвоню.

Проснувшись в понедельник, я умылся и поставил на плиту чайник. Пока вода вскипала, я нарезал пару бутербродов. За окном барабанил дождь, и погода обещала быть отвратительной. Радиоточка передавала утреннюю зарядку. В моих мыслях строился план работы на день. В общих чертах он был мне известен, но сейчас раз за разом я прокручивал его в голове, уточняя детали. Так же я делал и потом, каждый раз, когда мне предстояло серьезное дело – дорабатывая план работы до мелочей.

В конечном счете план выглядел так:

1. Допрос Свиридовой О. А. (учительница). Спросить об обстоятельствах 16 и 17 сентября применительно к искомой четверке, особенное внимание уделить тому, как они вели себя семнадцатого. Подробно об их взаимоотношениях, а также круге общения в целом. По характеристике каждого. Отдельно по царапине на лице, как мне теперь стало известно, Сомина.

2. Допросы Груздина, Протопопова, Климова и Сомина.
3. Направить на экспертизу образцы крови.
4. Решить вопрос по изъятию одежды, которая была на «четверке» в день убийства Трофимова.
5. Решить вопрос о проведении очных ставок.

Пока я пребывал в «мыслях о главном», подошла Свиридова. Это была типичная учительница, уже не молодая, но симпатичная и смотрящая на всех, в особенности тех, кто младше ее, так, как смотрит учитель на ученика: «Урок начинается! Встаньте! Сядьте! Соблюдайте дисциплину! Сейчас я вам расскажу, как правильно писать, решать, а самое главное – как жить!» Мне думается, что учителей допрашивать достаточно трудно, по крайней мере, с психологической точки зрения для следователя. Все время приходится восстанавливать баланс сил и наоборот, стимулировать допрашиваемого к рассказу, не давая замкнуться.

– Вы помните, как вели себя Сомин и другие 17 сентября?

– Вроде бы обычно себя вели. Ничего примечательного, как все старшекласники.

– Хорошо. Может, вы слышали, как они обсуждали какое-нибудь происшествие?

– Это, конечно, затруднительно, надо быть рядом с ними всю перемену. Вы наверняка понимаете, что у нас там полно дел. Только прозвенел звонок – бежишь в учительскую, времени на то, чтобы слушать, о чем школьники говорят в коридорах, нет.

– Может, у них были какие-то повреждения, которые вы заметили?

– Да, у Сомина были.

– Опишите, что за повреждения?

– Царапина.

– Подробнее.

– А что подробнее? Царапина на левой щеке, как будто от ногтей. Достаточно глубокая, как мне показалось. Я спросила его тогда, что это и откуда. Он засмутился немного и сказал «сиамский кот».

– Больше ничего не сказал?

– Нет.

– А у остальных из этой четверки были повреждения?

– Нет.

– Ладно, Ольга Александровна, расскажите, как они вообще, дружные ребята?

– Компания у них давно сложилась, еще в начальной школе, насколько мне известно. В любом случае, с пятого класса они всегда вместе, это точно. Вместе спортом занимаются, вместе на танцы ходят.

– А так вообще, конфликтные ребята?

– Нет, не сказала бы. Хотя постоять за себя могут, но чтобы кого-нибудь обижали – этого я никогда не видела.

Уже ближе к половине одиннадцатого я закончил допрос Свиридовой. Скоро должны были привезти «героическую четверку». Так их следовало именовать, наверное. Все больше узнавая этих ребят, я приходил к выводу о том, что их вина в смерти Трофимова ничтожно мала. Конечно, я еще не знал, что будет там на допросах. Что они скажут? Как это соотнесется с уже собранными по делу доказательствами? Каким будет итоговый портрет происшествия? Но уже собранные материалы заставляли меня морально оправдывать «героев».

Я поставил кипятильник и заварил чаю. Надо было сосредоточиться, настроиться: впереди меня ждал серьезный изнуряющий кросс по пересеченной местности, нужны были силы не только для того, чтобы добежать до финиша, необходимо было еще и прийти первым.

Привезли ребят, и начались допросы. Вглядываясь в лица этих мальчиков, слушая их ответы на мои вопросы, вникая в их рассказ о случившемся, я старался понять прежде всего истинную картину тех событий.

Первым я допросил Груздина. Он был немного меньше ростом, чем все остальные, с чуть округлым лицом и слегка отступающим назад подбородком. Сидя напротив меня, он заметно волновался. Отрицать встречу с Трофимовым он не

стал, но вот все действия своих друзей, как, впрочем, и свои, комментировал через «не знаю, не помню, не видел». Я не нашел пути, чтобы подступиться к Груздину, он был «закрыт».

Следующим был Протопопов, который тоже ничего существенного в картину происшествия не добавил. Объяснил, что шли с тренировки, встретили Трофимова, ранее знакомы с ним не были, он начал задиаться, требовать деньги, кто-то его толкнул, кто – не знает, потом Трофимов упал, а они сразу ушли.

Опять по нулям. Я начинал нервничать, сказывалась и усталость. Хотелось придумать какой-то «ключ», чтобы ребята рассказали всю правду, но ничего не приходило в голову.

Дальше в мой кабинет вошел Климов. Он был самый высокий из всех, почти метр восемьдесят пять. Уверенный в себе, он повторил то же самое, что и Груздин с Протопоповым. Сначала хотелось атаковать Климова неожиданными вопросами и нажать на него, но я вовремя сдержался. Это был не тот человек, который легко «поплывет» и все расскажет. На откровенность здесь надеяться не приходилось, и я решил, не затягивая, перейти к допросу последнего из четырех.

Сомин! Тот, которого я представлял, еще осматривая труп Трофимова на месте происшествия – мелкоуголовный элемент, как говорил Ефимов, разборки «по пьяной лавочке», пропойца и тунеядец. Именно такой портрет предполагаемого виновника рисовало мое воображение тогда. Сейчас же передо мной сидел молодой человек семнадцати лет, крепкий, подтянутый, спортивный, высокий, красивый.

– Здравствуйте, Олег!

– Добрый день!

– Меня зовут Виктор Владимирович, я следователь Мотовилихинской прокуратуры. Ты знаешь, почему тебя сюда доставили?

– Нет, но догадываюсь.

– И какие мысли?

– А чего думать? Наверняка, из-за того пьяного.

– Отлично. Тогда рассказывай.

– Особо нечего, вроде. Шли с тренировки по баскетболу. Когда подходили к перекрестку с Металлистами, встретили этого мужика. Он был достаточно сильно пьян. Когда мы еще только подходили к перекрестку, то издали видели, как он к прохожим пристаёт. Подошли ближе, он и до нас докопался. Ну, мы его оттолкнули и дальше пошлагали. Вроде бы все.

– А кто толкнул?

– Не помню.

Я смотрел на щеки Сомина. Как ни прискорбно, царапины зажали. Впрочем, этот факт был неплохо закреплён показаниями его учительницы. Если продолжить допрашивать состав школы, то наверняка найдётся ещё несколько педагогов, которые это подтвердят.

– Ясно. Этот пьяный никого из вас не поранил?

– Нет.

– А тебя разве по щеке не царапнул?

– Точно, я и забыл совсем. Царапнул.

– А ты чего?

– Ничего. Там в суматохе все было. Я вообще на него не в обиде. Он же пьяный был.

– Так он тебя оцарапал, а ты ему даже не ответил?

– Нет, а что особенного?

– Да все в порядке. Значит, ты бесконфликтный парень?

– Вроде того. Но не мне судить, наверное.

– Наверное. А кто кричал «Лицо, гад!»?

– Я.

– Как же ты не помнишь, кто его толкнул? Ты же, получается, ближе всех к нему был?

– Не знаю. Так получилось. Не помню.

Почти два часа мы беседовали с Соминим, но ничего сверхъестественного он так и не сказал. Я подготовил четыре постановления о выемке одежды, в которой допрошенные были 16 сентября, и отпустил ребят по домам вместе с Горячевским, который должен был провести изъятие одежды. Мне же ещё

необходимо было написать постановления о назначении судебно-биологической экспертизы и экспертизы микроволокон, чтобы завтра с утра осмотреть их и сразу отвезти вместе с вещдоками в НИЛСЭ.

К концу недели были завершены все формальности: экспертизы назначены, свидетели допрошены, запросы направлены. Оставалось ждать результатов. В процессе этой вынужденной паузы я думал над тем, как быть с моими «подопечными». По доказательствам все стало достаточно понятно, и подходящие заключения экспертов, скорее всего, упрочат эту ситуацию. Можно предположить, что Трофимов схватил Сомина за одежду, тот попытался его оттолкнуть, в процессе борьбы Трофимов оцарапал Сомину лицо, за что и получил от него в правый глаз. Дальше все тоже ясно: упал, ударился затылком – смерть.

Мотовилихинская прокуратура располагалась тогда в угловом доме, расположенном на пересечении улицы 1905 года и Красной площади, где был разбит симпатичный сквер, обрамленный рельсовым кругом трамвайного пути. Революционные события Мотовилихи увековечены в названии улицы, а дом в лихие годы Гражданской войны был штабом Колчака. Иногда я выходил в сквер или расположенный напротив сад имени Свердлова, чтобы немного посидеть, передохнуть от кабинетной духоты и зарядиться жизненной энергией. Порою я пешком пересекал сад, чтобы бросить взгляд на водную гладь искусственного пруда, сооруженного еще до основания Перми для нужд расположенных поблизости медных приисков. У запруды из воды виднелись старые сваи из лиственницы. Когда сваи пытались демонтировать при реконструкции, даже взорвать, ничего не получилось, так и стоят до сих пор, радуя глаз.

Наступило бабье лето, и на улице стояла потрясающе теплая погода. Осеннее солнце светило во всю свою мощь, и это было очень здорово. Я не мог упустить такой момент и в обеденный перерыв, взяв с собой бутерброды и кефир, пошел к пруду посидеть на лавочке. Народу было немного, и я с комфортом расположился на одном из лучших мест этого театра жизни.

В тот раз и потом, спустя годы, я не раз возвращался в своих размышлениях к вопросу о справедливости уголовной ответственности за «неосторожное убийство» или, как прописали в 1996 году, «причинение смерти по неосторожности». Для меня это всегда был непростой вопрос. Имел ли право Сомин ударить Трофимова по лицу? Ответ очевиден, и не думаю, что кто-то будет с этим спорить. А вот должен ли был он задуматься о том, что в результате падения на асфальт Трофимов может получить куда более серьезные повреждения и даже умереть?

На ум мне приходит еще одно дело, где ситуация была прямо противоположная. Мужчина после работы зашел в магазин за продуктами, перед ним в очереди стоял изрядно подвыпивший парень, который начал хамить кассирше. Естественно, что мужчина сделал ему замечание. Парень успокоился, но, выйдя из магазина, дождался мужчину и одним ударом отправил в нокаут. Дальше в точности так же, как и с Трофимовым: упал, ударился затылком об асфальт и смерть. В процессе следствия выяснилось, что парень дважды судим за хранение наркотиков. Осудили его, дали два года условно. Насколько был справедлив такой приговор?

С житейской стороны, как будто бы все предельно понятно. Сомина надо было пожурить и отпустить, а того «наркомана» отправить в колонию лет на десять, чтобы не мешал жить добропорядочным гражданам, тем паче что с учетом опыта вряд ли можно было рассчитывать на его исправление.

Статья 222 УК ФРГ устанавливает ответственность за «неосторожное убийство» в виде лишения свободы на срок до пяти лет или штрафа. В УК Франции закреплено, что причинение смерти другому лицу по оплошности, неосторожности, невнимательности, небрежности или в результате неисполнения возложенной законом или правилами обязанности соблюдать безопасность или осторожность наказывается тремя годами тюремного заключения или штрафом.

Свод законов США требует наказывать за «неосторожное убийство» штрафом либо тюремным заключением на срок до

трех лет. Однако законодательство отдельных штатов подходит к решению вопроса об ответственности за подобные деяния по-разному. К примеру, УК штата Иллинойс устанавливает заключение в тюрьме штата на срок в один год, но если виновный находился под влиянием алкоголя или наркотиков, санкция устанавливает срок наказания от трех и до четырнадцати лет. В то же время по УК штата Нью-Йорк за совершение «неосторожного убийства» осужденный подлежит по приговору суда тюремному заключению на неопределенный срок.

Интересно к вопросу о квалификации подошли в Швеции, в Уголовном кодексе которой в статье 1 главы 3 (а в каждой главе кодекса нумерация начинается заново) указано, что за убийство лицо подлежит тюремному заключению на срок десять лет или пожизненно. Далее, в статье 2, есть дополнения, что если в силу обстоятельств, приведших к совершению этого деяния, или по другим причинам предусмотренное статьей 1 преступление признается менее тяжким, тюремное заключение составляет от шести до десяти лет.

Тогда для меня, только что окончившего университет молодого человека, не хлебнувшего ни следственной работы, ни жизненных трудностей в полной мере, решение этого вопроса было наполнено огромным количеством моральных нюансов и граней. Что интересно, спустя годы эта проблема не стала для меня более простой. Должен ли был Сомин нести ответственность? Какой она должна быть?

Я доел бутерброды и допил свой кефир, обеденный перерыв подходил к концу.

Прошло две недели, и мне позвонили из НИЛСЭ – экспертизы были готовы. По микроволокнам удалось установить контакт Трофимова с каждым из ребят. Группа крови из подногтевого материала Трофимова позволила выделить из четырех Сомина и Груздина, у которых была первая положительная. Чтобы поставить точку в вопросе с повреждениями, я допросил родителей обеих парней, а также нескольких учителей, после чего этот вопрос можно было считать

окончательно закрытым. Царапины на щеке были у Сомина.

Прошел еще почти месяц, и срок следствия потихоньку подходил к концу. Но я не спешил принимать решение. Тому было две причины. Во-первых, для полной ясности картины преступления мне все же были необходимы правдивые и максимально полные показания хотя бы одного из ребят. Без них предъявление обвинения кому-то было бы сложным решением. Во-вторых, психологическая стена стояла передо мной в вопросе об ответственности Сомина. По-человечески я его прекрасно понимал и был с ним солидарен, в то же время как следователь я должен был привлечь его к ответственности, но сделать еще хоть один шаг в этом направлении был не в силах.

На улице стоял ноябрь, в Португалии подходило к концу «жаркое лето семьдесят пятого», именно об этом писала в те дни «Советская Россия», а в Перми уже лежал снег. Перелистывая газету с утра перед началом рабочего дня, я пытался скротать последние минуты до штурма очередных проблем, трудностей и сложностей следственной работы. Ночь выдалась тяжелой – дежурство, домой удалось вернуться только часов в семь. По сути, поспать еще не получилось, а на день было столько всего запланировано. К половине десятого придет свидетель по делу об изнасиловании М., потом надо бежать в СИЗО на 201 УПК РФ по делу о хищениях, на вечер были вызваны инженер и начальник цеха, по материалу о нарушении правил охраны труда на одном из заводов, где в результате взрыва котла погиб рабочий.

В этот самый момент телефон на моем столе зазвонил.

– Виктора Владимировича могу услышать?

– Я вас слушаю.

– Это Кононов Дмитрий Петрович вас беспокоит.

Я знал фамилию нашего зонального из прокуратуры области, слышал не раз ее в разговорах между другими следователями, но сам еще ни разу с ним не общался. Причиной его беспокойства стало уголовное дело о смерти Трофимова.

– Почему не предъявляете обвинение?

– Есть сомнения в однозначной доказанности вины предполагаемого преступника.

– В чем проблема? Значит, надо собрать дополнительные доказательства и принимать окончательное решение по делу! А вы тянете, волокитите, это недопустимо! Что вам мешает?

Как я мог объяснить Кононову, какие чувства мне мешают и что меня гложет? Нашелся лишь сказать:

– Особо ничего не мешает, но были другие дела под направление в суд, их оканчивал. По делу Трофимова срок есть, поэтому запланировал разобраться с ним в ближайшее время.

– Хорошо. Но это важное дело, потенциальный обвиняемый несовершеннолетний, если не ошибаюсь, а это значит, что дело у нас на контроле. Подготовьте сегодня до 17 часов справку о собранных доказательствах и планируемых следственных действиях.

– Дмитрий Петрович, сегодня в СИЗО собирался, возможно, затянется, могу и не успеть до 17, можно до завтра?

– Ладно. Разбирайтесь в плановом режиме, но чтобы к утру справка была у меня.

– Понял.

– До свидания.

Я положил трубку. Вот и нашелся «психолог», готовый даже без моих просьб очень эффективно снять все мои, как сейчас говорят, «психологические блоки». В дверь постучали.

– Здравствуйте, можно войти? – это был вызванный на половину десятого свидетель.

– Подождите, пожалуйста.

Дверь закрылась. Мне всегда было очень неудобно заставлять людей ждать. Это сильно бьет по авторитету власти, создавая у граждан ощущение неэффективной работы госорганов. Но бывает, что делать нечего и приходится идти на подобное. Я накидал на листочке тезисы доклада Платонову и пошел к нему рассказать о разговоре с Кононовым.

Зампрокурора внимательно выслушал меня, помедлил с минутой, и, посмотрев в окно, спросил:

– Какие у вас предложения?

– Предложение одно – заканчивать, много времени мне не потребуется, неделя максимум. Но вот как получить правдивые показания у Сомина и его товарищей – придумать не могу.

– Вы читали «Судебную психологию для следователей» Ратинова?

– Конечно. Очень передовая книга.

– Тогда почему не используете идеи, которые Ратинов предлагает по допросу?

– Честно говоря, не думал об этом.

– Вот это плохо. Посмотрите, подумайте. Надо учитывать в работе последние достижения нашей науки. Обратите внимание на то, что вы должны не заставить, а побудить Сомина давать правдивые показания. До вечера подготовьте докладную записку по делу, и я сам с утра позвоню Кононову. Надо закончить в два месяца. Сможете?

– Постараюсь.

– Вот и хорошо. Идите, работайте.

Вечером, возвращаясь домой, я пытался понять, как можно «побудить» Сомина рассказать, как было дело. Тогда мне показалась интересной возможность попробовать показать ему, что, рассказав правду, он только выиграет, а не проиграет. Объяснить Сомину, что, скрывая истину, он сильно рискует и не сможет спокойно жить, поскольку так или иначе с течением времени все станет известно и придется отвечать.

И вот Сомин снова сидел передо мной.

– Как дела?

– Вроде бы все в порядке.

– Я хотел бы с тобой поговорить для начала без протокола. Ты не против?

– Отчего. Даже здорово, наверное.

– Понимаешь Олег, ситуация непростая. Вот пришли заключения экспертиз. Все они свидетельствуют о том, что это ты ударил Трофимова. Точнее сказать, что это от твоего удара он упал.

Сомин хотел начать возражать, но я прервал его.

– Подожди. Меня послушай сначала, а потом тебя выслушаем, – я достал из папки с документами заключение судебно-биологической и судебно-медицинской экспертиз, а также экспертизы микроволокон. – Вот, почитай, посмотри. Дело в том, что рано или поздно круг доказательств сомкнется, и тебе придется нести ответственность, но это уже будет не по твоей доброй воле, а, так сказать, принудительно. Сейчас твое положение осложняется только тем, что вы все покинули место происшествия, оставив Трофимова умирать. Пока это можно исправить, не утянув за собой всю вашу компанию. Пойми, время идет, и оно играет не в твою пользу. Пройдет год, два. И ты понимаешь, тайна всегда становится явной, но тогда это будет совсем другой коленкор. Представь себе, это как нырнуть в реку с холодной водой, чтобы переплыть на другой берег. Не хочется, но нырнул, доплыл и уже обтираешься, а вот чем больше ждешь, трусишь, тем сильнее охлаждаешься, и уже труднее нырнуть, и плыть труднее, так как сильно замерз. Так же и тут. Сейчас ты молодой, еще ничто не обременяет, а пройдет время – семья, дети. Все это будет куда труднее и болезненнее, а пройти через это все равно придется.

Сомин задумался.

– Ты не торопись, решение важное, и спешить не стоит.

Я подошел к окну и посмотрел на улицу: уже лежал снег и был неплохой минус. Мороз рисовал на окнах узоры, а ребята за окном шли на лед играть в хоккей. Жизнь шла своим чередом.

– Вы запишете или я сам могу написать?

– Давай так, вот тебе бланк явки с повинной. Пиши на нем, а потом оформим протокол допроса и, наверное, уточним пар тройку моментов.

Сомин писал свою явку примерно с час, достаточно подробно, мелким почерком вышло почти полтора листа. Подписав протокол, он протянул его мне. Я внимательно прочитал его показания. Получалось примерно следующее.

Сомин с друзьями шел домой с тренировки по баскетболу, когда на пересечении улиц КИМ и Металлистов к ним подошел Трофимов и начал в достаточно грубой форме требовать, чтобы ему дали рубль. Сомин сказал ему, чтобы он «отвалил», но Трофимов не унимался и попытался схватить его за рукав куртки. В ответ Сомин оттолкнул его и тогда Трофимов как бы замахнулся, пытаясь ударить по лицу своего «обидчика», но получилось наподобие пощечины, из-за которой и образовались царапины на щеке Сомина. Как раз на это Сомин и сказал «Лицо, гад!» После чего ударил Трофимова в правый глаз, от чего тот упал на асфальт и почти сразу замер. Сомин, с его слов, подошел к Трофимову, чтобы посмотреть, что с ним, но увидев натекающую из-под его головы кровь, испугался и предложил друзьям побыстрее уйти. Картина как будто бы получалась вполне ясной.

Показания, изложенные Соминым в явке с повинной, я кратко перенес в протокол допроса и уточнил некоторые ключевые моменты, как и планировал изначально.

В этот же день я провел очные ставки с Груздиным, Протопоповым и Климовым. Все они, выслушав показания Сомина, подтвердили его версию событий.

Все шло к концу. Я договорился с Соминым, что послезавтра он придет для предъявления обвинения, и если все останется без изменений, то через три-четыре дня – для ознакомления с материалами уголовного дела.

Теперь предстояло выписать формулу обвинения, вычитать дело и написать обвинительное заключение, остальное уже формальности. Вот и подошла к концу эта история. Одна из тех многих историй, в которых мне довелось поучаствовать, через которые пришлось пройти. И я не могу сказать, что с точки зрения детективного или приключенческого жанра она стала самой захватывающей. Наверное, и остросюжетной ее назвать нельзя. Она обыденная со многих сторон, но именно такие «обыденные» истории человеческих судеб наполняют жизнь следователя и проходят через нее – у кого десятками, у

кого сотнями, – оставляя свои «выжженные» следы на душе и на сердце.

С тех пор прошло несколько лет. Я ехал в трамвае, вез в прокуратуру области на проверку четырехтомное приостановленное дело и еще однотомное прекращенное дело. Одним разом я хотел заскочить в НИЛСЭ и назначить судебно-почерковедческую экспертизу, поэтому тащил с собой пять конвертов образцов почерка и документы из бухгалтерии одного из заводов. В общем, я был загружен по полной, и сильно обливался потом в душном трамвае, когда меня окликнули: «Виктор Владимирович!»

Я обернулся. Передо мной стоял высокий молодой парень в тенниске и спортивных брюках. Его лицо показалось мне знакомым.

– Добрый день!

– Здравствуйте, вы меня не узнаете?

– Честно говоря, пока нет, – признался я.

– Я Сомин. Олег Сомин. Помните?

– Да, да, конечно, – как я мог его не узнать! – Как у вас дела, Олег?

После направления его дела в суд мы с ним не виделись. Только сейчас я понял, что даже не поинтересовался результатами рассмотрения дела в суде. Это были несколько дискомфортные ощущения.

– Нормально, порядок, освободился по УДО, окончил ПТУ и теперь электромонтажником на стройке работаю.

Я был свято уверен, что Сомину дадут условный срок, и поэтому не сразу понял, о чем он говорит.

– Освободились? Почему? За что вас посадили?

Тут уже Сомин не понял меня.

– Как за что? За Трофимова!

– В смысле «за Трофимова»? – никак не мог понять я.

– Ну как объяснить, – засмутился Олег, – вы же сами мое дело закончили, потом в суд отправили. Там мне и дали три года лишения свободы.

Я был в полном недоумении.

– Реально?

– Ну да.

Я не верил своим ушам. Этого парня отправили на три года в колонию из-за того, что он дал по морде пьянице, а тот неудачно упал.

– А сейчас как, все в порядке? – зачем-то спросил я, немного теряя самоконтроль от удивления создавшейся ситуацией.

– Конечно, вот, работаю. Думаю через годик-другой на инженера поступить в Политех (так называли Политехнический институт).

– Ясно, – я не знал что сказать.

– А как у вас дела?

– Да, вроде, все в порядке.

Вид парня, манера общаться, речь, весь его облик свидетельствовали о том, что «зэковская» накипь к нему не пристала. Он не озлобился, не жаловался на несправедливость, имел цель жизни и представлял, как ее достигать. Было досадно, что именно ему пришлось «там» побывать, и в то же время было удовлетворение от осознания того, что есть ребята, которых, как и алмаз, грязью тюремного быта не испортишь.

– Вот и моя остановка, рад был вас встретить! До свидания! – сказал Сомин, широко улыбаясь.

– До свидания, Олег, удачи вам!

– Спасибо и вам!

Трамвай остановился, мы пожали друг другу руки, и Сомин вышел. Больше его я уже никогда не видел.

Произошедшее поразило меня до глубины сознания. И дело тут совсем не в том, что я встретил своего бывшего подследственного. Я вырос и долгое время жил в Мотовилихинском районе. В силу этих обстоятельств время от времени встречал своих бывших «знакомых». Это не было для меня чем-то сверхъестественным, и тем более не ставило меня в тупик, и не заставляло чувствовать себя не в своей тарелке. Не было во мне и чувства страха. Я честно исполнял свой

долг, и бояться преступников было бы равносильно предательству.

Хорошо помню, как уже будучи государственным обвинителем, я выступал на процессе банды, в состав которой входили мои школьные знакомые. На этих людях негде было клейма ставить, и я попросил для них смертную казнь. Суд постановил обвинительный приговор, и их расстреляли. Потом я много раз встречал на себе злобные взгляды их родственников, но особо по этому поводу не переживал.

Тем не менее встреча с Соминим не на шутку меня взволновала. Во-первых, я не мог понять, почему суд был так строг, и куда смотрел государственный обвинитель. Во-вторых, меня снова поразил этот парень, то, как он, абсолютно не испытывая ко мне никакой злобы или других негативных эмоций, подошел, поздоровался и был достаточно приветлив. Эта человеческая сила заслуживает большого уважения. Потом я еще не раз встречал людей, наделенных этим замечательным качеством. И что самое интересное, в основном я встречал их среди простых граждан, а вот в тени высоких кабинетов – редко.

Еще я подумал, что мое отношение к Сомину во время следствия было очень важно для его дальнейшей социальной адаптации, которую, надеюсь, он прошел успешно.

Сейчас, спустя годы, я с уверенностью могу сказать, что никакое из профессиональных качеств следователя не имеет такого большого значения, как способность сохранять человеческое отношение к подсудимому, судьбу которого он фактически предрешает своей работой. Но научиться этому, как мне думается, – самый трудный из всех уроков профессионального мастерства.

А. И. Казаков

Отпечатки пальцев

В целях улучшения работы по организации раскрытия умышленных убийств в декабре 1982 года на координационном совещании высших руководителей правоохранительных органов СССР было принято решение о создании постоянно действующих следственно-оперативных групп по раскрытию умышленных убийств. Связано это было с все возрастающим числом совершенных этих особо опасных преступлений в целом по стране и необходимостью улучшения их раскрываемости.

Поэтому по совместному приказу прокурора и начальника УВД Пермской области вся область была разделена на районы, за которыми были закреплены конкретные следственно-оперативные группы, состоящие из опытных следователей прокуратуры области и работников областного управления уголовного розыска.

В одну из таких групп был включен я, тогда состоявший в должности следователя по особо важным делам областной прокуратуры.

9 апреля 1986 года по указанию начальника следственной части Уткина Александра Семеновича, совместно с прокурором-криминалистом Кулаковым Александром Николаевичем, я рано утром выехал в город Чусовой. Там два дня назад на городской мусорной свалке был обнаружен обгоревший труп неизвестного мужчины с огнестрельными ранениями тела и головы. С выехавшим со мной прокурором-криминалистом Кулаковым мы вместе начинали работать следователями более десяти лет назад. Это был выдержанный, немногословный и опытнейший следственный работник, за плечами которого было немало успешно расследованных дел о тяжких преступлениях. В пути к нам присоединился инспектор «убойного» от-

дела УВД В. И. Щедрин, который хорошо себя проявил, работая ранее по другим делам об убийствах.

Когда мы прибыли в Чусовой, местные коллеги сообщили нам, что в полдень 7 апреля работник комбината благоустройства города Дылдин, расталкивая бульдозером кучи мусора на свалке, неожиданно заметил там останки обгоревшего трупа. При осмотре районным следователем места происшествия было установлено, что останки с имеющимися следами воздействия высокой температуры принадлежат мужчине. Труп сильно обгорел, но на правой руке сохранилось три пальца. Огнем была уничтожена и большая часть одежды. Однако на сохранившихся ее лоскутах – правом рукаве футболки и лацкане пальто – имелись множественные повреждения овальной формы. Тут же, рядом с трупом, была обнаружена стреляная гильза от ружья 16-го калибра.

Судебно-медицинской экспертизой было установлено, что смерть мужчины наступила от двух огнестрельных ранений груди с повреждением легких и сердца, а также черепа, в которых имелись дробовые ранения-отверстия. При этом в раневом канале головы были обнаружены два войлочных пыжа и несколько свинцовых дробинок. Эксперт пришел к выводу о том, что первым был произведен выстрел в грудь с расстояния от двух до шести метров, когда потерпевший находился в вертикальном положении. Второй выстрел был произведен в голову в упор, когда тело пострадавшего находилось в горизонтальном положении на земле. Воздействие огня было посмертным. Из описания, сделанного судмедэкспертом, следовало, что погибший имел рост 170–175 см, имел усы и бороду черного цвета.

Попытки местных работников уголовного розыска и следователя установить личность убитого положительного результата не дали. Между тем первоочередной задачей, помимо поиска преступника, было установление личности потерпевшего.

Поэтому я и Кулаков решили начать с осмотра тела убитого

в морге. Местные коллеги пытались нас отговорить от этого бесполезного, как они считали, мероприятия, поскольку, по их словам, руки потерпевшего сильно обгорели и снять с них какие-либо отпечатки было невозможно. Тем не менее сразу после разговора с местными работниками я и Кулаков направились осмотреть тело погибшего.

Морг располагался в небольшого размера здании, скорее похожим на избушку на курьих ножках. Вошли в него и обнаружили там лежащее на грязном полу обугленное тело потерпевшего, напоминающее ствол обгоревшего дерева, за которое его можно было принять, если бы не сохранившиеся конечности. В нос ударил омерзительный и смердящий трупный запах горелой человеческой плоти, который невозможно спутать ни с каким другим. Этот отвратительный запах имеет к тому же скверное свойство глубоко впитываться в одежду. От него можно избавиться, только когда он сам выветрится через какое то время.

Не обращая внимания на это, я и Кулаков внимательно осмотрели обгоревшие пальцы правой руки трупа. И тут же сделали важное для себя открытие – на коже трех пальцев – большом, указательном и среднем, менее обгоревших, сохранились отдельные фрагменты папиллярных узоров. Используя содержимое следственного портфеля, а также с помощью обычного спичечного коробка, нам удалось сначала выпрямить сжатые и скрюченные пальцы, а затем откатать имеющиеся на них отпечатки на отдельно нарезанные куски белой бумаги. Все три полученных оттиска отпечатков пальцев оказались ограниченно годными для идентификации личности. Полученные образцы незамедлительно передали местному эксперту-криминалисту отдела милиции для проверки их имеющейся в ОВД картотеке дактилоскопических карт судимых и административно арестованных лиц, проживающих на территории города.

Учитывая, что труп был обнаружен на свалке вместе со стреляной гильзой, становилось понятным, что место убийства

именно там и находится. Поэтому все силы местных оперативников были брошены на отработку и установление обитателей и посетителей свалки, в большинстве своем бродяг и бомжей. Кроме того, производился опрос жителей прилегающего к свалке микрорайона, который местные между собой называли «Дальним Востоком».

*Старший следователь
А. И. Казаков
в кабинете криминалистики*

Проведенная работа вскоре дала положительные результаты. Уже через полтора часа эксперт-криминалист сообщил, что отпечатки пальцев с трупа удалось идентифицировать как принадлежащие местному жителю П. Д. Ежову, трижды судимому за бродяжничество, местом постоянного обитания которого была свалка, где и был обнаружен в дальнейшем его труп. Установление личности убитого позволило более четко и целенаправленно проводить дальнейшую работу по раскрытию убийства.

При опросе жителей удалось найти весьма важных свидетелей. Так, житель города А. Д. Козлов вспомнил, что 5 апреля в 17 часов он выгуливал на свалке своих собак и увидел там знакомого ему Ежова, который грелся у костра. Он разговорился с ним, и тот ему сказал, что поблизости ходят какие-то два пьяных парня и ведут стрельбу из ружья по птицам. Прогуливаясь дальше, Козлов увидел двух молодых людей. У одного из них в руках было охотничье ружье. После этого он ушел домой и при дальнейших событиях не присутствовал. Показания свидетеля Козлова позволили нам уточнить время совершения преступления.

Были опрошены работники комбината благоустройства, побывавшие в этот день на свалке. Среди таких лиц оказалась грузчица Т. М. Щеколдина. Эта свидетельница показала, что в 17 часов 5 апреля она привезла на свалку мусор на грузовом автомобиле под управлением водителя В. А. Бородкина. На свалке она увидела двух молодых парней. Один из них был с ружьем, а другой, одетый в синюю куртку и без головного убора, подошел к ним и попросил стакан. В руках у него была бутылка водки. Этот парень показался ей знакомым, поскольку она его ранее видела на улице в микрорайоне Дальний Восток. Тогда же она увидела невдалеке неизвестного ей мужчину, который находился у костра. Водитель автомашины Бородкин полностью подтвердил показания Щеколдиной.

Далее был выявлен свидетель И. Е. Галямов, который пояснил, что проходил по свалке около 17 часов 5 апреля и видел прогуливающегося там с собаками знакомого ему Козлова, а также двух незнакомых пьяных молодых парней. У одного из них в руках было ружье.

При помощи этих же свидетелей, видевших парней с ружьем, были составлены подробные их приметы, которые были сразу же переданы всем работникам, участвующим в поиске убийц. Опытный участковый инспектор, давно обслуживающий территорию микрорайона Дальний Восток, хорошо знал всех лиц сомнительного поведения, судимых и склонных к совершению правонарушений, проживающих на его участке.

Сопоставив полученные приметы, он напрямик направился в квартиру, где проживал Бояринцев, который до этого неоднократно задерживался за появление в нетрезвом виде в общественных местах и который походил по приметам на одного из разыскиваемых подозреваемых со свалки. Бояринцева он застал за распитием водки с приятелем Дудиным, ранее судимым за хулиганство. Приметы последнего также совпадали с приметами второго подозреваемого. Обоих приятелей решительный участковый сразу же задержал и доставил в отдел милиции.

Бояринцев и Дудин были помещены в разные кабинеты. Я и Кулаков подвергли их тщательному допросу. Поначалу Дудин отрицал свое нахождение на свалке. Однако Бояринцев запирается не стал и сразу пояснил, что с утра 5 апреля он и Дудин употребляли спиртные напитки, а затем у них возникла мысль пойти пострелять ворон на расположенной вблизи мусорной свалке. Дудин принес из дома ружье 16-го калибра, патронташ и заряженные дробью и картечью патроны. Взяли с собой бутылку водки и около 16 часов отравились на свалку, где сначала стреляли по воронам. Затем увидели у костра неизвестного им мужчину. Дудин подходил к подъехавшей автомашине и просил у водителя-мужчины и женщины-грузчицы стакан, которого у тех не оказалось. Тогда они подошли к мужчине, который кипятил на костре чай, и по их просьбе тот им дал банку из-под чая для распития спиртного. Выпив водку, они отошли в сторону. Неожиданно для него Дудин вдруг выстрелил в сторону мужчины, и тот упал у костра. Тело мужчины они закидали мусором и ушли. Свою причастность к совершению убийства Бояринцев категорически отрицал, утверждая, что был только свидетелем убийства, совершенного Дудиным.

Поскольку Дудин продолжал отрицать свое нахождение на месте убийства, он был предъявлен на опознание свидетелям Щеколдиной и Галямову, которые уверенно его опознали и пояснили, что именно его они видели незадолго до убийства на свалке.

Опознание произвело сильное впечатление на подозреваемого Дудина. Он сильно заволновался и после небольшого раздумья начал давать показания. По его словам, он действительно в тот день взял ружье и вместе с Бояринцевым находился на свалке, где пил водку и стрелял в ворон. Затем Бояринцев выстрелил в мужчину у костра. Когда потерпевший упал, они забросали его мусором, который загорелся от находящегося рядом костра. Дудин при этом пытался выдать себя только за свидетеля убийства и отрицал свое участие в совершении преступления.

Поскольку оба подозреваемых, отрицая свою вину в убийстве, указывали друг на друга как на лицо, совершившее преступление, возникла необходимость в производстве между ними очной ставки. Я и Кулаков определили последовательность и порядок ее проведения, тщательно подготовили вопросы каждому из подозреваемых.

Момент истины наступил на очной ставке, где каждый из подозреваемых поначалу стал выдвигать свою версию произошедшего, обвиняя в совершение убийства другого. Однако в результате хорошо подготовленных и неожиданных для допрашиваемых уточняющих вопросов оба стали давать правдивые показания. Они показали, что первый выстрел в Ершова из ружья произвел Дудин. Выстрелил просто так, для собственного удовольствия, как стрелял до этого в птиц. Затем, когда потерпевший упал, уже Бояринцев вновь зарядил ружье и, подойдя к лежащему на земле телу жертвы, в упор выстрелил тому в голову. Затем они вдвоем закидали труп мусором, на который перекинулся огонь от горящего рядом костра. При производстве очной ставки Бояринцев дополнил, что из-под кучи мусора оставались видны резиновые сапоги потерпевшего, – он их снял и выбросил в костер, где они сгорели. Объективно показания убийц подтверждались выводами судебно-медицинского эксперта.

Раскрытие преступления заняло у нас менее суток, и это стало возможным в результате слаженной работы и взаимодействия следствия и уголовного розыска.

На следующий день, выведенные отдельно на место совершения убийства в порядке проверки показаний, Дудин и Бояринцев подробно и правильно показали об обстоятельствах совершения преступления. В этот же день в указанном им потайном месте было изъято орудие преступления – ружье с боеприпасами и патронташ.

Изучением личности преступников было установлено, что их объединяло многое. Оба проживали в одном доме. В свои двадцать шесть лет Дудин уже успел отбыть срок за злостное

хулиганство, вел антиобщественный образ жизни, пьянствовал, четырежды доставлялся в медвытрезвитель, бросил работу. Не отставал от соседа и его компаньон по пьянке, девятнадцатилетний подельник Бояринцев, который еще полгода назад за прогулы был уволен с работы, стал деклассированной и агрессивной личностью. Оба бездельника вели нетрезвый и праздный образ жизни. Как известно, от безделья до преступления один шаг. Этот шаг они вместе и сделали 7 апреля, застрелив потерпевшего Ежова. Жизнь человека для них стоила не больше чем жизнь подстреленной ими до этого вороны. О содеянном они не сожалели, возможно, в силу своей деградации, не позволяющей им осознать тяжесть своего преступления. Хотелось бы только надеяться – как знать, – что когда-нибудь, по прошествии времени, придет осознание того, какой великий грех они взяли на душу, и наступит покаяние.

В дальнейшем оба преступника были осуждены Пермским областным судом к длительному лишению свободы.

По нашим меркам – обычное ничем не выдающееся неочевидное убийство, такие в области совершались ежедневно и порой не по одному. Все их необходимо было раскрывать. Однако каждое такое дело отличалось своими обстоятельствами и деталями. При этом необходимо было в каждом случае найти свою, возможно, единственную, зацепку, которая бы привела к раскрытию преступления. Похожие убийства случаются, но одинаковых никогда не бывает.

В деле, о котором я рассказал, одну из таких зацепок мы нашли в покойницкой, в виде отпечатков трех пальцев. Кто ищет, тот всегда найдет нужное.

Через два дня мы вернулись в областной центр, где доложили руководству о поимке убийц. К тому времени плохой запах из нашей одежды уже выветрился.

Т. Д. Астафьев

Из книги воспоминаний о работе старшего следователя Б. В. Мосолова

«Старшему следователю Мосолову, – прочитал Борис Васильевич на листке, приколотом к обложке. – Примите к производству». И росчерк начальника отдела.

Не подозревая, что таит в себе папка, Борис Васильевич сунул ее в сейф и продолжал дописывать обвинительное заключение по только что оконченному делу. А после перерыва его вызвал областной прокурор и спросил, изучил ли он новое дело. Мосолов, к явному неудовольствию начальства, ответил, что не успел.

– Звонили из Москвы и сказали, что мы здесь валяем дурака и прекращаем дела об опасных преступлениях. Они посылают тебе в помощь оперуполномоченного из Москвы и надеются, что вы вдвоем раскроете это дело.

Возвращаясь к себе, Мосолов подавлял желание шагнуть через две ступеньки. Из упрямства он даже решил не касаться нового дела, пока не закончит обвинительное заключение по старому, но больше десяти строк написать не смог. Отложив бумаги, он встал и раскрыл сейф.

Все случилось восемь месяцев назад. В одном из сел Хворостянского района в ночное время сгорел дом вместе с его обитателями: шестидесятилетним стариком Субботиным и двумя его дочерьми. Соседи пытались погасить пожар, но безуспешно. Местная милиция и прокуратура пришли к выводу, что пожар возник от неосторожного обращения хозяев с огнем и прекратили следствие. Прокуратура республики отменила это постановление и предложила провести новое расследование. То обстоятельство, что ни один из трех взрослых людей не сумел покинуть горящий дом, показалось весьма сомнительным.

Протокол судебно-медицинского вскрытия не отмечал на

трупях каких-либо повреждений. Эксперт констатировал, что смерть наступила от отравления угарным газом. Один из допрошенных соседей показал, будто ночью слышал несколько хлопков, напоминавших выстрелы, и видел в окно, как по улице проехал крытый брезентом виллис. Когда свидетеля спросили, не напоминали ли слышанные им звуки выхлоп газов, он ничего определенного сказать не мог.

Оперуполномоченный подполковник Малютин, грузный, седой мужчина в потертом штатском костюме, сразу по приезде углубился в потрепанную желтую папку. Сидя за столом Мосолова, он вслух читал документ за документом. Борис Васильевич расположился напротив и молча курил. Когда папка оказалась прочитанной, оба продолжали сидеть в прежних позах перед чистыми листами бумаги, взятыми для заметок. Говорить было не о чем. Дело выглядело почти безнадежным.

– Н-да... – протянул подполковник и встал.

Мосолов наблюдал за голубем, спустившимся на карниз распаханного окна. Голубь был жирный и кривой. Он прилетал каждый день, и если не находил на обычном месте хлебных крошек, то поворачивался к окну тем боком, где у него был глаз, и резко стучал клювом по листу железа: требовал корм. Мосолов окрестил его Тунеядцем.

– Итак, все, чем мы располагаем, – это куча золы? – услышал Мосолов вопрос.

Борис Васильевич вытащил из ящика стола кусок хлеба и подошел к окну.

– А вы недовольны? Зато версий всего две: либо убийство, либо несчастный случай. Без путаницы.

Вечером они уехали в район.

Село располагалось на буграх, дома стояли редко. Милицейский газик то спускался в низины, то поднимался на пригорки. Рядом с шофером сидел начальник райотдела милиции. Его мясистая шея нависала над стоячим воротником кителя. Он охотно отвечал на вопросы приезжих, уверенный, что в районе они пробудут недолго.

– Как же могли сгореть три взрослых человека, и ни один не выбежал? – спрашивал москвич.

Начальник милиции повернулся назад.

– Угарный газ... Могли потерять сознание. Ведь повреждений на трупах нет.

– А вы не допускаете, что места повреждений могли обуглиться и стать неразличимы?

– Не думаю. Не видно было. При вскрытии я стоял рядом с врачом на таком же расстоянии, как теперь от вас. Неприятное впечатление, доложу я вам. Вспухшие ткани и угольная корка, да слой пепла на столах под каждым трупом.

– А вы не интересовались анализом крови умерших? – спросил Мосолов, побывавший в районной больнице и обстоятельно побеседовавший с врачом, который производил вскрытие.

– Анализом крови? А что это, собственно, дало бы?

– Совсем немного. Вы бы увидели, что активного углерода в крови не найдено.

– Следовательно? – спросил начальник милиции.

– Следовательно, отравление угарным газом исключается, – проговорил сердито Мосолов.

Это был нокаут. Начальник райотдела стал багровым.

– Кстати, легкие и дыхательные пути умерших оказались чистыми. В них не найдено ни пятнышка копоти. Люди не вдохнули ни одного кубического сантиметра дыма.

– Вы хотите сказать, что все трое...

– Я констатирую, что они умерли не от угарного газа.

– Почему же в таком случае на трупах нет ранений?

– Не знаю. Но вы не вскрывали черепных полостей. Об этом сказано в протоколе.

Начальник райотдела вытер платком затылок.

– А каким образом на улице оказались корова, овцы и куры? – отрывая взгляд от окна, спросил молчавший до сих пор Мамлютин. – Кто их выпустил из сарая?

– По-видимому, соседи, когда тушили пожар.

– Свидетель Плотников, который первым увидел огонь и первым появился на улице, утверждает, что корова и овцы уже бегали по двору без привязи, а куры жались в кучу в палисаднике.

– Вы полагаете, что кур выпустили бандиты?

– А почему бы и нет? В сарае, объятom пламенем, животные, насколько мне известно, ведут себя довольно спокойно. Они, пожалуй, могли бы поднять на ноги соседей. А у одного из соседей, помнится, есть двустволка.

Начальник райотдела расстегнул крючки воротника.

– Хм... Не пришло в голову.

– А что вы думаете о выстрелах?

– Черт его знает... Иногда ночью вон, сторож как ахнет. Да и выстрелы ли это? Может, выхлопы какие. Мало ли через село машин проезжает.

– И все едут с погашенными фарами? Как та? – спросил, усмехаясь, Мосолов.

Голая заброшенная усадьба показалась за поворотом неожиданно. Шофер осадил машину и заглушил мотор. Мосолов легко спрыгнул на землю, за ним грузно вылез Малютин и совсем нехотя покинул сиденье начальник райотдела. Приехавшие приблизились к пепелищу. Взглядам представились фундамент с кучей золы, закопченная печь с трубой, а в глубине участка – уцелевший чудом погребец под серой соломой. Между ним и фундаментом виднелась площадка, усеянная выцветшим навозом, а чуть правее чернел остов полусгоревшего сарая. В траве ходила соседская гусыня с пушистыми гусятами. Борис Васильевич влез на фундамент и ковырнул ногою мусор. Он был плотный, слежавшийся.

– Где обнаружили трупы? – спросил он.

– Старика нашли на печи. Дочери лежали вот здесь, на полу, на месте сгоревших кроватей, под обломками кровли.

Мосолов взял лист бумаги и стал набрасывать схематический план места происшествия.

Ознакомление с тем, что уцелело на усадьбе после пожара, продолжалось около двух часов.

Весь следующий день Мосолов без отдыха допрашивал соседей и родственников погибших, скрупулезно выясняя, какие вещи имелись у старика и дочерей. Надежда на успех связывалась в основном с металлическими предметами, которые не могли бесследно исчезнуть в огне. С их помощью следователь и оперуполномоченный надеялись получить ответы на узловые вопросы обеих версий.

В доме, как выяснилось, видели зингеровскую швейную машину, будильник, самовар. Хозяин дома не расставался с карманными часами фирмы «Павел Буре». Можно было полагать, что оплавленные остовы этих вещей находятся в золе.

В первые два дня работа приезжих привлекала внимание прохожих. Зеваки глядели, как Малютин и Мосолов, одетые в старые выгоревшие рубахи, просеивают через оцинкованные решета золу. Зрители подолгу стояли у фундамента. Однако вид пожарища скоро навел на них скуку, и любопытные разошлись. На третий день около фундамента остановился мальчишка-водовоз. Его тоненькому окрику «Стой!» лошадь не желала подчиняться. Он уперся ногами в край грядки и натягивал вожжи до тех пор, пока лошадь, наконец, не стала. Мальчик съерзнул босыми ногами на оглоблю, с нее на траву и несколько минут разглядывал согнутые спины приезжих.

На четвертый день, к удовольствию Бориса Васильевича и москвича, около сгоревшей усадьбы уже никто не останавливался.

– А не могли ли часы и будильник расплавиться? – спрашивал Малютин, разгибаясь и вытирая рукавом пот. К уху протянулась полоска сажи.

– Часы и будильник могли, швейная машина – нет. В сорок третьем, после освобождения Воронежа, их на пожарищах даже собирали, отчищали от копоти и кое-как приспособляли к делу. Да и часы с будильником совсем исчезнуть не могут. Должно что-нибудь остаться.

В работе следователя велик элемент случайности, но не той, которая приходит сама, а той, которая открывается в резуль-

тате неустанных упорных поисков. На пятый день работы Мосолов, растирая пальцами комок золы, взятой из решета, ощутил под рукой что-то твердое, продолговатое. Он пытался разломить комок, но тот не поддавался. Борис Васильевич отковырнул от него щепоть земли, затем другую. Вглядевшись, он не сдержал возгласа удивления: из комка торчала стреляная гильза. Пока до Мосолова доходило все значение находки, оперуполномоченный уже был на ногах.

– Подожди очищать, – остановил он товарища. – Надо показать понятым.

Через полчаса на том месте, где была обнаружена первая гильза, нашли вторую, точно такого же калибра. Третью же не отыскали ни в этот день, ни на следующий. А третья должна быть – убитых было трое. Не нашли также остова часов фирмы «Павел Буре», ни зингеровской швейной машины, ни самовара, ни будильника. Куча обгорелых гвоздей, дверных петель, чугунных и глиняных черепков, топор без ручки, смятый чайник, изувеченная посуда – это было все, что обнаружили при осмотре, помимо двух гильз.

Вечером Борис Васильевич и Малютин лежали в сарае на охалке сена. В раскрытую дверь был виден кусок чернильного неба.

– Откопали на свою шею, – вздыхал Малютин. – Теперь попробуй не раскрой. Не посмотрят, что по двадцать лет работаем.

– А ты думал, посмотрят? Приедешь в столицу, а тебя к комиссару третьего ранга. «Доложите, мол, товарищ подполковник, обстановку». А ты: «Так, мол, и так, товарищ комиссар, убили всех троих». – «Кто же эти негодяи?» – «А вот этого, товарищ комиссар третьего ранга, я и не знаю. Их ужасно трудно ловить».

– Насмешник ты, Мосолов. Это я уже давно заметил.

– Тогда лучше спи, ты знаешь, когда нам вставать.

Фонарь «Летучая мышь» едва освещал могилу, но копачи работали уверенно. Судебный врач, приехавший из города, дре-

мал, сидя на чемодане с инструментами. Стук лопат о дерево заставил его очнуться и встать. Подняли крышку, обитую красным материалом. Ткань была порезана лопатами. Удостоверившись, что эксгумирован тот самый труп, который предстояло исследовать, эксперт опять сел на чемодан и погрузился в полусон, а рабочие понесли гроб на машину, стоявшую метрах в ста от края неогороженного деревенского кладбища. Навстречу им вспыхнули фары, выхватывая из темноты покосившиеся кресты и заросшие дерном холмики. Вторая пара рабочих выбрасывала последние лопаты земли из соседней могилы. Через минуту-две они пропустили под оба конца гроба два длинных куска тесьмы и подняли его наверх. Лезвием лопаты вскрыли крышку. Распухшее лицо мужчины было подернуто белой плесенью. Истлевшая одежда еще не рассыпалась. Третий труп оказался короче гроба: ноги частично обгорели.

Проводив машину и врача, Мосолов и оперуполномоченный отправились в сельский медпункт пешком, двигаясь в темноте на свет, горевший в окне медпункта.

Эксперт, облаченный в белый халат, красный клеенчатый фартук и желтые резиновые перчатки, ждал их, раскладывая на скамье инструменты: скальпели, пилу, молоток, медицинское зубило.

– Ну, что ж, приступим? – встретил он вошедших и подал обоим кургузые белые халаты с оборванными завязками.

Надежда сделать важные выводы из осмотра внутренних органов не оправдалась. Мягкие ткани полусгнили. Все сомнения теперь должно было решить вскрытие черепной полости и осмотр скелета.

Врач без труда обнажил белые черепные кости. Следовательно и работник уголовного розыска, напряженно ждавшие этой минуты, почти одновременно увидели отверстие в затылочной кости. Выходного отверстия не было. Эксперт распилил кость и отделил черепную крышку. После минуты поисков он обнаружил в мозговом веществе почти недеформированную

пулю. Хозяин дома был убит выстрелом из пистолета калибра 9 миллиметров.

Такую же пулю эксперт извлек из височной кости старшей дочери хозяина. Как и первое, это ранение оказалось слепым. Зато в брюшной полости третьего трупа обнаружили не пулю, а свинцовую картечь. Девушка погибла от выстрела из ружья калибра 28 миллиметров.

В обязанности Малютина входило добывать сведения, в обязанности следователя – их обрабатывать. В селе и окрестностях не осталось никого из знавших погибшего старика и его дочерей, с кем бы оперуполномоченный не побеседовал. Он сколотил группу добровольных помощников, которые не упускали ни одного слова из того, что говорилось о происшествии или о погибших.

Сосед старика, живший через дорогу, однажды за бутылкой самогона рассказал женщине, у которой крыл крышу, что в ночь, когда произошел пожар, он несколько раз выходил к сараям – накануне у него из хлева украли двух овец. Часа в два три ночи он проснулся от гула мотора. Он приник к окну и увидел легковую машину, покрытую брезентом. Она без света шла по улице и остановилась, не доезжая дома старика Субботина.

Из нее вышли три человека, и машина, как и прежде без света, тронулась по направлению околицы. Двое неизвестных прижались к стене избы, а третий постучал в дверь и сказал: «Петр Михайлович, открой!» Когда дверь отворилась, на пороге показалась женская фигура. Мужчина, стучавший в дверь, переступил порог. Потом послышался какой-то вскрик. Сосед решил, что парень ущипнул девушку. Вслед за тем в сенцы вошли еще две фигуры, и дверь захлопнулась. А минуты через две раздались три выстрела и все стихло. Сосед не был уверен, что выстрелы донеслись из дома Субботиных. Они показались ему довольно глухими. Сосед лег, а примерно через полчаса его поднял шум с улицы. Дом Субботиных горел. На первом допросе в милиции рассказчик скрыл правду, не желая ходить по судам и следствиям.

Хозяйка дома, где он крыл крышу, под величайшим секретом поделилась новостью со своей невесткой, а последняя не удержалась, чтобы не обсудить новость со своей племянницей. В тот же день Малютин знал все подробности разговора и его источник. Так стало известно, что преступников было четверо, что они прибыли на легковой машине, крытой брезентом, и что один из них, шофер, в нападении не участвовал, а, по-видимому, ожидал соучастников где-нибудь неподалеку.

С этого дня следствие пошло по двум направлениям: Малютин занимался выявлением лиц, посещавших Субботина и его дочерей; Мосолов сосредоточил усилия вокруг поиска машины, крытой брезентом.

А между тем машина, крытая брезентом, словно в насмешку над милицией и прокуратурой, продолжала совершать ночные рейсы. В конце второй недели пребывания Мосолова и Малютина в селе им позвонил начальник отдела милиции и попросил обоих приехать в райцентр: имелись важные новости. Как узнали следователь и оперуполномоченный, предыдущей ночью был обворован продовольственный магазин одного из глубинных сельпо. Сторож, уйдя на час домой, обнаружил после возвращения, что контрольный замок на двери сломан и дверь магазина приоткрыта. Изнутри помещения доносились шорох и какие-то звуки. С ружьем наизготовку, сторож перешагнул порог тамбура и толкнул дверь в торговый зал. На полу он увидел смертельно пьяного мужчину, который пытался подняться, но вновь падал, бормоча бессвязные слова. Сторож скрутил ему руки и выволок на улицу. В задержанном он узнал односельчанина Матвея Клокова, работавшего учетчиком тракторного отряда.

Утром в сельмаге сняли остатки ценностей и вытаращили глаза от удивления. Недоставало целой автомашины товаров. Клокова отвезли в районный центр, где он целые сутки спал в КПЗ. Проснувшись, он рассказал удивительную историю.

Ночью, выпив в компании, он возвращался домой. Шел Клоков нетвердым шагом и пел песни. В проулке, недалеко от

сельмага, учетчик увидел автомашину, крытую брезентом. Она стояла с погашенными фарами.

– Ч-чей ты, браток? – спросил Клоков, подходя к кабине слева, где темнела за рулем фигура водителя. – З-закурим?

И чиркнул спичкой, зажигая сигарку.

– Отвали, харя! – услышал он угрожающий ответ и увидел, как шофер потянулся к лежавшей сбоку заводной ручке.

Учетчик преувеличенно нетвердым шагом отошел в сторону и продолжил путь. Поравнявшись с магазином, он увидел, как из дверей с мешками на плечах вышли двое мужчин. Они заметили Клокова. Один махнул рукой, чтобы он подошел. Песня смолкла. Бормоча что-то под нос, учетчик попытался повернуть обратно, но один из парней сбросил с плеч мешок и быстро настиг Клокова. Его привели к магазину и затащили в торговый зал. Неизвестные пошептались о чем-то. Один снял с полки бутылку водки, вышиб пробку.

– Пей, осел, если дети есть!

Огромного роста парень выжидающе держал руку в кармане пиджака. Промедление было равносильно гибели.

Учетчик взял бутылку и через минуту прямо из горла опорожнил ее. Высокий подал вторую. Клоков отпил немного и его стошнило. Удар в живот свалил учетчика на пол. Когда он пришел в себя, в магазине никого не было.

По описаниям Клокова, здоровенному парню было на вид лет двадцать пять, а тому, что пониже, – лет двадцать. Первый запомнился слесарю свирепым выражением лица. Второй, напротив, был кругл и казался простоватым. Свидетелю запомнился его седловатый нос.

Две порожние бутылки, валявшиеся в магазине на полу, были при осмотре осторожно изъяты и доставлены в райотдел. На них обнаружили многочисленные отпечатки пальцев.

В течение нескольких дней усилили охрану магазинов, особенно удаленных от районного центра. Вблизи некоторых устроили сильные засады. Участковых нацелили на поиск машины с брезентовым верхом. Мосолов и Малютин перебра-

лись из села в райцентр. Теперь они уходили из райотдела далеко за полночь. Все ждали решающих событий.

Грабители, однако, словно канули в воду. В соседних районах по поручению Малютина и Мосолова тамошние оперативные работники собирали сведения обо всех легковых машинах типа ГАЗ и Виллис. Но преступники, казалось, почувствовали неладное и на время прекратили налеты. Через неделю посты и засады были сняты. Напряжение в райотделе спало. А буквально на следующую ночь в дежурную комнату милиции прибежал мужчина со связанными за спиной руками и окровавленной головой. Кровь густо капала ему за ворот рубахи и стекала в тапочки. Он оставлял на полу красные следы. Пострадавший оказался сторожем районного универсама. Магазин ограбили четверть часа назад. Вокруг сторожа сгрудились все, кого поздний час застал в отделе: начальник с пятью оперативными и участковыми уполномоченными, шофер, а также собравшиеся уходить в дом приезжих Мосолов и Малютин.

– Сколько их было? – отрывисто спросил начальник милиции.

– Трое.

– На машине или пешком?

– Машины не видел.

– Мы их догоним!

По словам сторожа, преступники скрылись в сторону грейдера.

– А товарища направить в больницу! – с порога бросил начальник дежурному.

Вывалились на улицу.

– Слышите, как собаки заливаются? Они там!

Газик, набитый до отказа людьми, рванул с места и через несколько минут остановился на краю села. Шофер выключил мотор. Прислушались. Лай собак доносился справа от грейдера, за оврагом. Проезда туда не было. Не разбирая дороги, устремились к оврагу, лежавшему на пути, надеясь пересечь

его и сократить путь. Вниз скатились кучей, вверх поднимались с трудом, ноги скользили по мокрой от росы траве. Поднявшись наверх, с минуту переводили дыхание. Лай собак стал слабее и скоро замер где-то у лесопосадок. Достигли дороги, идущей параллельно лесопосадкам. Ни на дороге, ни около нее людей не было. Решили пройти с полкилометра в сторону, противоположную селу.

– Стойте, тут что-то валяется! – крикнул Мосолов, шаря фонариком по обочине дороги. Предмет подняли. Это была большая коробка от наручных часов.

– Смотрите, след машины!

На песке, у обочины, даже при свете двух фонариков различалась поворотная петля, оставленная протекторами колес. Люди рассыпались в поисках новых следов.

– Нахалы! Они оставили нам пахучую визитную карточку, – послышался голос Малютина. – И бумажку. Посветите!

Бумажка оказалась конвертом. Через некоторое время его привели в надлежащий вид.

– «Ст. Грязи Воронежской области, – прочитал вслух оперуполномоченный, – улица Селивановская, 17. Дрынкину Сергею Карповичу».

– Интересно! – воскликнул начальник милиции. – А нагадили они, пожалуй, не нам!

В шесть утра оперативная группа в составе семи человек на автомашине прибыла в Грязи. Квартирантов, живших по Селивановской, 17, было трое, все холостяки. Они занимали комнату, выходящую окнами в сад. На ночь окно не запирали, чтобы при позднем возвращении не беспокоить хозяйку. Кроме необходимости стряхивать пыль с коленок, этот способ возвращения домой никаких неудобств не имел. Двое работников уголовного розыска проникли в сад и заблокировали окно. Мосолов, Малютин и трое работников милиции пригласили с собой хозяйку и вошли в комнату квартирантов.

Один из постояльцев был уже на ногах. Прислонив зеркало к стопе учебников, он старательно скоблил лицо безопасной

бритвой. Двое других спали. На стульях лежала брошенная в беспорядке одежда.

– Кто здесь Дрынкин? – спросил Мосолов.

– А вон спит. – Юноша кивнул в сторону одного из спящих. Из-под байкового одеяла высовывалась большая, наверно, сорок пятого размера ступня с желтым ногтем.

– Когда он вчера вернулся домой?

– Ночью. После часа. Я доделывал чертеж.

– Извините, и еще вопрос. Не получал ли он недавно письма? Хотя вы можете и не знать...

– Почему же? Оно у него в кармане гимнастерки. Даже знаю от кого...

– А этот когда вернулся?

– Этот сегодня без выхода. Его проводница в поездке.

Мосолов подошел к стулу, ощупал карманы брюк, висевших на спинке, засунул ладонь под подушку, отогнул углы матраца. Оружия не было. Он энергично потряс спящего.

– Вставайте!

Дрынкин открыл глаза и непонимающе уставился в лицо незнакомого человека. Потом спустил голые ноги на пол и сел. Это был широкоплечий детина с большими руками, носившими следы неотмытого машинного масла.

– Мы из милиции. Просим одеться.

Дрынкин стал неторопливо одеваться. Натянул брюки, солдатскую гимнастерку, подпоясался ремнем.

– Минутку! Вытащите, пожалуйста, вот из этого кармана письмо. Насколько нам известно, от Скогорева Михаила.

Выдержка покинула Дрынкина. Непослушными пальцами он растегнул нагрудный карман гимнастерки и подал свернутый вчетверо листок. Мосолов достал из своего пиджака найденный у лесных посадок конверт и сунул в него письмо.

– Вот теперь в комплекте. Вам придется пройти с нами. – Дрынкин послушно повернулся к двери, сделал шаг и вдруг, оттолкнув Мосолова, прыгнул назад, в сторону окна. Но его ждала неудача. Стоявший справа участковый, низенький кре-

пыш из отслуживших пограничников, молниеносно подставил ему ногу, и Дрынкин во всю свою длину растянулся на полу. На него навалились.

– Во дворе бельевой шнур, – проговорил, тяжело дыша, Малютин. – Отрежьте его. Мы свяжем ему руки.

Через десять минут все было кончено. Задержанного увезли.

Мосолов и Малютин остались производить обыск, который, как вначале казалось, никаких результатов не обещал. Трехчасовое заглядывание в каждую щель подходило к концу, однако того, что искали, обнаружено не было. Вышли во двор. Дверь сарая была обита несколько непривычным для глаза способом: тесьма не перекрещивалась с угла на угол, а проходила по краям обивки. Мосолов пощупал старое байковое одеяло, прибитое к двери.

– Иди-ка сюда. Здесь вроде не вата и не войлок. Там в ящике плоскогубцы... Подожди, не надо. Одеяло и так ползет.

Понятые – старуха и квартирант – разинули рты от удивления. Да и Мосолов с Малютинным не ожидали увидеть что-либо интересное. Они отрывали обивку больше для очистки совести. И тем сильнее было их удивление, когда из-под байкового одеяла показалась новенькая голубая ткань.

– Вот так фокус, Марфа Ивановна, – заметил квартирант, глядя, как Мосолов один за другим вытащил из-под обшивки четыре отреза бостона. – Напрасно вы сатин на юбку покупали...

Обыск затянулся. Теперь каждая вещь, каждая трещина, каждая неплотно прибитая доска заставляли думать о тайнике. В одиннадцать следователь и оперуполномоченный сидели во дворе на поваленной бочке, усталые, словно после тяжелой физической работы.

– Осмотрю карнизы, а ты пощупай за наличниками, и хватит, – проговорил Мосолов.

Он поплелся за лестницей, стоявшей у стены сарая. Малютин грузно влез на подоконник. Окно было невысокое, и верхние наличники можно было осмотреть без помощи лестницы. Держась одной рукой за оконную коробку, подполковник другой шарил над окном. Вдруг он почувствовал под пальцами

тряпку. В ней было завернуто что-то твердое. Оперуполномоченный оттянул наличник, поддел сверток сбоку и вытащил его. Борис Васильевич стоял с лестницей, не отрывая глаз от свертка и не догадываясь взять его из рук Малютина. Тому неудобно было прыгать вниз, стоя спиной в сторону двора. Когда Малютин наконец оказался на земле, сверток положили на подоконник и развернули. На тряпице, отливая вороненой поверхностью, лежал пистолет иностранной марки «Беретта», стоявший на предохранителе.

Малютин концом карандаша нажал на кнопку магазина. Из полой ручки вылезла полная обойма. Упаковка пистолета и обоймы потребовала немало времени. Важно было сохранить пальцевые отпечатки, которые могли быть на гладких поверхностях пистолета и обоймы.

Наутро Малютин увез в город на экспертизу все вещественные доказательства: пистолет, обойму, изъятые в продмаге бутылки со следами отпечатков пальцев, гильзы, найденные в золе, а также пули, извлеченные из трупов. Перед криминалистической экспертизой поставили вопросы: выстрелены ли пули, извлеченные из трупов, и гильзы, найденные на месте пожара, из пистолета системы «Беретта» номер 7998724? Имеются ли на поверхностях бутылок, пистолета и на обойме отпечатки пальцев задержанного Дрынкина или других лиц?

Для ответа на последний вопрос дактилоскопировали Дрынкина, и карту с его пальцевыми отпечатками приложили к постановлению о назначении экспертизы.

На ответ лаборатории Мосолов и Малютин возлагали большие надежды, потому что Дрынкин наотрез отрицал вину, заявляя, что не имеет никакого понятия о происхождении ткани и оружия, найденных в доме. «Там нас трое живет, не считая бабки, – говорил он, ухмыляясь. – А грабежами я не занимаюсь. Я по этой профессии уже два года как на пенсию вышел, с тех пор, как последний срок отбыл».

Штурм закончился. Началась правильная осада. От ее успеха в конечном счете зависел успех всего расследования.

Одному следователю известно, какая пропасть лежит между понятиями «поймать» и «изобличить», ибо преступник пойманный, но не изобличенный, по закону чист. Чист со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вернувшийся из города Малютин вместе с сотрудниками уголовного розыска не знал ни часа покоя, выясняя связи Дрынкина, однако результатов эта работа пока не давала.

У Дрынкина нашелся десяток знакомых, на которых Малютин и Мосолов сосредоточили теперь свое внимание. Оба по-настоящему воспрянули духом, когда к этому списку прибавился одиннадцатый, Петр Семенцов, по прозвищу Фокстрот, работавший шофером на виллисе, принадлежавшем заводу «Автодеталь». Он возил директора. На заводе, как рассказал подполковник, мало кто интересовался, куда и по каким делам машина выезжает. Случалось, что виллис во дворе Семенцова и ночевал.

Когда Малютин принес Борису Васильевичу эти сведения, Мосолов восхищенно воскликнул:

– Хоть командировочные у меня на исходе, но на бутылку пива хватит. Ты гений, Малютин. Если тебе в складчину будут воздвигать бюст, я первый внесу долю. Теперь я убежден, что лопухих в МУР не берут.

– Насмешник ты, Мосолов. Я уже это говорил и еще раз повторю. А бутылку пива я выпью. Там, на станции, я тебе и открою секрет оперативной работы.

В буфете, сидя за кружкой скверного бочкового пива, подполковник говорил:

– Эту связь я установил абсолютно случайно. Крутился на заводе. Там ведь по учету госавтоинспектора числилась машина с брезентовым верхом. Ну и невзначай спросил завгаражом, не ходит ли к Семенцову парень ростом чуть пониже осветительного столба. Завгаражом сказал, что ходит. Дрынкина трудно не заметить. Вот тебе и весь сыскной гений.

– Ладно, Малютин. Я все-таки думаю, что пиво ты заслужил. Я знаю, что говорю.

Обыск у Семенцова, как и следовало ожидать, оказался безрезультатным. Узнав об аресте Дрынкина, Фокстрот, по-видимому, подготовился к визиту милиции. На допросе Семенцов все категорически отрицал. Улик же против него не было. Даже для задержания его в КПЗ на трое суток отсутствовали основания. И все-таки первым признался именно он.

В криминалистическую лабораторию сразу после неудачного обыска были посланы взятые у него отпечатки пальцев. Пакет с заключением экспертизы пришел в Грязинский райотдел милиции. Вскрывал его Мосолов не без волнения. Малютин выглядел почти равнодушным, что являлось верным признаком наивысшей степени его заинтересованности в происходящем.

Экспертиза установила, что пули, найденные в тканях трупов, и гильзы, обнаруженные на месте пожара, выстрелены из пистолета № 7998724 системы «Беретта». К заключению прилагалась фототаблица со снимками микроскопических следов, оставленных нарезками канала ствола на оболочке пуль.

Во втором пункте отмечалось, что на одной из бутылок обнаружены отпечатки пальцев неизвестного лица. Выводы же по третьему пункту оказались совершенно неожиданными. На стволе пистолета были найдены отпечатки пальцев не Дрынкина, а... шофера Семенцова.

Малютин, обычно не участвовавший в допросах, на этот раз остался в кабинете вместе с Борисом Васильевичем. Мосолов знал, что остался оперуполномоченный неспроста.

Борис Васильевич долго выдерживал паузу, разглядывая подозреваемого.

– Вы знаете, Семенцов, что это за пистолет? – спросил он, снимая газету, под которой лежало оружие. – Знаете, что это за гильзы и пули?

И, не ожидая ответа, продолжал:

– Из этого пистолета были убиты жители села Княжья Байгора Субботин и его дочь. Пули, которые вы видите, извлечены из трупов. Как установила экспертиза, они выстрелены именно из этого пистолета.

– Да? Любопытно. Хотелось бы знать, как это на пулях разглядели узорчики и вензелечки. Что-то не приходилось видеть.

– Я Киева, Семенцов, не видел, но Киев существует. Узорчики, Семенцов, видны в микроскоп. Пуля в канале ствола вращается, и нарезки оставляют на ней такое множество штрихов, что, как говорят, живого места не остается. А вот их увеличенное изображение. Довольно интересные линии: прямые, частые и разной толщины. И заметьте, у каждого пистолета свои, особые. Вот эти обнаружены на пулях, извлеченных из трупов, а эти на пулях, специально выстреленных в лаборатории из этого пистолета. И заметьте, совпадают, словно линии разорванной надвое полосатой ткани.

– Возможно... А какое, собственно, я имею отношение ко всему этому? – спросил директорский шофер, поправляя штанины брюк таким образом, чтобы складки падали от середины колена к носку желтого, сверкавшего гляncем ботинка.

– Довольно существенное. На пистолете обнаружены ваши пальцевые отпечатки.

Ресницы Фокстрота дрогнули.

– Мягко выражаясь, на пушку берете, гражданин Мосолов? – ответил он.

Но кадык Семенцова сделал движение, говорившее о многом.

– Нет, Семенцов. Не беру на пушку. Вот заключение экспертизы. А по этим увеличенным снимкам вы и сами сможете убедиться, что следы абсолютно одинаковы. Вам помогут красные стрелки, отмечающие совпадения. Прошу.

Шофер взял в руки акт и фототаблицы, но пальцы неприятно дрожали, и он положил документ перед собой на стол. Акт он читал долго, произнося шепотом, как первоклассник, непонятные слова. Через четверть часа он осилил документ.

– Значит, получается вроде я их?..

Мосолов кивнул.

– И что за это может быть?

– Я думаю, – отвел следователь вопрос, – сейчас нужно выяснить, как все случилось.

Семенцов долго мял в руках бежевый, под цвет щегольского костюма, берет.

– Ладно. Я и сам знаю, что за это бывает. Слушайте вот. Следствие ваше неправильное. Отпечатки на пистолете мои, но убивал не я. Я шофер. Мое место за баранкой. Сейчас я в правде заинтересован больше вас. Я знаю подельников. Они будут молчать. А я, когда такая бумага? На что мне рассчитывать? А следы мои. После универмага я заворачивал пистолет в тряпку и прятал над окошком.

– Разве Дрынкин не мог положить его сам?

– Он засовывал под обшивку двери отрезы шерсти.

– Так кто же убил Субботиных?

– Я не видел. Но по дороге я понял из их разговоров, что двое на совести Дрынкина.

– А один?

– Ну, знаете, я в милиции не работаю. Тут я вам не помощник.

– А что вы скажете о Тимофее Кулагине? – неожиданно спросил молчавший до сих пор Малютин.

– Ага, зацапали? Ну что ж, мне плакать о нем нечего. Спрашивайте его.

– А если он не скажет нужную нам правду о пожаре?

– Он? Двое суток продержите, на третьи сам в волчок постучит. Ему правда еще нужнее, чем мне.

– Вы думаете? – усмехнулся подполковник.

– А вы не улыбайтесь. У меня есть хоть что-то. Я все-таки сидел в машине, когда их убивали. А что скажет он? Может, что машины было две или четыре и в каждой сидело по человеку? Тогда кто же пристукнул за два мешка барахла и за старый самовар старичка и его дочек? Только осел может молчать, ожидая, когда его по ошибке, за компанию с Дрынкиным, ну и еще там с одним, поставят к стенке, хоть стрелял и не он. Тимоша не будет молчать. Он не упустит возможности по решению

суда живым отправиться в тихую колонию куда-нибудь под Архангельск или в Сибирь. Потому, что он не стрелял. А меня вы, начальник, подвели. В новом костюме – и в камеру. Можно сказать, впервые в жизни надел. Жалко. Вы уж пошлите кого-нибудь, чтобы переодеться принесли.

Уходил Фокстрот той же танцующей походкой, какой и вошел, за которую и получил свое прозвище.

– Откуда ты выкопал этого Тимошу? – спросил Борис Васильевич, когда за арестованным и конвойными закрылась дверь.

– Откуда? А помнишь, учетчик сказал, что у одного из грабителей было простоватое лицо и седловатый нос? Среди друзей и знакомых шофера Семенцова такой нашелся один.

Глядя на Кулагина, привезенного прямо с завода, никто не сказал бы, что он способен обидеть цыпленка. Но, как говорят криминалисты, чем проще человек, тем он сложнее для допроса. Вопреки предположению Фокстрота, Тимоша легко не сдался. Мосолову и Малютину пришлось целыми днями допрашивать тех, кто знал задержанного или сталкивался с ним по работе.

Кулагина погубили серебряные часы фирмы «Павел Буре», с которыми его как-то видели в кино. Часы сразу стали темой для острот. Они были массивные, большие, какие носили в прошлом веке. При виде их один сочувственно спрашивал, не тракторным ли ключом они заводятся, другой интересовался весом часов, третий советовал достать цепочку попрочнее, четвертый высказывал уверенность в том, что часы возьмут в музей. Тимофей продал их старику-слесарю на заводе, а себе купил новые.

Кулагин понял, что запирательство бесполезно, когда увидел на столе следователя эти часы. Зато, признаваясь, он не утаил ничего и долго-долго, с натуралистическими подробностями описывал убийство Субботиных, поджог дома, грабежи. Назвал Кулагин и четвертого соучастника, того, который был с ружьем.

Дрынкин производил тягостное впечатление. Говорил он

только раздраженным тоном, пересыпая речь бранными словами, и искал малейшего повода разрядить свою ненависть к потерпевшим, к соучастникам, свидетелям, к следователю. Было видно, что он понимает свою никчемность, неуравновешенность. Наверное, оттого еще в начале допроса он сказал:

– Ты, следователь, меня еще не понял. У меня всегда такой разговор.

Из-за малейшей пустяка Дрынкин готов был сыпать проклятиями и угрозами, которые, будь у него возможность, не задумываясь привел бы в исполнение. О Семенцове и Кулагине он сказал:

– Была у меня мысль кончить их вместе со стариком и девками. Знал – ненадежные, продадут. Так и вышло. А надо бы...

Просьба у Дрынкина была одна: не томить, скорее кончать следствие.

Из показаний Дрынкина стало известно, что вещи с последнего грабежа хранятся в доме четвертого соучастника, Желтухина. Большинство предметов Дрынкин, Семенцов и Кулагин перечислили. Поэтому при допросе Желтухина можно было с уверенностью называть вещи, не опасаясь ошибиться и этим насторожить арестованного. Желтухин, хмурый, замкнутый тридцатилетний мужчина, имевший семью (с Дрынкиным его свела прежняя совместная отсидка в колонии), вдруг сказал:

– Вы, наверное, там выгребли и мое собственное. У меня ведь немало барахла и своего. Я же после освобождения, пока этот Дрынкин не попутал меня, четыре года рогом упирался, по две смены тянул на заводе, да и налево подрабатывал. Плотник ведь.

Стало очевидным, что вещи у Желтухина спрятаны в доме. Между тем при первом обыске, произведенном после того, как Желтухина отвезли в КПЗ, ничего, кроме старой одежды, у него в квартире обнаружено не было. Теперь перед Мосоловым и Малютиным возник вопрос: где искать вещи?

Казалось, при первоначальном обыске они перерыли в доме

все. Но ищут, как потом они убедились, не руками, а головой. Взяв понятых и получив санкцию прокурора, они отправились на повторный обыск. Начали с времянки, стоявшей в глубине усадьбы. До постройки дома Желтухин жил здесь. Теперь она пустовала. Еще по дороге Мосолов и Малютин решили самым тщательным образом осмотреть там пол и стены.

За первое взялся Борис Васильевич, за второе – подполковник. Опустившись на колено, Мосолов участок за участком изучал поверхность пола. Взгляд его остановился на доске, один конец которой был прибит старыми, стертыми до блеска гвоздями, а другой – новыми, на шляпках которых еще не стерлась насечка. Доску, по-видимому, совсем недавно поднимали.

Мосолов и Малютин решили вскрыть пол. И здесь их ждал успех. Под полом нашли хорошо оборудованный и просторный тайник, куда Желтухин сложил все ценное, свое и чужое. Он знал об аресте товарищей и хорошо подготовился к обыску. То, что не поместилось в тайнике, он спрятал в толстую железную трубу, лежавшую среди бревен во дворе. При первом обыске на эту ржавую трубу не обратили внимания. Осталось незамеченным и то, что на ее концы насажены металлические заглушки. Во второй раз при простукивании труба издала короткий глухой звук. Внутри что-то лежало. Трубу скатили со штабеля и сбили кувалдой заслонки.

Внутри нашли обувь, похищенную из магазина, и два новых пастушеских плаща.

Малютин уехал через два дня после этого обыска. Борис Васильевич провожал его на станцию. На перроне подполковник смущенно проговорил:

– Хоть любишь ты, Борис Васильевич, вернуть лишнее словцо в разговор, а все-таки запиши мой московский адрес. Как-никак, мотались мы с тобой вместе немало. Потолкуем по-стариковски. В общем, запиши.

Скоро вызвали в областной центр и Мосолова. Его ждало новое дело...

И. В. Корольков

Интервью с Е. П. Ильченко

В 1985 году по Волгограду разнеслась весть: в город прибыла следственная бригада Прокуратуры РСФСР с целью расследовать дело о взятках и хищениях, совершенных с участием сотрудников УВД области. Возглавлял эту бригаду следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР Евгений Петрович Ильченко. Вниманию читателя представляем интервью с ним.

– Давайте начнем наш разговор с того давнего дела. Я не помню, чтобы в СССР в ту пору где-нибудь еще к уголовной ответственности привлекалась целая группа сотрудников милиции во главе с действующим генералом. Или я что-то упустил?

– Все правильно. В те годы в Советском Союзе это был первый такой случай. Его масштабность освещалась в течение нескольких дней телевизионной программой «Человек и закон».

– Почему это дело стало возможным?

– Благодаря Юрию Владимировичу Андропову. В то время правоохранительные органы работали по разным направлениям и в различных регионах: занимались взятками в системе столичной торговли, делами мафии в Узбекистане, поборами в Краснодарском крае, злоупотреблениями в МВД. Дело, по которому проходил генерал Иванов и его «сотоварищи» – одно из таких.

Справка

В так называемом «Волгоградском деле», возбужденном прокуратурой СССР по фактам хищений продукции на пищевых предприятиях г. Волгограда, был замешан ряд высших чинов УВД Волгоградского облисполкома: лауреат премии Совета Министров СССР, начальник управления генерал-майор милиции Константин Иванов; его заместитель, начальник ОБХСС полковник милиции Александр Тютюнов; начальник управления вневедомственной охраны УВД полковник милиции Алексей Шумилин; начальник хозяйственного отдела УВД

полковник милиции Александр Кириллов. Следствию удалось установить, что под руководством Иванова и его людей регулярно, на протяжении весьма длительного времени, совершались хищения на Волгоградском мясокомбинате, Волгоградском ликероводочном заводе, Волгоградском молокозаводе, Волгоградской кондитерской фабрике. Также было доказано большое количество случаев получения ими взяток. Так, Кириллов брал взятки с поступавших на учебу в Волгоградскую высшую следственную школу. При обыске у него в квартире обнаружили средств и ценностей почти на 72 тысячи рублей (автомобиль «Волга» стоил тогда 10 тысяч рублей).

Арестованные Шумилин А. С., Кириллов А. Г. и Тютюнов А. Г. признали свою вину. Их показания позволили сначала установить наблюдение за Ивановым К. Д., а затем и арестовать. Иванову предъявили обвинение во взяточничестве и хищениях в особо крупном размере.

Процесс по делу бывших руководителей УВД Волгоградского облисполкома проводил Верховный Суд РСФСР. 1 декабря 1987 года он приговорил: Иванова К. Д. – к десяти годам лишения свободы, Кириллова А. Г. – к одиннадцати, Шумилина А. С. – к пяти, Тютюнова А. Г. – к двенадцати.

Волгоградское дело стало одним из самых громких по разоблачению коррупции в МВД СССР, возбужденных в перестроечное время.

– На самом деле, насколько мне известно, к уголовной ответственности было привлечено гораздо больше людей.

– Около 700: руководители УВД, сотрудники вневедомственной охраны и работники предприятий, на которых происходили хищения. Например, была осуждена заведующая магазином при УВД Т. В. Чумаченко. Именно через ее магазин реализовывали продукцию, украденную с мясокомбината, молочного и ликероводочного заводов, кондитерской фабрики.

– Это что, банальные кражи?

– По сути – да. Начальники охраны предприятий выносили водку, конфеты, мясные, молочные продукты, как обычные

воры. Но воры-то они были не совсем обычные. Это все были люди, поставленные для того, чтобы на предприятиях не было хищений. Внешне банальная кража обнаружила целое явление, характерное для позднего периода брежневской эпохи – разворовывание государственной собственности государственными людьми. Сложилась очень удобная схема хищений под вполне благовидным предлогом. Дело в том, что союзные власти очень любили Волгоград.

Здесь было удобно проводить всевозможные семинары, конференции, курсы повышения квалификации... Проводившиеся мероприятия автоматически приобретали патриотическую окраску. Вот и на базе Волгоградского УВД устраивали семинары союзного и республиканского значения.

Разумеется, высокопоставленных гостей нужно было достойно принимать. Вообще-то на проведение подобных мероприятий выделяются специальные средства. Но без излишеств. А если без излишеств, то как продемонстрировать свое расположение к высоким гостям? Без щедрого стола не заведешь ни прочных знакомств, ни влиятельных покровителей. Хуже того: высокие гости могут обидеться, и тогда генеральское кресло может закачаться. Но на какие деньги покупать отборную водку, коньяк, черную икру, мясные деликатесы? Не из своего же кармана платить! Вот и была придумана простая, надежная, но насквозь криминальная схема. По договоренности с руководством предприятий начальники вневедомственной охраны выносили водку, конфеты, мясную и молочную продукцию. Попробуй не вынести – поставки курировал сам начальник управления вневедомственной охраны УВД.

– Так ради дела же!

– Как бы не так! На семинары, приемы делегаций и «дружеские посиделки» шла только часть наворованного. Проведение официальных мероприятий было удобным прикрытием. Оправданием в глазах тех же охранников и сотрудников предприятий, откуда продукты выносились. Дескать, а что делать?

Обстоятельства заставляют! С одной стороны, приемы важных гостей поднимали собственный статус начальника милиции, делали его вхожим в высокие московские кабинеты, обеспечивали покровительство. А с другой, под маркой проведения важных мероприятий и приема высоких гостей львиную долю наворованного милицейские чины присваивали. Это была кормушка, способ личного обогащения. Часть продукции сдавалась в магазин УВД и через него реализовывалась. Деньги делили. К воровству так привыкли, что когда генерал Иванов сыграл свадьбу сначала одной дочери, затем другой, в ресторане спиртное не заказывали – было «свое». И когда справляли поминки жене генерала – тоже за счет краденного. И когда начальник Управления ехал в Москву, непременно брал с собой спиртное и деликатесы – для «смазки» дружеских отношений.

– Одним из организаторов схемы был начальник ОБХСС?

– Я словно попал в зазеркалье. Одно дело, когда воруют прохиндеи, и совсем другое, когда этим занимаются высокопоставленные правоохранители. Используя свои возможности, в стране всеобщего дефицита они обустроили нишу, в которой каждому из них удобно жилось. Это разлагало общество. Ведь воровать абсолютно незаметно невозможно. Все видели водители, перевозившие спиртное от ликероводочного завода до управления милиции, охранники, работники предприятий, включенные в схему. Каждый дома рассказывал об увиденном. Так город-герой узнал, чем на самом деле занимается руководство Волгоградской милиции.

– То, о чем вы рассказываете, – отличная почва для коррупции.

– Так и было! С одной стороны, руководство управления требовало от подчиненных продукты и прекрасно понимало, где и как те их добывали. В то же время они играли роль строгих начальников, блюдущих закон. За то, что руководители областного управления закрывали глаза на хищения, начальники вневедомственной охраны предприятий передавали им взятки. А те, в свою очередь, умасливали генерала Иванова. На-

пример, начальник Управления вневедомственной охраны Шумилин, в тот период подполковник милиции, в качестве взятки передал генералу два дефицитных в то время немецких фарфоровых сервиза «Мадонна». А вот как были оценены усилия начальника хозяйственного отдела Управления, тогда подполковника милиции, Кириллова и заместителя начальника Управления по кадрам полковника милиции Куценко: за коньячок, водочку и баньку, которые очень уважал заместитель министра внутренних дел Чурбанов, Кириллова вскоре досрочно произвели в полковники, а Куценко назначили заместителем начальника управления кадров МВД СССР!

– Руководство УВД Волгоградского облисполкома дискредитировало милицейские органы так, как это не смог бы сделать никто.

– Не только милицию. Они дискредитировали систему власти!

– Вам пытались мешать в вашем расследовании?

– Нет.

– Большая бригада работала по делу?

– Более двадцати следователей и человек тридцать оперативников из милиции и госбезопасности.

Обыск в гараже подозреваемого

– *Это было сложное дело?*

– Да. Нужно было стопроцентно доказать факты хищения. Ведь дело не только в том, что продукцию тайно выносили с предприятий. Ее тайно производили, создавая излишки. Это надо было установить. До Волгограда я понятия не имел, как, скажем, делается торт. Пришлось вникать в производство и выяснять, что туда не докладывают, как одни ингредиенты заменяют другими. В результате получалась «экономия», из которой делали дополнительную продукцию, которая и шла «налево». То же происходило и с ликероводочной продукцией. Масса бухгалтерских проверок, экспертиз, следственных экспериментов, очных ставок... Монотонная, рутинная и скрупулезная работа.

– *Сколько вы его расследовали?*

– Около двух лет.

– *Почему вы специализировались именно на экономических преступлениях?*

– Я окончил Свердловский юридический институт. У нас были замечательные преподаватели – декан факультета Савицкий Петр Иванович, вложивший в нас душу и прививший чувства порядочности. По сути, он формировал характер человека. Основы бухгалтерского учета преподавал Сир Павлович Голубятников. Многим этот предмет казался скучным. Мне же было интересно. Возможно, то, как Голубятников вводил нас в запутанный мир дебета-кредита, сыграло свою роль. Поскольку приходилось расследовать все более сложные экономические дела, я почувствовал, что не хватает специальных знаний. Пошел на бухгалтерские курсы, затем, работая в составе следственных бригад, год постигал знания в рамках экономики промышленного производства у преподавателей института экономики имени Плеханова.

– *Каким было ваше самое первое дело?*

– Экономическим. Дуванский район Республики Башкортостан. В магазине обнаружилась недостача. Пришлось назначить ревизию, экспертизу... И вспоминать все, чему учил Голубятников.

– В конце 70-х прошлого века вы входили в бригаду, которая расследовала дело о теневиках в Чечено-Ингушетии. Вам и тридцати не было. Как вы рискнули войти в следственную бригаду?

– Вопрос о вхождении в состав следственных бригад решаешь не сам. Я к тому времени уже имел определенный опыт в расследовании дел экономической направленности. Мне было интересно. То дело сыграло в моей жизни важную роль. Не только тем, что оно было сложным, а следовательно, поучительным, но прежде всего тем, что мне пришлось работать рядом с такими корифеями следствия, как Владимир Федорович Ладейщиков, Исса Магомедович Костоев, Борис Иванович Уваров. Люди с совершенно разными характерами, но с большим опытом – и следственным, и жизненным. У них было чему поучиться. Ладейщиков – это интеллект, высокая культура, интеллигентность. Он умел строить разговор с умными и изворотливыми людьми, принимать единственно верные решения. Костоев – это фонтан идей, быстрота принятия решений и стремительность действий. Уваров совершенно иного склада. Нетороплив, порой даже медлителен, но последователен и методичен. Ничего не упустит, все разложит по полочкам, исследует и непременно докопается до истины.

– Каким направлением вы занимались в бригаде?

– Мне поручили изучить систему ценообразования. Разобраться в обоснованности действий начальника отдела цен Совета Министров ЧИ АССР. Запутанный вопрос! Но я с ним, слава богу, справился. С фигурантом мы говорили, касаясь экономических аспектов, на одном языке. Ему не удалось обвести меня вокруг пальца.

– Вы расследователи только экономические преступления?

– Нет, конечно! Были преступления против общественной безопасности – бандитизм, преступления против личности – убийства. Например, пришлось расследовать дело об убийстве в Пятигорске гражданки Судана. Девушка приехала поступать в фармацевтический институт, села в частную автомашину и... пропала. Труп не нашли. Но обнаружили доказательства, ко-

торые указывали на убийцу – водителя автомашины. Эти доказательства были столь убедительны, что суд приговорил этого человека к серьезному сроку.

– *А почему вы пошли в следователи?*

– Так сложилось. Односельчанин, к тому времени окончивший два курса обучения в Свердловском юридическом институте, уж очень убедительно говорил нам, выпускникам школы, о значимости профессии юриста-правоведа и, в частности, о тех людях, которые посвятили свою жизнь работе следователя. Вот мы – два друга, сидевших в школе за одной партой, – и вняли этим речам. А у меня, тем более, в памяти сохранялся случай, произошедший с моей тетей. Она работала заведующей пекарней, выпекавшей хлеб для совхоза. Ее пытались обвинить в хищении двух мешков муки. Вызывали в милицию. На всю жизнь запомнил те слезы... Мне тогда было двенадцать лет. Хотелось защитить мою тетю, которая вместе с бабушкой воспитывала меня. С мытарствами, но виновного установили. Для родного человека все кончилось благополучно. Возможно, желание отстаивать справедливость тоже сказалось на выборе профессии.

– *Та давняя история, видимо, сильно повлияла на вас.*

– Видимо, да. Я тогда понял одну важную вещь: когда человек попадает под следствие – это драма для человека, для его семьи. Нужно очень осторожно пользоваться той властью, которая дана следователю государством, чтобы не навредить людям. Разоблачить преступившего закон – да. Но без унижений, без высокомерия, без злорадства. А тем более без подтасовок.

– *Когда вы подписывали обвинительное заключение перед передачей дела в суд, вы всегда на сто процентов были уверены в своей правоте?*

– Следователь не может быть уверен на сто процентов в своей правоте. Он же не видел, как совершалось преступление, не присутствовал при его планировании, не был свидетелем того, как прятались улики. Он ищет эти улики и из того, что

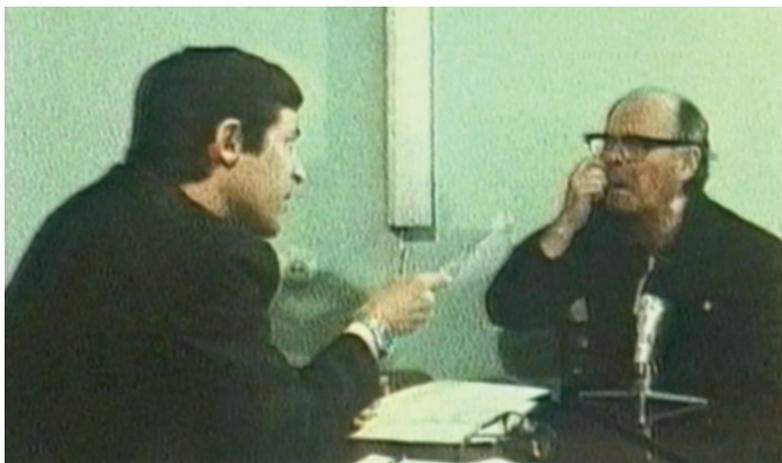
нашел, составляет своеобразный пазл. Он никогда не найдет все сегменты, чтобы заполнить абсолютно все пустующие места. Он восстанавливает картину процентов на 90–95. И оставшиеся 5–10 процентов, как правило, относятся к субъективной стороне совершения преступления, в частности, мотива преступления.

– У вас были дела, когда «пазл», который вы собрали, показан суду неубедительным?

– Ни одного.

– Возможно, это везение?

– Возможно. А возможно, результат усилий моих учителей. Помню, Сир Павлович Голубятников на лекции приводил пример о ревизии в детском доме, а затем возбуждении уголовного дела и аресте заведующей этим домом. Тогда он увидел, как дети, жившие впроголодь, впервые попробовали конфеты. Это произвело сильное впечатление не только на него, на многих из нас. Берясь за расследование дела, я старался быть скрупулезным на всех стадиях расследуемого деяния, то есть во всех его мелочах.

Е. П. Ильченко ведет допрос подозреваемого

– Вы производите впечатление веселого и жизнерадостного человека. Но почему от вас веет печалью?

– Да? Не замечал. (Долгая пауза.) Может быть, потому что кое-что уже знаю об этой жизни. Причем не с лучшей ее стороны. Возможно, потому, что потерял очень близких мне людей...

– О чем вы сожалеете?

(Долгая пауза.)

– Иногда я задаю себе вопрос: ради чего так много положено сил? Каждый раз, заканчивая расследование дела, я надеялся, что его история послужит уроком для общества. Расследуемые нами дела, как правило, освещались в средствах массовой информации. Но, оказалось, это были иллюзии. К сожалению, общество не становилось лучше. Часть населения, оказавшаяся у власти, от местного уровня до самого высокого, брала взятки, мошенничала, разворовывала бюджет... Другая часть возмущалась, но когда оказывалась у «корыта», старалась делать то же самое.

– Кто такой, по-вашему, «важняк», то есть следователь по особо важным делам?

– Это человек, обладающий ценнейшим опытом следственной работы. По едва заметному выражению лица, по жестам, по взгляду он может очень многое «прочитать» о человеке. А это весьма существенно при допросе. Во время допроса «важняк» выполняет колоссальную работу: анализирует поведение человека, его ответы, сравнивает их с той информацией, которой обладает, «перелистывает» архив, который держит в памяти, и анализирует, анализирует... Порой по ходу допроса он вынужден менять тактику, формулировать новые, не предусмотренные планом вопросы. Все это требует большого психологического напряжения. Я всегда себя ставил на место того, с кем работал. Думал за обвиняемого, пытавшегося уйти от ответственности, за его адвоката, изобретающего всевозможные уловки, за прокурора, который контролировал мою работу и придирился к каждой запятой,

за судью, которому предстояло оценивать собранные мною доказательства...

– *Этот опыт не мешает вам жить?*

– Наоборот, помогает. Я все так же оцениваю ответы моих собеседников не только по содержанию, но и по голосу, по интонации.

– *Без чего, на ваш взгляд, не может состояться следствие?*

– Он обязан быть порядочным человеком.

– *Самое трудное решение, которое вам приходилось принимать?*

– Решение об уходе с работы.

– Сколько вам было тогда?

– Сорок пять.

– Зрелый, прекрасный возраст! Почему же вы решили уйти?

– *Тогда многие хотели, чтобы следственные органы шагали в ногу с их видением проблем. Многим хотелось покомандовать.*

Генерал Евгений Ильченко ушел в отставку с должности начальника отдела по расследованию преступлений в сфере экономики, заместителя начальника Следственного Управления Генеральной прокуратуры РФ.

Используемые источники:

1. Хмелева А. В., Саньков В. И., Пядухов С. И. Следователь: призвание и судьба. Очерки о ветеранах под редакцией Н. И. Третьякова. – Воронеж: 2014. – 316 с.
2. Рева В. А. На перекрестках следствия, или Встречи с убийцами: сборник документальных рассказов – Липецк: Изд-во Липецкого государственного технического университета, 2016. – 133 с.
3. Громов С. М. Записки «важняка» – М.: Проспект, 2016. – 192 с.
4. Уваров Б. И. Катастрофа без тайн – Морской флот, 1989. – № 3–6.
5. Калиниченко В. И. Следствие как профессия. Книга вторая – М.: «Экзамен», 2015. – 351 с.
6. Яков Пистер. От подпаска до генерала. – М.: «Эдитус», 2017.

Наши авторы

Астафьев Тихон Данилович

Родился в 1925 г. в селе Тербуны Ливенского уезда Орловской губернии. Окончил юридическую школу, Всесоюзный заочный юридический институт (1955 г.).

Работал следователем прокуратуры районов Воронежа, следователем областной прокуратуры, начальником следственного отдела областной прокуратуры (1976–1979 гг.), заместителем прокурора Воронежской области.

Старший советник юстиции, заслуженный юрист РСФСР. Умер в 1998 г.

Громов Сергей Михайлович

Родился 20 сентября 1918 г. В 1941 г. окончил Московский юридический институт.

С июля 1940 г. по июль 1941 г. – народный следователь Овиднопольского района Одесской области; с июля 1941 г. по март 1946 г. – военный следователь стрелковых дивизий, военный прокурор стрелковых бригад; с марта 1946 г. по март 1977 г. – старший военный следователь, следователь по особо важным делам, помощник Главного военного прокурора Прокуратуры Союза ССР; с марта 1977 г. по январь 1992 г. – следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР; с марта 1992 г. по июнь 1996 г. – старший следователь, следователь по особо важным делам, прокурор отдела по надзору прокуратуры Московской области.

Государственный советник юстиции 3-го класса, заслуженный юрист РСФСР.

Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны II степени, двумя орденами «Знак Почета»; медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над

Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», многочисленными юбилейными медалями СССР, Российской Федерации, а также ГДР, ПНР и МНР, нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры».

Умер в 2008 г.

Ильченко Евгений Петрович

Родился 25 июля 1951 г. в городе Салавате, ныне Республика Башкортостан. Окончил Свердловский юридический институт, ныне Уральский государственный юридический университет. Распределившись в органы прокуратуры Республики Башкортостан, службу начал с должности следователя прокуратуры Бижбулякского района.

В 1972–1973 гг. служил в армии. По возвращении был назначен на должность следователя прокуратуры Стерлитамакского района. В 1975 г. был переведен на должность старшего следователя прокуратуры Башкирской АССР.

В январе 1981 г. был переведен на работу в аппарат прокуратуры РСФСР. На протяжении 1981–1992 гг. проходил службу в должностях следователя, старшего следователя по особо важным делам при Прокуроре РСФСР, а затем заместителя начальника следственной части Прокуратуры РСФСР.

В связи с реорганизацией органов прокуратуры в 1992 году был назначен на должность начальника отдела по расследованию хищений и должностных преступлений, затем начальника отдела по расследованию преступлений в сфере экономики, заместителем начальника следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (1992–1996).

Государственный советник юстиции 3-го класса, почетный работник прокуратуры, почетный работник следственных органов. Ветеран труда.

Кзаков Александр Иванович

Родился в 1949 г. С 1974 г. следователь прокуратуры учреждения ВВ-201, затем следователь по особо важным делам и прокурор-криминалист прокуратуры Пермской области.

Старший советник юстиции.

Калиниченко Владимир Иванович

Родился в 1947 г. В 1971 г. окончил Харьковский юридический институт.

Работал в должности следователя прокуратуры района, прокурора следственного отдела, прокурора-криминалиста прокуратуры Запорожской области. С 1980 года – следователь, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Уволился в связи с ликвидацией Прокуратуры СССР в 1992 году с должности первого заместителя начальника отдела оперативного реагирования Управления по расследованию дел особой важности.

Государственный советник юстиции 3-го класса.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «Ветеран Прокуратуры», «300 лет первой следственной канцелярии России», «За содействие», а также Знаком отличия «Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации».

Ладейщиков Владимир Федорович

Родился 9 июня 1925 г. в селе Уинское Пермской области. После окончания в 1960 г. Харьковского юридического института работал в различных должностях от следователя до

начальника отдела Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

Участник Великой Отечественной войны. Государственный советник юстиции 3-го класса, почетный работник прокуратуры.

Награжден орденами Отечественной войны II степени и Трудового Красного Знамени, орденом Почета, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945», а также «Ветеран прокуратуры».

Наместников Борис Петрович

Родился в 1933 г. в Псковской области. После службы в армии в 1957 г. поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова.

С 1962 по 1976 г. работал в органах прокуратуры Псковской области: стажером в прокуратуре Карамышевского района, помощником прокурора Псковского района, прокурором Печорского района, начальником следственного отдела прокуратуры области. С 1976 по 1979 г. – первый заместитель прокурора Тульской области. 6 июня 1979 г. назначен прокурором Пермской области. В 1982 г. – заместитель Прокурора РСФСР, начальник следственного управления, член коллегии. С 26 декабря 1985 г. по 22 октября 1993 г. – прокурор Московской области.

Государственный советник юстиции 2-го класса, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник прокуратуры.

Награжден орденом «Знак почета», пятью медалями, именным оружием.

Пистер Яков Яковлевич

Родился в 1941 г. Окончил юридический факультет МГУ в 1968 году.

Работал следователем прокуратуры Дубенского и Алексинского районов Тульской области, старшим следователем областной прокуратуры. В 1974 г. назначен на должность старшего помощника прокурора Тульской области по организации работы и контролю исполнения.

С апреля 1980 г. трудился в аппарате Прокуратуры РСФСР – прокурором, старшим прокурором организационно-методического отдела следственного управления, помощником Прокурора РСФСР по особым поручениям, начальником организационно-методического отдела, начальником отдела по делам несовершеннолетних.

В декабре 1996 г. назначен на должность начальника следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации. После реорганизации в 1997 г. – заместитель начальника Главного следственного управления Генеральной прокуратуры, начальник организационно-методического управления.

Государственный советник юстиции 3-го класса, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Рева Василий Александрович

Родился 14 января 1948 г. в Перми. В 1973 г. окончил юридический факультет Пермского государственного университета.

С 1969 по 1974 г. работал в должностях следователя прокуратур Оханского, Ильинского районов Пермской области, прокуратуры Дзержинского района г. Перми. С 1975 по 1976 г. работал в составе следственной группы прокуратуры Союза

ССР в Узбекской ССР. С 1976 по 1985 г. – старший следователь, прокурор-криминалист, начальник следственной части прокуратуры Пермской области. С 1985 по 1987 г. – старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР. С 1987 по 1989 г. – старший следователь прокуратуры города Одинцово Московской области. В 1989 г. – руководитель следственной группы прокуратуры Союза ССР в Армянской ССР. В 1990 г. – старший следователь прокуратуры Московской области, в 1991 г. – следователь по особо важным делам прокуратуры Союза ССР. С 1992 по 1995 г. работал начальником отдела Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Уваров Борис Иванович

Родился 1 апреля 1938 года в Тбилиси. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета.

Работал следователем, старшим следователем прокуратур ряда районов Архангельской и Липецкой областей, следователем, старшим следователем по особо важным делам при прокуроре РСФСР, старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Государственный советник юстиции 3-го класса, заслуженный юрист РСФСР, почетный работник прокуратуры.

Награжден медалью «Ветеран прокуратуры».

Фомичев Виктор Владимирович

Родился в 1948 году. В 1974 году окончил Пермский государственный университет и направлен по распределению

в Пермскую областную прокуратуру, где работал на должностях следователя прокуратуры района, прокурора отдела, прокурора-криминалиста, прокурора района.

В 1988 году переведен в аппарат прокуратуры РСФСР, где работал на должностях прокурора отдела, помощника Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям, заместителя начальника управления.

Государственный советник юстиции 3 класса, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Оглавление

С. М. Громов	7
Дело Королькова и Глебова	7
Счастливое самоубийство	43
Самозванцы	50
Простое убийство	58
Три убийства	67
Обманутый муж	79
Соучастники	84
Рискованное решение	88
Обратный рейс	92
Б. П. Наместников	96
Мелочей в следствии не бывает	96
В. Ф. Ладейщиков	110
Дело о Верочке	110
Я. Я. Пистер	118
Дело врача Абрамовича	118
«Дорогой учитель Мао...»	119
Мнимые хищения	123
Бег на месте	126
Обвинительный уклон нам не нужен	130
Следователь – вечный студент	132
В. А. Рева	135
Человек на своем месте	135
Банда	151
Чему быть суждено...	172

Одна командировка	180
Маска	194
«Кровавый» мальчик	207
Десять лет спустя	225
Восточная мозаика	246
«Не знаю зачем...»	276
В. И. Калинин	286
Места происшествий	286
Дела о технике безопасности	292
Б. И. Уваров	298
Катастрофа без тайн	298
В. В. Фомичев	336
Первое дело	336
А. И. Казаков	379
Отпечатки пальцев	379
Т. Д. Астафьев	387
Из книги воспоминаний о работе старшего следователя Б. В. Мосолова	387
И. В. Корольков	409
Интервью с Е. П. Ильченко	409
Используемые источники:	420
Наши авторы	421

Производство: PRINTLETO.RU
+ 7 (495) 728-20-39

Тираж 1500 экз. Формат 64x90/16
432 полосы. Бумага мелованная 130 г/м²
Заказ №
Москва – 2017 г.

PRINT LETO
КНИЖНАЯ ТИПОГРАФИЯ